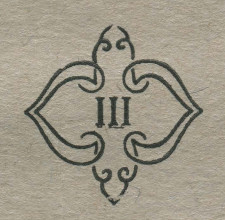
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

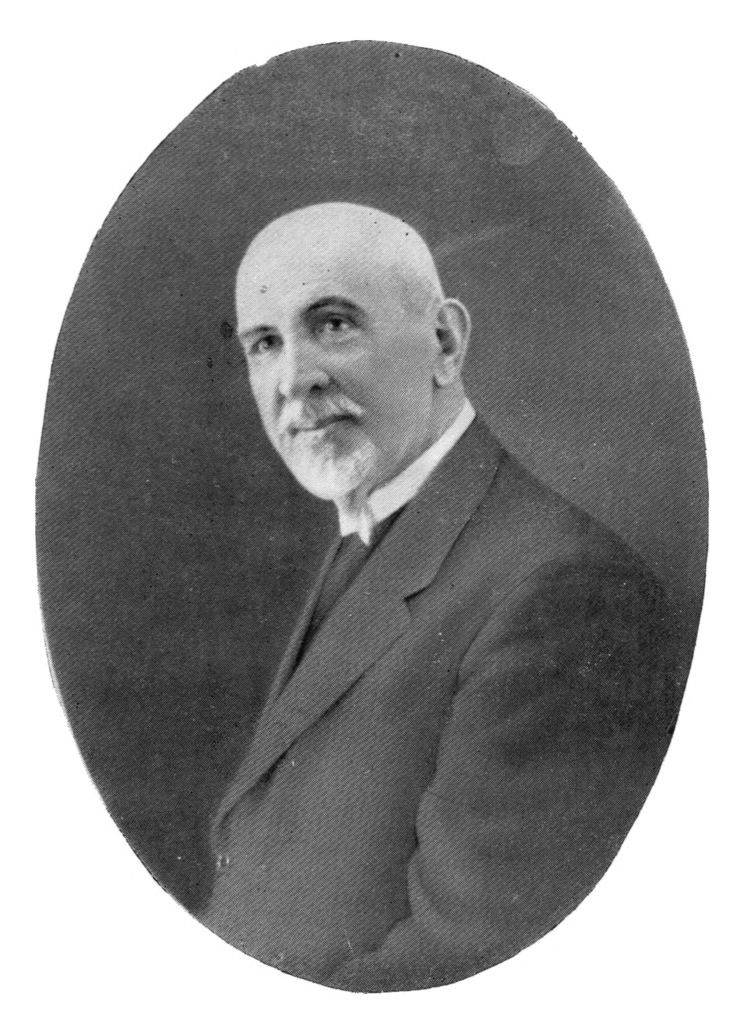
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник III

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Ответственные редакторы:
В. И. АВДИЕВ, Н. П. ШАСТИНА



В. С. ГОЛЕНИЩЕВ

В. В. СТРУВЕ

ЗНАЧЕНИЕ В. С. ГОЛЕНИЩЕВА ДЛЯ ЕГИПТОЛОГИИ

В. С. Голенищев был одним из тех немногих богатых людей, которые жили не бездумной жизнью, а создавали непреходящие ценности в области науки и культуры. Уже в отроческие годы у Владимира Семеновича появился интерес к древней культуре Египта, где ему было суждено провести много лет.

Содействовал этому влечению его домашний учитель [1], швейцарец по национальности, человек обширных знаний и страстно влюбленный в наследие древних культур, особенно в памятники Египта с их своеобразными письменами. Владимир Семенович Голенищев всегда с благодарностью вспоминал этого своего первого руководителя в мире науки, призывавшего его вступить на тернистый, но заманчивый путь изучения надписей, тайна которых была открыта великим французским ученым Шампольоном.

Увлеченный яркой культурой древнего народа долины Нила, В. С. Голенищев уже четырнадцатилетним мальчиком приобрел первый древнеегипетский памятник, положивший начало его всемирно известной коллекции предметов культуры древних народов Египта и других стран Ближнего Востока. Уже тогда он не довольствовался просто обладанием памятников, но стремился изучать их и расширять свои знания культуры Египта. Поэтому еще задолго до поступления в Петербургский университет В. С. Голенищев начал серьезно изучать письмо и язык древнего Египта.

Результатом этих упорных занятий было его первое исследование, завершенное в марте 1874 г. и напечатан-

[1] Я, к сожалению, забыл имя и фамилию гувернера В. С. Голенищева, о котором последний говорил с большой признательностью, когда вспоминал египтологические занятия своей юности.

ное в том же году в авторитетном специальном журнале Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde»[2].

В начале своего краткого исследования восемнадцатилетний адепт египтологии предложил для иероглифа «запад» чтение «satem» наряду с чтением «ament»[3]. Правда, это положение не удержалось в науке. Во второй части он вносит существенное дополнение в понимание социального термина ʿnḫ nw nỉwt[4]. Дело в том, что один из английских ученых интерпретировал его безоговорочно, как «the women», но юный русский египтолог установил, что термин был применен и по отношению к фигурам двух мужчин, изображенных на стеле.

В следующем, 1875 г., будучи уже студентом Восточного факультета Петербургского университета, В. С. Голенищев публикует в том же специальном журнале «Miscellanea» ряд интересных наблюдений по чтению и толкованию отдельных иероглифических знаков[5].

В том же году и в том же специальном журнале выдающийся немецкий египтолог А. Эрман, родившийся в 1854 г., напечатал свое первое исследование, посвященное установлению ранее не отмеченных в древнеегипетском языке форм двойственного числа[6]. Так Владимир Семенович впервые познакомился с исследовательской работой этого ученого, с которым он в дальнейшем неоднократно вступал в благородное соревнование в области изучения древнеегипетского языка, а также в интерпретации вновь издаваемых ценнейших памятников замечательной литературы одаренного народа долины Нила. В 1876 г. В. С. Голенищев опубликовал еще несколько мелких наблюдений над отдельными иероглифическими знаками[7], но главным событием в этом году для него было выступление на Международном конгрессе востоковедов в Петербурге. Это была вы-

---

[2] W. S. Golénischeff, *Über die Aussprache des Wortes* [hieroglyph] *und über das Wort* [hieroglyphs] — ZÄS, Bd 12, 1874, S. 35—36.

[3] Gardiner, Eg. Gr., p. 490.

[4] Я пользуюсь той транскрипцией египетских слов, которая принята теперь большинством египтологов.

[5] W. Golénischeff, *Miscellanea,* — ZÄS, Bd 13, 1875, S. 74—76.

[6] A. Erman, *Über eine dem Dualis eigenthümliche Form des Suffixes* [hieroglyph] Ibid., S. 76—77.

[7] W. Golénischeff, *Miscellanea II,* — ZÄS, Bd 14, 1876, S. 77—80.

сокая честь для двадцатилетнего юноши, студента II курса университета. Он выступил с докладом, посвященным содержанию папируса, открытого им в Эрмитаже и названного условно «Папирус № 1 Санкт-Петербурга». По мере дальнейшего изучения этой рукописи Владимир Семенович установил, что она состояла из двух самостоятельных папирусов, но тогда он видел в ней лишь один цельный манускрипт, содержащий в своей первой части какое-то поучение, а во второй части — исторический рассказ, относившийся к эпохе царя IV династии Снофру[8]. Вызывает восхищение то искусство, с которым юный египтолог сумел извлечь из фрагментированной иератической рукописи с потускневшими курсивными знаками любопытные и существенные для историка данные ее содержания.

Доклад имел на конгрессе большой успех, и студент II курса В. С. Голенищев обратил на себя внимание профессоров Восточного факультета. Особенно близок В. С. Голенищеву стал его руководитель знаменитый арабист В. Р. Розен, который видел в нем уже не студента, а самостоятельного исследователя. Под его руководством Владимир Семенович успешно занимался арабским языком, прекрасно понимая, какую огромную пользу во время его пребывания в Египте и в других арабских странах принесет ему знакомство с языком их населения. Пройдя строгую школу своего учителя, широко эрудированного востоковеда, Владимир Семенович постиг сложную и точную методику востоковедных филологических дисциплин и вместе с тем убедился в необходимости наряду с культурой специально изучаемой страны знакомиться и с культурой смежных с ней стран. Поэтому, увлеченный изучением письма, литературы и искусства Египта, В. С. Голенищев интересовался также и другими древневосточными культурами и в первую очередь великой вавилоно-ассирийской культурой, влияние которой в истории человечества было столь же действенным, как и влияние культуры Египта.

Владимир Семенович, будучи еще студентом, приступил к самостоятельному изучению вавилоно-ассирийской клинописи и уже в 1888 г. опубликовал первый выпуск своего труда «Опыт графически расположенного ассирийского словаря»[9]. К сожалению, решение других стоявших перед ним задач не дало ему возможности завершить начатый труд, но тем не менее Владимир Семенович будет жить в истории ассириологии

[8] Основные тезисы своего доклада В. С. Голенищев опубликовал в ZÄS, Bd 14, 1876, S. 107—111.

[9] В. С. Голенищев, *Опыт графически расположенного ассирийского словаря*, вып. I, СПб., 1888.

как исследователь, положивший начало созданию графически расположенного клинописного словаря, столь необходимого для изучения вавилоно-ассирийской письменности. Наряду с египтологическими штудиями Владимир Семенович занимался интерпретацией тридцати клинописных табличек, купленных им в середине восьмидесятых годов в Константинополе. Владимир Семенович приобрел их, доверяя своему умению отличать подлинные памятники от искусно изготовленных подделок. При изучении этих табличек он установил, что их письмо восходило к вавилоно-ассирийской клинописи, но вместе с тем имело такие палеографические особенности, которые создавали для фонетического определения знаков этого письма большие трудности. Для преодоления последних требовалось сравнительное изучение других известных тогда клинописных систем. Во время своего пребывания в Египте зимой 1888/89 г. Владимир Семенович заинтересовался только что найденными в Телль-эль-Амарне, столице царя Аменхотепа IV (Эхнатона), клинописными табличками, решив сравнить их письмо со своеобразным типом клинописных знаков «каппадокийских табличек» своего собрания. С этой целью он приобрел для своей коллекции две таблички, найденные в Телль-эль-Амарне, а несколько наиболее сохранившихся клинописных документов, попавших в Булакский музей, он тщательно скопировал. Впоследствии Владимир Семенович приобрел еще третью фрагментированную табличку из Телль-эль-Амарны.

При сопоставлении документов из Телль-эль-Амарны и «каппадокийских табличек» в палеографическом отношении сходства между ними не было обнаружено[10]. Глубокое и вдумчивое изучение Владимиром Семеновичем разнообразных клинописных систем ускорило завершение труда, посвященного изданию его «каппадокийских табличек». В декабре 1891 г. он опубликовал свою монографию, состоявшую из исследования и автографии тех 24 из 30 табличек, текст которых сохранился в более или менее удовлетворительном виде[11]. В связи с автографией таблички № 1 автором была дана и автография оттиска печати на ней. В самом исследовании Владимир Семенович установил список многочисленных соответствий между клинописными знаками «каппадокийских табличек» и знаками

[10] В. С. Голенищев, *Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888/89 г.*, — ЗВОРАО, т. V, вып. 1, 1890, стр. 5—8.

[11] Монография была издана литографским способом в Петербурге. К ней была приложена фотокопия оттиска печати на табличке № 1 (W. S. Golénischeff, *Vingt-quatre tablettes Cappadociennes de la collection W. Golénischeff*, SPb., 1891).

вавилоно-ассирийской клинописи. Он отметил также ряд ассирийских слов в тексте издаваемых им документов. Изображения на упомянутом выше оттиске печати были подвергнуты автором тщательному историко-художественному анализу [12].

Издание В. С. Голенищевым 24 клинописных табличек, происходивших из Каппадокии, вызвало громадный интерес в среде ассириологов и историков древнего Востока, так как раньше были известны лишь 4—5 экземпляров. Теперь же на основании издания Владимира Семеновича и при учете его наблюдения над письмом и языком этих текстов стало возможным появление прекрасной работы Fr. Delitzsch'a «Beiträge zur Entzifferung der kappadokischen Koilschrifttafeln» [13], доказавшей, что «каппадокийские таблички» являлись древнейшим памятником ассирийского языка и письменности.

В. С. Голенищев, обогативший ассириологию источниками для изучения ассирийского языка, в свою очередь использовал данные вавилоно-ассирийской грамматики при исследовании одной из глагольных форм египетского языка, так называемого псевдопартиципа [14]. Но он интересовался не только языком и письмом Ассирии и Вавилонии, но также и их историей. Так, в опубликованном им путеводителе по собранию ассирийских памятников Эрмитажа он описал плиты и их тексты, датируемые временем правления царей Ассурнасирпала III и Саргона II (в связи с изложением главнейших событий истории их царствований) [15].

В надписях обоих названных царей играла значительную роль борьба с северными соседями Ассирии: в надписях Ассурнасирпала III упоминались войны с правителями стран Наири, а в надписях Саргона II — войны против смежного со странами Наири царства Урарту [16]. Поскольку страны Наири и царство Урарту были близки к границам Российского государства, то вполне понятно, что русского ученого интересовала история северных соседей Ассирии и в особенности Урартской державы. С письмом Урарту, восходящим к ассирийской клинописи, В. С. Голенищев был знаком давно, и, овладев достижениями

[12] Ibid., p. 40—44.

[13] Опубликовано в «Abhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Leipzig, 1892, Bd XVI, B.

[14] W. S. Golénischeff, *Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne*, — Rec. Champollion (далее — W. S. Golénischeff, *Remarques*).— Более подробно об этом буду говорить, когда коснусь исследований В. С. Голенищева в области египетского языка.

[15] В. С. Голенищев, *Описание ассирийских памятников Эрмитажа*, СПб., 1897, стр. 3 и сл., 28 и сл.

[16] Там же, стр. 6, 29—30.

М. В. Никольского в интерпретации урартских надписей, он мог внести свой вклад в урартоведение изданием, переводом и комментарием надписи царя Русы II, раскопанной в 1901 г. вблизи Эчмиадзинского монастыря [17].

Работая над «каппадокийскими табличками», ассирийскими и урартскими надписями, Владимир Семенович обратил внимание и на известную печать царя Таркудиму [18] с начертанными на ней клинописной легендой и несколькими хеттскими иероглифами [19]. В. С. Голенищев изучал не только клинописные и иероглифические надписи древней Передней Азии, но также и надписи, нанесенные семитическим алфавитом. Он не оставил без внимания нацарапанные в двух местах на скалах среди пустыни несколько химьяритских (савейских) слов [20]. Учитывая редкость встречающихся в Египте савейских надписей, Владимир Семенович посвятил специальное исследование изданию, переводу и комментарию довольно длинной савейской надписи, вырезанной на деревянном саркофаге, хранившемся в Гизэском музее близ Каира. Надпись, датируемая Птолемеевским периодом, интересна упоминанием в ней бога Сараписа [21].

Нельзя не отметить хорошее знание Владимиром Семеновичем трудов арабских географов, что ему принесло большую пользу во время его многолетнего пребывания в Египте и других странах Ближнего Востока. Рано приобретенные обширные знания в этой области побудили В. В. Стасова в 1881 г. просить молодого востоковеда прочесть его доклад о «русах», упоминаемых Ибн Фадланом и другими арабскими авторами, на V международном конгрессе востоковедов, на который В. В. Стасов прибыть не мог [22].

Широкие знания В. С. Голенищева в области древних языков и культур Ближнего Востока в связи с приобретенной уже в юношеские годы замечательной эрудицией во всех дисципли-

---

[17] В. С. Голенищев, *Надпись Древневанского царя Русы II*,—ЗВОРАО, т. XIII, 1900, стр. 086—092.

[18] О печати Таркудиму см. Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, Л., 1935, стр. 29.

[19] W. S. Golénischeff, *Le cachet bilingue du roi Tarkûtimme*, — PSBA, 1887, Mai.

[20] В. С. Голенищев, *Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат*, — ЗВОРАО, т. II, вып. 1—2, 1887, стр. 65—79, табл. 1.

[21] В. С. Голенищев, *Египто-савейский саркофаг в Гизэском музее*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1893—1894, стр. 219—221. — К статье приложены тщательная автография надписи и фотография саркофага.

[22] W S. Golénischeff, *Court résumé de la notice de Mr. W. Stassoff intitulée* «Remarques sur les „Rous" d'Ibn Fadhlân et d'autres auteurs arabes» (texte russe),—«Verhandlungen des fünften internationalen Orientalisten-Congresses», Teil II, Haft I, Berlin, 1882.

нах египтологии, а также непревзойденное искусство отличать подлинные предметы от подделок [23] помогли ему создать свое знаменитое собрание египетских и других древневосточных памятников. Следующими словами Б. А. Тураев дает оценку собрания В. С. Голенищева в связи с приобретением ее русским правительством в 1909 г.: «Отрадным предвестником более благоприятного будущего для изучения Древнего Востока у нас было приобретение весной 1909 г. в государственную собственность для Московского Музея Изящных Искусств первоклассной коллекции В. С. Голенищева. Этим просвещенным актом сохранен был для России и будущих русских исследователей богатейший научный материал, и Москва была приравнена к центрам, обладающим крупными собраниями египетских и других древневосточных памятников» [24].

Голенищевское собрание включает такие ценные памятники, как упомянутые выше «каппадокийские таблички», три таблички из Телль-эль-Амарны, уникальные предметы финикийской древности [25], арамейские остраконы из Элефантины [26], столь редкие папирусы с еврейским текстом [27], греческие надписи из Египта [28], греческие литературные [29] и деловые папирусы [30],

[23] История знает много примеров, когда опытные ученые принимали фальшивки за подлинные памятники.

[24] Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 5.

[25] Например, изображение лодки с лежащей в ней человеческой фигурой. См. Б. А. Тураев, *Предметы финикийского происхождения № 4221, 4223 и 4224 Голенищевского собрания*,— «Памятники Музея изящных искусств им. имп. Александра III в Москве», вып. 4, М., 1913, стр. 125—128 (далее — «Памятники...»).

[26] В. С. Голенищев был одним из первых ученых, который обратил внимание на памятники письменности, таящиеся в почве острова Элефантины. Зимой 1888/89 г. он приобрел два глиняных черепка с начертанными на них арамейскими надписями (В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 1—30).

[27] См. там же, стр. 2, прим. 2, табл. I, № 4.— А. Я. Гаркави, которому передал Владимир Семенович фрагмент еврейского папируса, посвятил ему исследование «О фрагменте еврейского папируса из собрания В. С. Голенищева»,— ЗВОРАО, т. V, вып. 1, 1880, стр. 31 и сл.

[28] См. Е. М. Придик, *Греческие надписи из коллекции В. С. Голенищева*, — ЖМНП, 1908, январь.

[29] *«Papyri russischer und georgischer Sammlungen herausgegeben von Gregor Zereteli»*, Bd I, Literarische Texte bearbeitet von G. Zereteli und O. Krüger, Tiflis, 1925, N 4.— Многочисленные фрагменты 17-й песни Илиады; № 18 — Vita Aesopi (текст, обративший на себя всеобщее внимание); № 19 — 60 строк фармакологической энциклопедии; № 20 — фрагмент учебника по лечению глаз; № 21 — довольно значительный обрывок медицинского трактата. Последние три текста стали предметом специальных исследований А. Г. Бекштрёма.

[30] *«Papyri russischer und georgischer Sammlungen herausgegeben von Gregor Zereteli»*, Bd II, Ptolemäische und frührömische Texte bearbeitet von Otto Krü-

пехлевийские и арабские документы[31], коптские литературные[32] и деловые тексты[33].

В основу Голенищевской коллекции легло богатейшее собрание памятников древнеегипетской культуры, многие из которых имеют громадную познавательную ценность. Хотя научный интерес Владимира Семеновича тяготел преимущественно к памятникам письменности, тем не менее он, не жалея средств и труда, обогащал свою египтологическую коллекцию собиранием первоклассных вещественных памятников, из которых многие свидетельствовали о творческой силе изобразительного искусства народа долины Нила. О значимости предметов египетского собрания В. С. Голенищева для изучения материальной культуры и искусства различных эпох истории древнего Египта свидетельствуют исследования Б. А. Тураева[34], В. К. Мальмберга[35], М. И. Ростовцева[36], Б. В. Фармаковского[37], М. Э. Ма-

---

ger, Tiflis, 1929; № 9 (S. 24); № 10 (S. 26); № 12 (S. 42); № 21 (S. 132); № 26 (S. 144); № 27 (S. 149); № 28 (S. 151); № 30 (S. 157); № 38 (S. 181); № 41 (S. 188).

[31] Надлежит обратить внимание на три папируса-документа на персидском языке (пехлеви) из времени нашествия персов в 619 г. (№ 4627, 4629, 4630), см. «Музей изящных искусств им. имп. Александра III в Москве. Краткий иллюстрированный путеводитель», ч. I, М., 1912, стр. 47 (далее — «Путеводитель...»).

[32] В Ахмиме В. С. Голенищев приобрел пергаментные листы с коптскими текстами, содержащими, между прочим, отрывки из Евангелия Марка и из посланий апостола Павла (В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 15). Прекрасный образец коптского текста на пергаменте издал О. Э. Лемм. См. О. Э. Лемм, *Отрывок из послания апостола Иакова на коптском языке. Из собрания В. С. Голенищева, № 4786*, — «Памятники...», вып. 1—2, М., 1912, стр. 59.

[33] Документы и письма на коптском языке бывшего Голенищевского собрания готовятся к изданию П. В. Ернштедтом.

[34] Б. А. Тураев, *«Доисторическое» блюдо Голенищевского собрания, № 2947*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 19—20; *Дверцы Наоса с молитвами богине Тауэрт, № 3914 Голенищевского собрания*, — там же, вып. 3, М., 1913, стр. 73—80.

[35] В. К. Мальмберг, *Мужская статуэтка эпохи Среднего царства. Из собрания В. С. Голенищева, № 3571*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 37—41; *Купальщица и купальщик. Из собрания В. Г. Голенищева, № 1032 и № 3250*, — там же, стр. 41—45; *Женская статуэтка поздней эпохи. Из собрания В. С. Голенищева, № 1057*, —там же, вып. 3, стр. 81—85.

[36] М. И. Ростовцев, *Александрийская эллинистическая ваза. Из собрания В. С. Голенищева, № 4346*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 61—67; *Расписная стела из Александрии. Из собрания В. С. Голенищева, № 3363*, — там же, стр. 69—72.

[37] Б. В. Фармаковский. *Портрет из Фаюма. Из собрания В. С. Голенищева, № 4290*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 49—58.

тье[38], В. В. Павлова[39] и других. Вместе с тем можно без колебаний признать, что наиболее ценной частью сокровищницы Голенищевского собрания являются памятники письменности древнего Египта, которые могли бы служить украшением даже сказочно богатого Каирского музея.

Это объясняется страстным увлечением Владимира Семеновича многоликим письмом древнего Египта: четкими образами иероглифов, вырезанными на камне, смутными отображениями их иератическими знаками на папирусе и, наконец, лишенным какой-либо образности причудливым демотическим курсивом.

Особого внимания среди образцов египетской письменности в собрании В. С. Голенищева заслуживает папирус, сохранивший на 20 столбцах тщательного иератического письма конца Среднего царства 10 гимнов, которые пелись в храме бога Собка в Крокодилополисе, главном городе Фаюмского оазиса, при возложении на чело бога его царских диадем.

Текст замечателен своей древностью, так как составление его относится ко времени, предшествующему классическому периоду Среднего царства. Для исследователя он представляет интерес и с точки зрения языка и как литературный памятник[40].

Пожалуй, самым ценным из памятников египетской письменности, хранящимся вместе с другими предметами Голенищевской коллекции в Московском музее изобразительных искусств, является папирус, повествующий о злоключениях в стране филистимлян, в Финикии и в стране Араса современника последнего Рамессида, служащего храма Амона Карнакского Уну-Амона, посланного за строевым лесом Ливана для священной ладьи Амона. Папирус, проливающий свет на период XI в. до н. э.

[38] М. Э. Матье, *Искусство Среднего царства*, — «История искусства Древнего Востока», т. I, вып. 2, Л., 1941; *Искусство Нового царства XVI—XV вв. до н. э.*,— «История искусства Дальнего Востока», т. I, вып. 3, Л., 1947.

[39] В. В. Павлов, *Очерки по искусству древнего Египта*, М., 1936; *Египетская скульптура в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина*, М., 1949.

[40] В. С. Голенищев, побуждаемый подлинной любовью к науке, передал папирус для издания А. Эрману, который заинтересовался его содержанием. Владимир Семенович, всегда признававший авторитет этого выдающегося немецкого ученого, знал, что он доверяет издание папируса надежным рукам: сам он был поглощен тогда (в первом десятилетии XX в.) работой над исследованием, посвященным сказке о потерпевших кораблекрушение. А. Эрман опубликовал исследование о папирусе, переданном ему Голенищевым, в специальной работе. См. Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, М., 1920, стр. 41 и сл.

в истории Ближнего Востока, обратил на себя общее внимание после издания и перевода его В. С. Голенищевым[41]. Он давал конкретное представление об ослаблении былой мощи египетской державы и о полной самостоятельности царьков филистимлянских и финикийских городов-государств.

Подробности повествования Уну-Амона о его приключениях на «великом Сирийском море» и в городах побережья были использованы и продолжают использоваться в работах, связанных с историей и культурой древних обществ Ближнего Востока.

Советским египтологам надлежит подготовить издание отчета Уну-Амона о его путешествии в Финикию, сопроводив текст всесторонним историческим и филологическим комментарием.

Наряду с памятниками литературы древнего Египта внимание Владимира Семеновича привлекали также и папирусы, в которых писцы долины Нила увековечили научные знания своего времени. Ему посчастливилось приобрести папирусный свиток, сохранивший почти полностью образец созданной в эпоху Нового царства своеобразной энциклопедии в виде словника. Этот документ должен был помочь понять даже неспециалисту все, что «создал Птах и написал Тот». До этого было известно лишь начало этой энциклопедии-словника, засвидетельствованное в так называемом папирусе Hood Британского музея, который был издан Г. Масперо в 1888 г.[42].

Другим текстом научного содержания в Голенищевской кол-

[41] В. С. Голенищев познакомил научный мир с папирусом Уну-Амона в 1897 г. в специальном исследовании. См. В. С. Голенищев, *Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию*, — «Сборник в честь В. Р. Розена», СПб., 1897, стр. 45—52, табл. 1—2. — Здесь автор, кроме кратких сведений о приобретении папируса и суммарной характеристики его содержания, представил по возможности точный перевод рукописи. К исследованию были приложены фототипия 21 строки 1-го столбца папируса и иероглифическая транскрипция этого иератического текста. Через два года — в 1899 г. — он издал новое исследование, посвященное папирусу. См. W. S. Golénischeff, *Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff, contenant la description du voyage de l'egyptien Ounou-Amon en Phénicie*, — RT, t. 21, 1899, p. 74—102.

[42] В. С. Голенищев использовал данные энциклопедии-словника своего собрания. См. W. S. Golénischeff, *Offener Brief an Herrn Professor G. Steindorff*, — ZÄS, Bd 40, 1902—1903, S. 101—106. В 1904 г. Владимир Семенович передал папирус для издания своему другу А. Гардинеру, который в то время изучал экземпляр энциклопедии-словника, восходящего к Среднему царству. Голенищевский папирус является одним из основных источников, на материале которых этот английский ученый создал свой грандиозный труд. См. A. H. Gardiner, *Ancient Egyptian Onomastica*, vol. I—II, Oxford, 1947.

лекции был довольно длинный, но очень узкий папирус, содержащий ряд математических задач, приобретенный Владимиром Семеновичем зимой 1888/89 г. в Луксоре [43]. Хотя он значительно меньших размеров, нежели папирус Rhind Британского музея, но по своему значению для истории математики обе рукописи, пожалуй, равноценны [44]. Среди математических задач московского папируса имеется сложная задача на измерение объема усеченной пирамиды [45], а может быть, даже и задача на измерение поверхности полушария [46].

К научной письменности древнего Египта можно причислить поучения мудрецов; в Голенищевской коллекции имеется одно весьма любопытное произведение подобного рода, которое еще ждет своего издания. К поучениям примыкают собрания «изречений» древних мудрецов, и заголовки двух таких собраний сохранились в Московском музее изобразительных искусств [47].

Не забывал Владимир Семенович и богатую религиозную и заупокойную литературу, созданную в Египте. Зимой 1888/89 г. он приобрел в Луксоре фрагменты папируса, на котором был написан иероглифическим шрифтом довольно древнего характера религиозный текст, не похожий на тексты, вошедшие в состав «Книги мертвых» [48]. В Голенищевской коллекции представлены и поздние заупокойные папирусы иероглифического письма [49], изучавшиеся Б. А. Тураевым. С заупокойным культом, возможно, связан и изданный Б. А. Тураевым иератический текст первой половины Нового царства, начертанный на глиняном блюде [50]. Содержанием текста является пись-

---

[43] См. В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 18.

[44] А. де Бук указывает из математических папирусов на папирус Rhind и на наш московский папирус, о котором он замечает следующее: «Ce dernier surtout témoigne du niveau élevé auquel avaient atteint les Egyptiens de sorte qu'on peut certainement ajouter foi aux Grecs quand'ils affirment, que dans ce domaine ils ont beaucoup emprunté aux Egyptiens», — A. de Buck, *Grammaire élémentaire du Moyen Egyptien*, Leiden, 1952, p. 142. Этой справкой я обязан неизменной любезности И. Г. Лившица, за что и приношу ему мою глубокую благодарность.

[45] Задача № 14 папируса.

[46] Так я интерпретирую задачу № 10 в моем издании Московского математического папируса. См. W. W. Struve, *Mathematischer Papyrus des staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau*, Berlin, 1930, S. 157. Несмотря на многочисленные возражения против моей интерпретации, я продолжаю ее считать правильной.

[47] Б. А. Тураев, *Два новых литературных имени эпохи Среднего царства*, — Изв. АН, серия VI, Пг., 1916, январь, стр. 17.

[48] В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 15.

[49] «Памятники...», вып. 1—2, стр. 23—30.

[50] Там же, стр. 21.

мо, относящееся, может быть, к числу тех столь характерных для мировоззрения древних египтян писем, которые были адресованы не живому лицу, а лицу, пребывавшему уже в царстве мертвых [51].

Владимир Семенович собирал не только записанные на папирусах заупокойные тексты, но также и надписи на камне, дереве и фаянсе. В его коллекции хранятся обломок текстов пирамид, камни с надписями и рельефами из гробниц вельмож Древнего царства [52], так называемые ушебти с различными вариантами текстов, начертанными на них [53], а также многочисленные каменные стелы, посвященные заупокойному культу не только людей, но и животных [54].

Среди саркофагов Голенищевской коллекции надлежит отметить приобретенные в Ахмиме раскрашенные деревянные доски от четырехугольных саркофагов начала Среднего царства со своеобразными иероглифами их надписей [55]. Среди эпиграфических памятников иного рода имеются в собрании Владимира Семеновича такие любопытные для историка предметы, как священный лук из черного суданского дерева, который принадлежал, согласно начертанной на нем надписи, царевичу Амени и его потомству при служении богу Мину [56], и бронзовый наконечник копья с надписью, свидетельствующей о том, что это трофей царя Яхмоса I, добытый им «во время его побед на Востоке» [57].

Я, конечно, не имею возможности перечислить все многочисленные памятники письменности, собранные в коллекции В. С. Голенищева, но мне хотелось бы отметить из нелитературных папирусов еще три прекрасно сохранившихся демотических документа, датируемых Птолемеевской эпохой. Они входили когда-то в большой архив широко разветвленной жреческой семьи, владевшей в Фивах домами и другим имуществом.

---

[51] A. H. Gardiner, K. Sethe, *Egyptian letters to the Dead mainly from Old and Middle Kingdoms*, London, 1928, p. 27—28. — Поскольку оба названных ученых не были уверены в принадлежности Голенищевского текста к письмам, адресованным мертвому, они включили его лишь в «appendix» к своей монографии.

[52] См. «Путеводитель...», ч. I, стр. 12—13.

[53] Б. А. Тураев, *К форме статуэток «ушебти»*, — Изв. АН, серия VI, Пг., 1916, январь, стр. 19 и сл.

[54] См., например, Б. А. Тураев, *Надпись римского времени о священном быке*, № 5863 Голенищевского собрания, — «Памятники...», вып. 4, стр. 119—123.

[55] В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 14—15.

[56] Там же, стр. 17—18.

[57] Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, стр. 259.

Содержание папирусов содействует изучению других документов этого архива, разбросанных по разным музеям Европы и Америки [58]. Следует отметить, что коллекционерский труд Владимира Семеновича характерен стремлением к поискам таких памятников, которые могли бы содействовать успешному изучению текстов других музеев и собраний. Так, он не пожалел средств на приобретение фрагментов папируса, содержавшего известный рассказ египтянина Синухета, хотя эти обрывки первых четырех столбцов иератической рукописи имели ценность не столько для его собрания, сколько для Берлинского музея, в котором хранились основные рукописи, содержащие повествование Синухета [59].

Особенно Владимир Семенович стремился обогатить свою коллекцию списками тех литературных памятников Египта, которые были им установлены во время его работ в Эрмитаже. Выше мы видели, что он, будучи почти мальчиком, стал изучать предметы египетского собрания названного музея, а двадцатилетним юношей открыл здесь в 1876 г. иератическую рукопись, названную им «папирус № 1 Санкт-Петербурга». Рукопись была воспринята В. С. Голенищевым как единый папирусный свиток, содержавший два литературных произведения, из которых первое было каким-то поучением, а второе — историческим рассказом времени царя Снофру. Впоследствии Владимир Семенович установил, что рукопись состояла из двух самостоятельных папирусов, которые, согласно проведенной им нумерации египетских предметов Эрмитажного собрания, получили наименования: папирус 1116 А и папирус 1116 В. Путем дальнейшего изучения папируса 1116 А он определил текст его на лицевой стороне как поучение одного из царей X Гераклеопольской династии своему сыну Мерикарэ, датируемое примерно серединой XXI в. до н. э. Царское поучение времени X династии ценно благодаря обилию содержащихся в нем дан-

[58] В. В. Струве, *Три демотических папируса Московского музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, связанные с документами фиванской жреческой семьи от конца IV в. по начало III в. до н. э.*, — «Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов», М., 1954; *Значение некоторых из демотических папирусов Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина для истории и культуры Птолемеевского Египта*, — «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме», М., 1955.

[59] Б. А. Тураев, *Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий*, — «Культурно-исторические памятники Древнего Востока», вып. 3, М., 1915, стр. 7. — Здесь на цветной таблице к стр. 1 дана репродукция первого фрагмента папируса № 4657 ГМИИ, содержащего начало рассказа Синухета.

ных для истории египетского общества, его структуры, религиозного мировоззрения, быта и т. д., но, к сожалению, папирус 1116 А Эрмитажа плохо сохранился и, кроме того, является не вполне безупречной копией древнего текста, относящейся к первой половине XV в. до н. э. Поэтому Владимир Семенович, изучавший этот текст, неутомимо искал во время своих многократных путешествий по Египту другую копию поучения царевичу Мерикарэ, и наконец ему удалось приобрести в Луксоре фрагменты второго списка текста папируса 1116 А. Сопоставляя имевшиеся в его распоряжении копии поучения гераклеопольского царя, Владимир Семенович мог приступить к первому опыту критического издания этого замечательного памятника литературы древнего Египта [60].

Этим изданием русский египтолог подарил науке одно из самых содержательных произведений древнеегипетской письменности. Можно смело заявить, что из всех известных нам египтологов В. С. Голенищев сделал наибольший вклад в историю культуры древнего Египта, открыв новые, до того неизвестные памятники литературы и письменности. Он их находил и во время работы над предметами египетского собрания Эрмитажа, и во время своих многолетних странствований по городам, деревням и пустыням Египта. О многих блестящих открытиях Владимира Семеновича я уже говорил, но предстоит упомянуть еще о ряде других, не менее важных открытий, встреченных с благодарностью всеми изучающими творения сказителей и писцов древнего Египта.

Одно из подобных открытий Владимир Семенович сделал, когда он установил в «папирусе № 1 Санкт-Петербурга» наряду с дидактическим произведением исторический рассказ, относившийся к эпохе царя Снофру. Тщательно исследуя текст папируса № 1116 В, В. С. Голенищев уточнил его содержание и определил его как первый образец до того неизвестной нам пророческой литературы Египта: мудрец при дворе царя IV династии предсказывает Египту грядущие беды, завершающиеся пришествием мессии — царя-спасителя. В 1913 г. Владимир Семенович опубликовал критическое издание литературного памятника, увековеченного папирусом № 1116 В, используя для этого все ставшие к тому времени известными списки этого текста [61].

---

[60] W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques Nos. 1115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage Impérial à St. Pétersbourg*, SPb., 1913 (далее — W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques)*.

[61] W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques*, p. 6—8. — Здесь дается также пересказ содержания папируса, а на таблицах XXIII—XXV —

Продолжая работать в Эрмитаже, В. С. Голенищев в 1881 г. открыл на прекрасно сохранившемся папирусе Среднего царства одну из самых увлекательных сказок, созданных в глубокой древности творчеством народа долины Нила. Владимир Семенович в короткий срок интерпретировал содержание папируса и в том же году выступил на Международном конгрессе востоковедов в Берлине с докладом, посвященным переводу и историко-литературному анализу открытой им сказки, в которой ее герой в первом лице повествовал о своих необычайных приключениях на острове южного моря, где он нашел убежище, потерпев кораблекрушение[62]. Эта сказка, убедительно развивавшая невероятную фабулу, была встречена с большим интересом[63], и папирус, получивший впоследствии № 1115 Эрмитажа, стал предметом исследования самого В. С. Голенищева, а также других египтологов[64].

Будучи египтологом, В. С. Голенищев не мог не интересоваться религиозными и заупокойными текстами, которыми столь изобилует письменность древнего Египта. Так, второй по времени работой восемнадцатилетнего египтолога было издание более ранней редакции 108-й главы «Книги Мертвых», которая была записана иератическим шрифтом на стенах деревянного саркофага Среднего царства из Эрмитажного собрания. Он снабжает издание текста иероглифической транскрипцией и содержательным комментарием[65]. Владимир Семенович Голенищев по существу стал одним из основоположников изучения текстов саркофагов. Еще в годы своей молодости он обратил внимание специалистов на экземпляр «Книги Мертвых», снимок с которого был прислан из Афин Русскому археологическому обществу[66], а впоследствии он издал 18 папирусов ре-

---

фототипии столбцов папируса с приложенной к ним иероглифической транскрипцией. На дополнительных таблицах С (нижняя часть) даны списки пророческого текста, хранящиеся в других музеях и собраниях, причем текст списка Каирского музея (№ 25224) сопоставлен с соответствующими строками папируса № 1116 В. О значении этого интереснейшего текста, подаренного науке В. С. Голенищевым, см. В. В. Струве, *Папирус № 1116B recto и пророческая литература древнего Египта*, — ЗКВ, I, Л., 1925, стр. 209—227.

[62] W. S. Golénischeff, *Sur un ancien conte égyptien. Notice lue au Congrès des Orientalistes à Berlin par W. Golénischeff*, Berlin, 1881, p. 3—21.

[63] В. С. Голенищев посвятил сказке о потерпевшем кораблекрушение статью в февральском выпуске «Вестника Европы» за 1882 г.

[64] Я перечислю их, когда буду говорить об исследовательской деятельности В. С. Голенищева.

[65] ZÄS, Bd 12, 1874, S. 83.

[66] В. С. Голенищев. *Об экземпляре. «Книги Мертвых» Гор-а сына Нес-па-һер-ан-а и Та-һап-ы*, — ИРАО, т. IX, вып. 5, 1880, стр. 527—531.

лигиозного содержания из собрания Каирского музея [67], причем некоторые из них являлись уникальными [68].

Хотя счетные документы и не входят в категорию литературы, но Владимир Семенович издал два подобных документа Эрмитажного музея, поскольку они были записаны на одной стороне папирусов № 1116 А и № 1116 В, на оборотной стороне которых были начертаны царское поучение Гераклеопольской династии и пророчества, вложенные в уста мудреца времени царя Снофру [69].

Эти документы сообщали историку ряд весьма существенных данных: о многолетнем соправительстве Тутмоса III и сына его Аменхотепа II, о длительном пребывании в столице египетской державы послов городов-государств Сирии и о той большой роли, которую играл «дом почитательницы Амона» уже при Тутмосе III, а не только во время ливийского периода истории Египта [70].

К вопросам же истории Египта Владимир Семенович всегда относился с большим вниманием и стремился расширить наши знания письменности Египта не только в области литературы и науки неизвестными ранее папирусами, но приложил также немало труда, чтобы увеличить число тех эпиграфических памятников, которые могли бы оказать помощь историку. С этой целью зимой 1884/85 г. он совершил экспедицию из города Куфта (древнего Копта) в аравийскую пустыню, чтобы посетить долину Уади Хаммамат с ее эпиграфическими сокровищами. Здесь он проверил правильность чтения уже изданных Лепсиусом эпиграфических памятников и открыл новые, не отмеченные его предшественником [71]. Лишь благодаря интерпретации Владимиром Семеновичем нескольких крупных надписей Уади Хаммамата стало возможным окончательное использование этих важных источников [72]. Результаты обследования эпиграфических памятников Уади Хаммамата легли в основу опубликованного в 1912 г. исчерпывающего издания иероглифиче-

---

[67] W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques*, Fasc. I, Le Caire, 1921,— CGC, N 58001—58036.

[68] Ibid., N 58024—58026.

[69] Счетный документ на папирусе № 1116 А, — W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques, pl. XV—XXII.* Счетный документ на папирусе № 1116 В (Ibid., pl. XXVI—XXVIII). Характеристика содержания первого и второго дана во введении — Ibid., p. 4—8.

[70] W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques*, p. 3, 5, 8.

[71] В. С. Голенищев, *Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат*, — ЗВОРАО, т. II, СПб., 1887, стр. 65—79 с приложением 18 таблиц. На табл. II—III и V помещены надписи, не попавшие в издание Лепсиуса.

[72] Там же, стр. 73 и сл.

ских и иератических надписей названной местности в аравийской пустыне [73].

В 1889 г. В. С. Голенищев откопал на холме к юго-востоку от Телль-эль-Масхута огромный гранитный обломок, содержавший на одной сглаженной стороне часть иероглифического текста большой надписи царя Дария I. Позже были найдены еще пять других фрагментов иероглифического текста большой надписи Дария I. Дополнительно были найдены еще пять других фрагментов с иероглифическими надписями, и все эти обломки составляли часть колоссальных размеров гранитной плиты вышиной около трех метров, шириной около двух метров и толщиной приблизительно $^{3}/_{4}$ метра [74]. Эта гигантская стела, воздвигнутая Дарием I, является памятником, параллельным другой стеле Дария I, таких же грандиозных размеров, найденной в 1866 г. недалеко от Шалуфа. Разница между ними в том, что стела из Шалуфа была покрыта письменами с обеих сторон: на лицевой строне клинописными надписями, а на оборотной стороне сильно фрагментированной иероглифической надписью. Уже в 1869 г. была издана древнеперсидская клинописная надпись, сообщавшая о работах, предпринятых по приказу Дария для расчищения канала между Нилом и Красным морем [75]. Стела из Телль-эль-Масхута, лишенная клинописных надписей [76], дает зато более значительный иероглифический текст, нежели текст на оборотной стороне стелы из Шалуфа [77]. Ряд моментов в надписи стелы Дария, раскопанной

[73] J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammamât,— MIFAO*, t. XXXIV, Le Gaire, 1912 (далее — J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions...)*.

[74] В. С. Голенищев, *Археологические результаты...*, стр. 25 и сл. W. S. Golénischeff, *Stèle de Darius aux environs de Tell el-Maskhoutah,*— RT, t. 13, 1890, p. 99—109, pl. 8. — Здесь Владимир Семенович дал текст стелы, перевод и комментарий. По словам В. С. Голенищева, место раскопок ему указал французский инженер Jaillon, служивший у Лессепса во время сооружения Суэцкого канала.

[75] F. H. Weisbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden*, Leipzig, 1911, S. 21—22, 102.

[76] Во время раскопок стелы из Телль-эль-Масхута был найден небольшой обломок с несколькими персидскими клинописными знаками, но он принадлежал, очевидно, другой стеле, на которой Дарий велел увековечить клинописные надписи, — RT, т. 13, 1890, p. 101.

[77] Правда, в 1911—1912 гг. были произведены новые раскопки на месте находки стелы из Шалуфа, которые дали около 30 обломков иероглифических надписей. Используя их в своей монографии, Г. Позенер проделал большую работу по восстановлению иероглифической надписи стелы. Но сам автор на основании некоторых данных допускает возможность, что не все из найденных в 1911—1912 гг. обломков с иероглифическими знаками относятся к памятнику, раскопанному в 1866 г., и он поэтому признает, что предложенное им восстановление иероглифической надписи яв-

Владимиром Семеновичем, вызывает интерес историка: двукратное упоминание Кира без предшествующего имени царского титула и неоднократное упоминание имени чужеземной страны š;b;t, которую В. С. Голенищев отождествлял со страной Савеев в Аравии [78]. Основное же значение открытой Владимиром Семеновичем стелы из Телль-эль-Масхута состоит в том, что она дала возможность восстановить иероглифические надписи стел Дария I [79], воздвигнутых им вдоль берегов прорытого по его повелению канала, который соединял Нил с морем Персии [80]. Следующим большим успехом Владимира Семеновича в области эпиграфики древнего Египта было открытие им надписи на скале над гротом Стабль Антара (Speos Artemidos) [81]. Выдающийся немецкий египтолог Г. Бругш дал высокую оценку полному изданию этой надписи В. С. Голенищевым, свидетельствующей о тех разрушениях, которые произвели гиксосы во время своего вторжения в Египет [82]. Надпись, составленная по повелению знаменитой царицы Хатшепсут, указывала на то, что царица восстанавливала много разрушенных храмов, «ибо в северной стране сидели азиаты в Аварисе и иноземцы среди них, разрушая все. Они царствовали, не ведая бога Ра».

Б. А. Тураев находит в данном свидетельстве надписи подтверждение слов Манефона «о насильственном характере правления гиксосов, по крайней мере при завоевании и в первое время» [83]. Таким образом, мы видим, какое значение имела для науки открытая В. С. Голенищевым надпись в Стабль Антаре.

Наряду с большими эпиграфическими памятниками Владимир Семенович активизировал много надписей на заупокойных стелах, которые в совокупности являются первоклассным историческим источником. Большое количество подобных памятников собрал Владимир Семенович в своей коллекции [84], а основ-

---

ляется «рискованным». См. G. Posener, *La première domination Perse en Egypte*, Le Caire, 1936, p. 63, 65.

[78] W. S. Golénischeff, *Stèle de Darius aux environs de Tell el-Maskhoutah*, p. 99—109; cp. G. Posener, *La première domination...*, p. 61—62.

[79] Фрагменты третьей стелы подобных же размеров были найдены в шести километрах от Суэца в 1911—1912 гг. На обеих ее сторонах были начертаны надписи (G. Posener, *La première domination...*, p. 81—82).

[80] См. образцовые в методическом отношении восстановления трех надписей Дария V (G. Posener, *La première domination...*, p. 48).

[81] W. S. Golénischeff, *Notice sur un texte hiéroglyphique. Le stabel Antar (Speos Artemidos)*, — Rt, t. 3, 1882, p. 1—3.

[82] H. Brugsch, *Die Aegyptologie*, Leipzig, 1897, S. 34.

[83] Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 257.

[84] Многие из них являются заслуживающими внимания эпиграфическими памятниками, например стела № 4071 ГМИИ.

ные моменты содержания надписей десятков заупокойных стел Эрмитажа он сделал общедоступными в своем каталоге предметов египетского собрания этого музея[85].

Подводя итог всему сказанному выше об открытиях В. С. Голенищева в области письменности древнего Египта, я вправе утверждать, что до него ни один из египтологов в такой степени не обогатил науку новыми источниками, ценными не только в количественном, но и в качественном отношении. Без самоотверженного труда В. С. Голенищева изложение истории и культуры народа долины Нила было бы лишено многих, весьма существенных и ярких моментов.

Конечно, подобных успехов Владимир Семенович достиг не только благодаря открытию новых памятников письменности, но и благодаря своей интенсивной научно-исследовательской работе, которая выдвинула его в первый ряд адептов этой востоковедной дисциплины.

Уже в своих юношеских исследованиях он сумел подняться до уровня, которого достигла к тому времени мировая наука о языке, истории и культуре древнего Египта[86]. В. С. Голенищев очень пристально следил за старой и новой литературой[87]. Мне известен лишь один случай, когда им не была учтена специальная работа, написанная примерно лет за 30 до момента опубликования его собственного исследования. Я имею в виду случай, связанный с его докладом о происхождении древнеегипетской системы алфавита на VI Международном конгрессе востоковедов в Лейдене в 1884 г., встретивший там всеобщее одобрение и напечатанный в том же году в трудах конгресса[88].

В своем докладе В. С. Голенищев выступил против акрофонического происхождения древнеегипетских алфавитных знаков, предложенного в свое время еще Шампольоном. Немедленно после опубликования доклада Владимир Семенович установил, что им не была учтена опубликованная в 1857 г. работа извест-

---

[85] W. S. Golénischeff, *Ermitage Impérial. Inventaire de la collection égytienne*, SPb., 1891, p. 151—172.

[86] Об этом свидетельствуют ссылки в его указанных выше работах, опубликованных в ZÄS в 1874, 1875 и 1876 гг.

[87] Так, например, в 1906 г. в ZÄS появилась заметка A. Ungnad'a, имеющая отношение к сказу о потерпевшем кораблекрушение, на которую В. С. Голенищев откликается в этом же журнале в 1908 г. См. исчерпывающую библиографию, приложенную В. С. Голенищевым к тем из папирусов Каирского музея, которые до него изучались другими учеными. (W. S. Golénischeff, *Papyrus hiératiques N 58001—58036)*.

[88] «Les travaux de la VI^{e} session du Congrés International des Orientalistes à Leyden», t. II, Leiden, 1884, p. 1—8.

ного английского египтолога С. Бирча, сделавшего в ней выводы, близкие тем, к которым пришел автор доклада 1884 г. Хотя исследование С. Бирча было в последующие десятилетия настолько забыто, что ни один из присутствовавших на докладе В. С. Голенищева египтологов не вспомнил о нем, тем не менее молодой русский востоковед квалифицировал это как «une grave omission» [89]. В дополнительной заметке к статье, излагавшей его доклад на конгрессе, Владимир Семенович восстановил полностью в памяти египтологов пионерское исследование С. Бирча 1857 г., столь незаслуженно забытое в последующие годы.

В. С. Голенищев непрерывным упорным трудом расширял и углублял свои знания египетского письма, первое знакомство с которым состоялось еще в его юношеские годы. Уже в 1882 г. он мог выступить с многочисленными исправлениями копии, сделанной знаменитым А. Мариэттом в его описании Карнака с того списка чужеземных стран, который был увековечен на стенах названного храма. Молодой русский египтолог прислал свои исправления маститому немецкому ученому Г. Бругшу для задуманного последним труда по смежным с долиной Нила странам на основании египетских материалов [90]. Доверие к точности копий, снятых Владимиром Семеновичем с надписей Уади Хаммамата, обусловило использование их крупными египтологами [91]. По мнению Б. А. Тураева, Владимир Семенович снял лучшую копию с надписи вельможи Хену эпохи XI династии— одного из интереснейших эпиграфических памятников Уади Хаммамата [92].

Единственный существенный недочет в работе над этим памятником был им допущен при снятии копии с надписи сановника Антефа, современника Аменемхета I [93]. Но при передаче он не исказил точности очень трудной в палеографическом отношении иероглифической надписи, начертанной на сильно

---

[89] Такие факты известны в истории науки. Так, Шампольон в своей грамматике установил значение вертикальной черты после отдельно стоящего иероглифа, но это было забыто. Этот вывод был вновь сделан К. Зете уже в 1909 г.

[90] W. S. Golénischeff, *Offener Brief an Herrn Professor H. Brugsch*, — ZÄS, Bd 20, 1882, S. 145—148, Taf. V—VI.

[91] Я уже говорил об использовании работы В. С. Голенищева И. Куйя и П. Монтэ в их труде, посвященном надписи Уади Хаммамата (см. сноску 73). Здесь я лишь укажу, что они исправляют текст Лепсиуса по тексту В. С. Голенищева; K. Sethe также использовал копии В. С. Голенищева. См. Urk, I, N 34—36.

[92] Б. А. Тураев. *История Древнего Востока*, т. I, стр. 215.

[93] J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions...*, p. 7.

выветрившейся в настоящее время скале[94]. Ошибка, допущенная Владимиром Семеновичем, сводилась к неправильному причислению последних двух строк (т. е. девятой и десятой) этой надписи к другой надписи, начертанной на той же скале, в нижней ее части, над надписью Антефа[95]. Это недоразумение, очевидно, объясняется тем, что девятая строка надписи Антефа была отделена от предшествующих строк чертой, что давало основание предположить здесь начало нового самостоятельного текста[96]. Ошибки подобного рода вполне извинительны для египтолога, изучавшего наскальные надписи в тяжелых условиях прошлого века, в узкой долине среди Брекчиевых гор в аравийской пустыне[97]. Недаром со времени путешествия Лепсиуса в Египет (т. е. с 1845 г.) вплоть до поездки В. С. Голенищева в 1884 г. ни один египтолог не посещал Уади Хаммамат[98]. О точности чтений Владимиром Семеновичем иероглифических знаков надписи Дария I, начертанной на плите у Телль-эль-Масхута, свидетельствует его исследование 1889 г.[99], подвергнувшееся тщательной проверке, проведенной Г. Позенером 46 лет спустя при новом издании названной надписи Дария I[100]. Не менее точно Владимир Семенович подходил и к чтению иероглифической транскрипции тех больших иератических папирусов его собрания, а также Эрмитажного и Каирского музеев, о которых я говорил выше. Его иероглифическая транскрипция подтверждалась во всех основных моментах при дальнейшем изучении изданных им папирусов такими автори-

94 J. Couyat, P. Montet заявляют, что надпись Антефа «est la plus difficile à déchiffrer de toutes les inscriptions du Hammamât», — *Les inscriptions*..., p. 101, № 199.

95 Первые 8 строк надписи Антефа В. С. Голенищев издал в своей работе «Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат», на табл. VIII, а 9-ю и 10-ю строки ее, присоединенные к надписи некоего сановника Иди, он издал на табл. II под № 4 (ЗВОРАО, т. II, вып. 1—2, 1887). Надпись сановника Иди J. Couyat, P. Montet издали под № 147 (*Les inscriptions*..., № 147).

96 J. Couyat, P. Montet, *Les inscriptions*..., pl. XXXVIII.

97 Например, не совсем правильным является чтение надписи на гробнице близ Гизе вельможи Сешемнефера, изданное Юнкером, высококвалифицированным чтецом египетских текстов, в 1929 и в 1933 гг. и воспроизведенное K. Sethe (Urk I, 178). Работа эпиграфиста над памятниками около Гизе протекала в 1929 г. в более благоприятных условиях, нежели изучение надписей Уади Хаммамата зимой 1884/85 г.

98 Во всяком случае за эти 40 лет не появилось ни одной работы, которая проверила бы чтения изданных Лепсиусом надписей Уади Хаммамата и поставила бы вопрос о нахождении здесь других, еще не изданных эпиграфических памятников.

99 RT, t. 13, 1890, p. 99—100.

100 G. Posener, *La première domination*..., p. 50.

тетными египтологами, как А. Эрман[101], А. Гардинер[102] и Б. Гунн[103].

Для В. С. Голенищева, египтолога большого диапазона, была понятна и близка культура Египта с самого древнейшего времени, о чем свидетельствует богатое собрание в его коллекции памятников египетской культуры, восходящих ко времени до эпохи пирамид и кончая веками господства Птолемеев и римских императоров над долиной Нила. Поэтому Владимир Семенович, изучавший с таким успехом иероглифические и иератические тексты, не мог пройти мимо изучения демотического курсива, на котором в греко-римскую эпоху писались не только деловые документы, но также и литературные и даже религиозные произведения. Владимир Семенович начал изучать демотический шрифт в 90-х годах прошлого века и был первым из египтологов, который поставил перед собой задачу составления графически расположенного словаря. Подготовленные им карточки этого словаря хранятся в архиве Отдела Востока Эрмитажа. К сожалению, В. С. Голенищев не смог завершить свою работу над этим словарем, так как его отвлекал кропотливый труд над иератическими папирусами его коллекции, собрания Эрмитажа, а затем Каирского музея. Но заслуга постановки задачи о создании подобного демотического словаря, положив в его основу графический, а не фонетический принцип, остается за В. С. Голенищевым. Быть может, коллективу египтологов Государственного Эрмитажа следует указать в отдельной статье на методические установки, которые русский египтолог 60 лет назад положил в основу задуманного им демотического словаря. Лишь в 1937 г. датским египтологом В. Эрихсеном был опубликован первый опыт расположения основных знаков демотического курсива на основе графического, а не фонетического принципа[104].

В. С. Голенищев был не только одним из лучших знатоков всех основных разновидностей письма древнего Египта, но наиболее выдающимся исследователем египетского языка в обла-

---

[101] См. исследование А. Эрмана, посвященное папирусу о путешествии Уну-Амона, и его же работу над Эрмитажным папирусом № 1115,— ZÄS, Bd 38, 1900, S. 1; ibid., Bd 43, 1900, S. 1.

[102] См. транскрипцию папируса о путешествии Уну-Амона и соответствующие примечания у А. Гардинера,— A. H. Gardiner, *Late-Egyption Stories*, Bruxelles, 1932, p. 61 f.

[103] Battiscombe Gunn, *The decree of Amonrasonther for Neskhons*, — JEA, vol. 41, 1954, p. 83. — Данную работу безвременно ушедший английский египтолог посвятил изучению папируса, изданного В. С. Голенищевым. См. сноску 67.

[104] W. Erichsen, *Demotische Lesestücke*, Bd 1, Leipzig, 1937.

сти лексики, грамматики. Он уже в юношеские годы положил начало своему собранию лексикографических материалов [105] и поэтому приобрел такие обширные знания в данной области, что мог при интерпретации издаваемых им текстов и без использования большого Берлинского словаря установить точное значение даже редко встречающихся слов [106]. Словарь, приложенный к его изданию сказки о потерпевшем кораблекрушение, изобилует обстоятельными исследованиями о значении слов, встречающихся в издаваемом тексте, и все они покоятся в основном на лексических материалах, им же собранных [107]. Владимир Семенович изучал словарный материал не только так называемого классического периода истории египетского языка, но также и других периодов. Свои обширные познания в области лексики новоегипетского языка он доказал тем, что подарил египтологии editio princeps знаменитого папируса своего собрания — рассказ о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию [108]. Лексика произведений позднего периода египетской письменности рано стала предметом изучения Владимира Семеновича, и он уже в 1877 г. издал трудный для понимания магический текст, начертанный на датируемой IV в. до н. э. стеле, вошедшей в науку под названием «Metternichstele» [109]. Несмотря на свои исключительные знания в области лексики египетского языка, Владимир Семенович отнюдь не преувеличивал их значение для правильной интерпретации текстов и не видел в них единственное условие, обеспечивающее подлинное понимание любого памятника египетской письменности. Поэтому он предостерегал тех ученых, которые, увлекшись богатым собранием лексических материалов в большом Берлинском словаре, пытались переводить сложные литературные тексты. Он указывал, что «большинство переводов, предложенных ими, должны быть рассматриваемы как совсем предварительные и подвергаемые строгой ревизии, когда правила египетского синтаксиса будут лучше установлены. Само по себе значение всех слов, составляющих текст, явно не может быть достаточным для того, что-

---

105 W. S. Golénischeff, *Die Metternichstele in der Originalgrössen. Zum ersten Mal herausgegeben von W. Golénischeff*, Leipzig, 1877.

106 См., например, его исследование о значении глагола «hwc», употребленного в связи со словом «сердце» и встречающегося в пророческом тексте 1116B Эрмитажа (W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques*..., p. 6).

107 «Le conte du naufragé, transcrit et publié par W. Golénischeff», Le Caire, 1912 (далее — W. S. Golénischeff, «Naufragé»).

108 См. сведения, приведенные в сноске 41, о двух изданиях В. С. Голенищевым папируса Уну-Амона.

109 Об этом труде В. С. Голенищева сказано в сноске 105.

бы дать точный перевод, пока бесспорная связь между этими словами еще ускользает и пока очень часто необходимо его угадывать» [110].

В. С. Голенищев обращал основное внимание в своих исследованиях, посвященных египетскому языку, преимущественно на вопросы синтаксиса, решение которых, как он неоднократно подчеркивал, обеспечивало подлинную интерпретацию текста, способную выдержать критику последующих поколений египтологов. Детальное знакомство с закономерностями синтаксиса должно было вскрыть, согласно его убеждению, все совершенство египетского языка. Поэтому в своем труде 1912 г., посвященном сказке о потерпевшем кораблекрушение, Владимир Семенович включил в составленный им словарь этой сказки многочисленные исследования, которые должны были определить не только значение отдельных слов, но также и значение комплекса слов, объединенных в одном или нескольких связанных между собой предложениях. Цель, которую преследовал В. С. Голенищев при составлении указанного словаря, он сам формулировал следующим образом: «То, что я всегда в этом глоссарии имел в виду во всех подробностях, это была грамматика и специально синтаксис египетского предложения». Преследуя подобную цель, он надеялся, что «внимательный читатель сможет найти ряд замечаний, которые, может быть, натолкнут его на мысль, что структура египетского языка была достаточно пригодна, чтобы выражать различные оттенки, которые до настоящего времени были лишь недостаточно вскрыты» [111].

Расширяя и углубляя свои знания в грамматике и особенно в синтаксисе древнеегипетского языка, В. С. Голенищев тем не менее никогда не забывал о наличии многих пробелов в этой области, а поэтому удерживал самого себя и предостерегал других от поспешного исправления «ошибок», находимых в древних текстах на основании грамматических правил, установленных в настоящее время. Он всегда допускал возможность того, что при недостаточности наших знаний грамматики мы могли установить в древнеегипетском тексте ошибку «там, где о таковой в действительности и речи быть не могло» [112].

В. С. Голенищев в своих исследованиях неоднократно отмечал недостаточность наших знаний в области науки о египетском языке и поднимал многие нерешенные проблемы.

---

[110] W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques...*, p. 4b, ref.
[111] W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. V.
[112] Ibid.

Одним из существенных моментов, задерживавших, по мнению В. С. Голенищева, дальнейший прогресс в изучении грамматики и, в частности, синтаксиса египетского языка, являлось роковое воздействие той египтологической школы, которая поставила себе задачей доказать, что египетский язык был чрезвычайно близок языкам семитическим и что правила грамматики семитических языков естественно могли быть перенесены на него [113]. Основоположником этой египтологической школы, с которой полемизировал В. С. Голенищев, был А. Эрман, профессор Берлинского университета, и поэтому созданное им направление в науке о египетском языке получило название «Берлинской школы». Исследование А. Эрмана, впервые установившее известную связь между египетским языком и семитической семьей языков, Владимир Семенович назвал блестящим [114], и он выступал лишь против тех крайних выводов, которые были сделаны из указанного вполне правильного наблюдения. Он никак не мог согласиться с положением о тесной родственной связи египетского языка с семьей семитических языков [115], так как, по его мнению, египетский язык находился на иной ступени развития, нежели семитические языки.

В 1922 г. В. С. Голенищев, пытаясь определить степень близости между египетским и семитическими языками и тем самым выявить моменты сходства и различия между ними, писал: «Если несколько пунктов сходства, которые действительно существуют между египетским и семитическими языками, являются самое большее достаточными для установления нами возможности происхождения египетского языка от того же языка-матери, который несомненно значительно позднее дал также жизнь семитическим языкам, — то сколь великими являются во всяком случае различия между египетским и другими отпрысками этого протосемитического языка, в котором еще не стабилизовались характерные черты семитических языков, когда египетский стал отделяться, сохраняя в своем построении мно-

---

[113] W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 687—711.

[114] Ibid., p. 686—687.

[115] Согласно определению А. Эрмана, египетский язык принадлежит большому племени языков, к которому также принадлежат семитические языки, языки восточноафриканских народов (Бешарин, Сахо, Галла, Сомали) и берберские языки Северной Африки (Erman, Äg. Gr. S. 1). Следовательно, А. Эрман не различает ступень развития египетского и семитических языков. На различие во времени выделения отдельных представителей большой семито-хамитской семьи языков указывает Д. А. Ольдерогге. См. Д. А. Ольдерогге, *Происхождение языка Хауса*, — «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956, стр. 14 и сл.

гие черты, чрезвычайно примитивные, которые не встречаются более в других языках»[116].

Подобная формулировка, предложенная Владимиром Семеновичем для определения родства между египетским и семитическими языками, может вполне удовлетворительно, как я полагаю, объяснить установленное наукой соотношение между языками, входящими в состав большой семьи, которая объединяет языки Восточной и Северной Африки, египетский и семитические языки. Развивая дальше мысль Владимира Семеновича, следует предположить, что от «языка-матери» в глубочайшей древности отделились языки восточноафриканских народов и берберов, затем уже египетский и, наконец, в последнюю очередь семитические языки. В древнейшее время «язык-мать», так называемый прасемитский язык, еще не знал исключительного преобладания согласных звуков, которое стало специфической чертой его лишь в эпоху отпочкования от него египетского языка[117], а в условиях дальнейшего развития появились уже прочие особенности, характерные для семитических языков.

---

[116] W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685. — Сравним определение близости между египетским и семитическими языками, которое предложил В. С. Голенищев в 1912 г.: «Я не могу допустить крайности в сближении грамматических форм древнеегипетского языка с формами семитических языков, точно так же, как я далек от того, чтобы отрицать всякое родство в происхождении египетского и протосемитического языка, который в эпоху, когда египетский язык уже давно от него (протосемитического) отделился, дал рождение различным семитическим говорам» (W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. XII; см. также p. 128—130). Положение В. С. Голенищева о том, что египетский язык значительно раньше, нежели семитические языки, отделился от прасемитического, мы находим и у А. Унгнада (A. Ungnad, *Das Wesen des Ursemitischen*, Leipzig, 1925, S. 22).

[117] Мне кажется, что, когда В. С. Голенищев в 1922 г. писал свои «Ремарки», он уже не столь непримиримо относился к транскрипции египетских слов одними лишь согласными, как это предложил А. Эрман. Действительно, в 1912 г. Владимир Семенович еще заявлял, что он отнюдь не убежден в том, что в иероглифах, названных Эрманом именами букв семитического алфавита (алеф, йод, айн и вав), «мы должны видеть согласные, ибо вся теория глаголов со слабыми согласными в древнем египетском языке, для подкрепления которой существенно объявление указанных знаков согласными, кажется, требует переработки» (W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. XII). В 1922 г. В. С. Голенищев в основном полемизирует с положением о наличии в египетском языке так называемой трехбуквенной системы, которая столь характерна для семитических языков и которую немецкая школа хочет, против всякой очевидности, найти в древнеегипетском языке. Я полагаю, что можно признавать в языке исключительное преобладание согласных и тем не менее не признавать в нем наличия трехлитеральной системы (W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685—689).

Опираясь на свое определение родства египетского языка с семитическими, Владимир Семенович никак не мог согласиться с тем выводом, который сделал А. Эрман из своего блестящего открытия египетской глагольной формы śḏm.kwj, śḏm.ty и т. д.[118]. Дело в том, что А. Эрман поставил безоговорочно открытую им египетскую глагольную форму в связь с семитическим перфектом, хотя, как он сам признавал, значение последнего существенно отличалось от египетской глагольной формы. Семитический перфект является, как известно, глагольной формой рассказа, содержащей высказывание о свершившемся и завершенном действии. Что же касается глагольной формы, установленной А. Эрманом в египетском языке, то «она почти всегда примыкает к чему-нибудь предшествующему»[119] и соответствует по своему значению причастию. Поэтому А. Эрман назвал установленную им глагольную форму «Pseudo-Participium», указывая тем самым на противоречие, которое существует между ее значением как причастия и наличием в ней признаков спряжения. Он видел тем не менее в ней «более древнюю флексию»[120], которая когда-то, очень давно, играла действительно роль перфекта и уступила ее лишь в последующее время «более поздней флексии»[121], ставшей основной формой «verbum finitum» в древний и классический период истории египетского языка[122].

Против определения А. Эрманом «псевдопартиципия» более древней флексией, а формы śḏm.f более поздней флексией В. С. Голенищев выдвинул в своих «Remarques» следующие возражения. Он указал на то, что глагольная форма, установленная А. Эрманом и названная им «Pseudo-Participium», является по существу лишь причастием и не может быть, следовательно, причисленной к спрягаемым глагольным формам[123].

---

[118] А. Эрман достаточно ярко описал в своей автобиографии то настроение, которое он пережил в один из вечеров 1889 г., когда открыл указанную глагольную форму в египетском языке (A. Erman, *Mein Werden und mein Wirken*, Leipzig, 1929, S. 263).

[119] См. хотя бы указание на значение этой глагольной формы у А. Эрмана (Erman, Äg. Gr., 1928, S. 324).

[120] Ibid., S. 325.

[121] Ibid., S. 277 («śḏm-f»).

[122] Следует указать на то, что А. Эрман на стр. 70 3-го издания своей «Äg. Gr.» (1911 г.) высказал предположение, что «Pseudo-Participium», содержавший почти во всех лицах своего спряжения отсутствующее в семитическом перфекте конечное «y», является формой, производной от погибшего в египетском языке перфекта. Но и при таком предположении «Pseudo-Participium» оставался для А. Эрмана по существу тем же самым образованием, что и семитический перфект.

[123] W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 678—711.

Поэтому он предложил для нее название «Le participe à flexions»[124] и тем самым отверг всякую возможность видеть в ней более древнюю флексию египетского глагола. Ошибка же А. Эрмана была обусловлена, как подчеркнул В. С. Голенищев, стремлением подчинить египетскую грамматику закономерностям семитических языков[125].

Не соответствует действительности, по мнению Владимира Семеновича, и утверждение А. Эрмана, что основная глагольная форма египетского языка ṡḏm.f и ее варианты являются более поздней флексией. Опровергая его, В. С. Голенищев указывает и на чрезвычайный архаизм в структуре этой глагольной формы[126] и подчеркивает вместе с тем, что «ничто, абсолютно ничто, и в самых древних египетских надписях не указывает на то, что глагольные формы, состоящие из корня глагола со следующим за ним подлежащим, появились позже, чем другие формы, объявленные без достаточного основания более древними»[127]. Подобное ошибочное утверждение было также в конечном итоге связано с выводом А. Эрмана о семитизме египетского языка.

Не соглашаясь с этим выводом, «вполне логическим на первый взгляд»[128], Владимир Семенович должен был объяснить себе тот факт, что «причастие с флексией», окончания которого совпадают с окончанием семитического перфекта, оставалось тем не менее все же причастием, с которым нельзя было связать ни значение перфекта, ни вообще значение verbum finitum[129]. Ответил В. С. Голенищев на поставленный перед собой вопрос следующим образом: «Не видим ли мы, в среде самой семьи семитических языков, достаточно аналогичное явление в

[124] W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 30, 41, 43. — В «Ремарках» он предложил еще название «participe conjugable» (W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685—711).

[125] М. Э. Матье в своей работе «*Основные черты древнеегипетского глагола*» признает справедливость указания В. С. Голенищева, что внесение в египетский язык норм семитических языков затрудняет его изучение. См. «Ученые записки ЛГУ», № 123, вып. 3, Серия филологических наук, Л., 1952, стр. 215 (далее — М. Э. Матье, *Основные черты...*).

[126] Закономерность утверждения Владимира Семеновича, что египетский язык времени Древнего и Среднего царства отличался рядом архаичных черт, признает и М. Э. Матье (М. Э. Матье, *Основные черты...*, стр. 215).

[127] W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 2.

[128] Ibid., p. 3.

[129] В. С. Голенищев доказывает — по моему мнению, убедительно,— что известное выражение «tȝmś.kwj» в строке 159 рукописи рассказа Синухета надлежит переводить «страна, в которой ты родил меня», а не «страна, в которой я родился» (W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685—711).

ассирийском глаголе, который, во всем заимствуя форму второго аориста (имперфекта) других семитических языков, оказывается всегда использованным в значении первого аориста (перфекта). Таким образом, несмотря на большое сходство между египетским партиципием и первым семитическим аористом, значение обеих глагольных форм, тождественных по видимости (apparence), может не быть одинаковым в двух группах языков, и не следует полностью отождествлять эти формы, так же как нельзя сказать, что второй аорист, используемый ассирийцами в качестве перфекта, должен с необходимостью иметь значение имперфекта, так как только в этом значении он встречается в еврейском, в арабском и в других семитических языках» [130].

В. С. Голенищев, являясь исследователем в области ассириологии, мог с успехом привлечь данные о вавилоно-ассирийском глаголе, его формы настоящего времени и так называемого претерита для решения вопроса о наличии в египетском языке глагольного образования, соответствующего не только формально, но и по существу семитическому перфекту. Приступая к решению данного вопроса, В. С. Голенищев, конечно, знал, что установленный Эрманом «Pseudo-Participium» был сопоставлен не только с семитическим перфектом, но и со своеобразной глагольной формой вавилоно-ассирийского языка, называемого обычно «пермансивом» [131]. Пермансив, восходящий, по мнению ассириологов, к глубокой древности [132], привлек даже особое внимание некоторых египтологов близким сходством своих окончаний с окончанием «псевдопартиципия» [133]. Если же Владимир Семенович в своем исследовании 1922 г., определяющем степень родства египетского языка с семитическими, упоминает из гла-

---

[130] W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 687.

[131] Б. Ландсбергер и его школа заменили «пермансив» термином «статив» (W. von Soden, *Grundriss der Akkadischen Grammatik*, — «Analecta Orientalia», t. 33, Roma, 1952, § 76).

[132] A Ungnad, *Das Wesen des Ursemitischen*, S. 9.— К. Брокельман видит в пермансиве более позднее образование (C. Brockelmann, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*, Bd II, Berlin, 1913, S. 583). Последней справкой я обязан любезности И. Н. Винникова, за что и приношу ему благодарность.

[133] Gardiner, Eg. Gr. § 309. — По словам М. Э. Матье, текст во втором издании не изменен. А. Гардинер заменил термин Эрмана «Pseudo-Participium» термином «Old Perfective». М. Э. Матье называет глагольную форму, открытую А. Эрманом, формой «s̀ḏm. w» и сопоставляет ее окончания не с окончанием семитического перфекта, а с окончаниями вавилоно-ассирийского пермансива (М. Э. Матье, *Основные черты...*, стр. 216). Столь же хорошее соответствие находят окончания «псевдопартиципия» и в окончаниях эфиопского перфекта.

гольных форм вавилоно-ассирийского языка лишь формы настоящего времени и претерита, а пермансив совсем не упоминает, то это было обусловлено, надо думать, его особым положением в системе вавилоно-ассирийского глагола. Дело в том, что пермансив, или статив, являлся по существу спрягаемым именем существительным, поскольку имена существительные, обозначавшие лицо, могли стоять в пермансиве. Пермансив мог употребляться и при имени прилагательном, а при глаголе пермансив соответствовал спрягаемому отглагольному имени прилагательному [134]. В египетском же языке окончания так называемого «псевдопартиципия» не могли быть присоединены к какому-либо имени существительному. Кроме того, пермансив указывает на состояние, но без указания на ступень времени [135], в противоположность семитическому перфекту [136]. Эти два момента, очевидно, и побудили В. С. Голенищева не привлекать форму пермансива в исследовании, решавшем вопрос о возможности сопоставления египетского «псевдопартиципия» с семитическим перфектом.

В настоящее же время открытие, сделанное в течение последних двух десятилетий в области изучения вавилоно-ассирийского глагола, окончательно оправдывает отказ Владимира Семеновича от использования пермансива для решения указанной задачи. Таким открытием являлось установление B. Landsberger'ом в вавилоно-ассирийском языке наряду с глагольными формами настоящего времени претерита и пермансива еще и формы перфекта, которая характеризуется инфиксом -ta- [137]. Если же на самом деле наряду с претеритом и пермансивом был создан и перфект, то из данного факта, очевидно, следует, что вавилоно-ассирийский язык не был в состоянии отметить при помощи первых двух указанных глагольных форм то действие, которое в семитических языках выражалось формой перфекта. В таком случае пермансив, подобно претериту, не может по существу сопоставляться с перфектом, и Владимир Семенович был вполне прав, когда он в своем исследовании 1922 г. не коснулся проблемы, связанной с пермансивом, формально столь сходным с египетским «псевдопартиципием».

---

[134] A. Ungnad, *Das Wesen des Ursemitischen*, S. 3—9; *Babylonisch-Assyrische Grammatik*, Leipzig, 1926, §§ 26, 30; W. von Soden, *Grundriss der Akkadischen Grammatik*, § 77.

[135] A. Ungnad, *Babylonisch-Assyrische Grammatik*, § 30 da; W. von Soden, *Grundriss der Akkadischen Grammatik*, § 77.

[136] См., например: C. Steuernagel, *Hebräische Grammatik, mit Paradigmen*, Literatur, *Übungsstücken and Wörterverzeichnis*, Berlin, 1909, § 30.

[137] Открытие Б. Ландсбергера было подкреплено наблюдениями ряда других ассириологов.

Для решения той задачи, которую поставил себе Владимир Семенович, было вполне достаточно указания на наличие в семитическом вавилоно-ассирийском языке глагольной формы, соответствующей по своему строению имперфекту других семитических языков, а по своему значению игравшей роль перфекта.

На основании этого факта Владимир Семенович был вправе сделать вывод, что и глагольная форма «псевдопартиципия» в египетском языке, не являвшемся даже семитическим языком, могла также по существу своему не соответствовать семитическому перфекту, хотя между ними в отношении окончаний и существовало близкое сходство. Тем самым опровергался основной довод в пользу того положения, согласно которому многие явления в древнеегипетском языке становились понятными лишь при условии привлечения сравнительного материала, почерпнутого из семитических языков [138]. Используя материал восточноафриканских языков, известный французский языковед М. Коэн пришел, подобно В. С. Голенищеву, также к выводу о необязательности сближения египетского «псевдопартиципия» с семитическим перфектом [139].

Наши знания о египетском глаголе В. С. Голенищев обогатил не только своим исследованием о «псевдопартиципии» или. следуя его терминологии, о «причастии с флексией» resp. «спрягаемом причастии», но также исследованием о геминирующем варианте формы sḏm.f. Он в противоположность А. Эрману не видел в нем выражение эмфасиса [140], но интерпретировал его как выражение повторного или постоянного действия [141]. А. Гардинер полностью признал приоритет В. С. Голенищева в установлении правильного значения этой глагольной формы [142].

Несомненный вклад В. С. Голенищев внес в грамматику египетского языка; им был поставлен вопрос о синтаксическом различии между предложениями, в которых глагол предшествует подлежащему, и предложениями, в которых подлежащее

---

138 О значении семитических языков для изучения древнеегипетского см. Erman, Äg. Gr., § 1, 5.

139 Надлежит отметить, что французский исследователь приходит даже к выводу, что и в отношении окончаний не требуется сближения между псевдопартиципием и перфектом.

140 A. Erman, Äg. Gr. (3 и 4-е изд.).

141 W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 61—64. — В. С. Голенищев мне говорил, что он мог правильно интерпретировать эту геминирующую глагольную форму, поскольку он был русским, а русский язык в противоположность западноевропейским отмечает в глаголе многократность действия.

142 Gardiner, Eg. Gr., § 438, ref. 1.

предшествует глаголу [143]. Согласно Владимиру Семеновичу, первые заявляют о свершающемся или свершившемся событии или действии, вторые, как он утверждал, не могут играть эту роль и чаще всего поясняют или указывают на обстоятельства, при которых имели место события или действия, высказываемые в главном предложении. Он подчеркивал, что ошибочное смешение синтаксической значимости обеих категорий предложений «имело роковые последствия» для точного понимания текстов: получалось таким образом значительное число главных предложений, что заставляло переводчика делить текст на короткие фразы [144].

В. С. Голенищев включал в категорию предложений, где подлежащее предшествует глаголу, и те предложения, в которых сказуемым является не глагольная форма, а имя существительное. Подобного рода предложения А. Эрман называл, следуя терминологии семитической грамматики, «номинальными предложениями» и по существу не делал различия между ними и предложениями, в которых глагол-сказуемое стоит на первом месте [145]. Для доказательства своего положения В. С. Голенищев приводил много примеров [146]. Из них я позволю себе упомянуть тот, который, опираясь на установленную синтаксическую закономерность, уточнил перевод одного из авторитетнейших египтологов. В. С. Голенищев нашел данный пример в строках 2—4 столбца 19 известного папируса Anastasi [147], содержащего письмо, автор которого издевается над своим товарищем, которому он пишет. Так, он в указанном месте папируса обвиняет адресата в трусости, удержавшей его от посещения области по имени Памагир, где его ждали опасности. А. Гардинер следующим образом переводит комплекс предложений, которыми автор письма выражает обвинение адресата в указанном пороке: «Ты [не] вступал на путь в [области] Памагир,

---

[143] W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. VII. — Здесь перечислены под № 8—10 те страницы словаря, приложенного к тексту сказки, на которых рассматриваются предложения, где подлежащее стоит на первом месте. У В. С. Голенищева указанные предложения специально исследуются («Remarques», p. 685—711). А. Эрман дает подобным предложениям название, взятое из терминологии грамматики семитических языков: «verbaler. Nominalsatz» (Erman, Äg. Gr., § 362). А. Гардинер называет их «pseudo-verbal construction» (Gardiner, Eg. Gr., § 319).

[144] W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685—711; Erman, Äg. Gr., § 366.

[145] Erman, Äg. Gr., § 469.

[146] W. S. Golénischeff, «Naufragé»; W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 687—689.

[147] Иероглифическая транскрипция, перевод и комментарий этого текста дан А. Гардинером (A. H. Gardiner, *Literary texts of the New Kingdom*, London, 1909).

[где] небо темно днем, а она, заросшая кипарисами /?/ и дубами и кедрами, которые достигают неба, [где] львы более многочисленны, чем леопарды и гиены /?/, и [она] окружена „Шасу“ — людьми на <каждой> стороне»[148].

В. С. Голенищев дал отрицательную оценку переводу английского египтолога, так как он не передает точно смысл текста, не учитывая значения предложений, построенных по образцу: имя существительное — подлежащее + предлог + имя существительное[149]. Положив в основу синтаксическое наблюдение, сделанное В. С. Голенищевым, надлежит перевести следующим образом: «Ты [не] вступил на дорогу к [области] Памагир, [в котором] небо мрачно [и] днем, [потому что] она, заросшая кипарисами (?), дубами [и] кедрами, достигающими неба; [потому что] множество львов [там] [более велико], чем леопардов и гиен (?), и окружена кочевниками на дороге к ней»[150], т. е. к области Памагир. Надлежит признать, я полагаю, что данный перевод строк 2—4 столбца 19 папируса Анастаси I, покоящийся на установленном В. С. Голенищевым синтаксическом положении, заслуживает преимущества перед переводом А. Гардинера, ибо он должным образом связывает между собой отдельные предложения, входящие в состав анализируемого текста. Свое синтаксическое положение Владимир Семенович пытался подкрепить анализом текстов самых различных эпох египетской письменности, начиная с эпохи Древнего царства и кончая временем господства Птолемеев[151].

Много других интересных наблюдений в области египетской грамматики и, в частности, синтаксиса было сделано В. С. Голенищевым в связи с его долголетним изучением текста сказки о потерпевшем кораблекрушение (как, например, исследование об именах существительных, имеющих одновременно две формы, форму мужского и форму женского рода, открытие отглагольного прилагательного, сделанное одновременно им и А. Эрманом, установление различных форм эллипсиса и т. д.)[152]. Среди более мелких, но тем не менее существенных наблюдений, про-

---

[148] Ibid., p. 21. — Примерно так же, без какой-либо связи между отдельными фразами, переводит этот комплекс и А. Эрман (A. Erman, *Die Literatur der Aegypter*, Leipzig, 1923, S. 287 (далее — A. Erman, *Literatur...*).

[149] W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685—711.

[150] В переводе я пытаюсь отметить отличие между обеими категориями предложений.

[151] Тем самым работа В. С. Голенищева «Remarques» становится одним из ценных исследований в области египетского синтаксиса.

[152] W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 163; Erman, Äg. Gr., § 379; Gardiner, Eg. Gr., § 486.

веденных В. С. Голенищевым при исследовании сказки о потерпевшем кораблекрушение, надлежит обратить особое внимание на определение той части предложения, с которой выражение r mjt.t ỉry «также» должно быть соединено[153]. Это выражение встречается в тексте сказки в строках 171—172. А. Эрман перевел в своем исследовании, посвященном сказке, указанное предложение следующим образом: «Я восхвалял на берегу владыку этого острова, и также (поступали) те, которые были на нем» (т. е. на корабле)[154]. В. С. Голенищев не согласился с переводом, предложенным А. Эрманом для второй части предложения, указав на следующий момент: «Выражение r mjt.t ỉry и его синонимы mjt.t ỉry; m mjt.t и mjt.t никогда не используются для того, чтобы соединить второе подлежащее с предшествующим глаголом, имеющим уже свое подлежащее. Все эти выражения, по крайней мере в тех примерах, которые мне известны, служат для того, чтобы присоединить второе имя существительное (или даже несколько имен существительных) к первому имени существительному, если последнее выполняет функцию прямого или косвенного дополнения в связи с предшествующей ему глагольной формой»[155].

Опираясь на данное установленное им положение, В. С. Голенищев предложил следующий перевод приведенного выше предложения из текста сказки о потерпевшем кораблекрушение: «Я воздал благодарения на берегу для владыки острова этого (и) тех, которые на нем (т. е. на берегу) также»[156]. Эта интерпретация Голенищевым текста начала строки 172 сказки Эрмитажного собрания имеет решающее значение для правильного понимания одного из существенных эпизодов сказки, рассказанного в строках 125—132 папируса[157]. Поэтому переводчикам сказки надлежит с большим вниманием отнестись к наблюдению русского египтолога о значении выражения r mjt.t ỉry в контексте предложения.

Издание труда, посвященного сказке о потерпевшем кораблекрушение, было связано для В. С. Голенищева с одним трагикомическим случаем. Дело в том, что он в противоположность А. Эрману видел в слове *bw* строки 152 папируса частицу отрицания, на что немецкий египтолог возражал, указывая

[153] W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. VI—VIII, где В. С. Голенищев перечисляет 21 пункт грамматики, которые детально изучены им в его труде.

[154] ZÄS, Bd 43, 1906, S. 22.

[155] W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 11.

[156] Ibid.

[157] См. W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 106—107. — Здесь он полемизирует с интерпретацией строк 125—132, предложенной А. Эрманом (ZÄS, Bd 43, 1906, S. 17) и К. Зете (ZÄS, Bd 44, 1907, S. 34).

на отсутствие какого-либо свидетельства о наличии подобного отрицания в египетских текстах, предшествующих XVIII династии[158]. В. С. Голенищеву же удалось установить на стеле XIII династии эту частицу отрицания, но, к сожалению, его торжество было омрачено роковой опечаткой: стела, основа его триумфа, была датирована в издаваемом им труде не XIII, а XVIII династией[159]. Еще в 1916 г. Владимир Семенович в разговоре со мной с горечью вспоминал об этой досадной опечатке.

В дальнейшем В. С. Голенищева привлекла и проблема интонации в египетских текстах[160], но постоянным спутником дней его старости оставалась упорная и плодотворная работа над вопросами синтаксиса древнеегипетского языка. Плодом этой многолетней исследовательской работы явился монументальный труд, поставивший решение проблем древнеегипетского синтаксиса на надежную основу широкого и глубокого знания памятников всех эпох египетской письменности и выявивший тем самым подлинную связь между отдельными словами в предложении и между отдельными предложениями в большом контексте этих памятников. Он, к сожалению, еще не напечатан, и наличие в научном наследии В. С. Голенищева столь ценного еще не опубликованного труда налагает на советских египтологов определенную обязанность содействовать его скорейшему опубликованию, чтобы достижение научной мысли выдающегося русского ученого стало бы достижением всех тех, кому дорого правильное понимание памятников многогранной письменности древнего Египта.

Богатое содержание научного наследия В. С. Голенищева не ограничивается одними лишь исследованиями в области египетского письма и грамматики. Он оставил глубокий след и в истории изучения некоторых замечательных произведений египетской литературы. Будучи еще совсем юным, Владимир Семенович в 1877 г. сделал доступным широким научным кругам самый большой и полный из своеобразных памятников магической литературы, начертанных на каменных плитах с изображением Гора, попирающего ногами крокодилов и давящего руками змей и других гадов. Магические формулы, заполняющие всю свободную от изображений поверхность этих плит,

---

158 ZÄS, Bd 43, 1906, S. 20.

159 W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 10, ref. 1, p. 63.— В пользу мнения В. С. Голенищева недавно высказался Ж. Клэр (J. J. Clère, *L'ancienneté des negations à b initial du néo-égyptien*,— «Mitteilungen des Deutschen Archäeologischen Instituts. Abteilung Kairo», Bd 14, 1956, S. 29(33).

160 W. S. Golénischeff, *Le rôle de l'intonation dans quelques textes égyptiens*, — MIFAO, t. 66, Le Caire, 1935—1938, p. 637—646.

должны были служить защитой против укусов змей и скорпионов. Издание же В. С. Голенищевым большой стелы, названной по имени владельца «Меттерниховой» [161], преследовало еще и политическую цель, которая в данном случае была, пожалуй, основной.

Молодой автор издания памятника был на правильном пути к определению основной цели его составления, когда обратил внимание на то, что имени царя, изображенного на стеле молящимся перед божеством, не сопутствует выражению m; ʿ ḫrw «правогласный», которое ставилось за именем покойного. Из этого он сделал вполне закономерный вывод о том, что памятник должен быть датирован временем правления царя, имя которого было увековечено на нем [162]. К сожалению, он отождествил, следуя общепризнанному тогда определению имен царей XXX династии Манефона, имя фараона на стеле Nḫt—Ḥr—Ḥbj.t не с Нектанебом II (359—341 гг. до н. э.), а с Нектанебом I (379—360 гг. до н. э.) манефоновского списка. Поэтому В. С. Голенищев не мог увидеть в царе, создателе стелы Меттерниха, того фараона, при котором многострадальный Египет пережил одну из самых мрачных трагедий своей истории — нашествие полчищ свирепого Артаксеркса III Оха. В условиях страшной опасности Востоку со стороны безжалостного врага Нектанеб II был вынужден обращаться с мольбой о помощи и к божественным силам, как об этом свидетельствует один греческий папирус, который повествует о сновидении Нектанеба II в 16-й год его царствования [163]. Подобной же попыткой спастись в неминуемой войне со страшным противником являлась, надо полагать, и эта стела, которая должна была охранить царя не столько от змей и скорпионов, сколько «от политических гадов — от персов» [164].

Два других литературных памятника, изучению содержания которых В. С. Голенищев посвятил немало лет своей жизни исследователя, были особенно близкими и дорогими ему, так как они были открыты им самим и подарены науке, изучающей историю и культуру древнего Египта. Это были эрмитажный папирус № 1115, повествующий о приключениях потерпевшего кораблекрушение на волшебном острове среди «Великого Зеленого» моря, и папирус его собрания, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию.

---

[161] W. S. Golénischeff, *Die Metternichstele in der Originalgrössen.*

[162] Ibid., p. 1.

[163] В. В. Струве, *У истоков романа об Александре,* — «Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга», Л., 1926, стр. 36.

[164] Б. А. Тураев, *Египетская литература,* т. I, стр. 225.

Первый из названных литературных папирусов занимал мысли Владимира Семеновича начиная с 1881 г., когда он его открыл в Эрмитаже. Прочитав в очень короткий срок его иератический курсив, он интерпретировал текст настолько, что мог с его переводом ознакомить присутствовавших на Международном конгрессе востоковедов, который состоялся в том же 1881 г. в Берлине. Но читателя этого доклада о египетской сказке Эрмитажного музея, опубликованного в трудах конгресса под названием «Sur un ancien conte égyptien» [165], поражают не только большие знания древнеегипетского языка, но исключительное знакомство его автора с фольклором древнего и средневекового Ближнего Востока. Еще более обширные и углубленные познания фольклорного материала В. С. Голенищев показал в своих последующих работах об открытой им древнеегипетской сказке — в исследовании 1906 г., в котором он дал точный перевод и обстоятельный историко-литературный комментарий сказки [166], и в своем труде 1912 г., во введении к которому он с помощью привлечения богатого фольклорного материала отстаивал свое толкование содержания текста эрмитажного папируса № 1115, взятого во всем его объеме [167]. В. С. Голенищев установил в изучаемой им древнеегипетской сказке отражение сказочных мотивов, исторических легенд, занимательных историй, засвидетельствованных Одиссеей, трудами Геродота, Феофраста и Птолемея, библией, рассказами о приключениях морехода Синдбада из сказок 1001 ночи, сочинениями по космографии и географии Ал-Казвини и Мухаммеда эд-Демихки, сказаниями армянского анонимного историка VII в. н. э., историческими легендами Абиссинии и т. д. В связи с изучением мотивов и сюжетов, вплетенных в пеструю ткань повествования о приключениях потерпевшего кораблекрушение, В. С. Голенищев еще в докладе 1881 г. высказал интересную догадку о роли финикийских мореходов как передатчиков легенд и сказок Египта народам Средиземноморья [168]. Заслуживает также внимания сопоставление В. С. Голенищевым уже в том же докладе 1881 г. свидетельства Геродота (II, гл. 8) о двухмесячном пути из Египта до места добычи храмовых курений с упоминанием в сказке, что потерпевший кораблекру-

---

[165] На титульном листе оттиска из Трудов конгресса, содержащего «Sur un ancien conte égyptien», стоит дата 1881 г., а в «Inventaire de la collection égyptienne» Эрмитажа указанный оттиск датируется 1882 г.

[166] W. S. Golénischeff, *Le papyrus № 1115 — de l'Ermitage Impérial de Saint-Pétersbourg*, — RT, t. 28, 1906, p. 1—40.

[167] W. S. Golénischeff, «Naufragé».

[168] Ibid., p. 18.

шение плыл до Египта два месяца на корабле, приставшем к волшебному острову, на который злополучный мореход был выброшен волнами после гибели его корабля [169].

Особенно же убедительным свидетельством дальновидности молодого исследователя является его догадка, высказанная в том же докладе 1881 г., что, может быть, открытая им древнеегипетская сказка «представляет собой лишь извлечения из более пространной сказки, которая, возможно, имела некоторые детали, которые сохранились для нас теперь только в соответствующей арабской сказке» (т. е. в одной из сказок о Синдбаде-мореходе) [170]. Эта догадка, высказанная В. С. Голенищевым на заре его исследовательской деятельности, была им по существу подтверждена путем дальнейшего углубленного изучения текста сказки и была принята другими египтологами, которые стали работать над открытым им литературным памятником древнего Египта.

Действительно, сказка вводит без предварительных разъяснений главное действующее лицо своего основного сюжета, некоего «почтенного сопровождающего (воина)», в качестве собеседника своего начальника, некоего вельможи, так же как и он, не названного по имени. «Сопровождающий (воин)» приветствует вельможу с благополучным возвращением из какой-то экспедиции, совершенной на кораблях, и предлагает ему предстать перед фараоном. Затем, очевидно, в целях подтверждения своего предложения он рассказывает вельможе о всем случившемся с ним самим после гибели корабля, на котором он отправился к рудникам царя. Он был выброшен волнами моря на волшебный остров, снабженный всем необходимым для жизни и находившийся под властью дракона, который отнесся благожелательно к нему, потерпевшему кораблекрушение. Дракон рассказал ему о своих собственных злоключениях и предсказал, что к острову прибудет египетский корабль и потерпевший счастливо возвратится на нем в Египет. Предсказание сбылось, и «сопровождающий (воин)» нагрузил корабль, экипаж которого он знал, дарами благодетельного дракона, драгоценными растениями острова, который после отплытия корабля исчез в волнах моря. Прибыв в столицу, он преподнес царю дары, привезенные с острова. Царь поблагодарил его перед собранием сановников всей страны, назначил его «сопровождающим (воином)» и одарил рабами [171].

---

[169] Ibid., p. 21.

[170] Ibid., p. 17.

[171] В тексте (строка 179) стоит слово «головы», что в египетских, шумерийских и вавилонских текстах обозначает в подобном контексте рабов.

Чтобы правильно понять сказку в толковании В. С. Голенищева, необходимо дать точный перевод ее конца. Можно начать с момента, когда «сопровождающий (воин)» вновь обращается к своему начальнику: «Посмотри на меня после того, как я пристал к земле, после того, что я видел, что я испытал! Слушай меня! Хорошо слушать людей. Он говорил (resp. сказал) мне... [172] друг мой. Разве дают воду птице на рассвете, когда ее хотят зарезать утром».

На этом заканчивается текст самой сказки и следует заключение, которым обычно заканчиваются литературные произведения Египта классического периода [173]: «Это значит, что он (т. е. рассказ) пришел [к завершению со] своего начала до своего конца, подобно найденному в [древнем] писании. Записал писец почтенный своими пальцами, Амени-Амено, да будет он жив, невредим, здрав».

Из процитированного мной заключения текста папируса следует, что записанная на последнем сказка уже длительное время привлекала внимание читателей и слушателей, хотя и являлась лишь извлечением из более пространного рассказа. Очевидно, сказка и в таком сокращенном виде казалась тем, кто с ней знакомился, завершенной повестью, заслуживающей того, чтобы она была переписана с древнего манускрипта. Поэтому В. С. Голенищев дал такое истолкование содержанию сказки, которое сохраняло за ней максимальную целостность изложения. Согласно его пониманию, все содержание сказки, с начала до ее конца, исчерпывается речью «почтенного сопровождающего (воина)», который сперва предлагает вельможе, своему начальнику, явиться перед царем, а затем рассказывает ему о своих приключениях на море и на волшебном острове, а также о наградах, полученных им от царя за привезенные с острова ценности [174]. По мнению В. С. Голенищева, неудачная экспедиция героя сказки, закончившаяся гибелью корабля и его экипажа, была очень близка по времени экспедиции, руководимой самим вельможей, так как именно корабль последнего и отвез потерпевшего кораблекрушение и его сокровища

---

[172] Конец строки 183 папируса, состоящей из трех слов, пока оставляю без перевода, так как интерпретация его зависит от истолкования общего контекста и поэтому переводится по-разному В. С. Голенищевым и другими египтологами.

[173] Gardiner, Eg. Gr., § 189, p. 143, ref. 9.

[174] Не могу согласиться с предложением В. С. Голенищева, что «сопровождающий воин» был недоволен наградой, данной ему царем. Повествование в сказке о награждении царем потерпевшего кораблекрушение не дает, как мне кажется, основания для подобного предположения (W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 12—14).

с волшебного острова в Египет[175]. Прибыв в столицу, потерпевший кораблекрушение первым отправился к царю и представил ему все ценные дары, посланные благодетельным драконом, властелином волшебного острова. Вознагражденный за это царем, он вернулся к вельможе и предложил ему в свою очередь явиться к фараону, а для подкрепления этого предложения он рассказал истинную историю того, что он пережил до момента прибытия к острову корабля вельможи[176]. Изложив эти события, описав вкратце возвращение на родину и рассказав о приеме у царя, «сопровождающий (воин)» обращается к вельможе с просьбой выслушать его, столь много пережившего, ибо всегда «хорошо слушать людей». Затем следует фраза, которую я выше оставил частично без перевода[177], так как в отношении ее понимания имеются разногласия среди египтологов.

В. С. Голенищев данное предложение перевел следующим образом: «Он (т. е. царь) сказал мне: „[Ты поступил], как поступил бы мудрец, мой друг"»[178]. Завершением сказки служит пословица: «разве дают воду птице на рассвете, когда ее хотят зарезать утром». Словами пословицы «сопровождающий (воин)», по мнению В. С. Голенищева, хотел сказать, что сле-

[175] W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 16—17.

[176] Конечно, потерпевший кораблекрушение должен был рассказать вельможе, взявшему его на свой корабль, о причине пребывания на острове среди «Великого Зеленого (моря)», как это требовалось методой изложения сказок. Вспомним хотя бы разъяснения, даваемые Синдбадом-мореходом своим избавителям от вынужденного пребывания на каком-нибудь острове, на который он попадал после своего очередного кораблекрушения. Но в данном случае египетский мореход, очевидно, не решился рассказать вельможе, возвращавшему его на родину, всю правду о своей неудачной экспедиции. Дело в том, что он, наверное, до некоторой степени нес вину за гибель предоставленного ему корабля. Действительно, вспомним, что в сказке два раза подчеркивается, что матросы его корабля «предсказывали бурю раньше, чем она наступала, и непогоду прежде, чем она разражалась» (строки 31—32 и 97—98 папируса). Поэтому естественно встает вопрос, как же они не почувствовали приближение роковой бури, погубившей корабль, и невольно возникает догадка, что команда предсказала бурю, но он, ее начальник, не внял их советам и не пристал вовремя к берегу. В таком случае понятно, почему потерпевший кораблекрушение боялся предстать перед вельможей, в подчинение к которому он попадал, неудачным руководителем, виновным в гибели доверенного ему корабля и его экипажа. Поэтому он поступил подобно Синухету, из боязни сказавшему правителю Верхнего Ретену неправду о причине своего пребывания в Кедеме. После же награждения царем потерпевший кораблекрушение решил своему начальнику рассказать всю правду о своей экспедиции и побудить тем самым его также предстать перед очи царя.

[177] См. сноску 176.

[178] W. S. Golénischeff, «Naufragé», p. 78.

дует ожидать от фараона еще дальнейших милостей, кроме тех, о которых он уже упоминал[179].

С этим объяснением В. С. Голенищева не согласились некоторые исследователи. В первую очередь не согласился принять его объяснение А. Эрман, с которым В. С. Голенищев был связан подлинно научным соревнованием в работе над проблемами грамматики и над интерпретацией вновь издаваемых литературных памятников. А. Эрман уже в 1906 г., непосредственно после опубликования В. С. Голенищевым иероглифической транскрипции, перевода и комментария текста эрмитажного папируса № 1115[180], выступил со своим истолкованием рамки, включавшей рассказ потерпевшего кораблекрушение. В ряде существенных пунктов толкование А. Эрмана расходится с мнением В. С. Голенищева[181]. Согласно А. Эрману, литературная рамка, облекавшая сказку, создавала для читателя следующую ситуацию: некий вельможа вернулся в Египет из не вполне успешной экспедиции в Нубию и боится поэтому предстать перед царем. Тогда старый, многоопытный воин, участник экспедиции, пытается успокоить своего начальника и советует ему побороть свои опасения и смело идти на прием к царю. Для подкрепления своего совета воин рассказывает вельможе о своей злополучной экспедиции в «рудник царя», закончившейся гибелью корабля и его экипажа. Однако царь не покарал его, а, наоборот, наградил, когда он получил через воина чудесные дары благодетельного дракона, властелина острова, на который он (воин) был выброшен волнами моря. Но рассказ воина не успокоил вельможу, и, согласно А. Эрману, вельможа, а не царь, как полагал В. С. Голенищев, говорит слова, переведенные, как мы выше видели, русским египтологом следующим образом: «[Ты поступил], как поступил бы мудрец, мой друг». А. Эрман предложил для этих слов иной перевод: «Не разыгрывай из себя превосходного, мой друг»[182]. Пословицу, закан-

[179] Правда, В. С. Голенищев, как я уже указал выше, предположил, что «сопровождающий (воин)» был недоволен царскими наградами и обратился к вельможе с просьбой ходатайствовать перед царем о дальнейших милостях для него, «сопровождающего (воина)». Но и при таком понимании просьбы «сопровождающего (воина)», с которым, как уже было указано, я не согласен, приведенная пословица сохраняет тот смысл, который вложил в нее В. С. Голенищев («Naufragé», p. XV).

[180] RT, t. 28, 1906, p. 1 f.

[181] ZÄS, Bd 43, 1906, S. 1; A. Erman, *Literatur...*, S. 56.

[182] А. Эрман в своем переводе сказки сомневался в предложенном им варианте, поэтому в примечании, которое должно разъяснить читателю смысл переведенной им фразы «не желай быть слишком разумным», он ставит вопросительный знак (A. Erman, *Literatur...*, S. 63).

чивающую сказку и переведенную им «кто же дает рано еще воду птице, которую он резать будет утром», по А. Эрману, говорил также вельможа, и смысл ее сводился в данном контексте, по его мнению, к тому, что царь теперь не сделает ему (вельможе) ничего хорошего, так как он хочет посягать на его жизнь [183].

К истолкованию А. Эрманом рамки, включающей в себя сказку о потерпевшем кораблекрушение, примкнули и другие авторитетные египтологи [184], но, несмотря на это, у меня сильнейшее сомнение в возможности безоговорочного признания остроумного построения А. Эрмана.

Дело в том, что его сложная теория требовала понимания фразы в строках 183—184 папируса, начинающейся словами «он сказал мне», как ответа самого вельможи «сопровождающему (воину)», а не как продолжения речи последнего. С подобным толкованием указанной фразы я никак не могу согласиться: ведь на самом деле в данном контексте подлежащим предложения «он сказал мне» может быть только «царь», который выступает действующим лицом в предшествующем тексте: царь поблагодарил [185] перед собранием сановников всей страны потерпевшего кораблекрушение, и последний был благодаря его царскому постановлению, назначен «сопровождающим (воином)» и одарен царскими рабами [186]. Затем потерпевший кораблекрушение обращается к вельможе со следующими словами: «смотри на меня после того, как я пристал к земле, (и) увидал,

---

[183] A. Erman, *Literatur...*, S. 63, note 2.

[184] ZÄS, Bd 44, 1907, S. 81; G. Roeder, *Altägyptische Erzählungen und Märchen*, Leipzig, 1927, S. 17.— Б. А. Тураев, кажется, сомневался в истолковании А. Эрманом литературной рамки этой сказки. На это предположение наводит меня формулировка Б. А. Тураевым результатов исследования А. Эрманом сказки Эрмитажного собрания: «Эрман усматривает даже искусно придуманную рамку, в которую вставлен рассказ». В своем переводе сказки Б. А. Тураев не интерпретирует те части текста, на основании которых А. Эрман воздвигает свою теорию о рамке сказки (Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 257—259).

[185] Царь выступает в нашей сказке как рядовой персонаж, без характерного для фараона обращения «Его Величество», которое применяется по отношению к нему в сказках, сохранивших историческую традицию, как, например, в сказках папируса Весткар (A. Erman, *Literatur...*). Эрмитажная сказка является по существу своему подлинной народной сказкой, в которой действующие лица не имеют собственных имен, а указывается лишь их социальное положение, как «сопровождающий воин», «вельможа», «фараон», которые соответствуют «солдату», «барину», «царю» наших народных сказок.

[186] В строке 179 папируса говорится о «рабах (головах) его», т. е., очевидно, царя.

что я испытал»[187]. Непосредственно за этим обращением следует фраза, начинающаяся словами «он сказал мне». Вполне естественно, что при наличии такого контекста только царь мог быть тем лицом, который что-то сказал «сопровождающему (воину)». Прийти к другому выводу можно, лишь предположив описку и путем замены в данной фразе сказки записанного текста «он сказал мне» текстом «он сказал ему». Но необходимо отметить, что описка вряд ли допустима в столь тщательно написанном манускрипте, каким является сказка о потерпевшем кораблекрушение[188]. Кроме того, надлежит указать, что в данном случае можно предположить более серьезную описку, нежели замена одного местоименного суффикса другим. Дело в том, что «вельможа», упомянутый в строке 2 текста сказки в качестве лица, к которому обращался «сопровождающий (воин)», не мог быть назван без какого-либо разъяснения в конце текста, в строке 183 его, лишь через суффикс 3-го лица м. р. — «он».

Несомненно, в изложении таких литературных произведений, как сказки, всякое новое действующее лицо должно быть введено, во избежание недоразумения у читателя или слушателя, не путем указания одного лишь личного местоимения; а путем приведения его имени или термина, определяющего его социальное положение[189]. Следовательно, при истолковании

[187] А. Эрман считает, что в последнем предложении потерпевший кораблекрушение призывает своего начальника убедиться в его благополучии после приема у царя, несмотря на гибель доверенного ему корабля и его экипажа (A. Erman, *Literatur...*, S. 62, note 4). В связи с этим надлежит отметить, что приведенное мной обращение потерпевшего кораблекрушение к вельможе говорит определенно за то, что герой сказки только что пристал к земле и только что был принят царем. Действительно, лишь в таком случае имеет смысл призыв «сопровождающего (воина)» к своему начальнику посмотреть на него, приставшего к земле и видавшего испытанное им. Если бы данные события были отделены годами от экспедиции самого вельможи, то «сопровождающий (воин)» не отметил бы в своем обращении «приставание к земле», которое неоднократно имело место в его жизни.

[188] В тех случаях, когда А. Эрман предполагал описки в тексте сказки Эрмитажного собрания, как, например, в строках 138 и 143, В. С. Голенищев находил возможным получать хороший смысл из текста указанных строк, не подвергнув его какому-либо исправлению (см. A. Erman, *Literatur...*, S. 61; W. S. Golénischeff, *Le papyrus àà 1115 de l'Ermitage Impérial de Saint-Pétersbourg*, p. 9).

[189] В рассказе Синухета данная закономерность наблюдается на всем протяжении этого обширного памятника. Нельзя не отметить, что Г. Редер, следующий в понимании рамки сказки о потерпевшем кораблекрушение за А. Эрманом, считал нужным дать конец сказки под следующим заголовком: «Вельможа признает добрую волю своего воина» (см. G. Roeder, *Altäyptische Erzählungen und Märchen*, S. 22).

А. Эрманом указанной фразы сказки она должна была гласить: «вельможа сказал ему», а не «он сказал ему». Кроме этого затруднения при понимании А. Эрманом конца сказки, я вижу еще одно препятствие на пути признания толкования, предложенного А. Эрманом для многострадальной фразы сказки «он сказал мне». Дело в том, что пресловутое предложение при его толковании полностью выпадало из системы прочего изложения сказки. Последняя, как было выше сказано, начинается словами: «сказал почтенный сопровождающий (воин)», а затем он рассказывает фантастическую повесть, передавая ее от первого лица. Затем «сопровождающий (воин)» снова обращается к вельможе, и это обращение, как и первое, дано в форме прямой речи. Непосредственно следующая за вторым обращением к вельможе фраза «он сказал мне» должна быть, следовательно, продолжением обращения, переданного в прямой речи того же «сопровождающего (воина)» к вельможе, а не началом выступления нового действующего лица, ибо в таком случае было бы неуместным в качестве дополнения местоимение 1-го лица.

Таким образом, в результате анализа построения сказки о потерпевшем кораблекрушение можно считать обоснованным положение, что ни подлежащее, ни дополнение фразы «он сказал мне» не могут быть согласованы с тем толкованием, которое было предложено этой фразе А. Эрманом. Поэтому я и решаюсь признать закономерность истолкования В. С. Голенищевым указанной фразы, которое вместе с тем дает прекрасный смысл концу сказки и всему ее содержанию. На самом деле перевод В. С. Голенищева «он (т. е. царь) сказал мне: (ты поступил), как поступает почтенный», дает основание предположению, что этими словами потерпевший кораблекрушение указывал вельможе на то, что царь его назначил не только «сопровождающим (воином)», но и «почтенным сопровождающим (воином)», каковым он выступает и в самом начале сказки: «Сказал почтенный сопровождающий (воин)» [190]. Указанием на дарование царем столь почетного титула «сопровождающий (воин)» хотел окончательно рассеять опасения вельможи, ибо «разве дают воду птице на рассвете, когда ее хотят зарезать утром». Присуждение царем титула «почтенный» вкупе с его прочими милостями являлось, по мнению потерпевшего кораблекрушение, признаком благорасположения фараона не только по отношению к нему самому, но и по отношению к вельможе, который привез его, заброшенного волнами моря на

[190] Я полагаю, что во фразе «m ir ikr» сохранилась усеченная формулировка присуждения фараоном какого-нибудь титула сложной иерархии Египта.

остров дракона, с сокровищами острова в столицу, к царю. Слова же приведенной пословицы должны были, по мысли «сопровождающего (воина)», содействовать осознанию вельможей невозможности подобных милостей со стороны царя, если бы последний имел намерение казнить вельможу за какой-то проступок, допущенный им во время собственной экспедиции. Наверное, в последних словах потерпевшего кораблекрушение скрывался намек на то, что судьбы его и вельможи связаны между собой, так как и он сам в течение двух месяцев принимал участие в экспедиции вельможи.

Таким образом, понимание В. С. Голенищевым рамки сказки о потерпевшем кораблекрушение объединяет ее в одно органическое целое в основном рассказом о приключениях морехода на волшебном острове среди моря и делает понятным выделение этого фантастического рассказа из состава большой повести о приключениях, имевших место во время экспедиции по Нилу и на море. Очевидно, повесть в своем первоначальном виде начиналась с рассказа вельможи воину, потерпевшему кораблекрушение, о том проступке, который он допустил во время своей экспедиции. В результате совещания они решили, что первым высадится потерпевший кораблекрушение, чтобы немедленно предстать перед царем с ценными дарами, привезенными с волшебного острова, и тем самым вызвать его благорасположение. Расчет оказался правильным, и почтенный «сопровождающий (воин)», каковым был назначен царем потерпевший кораблекрушение, сказал вельможе об удаче своей миссии. Надо полагать, что первая часть приключенческой повести, содержащая рассказ вельможи о своих злоключениях, была лишена фантастического вымысла, а потому какой-то читатель повести, любитель мотивов и сюжетов волшебных сказок, решил переписать для себя лишь ее конец, содержавший «убедительно лживый рассказ» о фантастических приключениях морехода на волшебном острове, над которым властвовал страшный на вид, но благодетельный дракон. Первая же часть повести, которая, как я полагаю, была свободна от фантастического элемента, не могла, очевидно, выдержать конкуренции с реалистической повестью о приключениях Синухета[191] в степях Сирии, далеко за пределами цивилизованного Египта, ставшей равно одной из любимейших книг общества древнего Египта и являющейся первой известной нам робинзонадой во всемирной литературе[192].

---

[191] Б. А. Тураев называет рассказ Синухета «живым реалистическим романом» (Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, стр. 83).

[192] Уровень производительных сил общества древнего Египта был не настолько высоким, чтобы могло зародиться литературное произведение

Если в научном соревновании между В. С. Голенищевым и А. Эрманом при истолковании литературной рамки сказки о потерпевшем кораблекрушение следует признать преимущество интерпретации, предложенной русским египтологом, то в деле исследования другого, открытого В. С. Голенищевым, литературного памятника результат был несколько иным. Речь идет о труде над воссозданием сохранившегося в отдельных разрозненных кусках иератического папируса, транскрибированного и переведенного В. С. Голенищевым в 1899 г. и содержащего отчет финансового храмового служащего Уну-Амона о своем путешествии в Финикию в XI в. до н. э.[193]. В данном случае следует признать, что при уяснении содержания фрагментированного папируса наблюдения, сделанные А. Эрманом в 1900 г., внесли существенное исправление в то понимание последовательности описанных в папирусе событий, которое до него было предложено В. С. Голенищевым[194].

Дело в том, что А. Эрман локализовал вполне закономерно заготовку строевого леса, описанную во втором, хорошо сохранившемся столбце папируса, в финикийском городе Библе, игравшем роль Архангельска в мире древнего Ближнего Востока. В. С. Голенищев же, не находя в окружающем контексте упоминания Библа, решил, что все действия, о которых рассказывает основное содержание второго столбца, имели место в городе Доре народа Тсакара, народа, родственного филистимлянам[195].

О прибытии Уну-Амона в Дор и о пережитых им здесь злоключениях повествует начальный фрагмент I столбца начиная с 8-й строки. В Доре с Уну-Амоном произошла очень большая неприятность: один из матросов его корабля бежал с золотом и серебром, полученным им от властителей Египта для

о борьбе одинокого человека против сил природы. Поэтому тогда создавались лишь такие «робинзонады», которые повествовали о приключениях и злоключениях представителя цивилизованного общества, попавшего волею судеб в условия нецивилизованного, т. е. доклассового, общества. В данном случае речь идет о переживаниях египтянина среди кочевых племен степей Сирии. Подобные «робинзонады» знает европейская литература и в XIX в.

[193] См. упомянутые мной (сноска 41) два исследования В. С. Голенищева, посвященные приобретенному им папирусу о приключениях Уну-Амона. При решении вопроса, стоящего сейчас передо мной, существенной является лишь вторая из его работ (RT, t. 21, 1899, p. 74—102), так как она наряду с переводом дает тщательную иероглифическую транскрипцию иератического текста папируса.

[194] ZÄS, Bd 38, 1930 (S. 1); A. Erman, *Literatur...*, S. 225.

[195] См. W. Strouve, *Das Volk der Tꜣ-Kꜣ-Rꜣ*,— «Яфетический сборник», VI, Л., 1930, стр. 94—99.

оплаты того строевого леса, который должен был быть привезен в Фивы из Финикии. Уну-Амон потребовал от царька Дора возвращения похищенных ценностей, но тот отказался признать справедливость подобного требования, так как вором являлся матрос с корабля самого Уну-Амона.

Начальный фрагмент I столбца папируса заканчивается указанием, что Уну-Амон после девяти дней пребывания в гавани Дора вновь отправился на переговоры с царьком города. Фрагмент же папируса, соответствующий концу его I столбца, начинается словами: «Я провел 19 дней в его гавани, и он все время, ежедневно, посылал ко мне требование: „Удались из моей гавани!"». При подобном контексте было вполне естественно со стороны первоиздателя предположить, что начало фрагмента папируса (соответствующего концу его I столбца) являлось продолжением эпизода о посещении Уну-Амоном царька Дора после девятнадцатидневного пребывания в его гавани. Поэтому В. С. Голенищев, преодолевавший трудности, стоящие перед создателем edito princeps фрагментированного литературного памятника, не обратил должного внимания на возможность включения в состав изношенного временем I столбца папируса и того обрывка, который был им назван «III (или IV?) столбцом» издаваемого текста.

Внешний вид данного обрывка папируса, казалось, полностью подтверждал мнение В. С. Голенищева, который определил его как новый столбец рассказа Уну-Амона о своих злоключениях в Финикии. Дело в том, что верх обрывка имеет вид верхушки столбца папируса, закрепленной защитной полоской [196].

А. Эрман тем не менее критически отнесся к восстановлению В. С. Голенищевым содержания фрагментированного папируса и постулировал, как я выше указал, среди событий, описываемых в папирусе, также факт пребывания Уну-Амона в Библе, ибо только там можно было приобрести тот строевой лес, который был необходим для сооружения священной ладьи бога — покровителя стовратых Фив. Опираясь на данное наблюдение, А. Эрман и мог предположить, что фрагмент папируса, определенный В. С. Голенищевым в качестве III или IV столб-

[196] Указав на включение А. Эрманом указанного отрывка в середину I столбца, между отрывками начала и конца его, А. Гардинер отмечает: «Против этого мнения выдвигается факт, что верх III столбца выглядит подобно верху столбца с защитной полоской». Затем А. Гардинер упоминает об изучении фотографий папируса известным папирусоведом К. Ибшером, но об этом я буду говорить ниже (A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63).

4 Заказ 540

ца его, должен быть включен в состав I столбца, так как в нем упоминается о прибытии египтянина Уну-Амона к царьку Библа Тсакарваалу [197]. Впоследствии советский египтолог И. М. Лурье на основании оригинала, а затем А. Гардинер по просьбе последнего и К. Ибшер на основании фотографий пришли к выводу, что так называемый III или IV столбец является не верхней полоской нового столбца папируса, а одной из средних полосок, которая отклеилась от большого папирусного листа.

Таким образом было устранено препятствие, затруднявшее предложенное А. Эрманом включение обрывка, названного В. С. Голенищевым III столбцом, в состав I столбца изданного папируса. Вместе с тем И. М. Лурье и А. Гардинер в качестве египтологов, а К. Ибшер в качестве папирусоведа пошли в своем восстановлении I столбца дальше, нежели А. Эрман. Они предположили, что указанный обрывок не только входил в состав I столбца, но непосредственно примыкал к начальному фрагменту I столбца, а к нему самому в свою очередь непосредственно примыкал фрагмент конца I столбца. Что же касается узкого язычка, примыкавшего снизу к последней, несколько пострадавшей строке начального фрагмента I столбца и содержащего отдельные знаки четырех последующих строк, то он заполняет, по мнению трех указанных исследователей, как с точки зрения филологической, так и с точки зрения папирусоведения лакуну в левой части обрывка, упоминающего о прибытии Уну-Амона в Библ [198]. Результатом всех перечисленных предположений является полное восстановление I столбца, который в таком случае включает 59 строк сплошного текста [199].

---

[197] A. Erman, *Literatur...*, S. 228.

[198] См. A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63. См. также его предисловие к данному изданию, в котором подчеркивается приоритет И. М. Лурье в данном установлении (Ibid., p. 11).

[199] У А. Гардинера дан подсчет строк восстановленного I столбца (A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63). Я полностью признаю непоколебимый авторитет К. Ибшера в области папирусоведения, и если тем не менее я решаюсь высказать мои сомнения в правильности предложенной им реконструкции I столбца папируса, то лишь потому, что он пришел к этому выводу на основании изучения фотографий, а не на основании работы над самой древней рукописью. Изучение же фотографии, хотя бы и самое тщательное, не может заменить исследование самого папируса. Так, А. Гардинер, являющийся лучшим чтецом иератических папирусов, не мог установить на основании фотографии, что остаток знака в строке 23 I столбца отчасти закрыт кусочком загнувшегося папируса. Это наблюдение сделал М. А. Коростовцев, работая над самим папирусом. Не мог также А. Гардинер установить на основании фотографий, что в знаке

Несмотря на всю заманчивость предложенного восстановления I столбца папируса, содержащего отчет Уну-Амона, оно вызывает у меня некоторое сомнение, обусловленное рядом моментов, первый из которых отмечается до некоторой степени и одним из трех авторов восстановления, а именно А. Гардинером. Дело в том, что в результате присоединения к последней строке начального фрагмента I столбца сохранившихся знаков на левой стороне первой строки обрывка, свидетельствующего о пребывании Уну-Амона в Библе, получается необычайное написание слова jm — «море» без предшествующего определенного артикля pꜣ. Подобное написание указанного слова пока не засвидетельствовано в текстах Нового царства. Так и в папирусе о путешествии Уну-Амона, в котором оно встречается неоднократно в бесспорном контексте [200]. Это слово пишется всегда с определенным артиклем [201]. Указанное восстановление I столбца связано в данном месте еще и с той трудностью, что перед словом «море» (jm) отсутствует не только определенный артикль, но также и указывающий на направление предлог, так как в непосредственно предшествующем тексте строки 23 начального фрагмента I столбца речь идет об «идущих».

Как я уже выше указал, А. Гардинер обратил внимание на затруднение, обусловленное необходимостью допущения столь необычного написания слова jm «море» [202], и он определяет это затруднение как «реальную трудность на пути реконструкции

конца третьей строки обрывка (названного В. С. Голенищевым III столбцом), автографированного им к указанной строке, правая из верхних его черточек соответствует лишь дыре в папирусе (Ibid., p. 63 a, ref. d.).

[200] См. перечисление упоминаний слов «jm» — «море» в папирусе, причем я следую ради удобства пагинации В. С. Голенищева: 1,8; x+13; x+14; x+21; II, 14; 18—19; 24; 44; 50; 62; 63; 74; 80; III, 11.

[201] См. перечисление упоминаний слова «jm» — «море», данное во второй части работы М. Бурхардта (M. Burchardt, *Die altkanaanäischen Fremmdworte und Eigennamen im Aegyptischen*, Leipzig, 1909, № 216; Wb. I, Belegsiellan, S. 78 11.). Определенный артикль предшествовал всегда слову «море» потому, что последнее, подобно небу и солнцу, всем известно (A. Erman, *Neuaegyptische Grammatik*, Leipzig, 1933, S. 77, § 176).

[202] А. Гардинер говорит по поводу написания слова «jm» — «море» в строке 23 I столбца без определенного артикля следующее: «Это очень странно, что определенный артикль отсутствовал, но это может быть объяснено фразой „šm r jm", „go to sea", и надлежит, однако, доказать наличие подобной конструкции в египетском языке, поскольку в родственном английскому немецком языке такая конструкция не существует». Да и сам А. Гардинер, очевидно, не считал «странность» отсутствия определенного артикля перед словом «море» устраненной в результате своего предположения и определяет в непосредственно следующей фразе примечания столь необычное написание слова «моря» как «реальную трудность» с точки зрения филологии (A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63a, ref. d.).

*

К. Ибшера с филологической стороны»[203]. Правда, по мнению А. Гардинера, данная «реальная трудность» является единственной на пути признания восстановления I столбца тремя названными учеными. Тем не менее я полагаю, что имеются и другие затруднения на этом пути реконструкции I столбца папируса. Первое из них я усматриваю в остатке знака, сохранившегося в почти целиком разрушенной левой части строки 23 I столбца. Этот знак А. Гардинер готов определить как верхнюю часть буквы j, следующей непосредственно за фрагментированным словом jm — «море» в строке 1 обрывка, в котором В. С. Голенищев видел начало III столбца папируса[204]. Но данное предположение не подтверждается моими измерениями, произведенными над самим папирусом. Они приводят к выводу, что след знака должен быть локализован не над буквой j в левой части строки 1 обрывка, а над вполне сохранившимся знаком на 3/4 см левее. Невозможность же помещения следа знака строки 23 I столбца в строке 1 обрывка противоречит разбираемой мной реконструкции I столбца. Для последней я нахожу дальнейшее затруднение в несомненном письменном знаке в виде горизонтальной черточки, соответствующей, вероятно, букве n в первой строке III столбца (согласно пагинации В. С. Голенищева), сохранившейся непосредственно направо от большой лакуны. Как это ни странно, но на этот знак не было обращено никакого внимания, хотя он, наверное, должен быть отнесен к первой строке обрывка. Правда, этот знак находится на несколько более низком уровне, нежели иератические знаки левой части первой строки, но правую сторону строк 1 и 2 III столбца следует так же поднять, как и правую сторону первых двух строк I столбца. Если же указанный письменный знак действительно относится к строке 1 обрывка, названного В. С. Голенищевым III столбцом, то эта строка 1 обрывка не может быть присоединена к строке 23 I столбца, так как в последней на данном месте никакой лишний знак не может быть вмещен.

Имеются налицо и определенные препятствия для признания обязательной локализации групп письменных знаков, сохранившихся на указанном выше язычке, который примыкает

---

[203] См. сноску 204.

[204] «Верхушка» этого «j» кажется видимой в 1423 строках, но вследствие плохого монтирования III столбца на основании фотографии в этом нельзя быть уверенным (A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63a, ref.). М. А. Коростовцев указал мне на данное примечание А. Гардинера и на затруднение из-за невозможности локализации следа знака в конце строки 1 III столбца.

снизу к строке 23 начального фрагмента I столбца. Как я уже отметил, было предположено, что данные группы знаков, относящиеся к строкам 24, 25, 26 и 27 начального фрагмента, должны быть включены в лакуну на левой стороне злополучного обрывка во 2, 3, 4 и 5-й его строках. Лично у меня и данная реконструкция фрагментированного I столбца папируса вызывает некоторые сомнения. Так, я не могу признать обязательным включение группы знаков, сохранившихся от строки 24 начального фрагмента I столбца, в текст строки 2 обрывка, объявленного В. С. Голенищевым остатком III столбца папируса. Включение указанной группы, правда, вполне возможно в текст строки 2 обрывка, но при этом необходимо учесть чрезвычайно плохую сохранность этой строки, которая допускает возможность включать в ее текст с одинаковым успехом любую группу знаков [205].

В вопросе о возможности включения в текст строки 3 обрывка группы знаков, оставшихся от строки 25 I столбца, дело обстоит иначе. В данном случае, как мне кажется, помещению указанной группы знаков в лакуне третьей строки обрывка препятствует узенькая полоска, выступающая в лакуну из правой стороны строки [206]. Не могу я также согласиться с включением группы знаков, сохранившихся от следующей, 26-й строки I столбца, в текст строки 4 обрывка. Дело в том, что, по моему мнению, здесь при данном состоянии сохранности обрывка никак не может быть помещена группа знаков ḫpꜣ, оставшаяся от строки 26 I столбца. Не только я не усматриваю подобной возможности, но ее не усматривали и В. С. Голенищев на основании изучения самой рукописи и А. Эрман на основании фотографии, ибо они транскрибировали в данном месте

---

[205] В реконструкции второй строки обрывка, данной А. Гардинером, группа знаков остатка строки 24 начального фрагмента I столбца окружена с обеих сторон значительными лакунами (Ibid., p. 7—8, 63).

[206] Действительно, я не вижу никакой возможности при наличии выступающей вправо в лакуну узенькой полоски поместить группу знаков строки 25 I столбца «ỉ w.k mḥ m». Надлежит отметить, что в схематическом рисунке А. Гардинера обрывка, определенного В. С. Голенищевым частью III столбца, отсутствует в лакуне указанная узенькая полоска. Вместе с тем я должен подчеркнуть, что лакуна, отмеченная в указанном схематическом рисунке и для строк 4 и 5 III столбца, не устанавливается мной ни на основании фотографии, ни на основании изучения самого папируса. Я лично не нахожу здесь в рукописи продолжения лакуны, разрывающей строки 1, 2 и 3 обрывка. В связи с транскрипцией А. Гардинера второй строки язычка у меня возникают сомнения в правильности интерпретации им полуразрушенного знака, следующего за группой «ỉ w. k». А. Гардинер восстановил его как знак «mḥ», я же вижу в нем остаток знака «šd» (Ibid., p. 63).

текст строки 4 обрывка следующим образом: wḫ;[ḫ]n;jw...[207]. Если оба названных ученых читали в тексте строки 4 обрывка группу n;, то, очевидно, для группы строки 26 I столбца нет места[208]. Если же данное мое наблюдение, подкрепленное чтением В. С. Голенищева и А. Эрмана, является правильным, то становится сомнительной и возможность помещения группы знаков строки 27 I столбца в тексте строки 5 обрывка. На самом деле, ведь состояние сохранности обрывка здесь то же, что и в 4-й его строке, а поэтому оно также не допускает перенесения сюда группы знаков cḳ, сохранившейся от погибшей строки 27 I столбца[209]. Что же касается возможности непосредственного присоединения ничтожного остатка погибшей строки 14 обрывка к сохранившейся части строки 1 большого фрагмента конца I столбца, то подобное восстановление вряд ли может быть признано обязательным, если мы примем во внимание почти полное разрушение одного из компонентов[210]. Надлежит указать еще на один момент, который, казалось бы, говорит против предложенной реконструкции I столбца, а именно: то небольшое сравнительно количество строк I столбца, которое получается в результате подобной реконструкции. Действительно, 83 строкам II столбца противостоят только 59 строк восстановленного I столбца. Правда, верхняя часть I столбца, соответствующая по размеру примерно пяти строкам, оставалась свободной от текста, и в первой части столбца письменные знаки были расположены более просторно, но и при должном учете этих двух моментов разница в количестве строк между двумя столбцами остается слишком значительной[211].

[207] W. S. Golénischeff, *Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff, contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie*, p. 110; A. H. Gardiner, *Late-Egyptian Stories*, p. 63a, line 4, ref.

[208] Правда, А. Гардинер (*Late-Egyptian Stories*, p. 63a, line 4, ref.) не согласен с чтением «n» В. С. Голенищева и А. Эрмана, аргументируя тем, что «фото III столбца показывает только один пробел, который теперь заполняется группой „p;" строки 26 I столбца». Я лично должен заявить, что на той фотографии, которая в моем распоряжении, я не вижу пробела, где можно было бы поместить указанную группу. Не вижу я здесь пробела и на самом папирусе.

[209] Правда, А. Гардинер утверждает, что «cḳ» здесь удивительно хорошо прилаживается, но я лично, вглядываясь в состояние сохранности обрывка, не могу найти здесь места для включения группы «cḳ» (Ibid., p. 63 a, line 5, ref.).

[210] А. Гардинер (Ibid., p. 64) в подстрочном примечании высказывает предположение о связи двух крошечных следов знаков на лоскутах, сохранившихся от истерзанной строки 14 I столбца. Подобное предположение вполне допустимо, но возможно и любое другое предположение.

[211] Она могла быть допустимой, если бы II столбец был последним в папирусе, но II столбец обрывает повествование о злоключениях Уну-Амона на полуслове.

Я, конечно, не рассматриваю как решающие все мои замечания об остроумной и заманчивой реконструкции I столбца этого замечательного папируса, предложенной И. М. Лурье, А. Гардинером и К. Ибшером. Они, несомненно, требуют тщательной проверки путем нового исследования не фотографий, а самой древней рукописи как с точки зрения египтологической, так и с точки зрения папирусоведческой. Мне кажется, что надлежит с максимальной тщательностью изучить verso упомянутого выше «язычка», примыкающего снизу к строке 23 I столбца. Дело в том, что на оборотной стороне «язычка» лежит узенькая полоска, очевидно, являющаяся частицей «язычка». Окантовщик I столбца, не заметив загнувшейся частицы «язычка», закрепил ее в этом положении. Если же она будет снята с verso «язычка» и будет положена рядом с ним, то, возможно, решение вопроса о реконструкции I столбца папируса о путешествии Уну-Амона продвинется значительно вперед. Имеются еще и другие вопросы, связанные с реконструкцией древнеегипетской рукописи, повествующей о злоключениях египтянина в Финикии XI в. до н. э., и я, высказывая свои сомнения, надеюсь, что советские египтологи, работающие над исследованием литературного памятника древнего Египта, открытого и впервые интерпретированного русским ученым, рассеют все сомнения, связанные с проблемой его восстановления [212].

Вместе с тем я решился выступить со своими предположениями еще потому, что в некоторых из них готов был видеть отражение тех предположений, которые заставили В. С. Голенищева в свое время определить обрывок папируса с упоминанием о пребывании Уну-Амона в Библе не в качестве части I столбца, а в качестве III или даже IV столбца. Правда, мы можем лишь догадываться о предположениях, побудивших его дать то восстановление фрагментированной рукописи, которое мы находим в его издании папируса 1899 г. Стремясь как можно скорее ввести в научный оборот новый ценный источник, В. С. Голенищев ограничился кратким введением, иероглифической транскрипцией и переводом текста, а поэтому он не аргументировал и не разъяснял своего построения содержания издаваемого им фрагментированного папируса. Но есть все основания догадываться, что, согласно предположению В. С. Голенищева, прибытие Уну-Амона в страну «Араса» [213] отнюдь

[212] Над исчерпывающим, всесторонним изданием папируса о путешествии Уну-Амона работает М. А. Коростовцев.

[213] Я не буду останавливаться здесь на рассмотрении вопроса о локализации страны «Араса», которую в настоящее время большинство исследователей отождествляет с Кипром.

не означало для него конца его испытаниям, но было связано с началом новой цепи драматических событий. Действительно, лишь при таком предположении В. С. Голенищев мог допустить возможность, что обрывок папируса, упоминающий о прибытии Уну-Амона в Библ, является частью даже IV столбца издаваемого им литературного памятника.

Я полагаю, что предположение В. С. Голенищева о возможности столь большого объема повествования о приключениях Уну-Амона, последовавших за прибытием его в страну Араса, заслуживает серьезного внимания. Содержание конца II столбца, несомненно, подкрепляет толкование В. С. Голенищева о многочисленных превратностях, которые еще предстояли Уну-Амону и после приобретения строевого леса для священной ладьи Амона, что являлось единственной целью его путешествия в Финикию. На самом деле, II столбец, начиная со строки 62, повествует об опасностях, возникших для Уну-Амона в связи с прибытием в Библ одиннадцати кораблей враждебных ему людей Тсакара. Последние потребовали от царька Библа выдачи ненавистного им египтянина, но тот отказался выдать посла бога Амона, предложив им захватить Уну-Амона после того, как он оставит гавань Библа. Люди Тсакара, приняв предложение правителя Библа, вышли в море, и здесь, очевидно, их корабли были пригнаны к стране Араса тем же ветром, который несколько позднее прибил туда и корабль Уну-Амона. Прибыв в страну Араса, люди Тсакара, конечно, восстановили против Уну-Амона местное население, которое поэтому и хотело казнить высадившегося с корабля Уну-Амона. От немедленной смерти спасло последнего лишь заступничество царицы страны, предложившей ему провести спокойно ночь. На этом заканчивается II столбец папируса. Надо полагать, что на следующий день имело место расследование перед царицей того дела, которое заставляло людей Тсакара искать гибели Уну-Амона. Сам злосчастный египетский Одиссей потребовал разбирательства, подобного судебному, когда он начал свое обращение о помощи к царице страны Араса следующими словами: «Я (сам) слышал (повсюду) вплоть до „города“ (т. е. Фив, местопребывания Амона), что творится ложь во всяком городе, но творится правда в стране Араса, а разве все же и здесь творится ложь» [214].

Расследование этого серьезного дела в стране Араса, славившейся своим праведным судом, не могло не требовать двустороннего обсуждения, и, следовательно, на суде должно было

[214] Столбец II, строки 78—79 папируса.

иметь место выступление людей Тсакара, с одной стороны, и выступление Уну-Амона — с другой. Люди Тсакара, прибывшие раньше в страну Араса, выступили, надо полагать, первыми на суде, и их изложение дела, а также описание самого суда должно было занять некоторое количество строк начала III столбца. Сохранившийся же текст обрывка папируса повествует о приключениях Уну-Амона в самой Финикии и о прибытии в Библ, и он поэтому может быть включен в I столбец, но может быть также включен и в текст III столбца, являясь здесь частью выступления Уну-Амона на суде в стране Араса. Естественно, что в этом выступлении он снова должен был повторить рассказ о своих злоключениях так же, как это сделал в разобранной выше сказке мореход, выброшенный на волшебный остров, по требованию дракона, владыки острова.

Если можно согласиться с данным восстановлением содержания III столбца папируса, то следует признать до некоторой степени возможным и предположение В. С. Голенищева об определении этого обрывка в качестве части III столбца издаваемого им фрагментированного папируса. Его ошибка в таком случае сводилась лишь к тому, что он не учел необходимости локализации приобретения строевого леса Уну-Амоном в Библе и не осознал, что поэтому в I столбце папируса должно было быть упоминание о прибытии посла Амона в знаменитый центр торговли лесными богатствами Ливана. А. Эрман, как уже говорилось выше, учел данный момент и поэтому включил обрывок, упоминающий о прибытии Уну-Амона в гавань Библа, в I столбец, между фрагментами начала и конца его. Но А. Эрман в свою очередь, так же как и три исследователя, стремившиеся уточнить его реконструкцию I столбца, не учел возможности того, что рассказ о злоключениях посла Амона в Доре, а затем в Финикии мог быть повторен в повествовании о событиях, связанных с пребыванием его в стране Араса.

Подводя итог всему сказанному мной по вопросу о реконструкции фрагментированного папируса, содержащего отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию, я имею право утверждать, что результаты исследования В. С. Голенищева и этого изданного им литературного памятника должны быть учтены теми, кто изучает и еще будет изучать этот драгоценный для историка источник. Его предположение о потере нескольких столбцов папируса с повествованием о дальнейших приключениях Уну-Амона в Азии является весьма вероятным, и это заставляет нас вместе с Б. А. Тураевым «особенно сожалеть о том, что он дошел до нас не в полном виде» [215].

[215] Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, стр. 199.

Наряду с проблемами, связанными с изучением столь близких его сердцу литературных памятников Египта, В. С. Голенищев ставил перед собой и те вопросы, решение которых являлось существенным для построения древней истории Египта. В этой области он также имел достижения, обеспечившие ему благодарность исследователей истории и культуры Египта. В первую очередь надлежит отметить его успехи в деле определения эпохи, породившей замечательные памятники египетской культуры.

Так, В. С. Голенищеву принадлежала несомненная заслуга подкрепления весьма убедительным аргументом доказательства ряда ученых о довольно поздней датировке (а именно римской эпохой) происхождения знаменитых фаюмских портретов, которые торговцы древностей ради повышения их ценности продолжали объявлять более древними.

В. С. Голенищев, которому посчастливилось приобрести несколько фаюмских портретов [216], заинтересовался временем их изготовления и нашел подтверждение датировки их римской эпохой в приобретенном им в Каире саване-пелене с нарисованной фигурой покойного между Осирисом и Анубисом [217]. Очень тщательно вырисованное лицо покойного, написанное на отдельном куске материи, вставленном в пелену, является бесспорно весьма близким по работе фаюмским портретам. Вместе с тем В. С. Голенищев подчеркивает, что «гиероглифические надписи, равно как и фигуры божеств на саване, по своему стилю никак не могут быть отнесены к Птолемеевской эпохе, а прямо указывают на эпоху более позднюю — римскую» [218].

Не прошла бесследно исследовательская работа В. С. Голенищева и в решении вопроса о датировке тех относимых по технике к роду гобеленов тканей, которые происходили из Ахмимского Коптского кладбища [219]. Обратив внимание на восхождение сюжетов ахмимских тканей частью к христианскому, частью к языческому мировоззрению, В. С. Голенищев делает вполне закономерный вывод об отнесении изготовления этих тканей «к тому времени, когда христианство настолько окрепло в Верхнем Египте, что около Ахмима возникли уж

[216] Они были изданы В. С. Голенищевым (ЗВОРАО, т. III, 1888, табл. II). Одному из них Б. В. Фармаковский посвятил специальное исследование, названное выше, в сноске 37.

[217] Там же, табл. III.

[218] Б. А. Тураев, *Египетская литература*, т. I, стр. 6—7. — К той же эпохе относятся и отмеченные В. С. Голенищевым маленькие черные фигуры, изображенные на саване-пелене.

[219] Там же, табл. IV—V. — Здесь изданы образцы ахмимских тканей, имевшихся в собрании В. С. Голенищева.

монастыри и возле них христианские кладбища, а вместе с тем язычество еще не настолько исчезло, чтоб следы его не обнаруживались, хотя бы в орнаментах тех одежд, в которые не брезговали одеваться сами христиане». Поэтому В. С. Голенищев не мог согласиться с мнением Г. Масперо, датировавшего ахмимские ткани эпохой между вторжением арабов в Египет и X в., и настаивал на том, что среди этих тканей имелись безусловно такие, которые древнее VII в. нашей эры [220].

Особенно же глубокий след оставила исследовательская работа В. С. Голенищева в области истории Египта, когда он решил проблему датировки знаменитых танисских сфинксов из черного гранита, создание которых А. Мариэтт ошибочно приписал гиксосским царям.

Уже в 1891 г. В. С. Голенищев высказал в своем каталоге египетских памятников Эрмитажа сомнение в правильности датировки А. Мариэтта при описании статуи царя XII династии Аменемхета III, в чертах лица которой его опытный глаз нашел отраженными костлявые, широконосые лица названных сфинксов [221].

В 1893 г. В. С. Голенищев окончательно убедился на основании детального сопоставления названной статуи Аменемхета III Эрмитажного собрания, а также статуи того же царя его собственной коллекции с танисскими сфинксами, что лица последних передавали портретные черты этого крупнейшего представителя XII династии, завершившего грандиозные работы по освоению Фаюмского оазиса [222].

Исследование Владимира Семеновича выдержало испытание временем. У нас Б. А. Тураев принял безоговорочно датировку В. С. Голенищевым танисских сфинксов [223], а за рубежом крупнейший историк древнего Египта Д. Г. Брестэд объявил вместе с русским египтологом лица танисских сфинксов портре-

---

[220] Там же, стр. 14.

[221] В. С. Голенищев при описании статуи Аменемхета III замечает, что «черты лица являются суровыми и напоминают черты сфинксов из Таниса, которые обычно приписывают царям гиксосам» (W. S. Golénischeff, *Ermitage Impérial. Inventaire de la collection égyptienne*, p. 84, № 729).

[222] W. S. Golénischeff, *Amenemha III et les sphinx de «San»*, — RT, t. 15, 1893, p. 131—136.

[223] В примечании 1 на стр. 612 русского перевода «Истории человечества», изданной под редакцией Г. Гельмольта, Б. А. Тураев подчеркивает, что В. С. Голенищев доказал принадлежность танисских сфинксов Аменемхету III. Тем самым Б. А. Тураев исправил неточность, допущенную в тексте автором раздела по истории древнего Египта К. Нибуром (Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 227).

тами Аменемхета III[224]. Правда, в конце 30-х годов была подвергнута сомнению датировка танисских сфинксов временем правления Аменемхета III и отождествление их лица с портретом названного фараона Среднего царства. Вместо этого было предложено считать временем их создания эпоху Древнего царства. Но в 1955 г. было опубликовано исследование, объявившее новую датировку сфинксов «приемлемой с трудом» и подкрепляющее датировку, предложенную В. С. Голенищевым, привлечением нового памятника, который говорит в пользу отождествления лица танисских сфинксов с лицом портретных статуй Аменемхета III[225].

Вопросам датировки было посвящено предисловие В. С. Голенищева к изданию им в 1913 г. папирусов № 1116 А и 1116 В Эрмитажного собрания. Как я уже упоминал, его исследование позволило установить, что счетные документы, написанные на лицевой стороне обоих папирусов, были составлены во время соправительства Тутмоса III и его сына Аменхотепа II и что длительность этого соправительства обнимала большее количество лет, чем раньше предполагали[226]. Сейчас я хочу лишь отметить интересное для историка наблюдение, сделанное В. С. Голенищевым над списками пребывавших в столице Египта послов городов-государств Сирии и Финикии, перечисленных в счетном папирусе № 1116 А Эрмитажного собрания. Согласно остроумному предположению В. С. Голенищева, эти списки азиатских городов, представители которых во время своего пребывания в Египте получали иждивение из закромов фараона, могли лечь в основу списка чужеземных стран и городов, увековеченных на стенах Карнакского храма[227]. Тем самым

---

[224] Д. Г. Брэстед, *История Египта с древнейших времен до персидского завоевания* (пер. В. Викентьева) т. I., М., 1915, стр. 211—212; см. также утверждение о принадлежности танисских сфинксов Аменемхету III (H. R. Hall, *The Cambridge ancient history*, vol. I, London, 1928, p. 309). — Особо стоял в вопросе о датировке танисских сфинксов Фл. Питри. Правда, он, подобно другим историкам древнего Египта, отказался от датировки танисских сфинксов гиксосской эпохой, но видел в них памятники, созданные во время вторжения южных племен между VII и X династиями. В лицах танисских сфинксов Фл. Питри усматривал этнографический тип, близкий современным галласам.

[225] См. следующее небольшое, но очень ценное исследование: J. R. Harris, *The date of the «Hyksos» sphinxes*, — JEA, vol. 41, 1955, p. 123.

[226] Вывод, к которому пришел В. С. Голенищев о длительности соправительства Тутмоса III и Аменхотепа II, хорошо согласуется с хронологией Нового царства, засвидетельствованной в подлинном манефоновском списке царей Египта (В. В. Струве, *Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства*, — ВДИ, 1946, № 4, стр. 16—17).

[227] W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques...*, p. 5.

В. С. Голенищев вернулся в 1913 г. к проблемам, связанным с карнакскими списками чужеземных стран, которые он в молодые годы внимательно изучал, исправляя ошибки, допущенные А. Мариэттом, первоиздателем этих текстов [228].

Ряд своих исследований В. С. Голенищев посвятил различным нерешенным проблемам истории Египта. Так, он пытался на основании списка египетских городов, приведенного в словнике его коллекции [229], определить место поражения ливийцев в одной из войн конца Нового царства [230]. В. С. Голенищев не избегал касаться вопросов истории и в своем каталоге египетских памятников Эрмитажа. На самом деле, он не ограничился здесь простой констатацией частичного уничтожения имен собственников двух больших гранитных саркофагов Саисской эпохи — военачальника Яхмоса и его матери, царской жены Нехтесбастетероу, а пытается определить то лицо, по повелению которого были повреждены имена собственников этих саркофагов. Он высказывает вполне приемлемое с точки зрения истории предположение, что указанные имена были частично стерты по повелению Камбиса, завоевавшего Египет и свергнувшего XXXVI династию. Согласно Геродоту, персидский завоеватель преследовал память фараона Яхмоса, и поэтому он, наверное, уничтожал и имена близких родственников царского дома Египта, каковыми были, очевидно, и тезка фараона, военачальник Яхмос, и его мать, царская жена Нехтесбастетероу [231].

Я уже говорил выше о ценном памятнике времени персидского владычества — стеле Дария I, раскопанной В. С. Голенищевым вблизи Телль-эль-Масхута. В исследовании, посвященном открытой им надписи великого персидского царя [232], В. С. Голенищев специально остановился на восстановлении фрагментированного в надписи списка народов, входивших в состав державы Ахеменидов. Работа по реконструкции списка народов была очень нелегкой, так как аналогичные списки на других стелах Дария I — на стеле, найденной вблизи Шалуфа [233], и на так называемой Суэцкой стеле [234] — сохранились

---

[228] См. сноску 94.

[229] Об этой энциклопедии-словнике собрания В. С. Голенищева см. стр. 12 данной работы.

[230] W. S. Golénischeff, *Offener Brief an Herrn Professor G. Steindorff*, S. 101—106. См. также сноску 42 данной работы.

[231] W. S. Golénischeff, *Ermitage Impérial, Inventaire de la collection égyptienne*, p. 94.— Предположение Владимира Семеновича было принято Б. А. Тураевым (Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, стр. 125).

[232] RT, t. 13, 1890, p. 99—109.

[233] G. Posener, *La première domination...*, p. 63.

[234] Ibid., p. 81.

еще хуже и поэтому не могут оказать существенной помощи при восстановлении списка народов на стеле из Телль-эль-Масхута. Тем не менее В. С. Голенищев блестяще справился с поставленной перед собой задачей, что подтвердилось тщательной проверкой результатов его работы. Проверка была произведена Г. Позенером при переиздании стелы из Телль-эль-Масхута и подтвердила существенные моменты реконструкции В. С. Голенищевым списка народов державы Ахеменидов, перечисленных на стеле

В начале того же 1889 г., когда В. С. Голенищев раскопал стелу Дария I вблизи Телль-эль-Масхута, он совершил археологическую экскурсию в древний город Веренику на берегу Красного моря. Во время экскурсии он изучил небольшой храм Сети I в сутках пути от Нила, посетил старинные рудники, где, может быть, в эпоху Нового царства добывалось золото, определил точнее положение тех станций на древнем караванном пути, названия которых сохранились в труде Плиния и в итинерарии Антонина, и, наконец, ознакомился с развалинами самого города Вереники. Он повсюду списывал встречающиеся надписи и обогащал тем самым, как и во время своей поездки в Уади Хаммамат [235], эпиграфический материал древнего Египта, столь ценный для историка [236].

В. С. Голенищев в своем стремлении содействовать дальнейшим успехам в области изучения истории Египта и смежных с ним стран произвел археологические изыскания в Нубии и в оазисах. Эти его работы были поставлены Б. А. Тураевым рядом с материалами экспедиций такого выдающегося египтолога, каким был Г. Бругш [237].

Проблемы религии, игравшие в жизни народа древнего Египта, как в обществе докапиталистического периода, столь выдающуюся роль, не оставались, конечно, вне круга внимания В. С. Голенищева, и он касался их в своих многочисленных работах наряду с вопросами письма, языка, литературы и истории. Среди богатого научного наследства В. С. Голенищева имеются и такие исследования, которые специально посвящены истории религии. Одна из подобных работ была опубликована в ранние годы исследовательской деятельности В. С. Голенищева — в 1882 г.; объектом ее изучения были два изображения, относящиеся ко времени римской эпохи, срисованные им в городище Кау-эль-Кебир на восточном берегу Нила во время

[235] Ibid., p. 18—19.

[236] См. ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 19—21; RT, t. 13, 1890, p. 75—96, pl. I—VII.

[237] Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 23.

посещения Среднего Египта зимой 1879/80 г.[238]. Здесь был древний город, который греки называли Антеополем, по имени таинственного бога, отождествлявшегося ими со своим Антеем. Бог, покровитель Антеополя, был изображен вместе с богиней Нефтидой, и его своеобразный облик в виде бородатого вооруженного мужчины, державшего в руке газель, был тщательно изучен Владимиром Семеновичем, сопоставившим его, с одной стороны, с Дионисом, а с другой — с семитическим богом Решефом[239], почитаемым в Египте. Через 12 лет В. С. Голенищев снова вернулся к проблеме бога Антея, когда ему посчастливилось в музее Гизе найти изображение этого любопытного божества, представленного в данном случае не только с Нефтидой, но и с Гарпократом[240]. Он подверг и это изображение детальному анализу, и результаты исследования были приняты А. Эрманом в его известном труде по истории религии древнего Египта[241].

Я уже говорил, что В. С. Голенищев изучил не только памятники письменности, но также и памятники искусства, как, например, статуи Аменемхета III, которые, как и статуи его предшественника Сенусерта III, согласно определению М. Э. Матье, «показывают блестящее разрешение основной проблемы придворного искусства этого периода — проблемы создания реалистического царского портрета»[242]. Проблемы истории египетского искусства были затронуты В. С. Голенищевым в исследовании, связанном с изданием большой стелы вельможи начала XXI в. по имени Хунена[243]. Он остановился здесь наряду с интересным религиозным текстом, начертанным на стеле, и на рельефных изображениях памятника, а тем самым и на значении искусства XI династии.

Говоря о значении В. С. Голенищева для египтологии, я стремился выявить основные достижения его интенсивной исследовательской деятельности, которая протекала почти в равной степени и на его родине, в России, и в любимом им Египте

[238] W. S. Golénischeff, *Über zwei Darstellungen des Gottes Antaeus*, — ZÄS, Bd 20, 1882, S. 135—145, taf. 2.

[239] Решеф многократно упоминается в текстах Угарита (C. H. Gordon, *Ugaritic Handbook*, vol. III, Roma, 1947, p. 271 a).

[240] W. S. Golénischeff, *Eine neue Darstellung des Gottes Antaeus*, — ZÄS, Bd 32, 1894, S. 1—2, taf. 1.

[241] A. Erman, *Die Religion der Ägypter*, Berlin, 1934, S. 394, 455.

[242] Автору принадлежит заслуга высказаться одной из первых против попыток отодвинуть портретные статуи Аменемхета III к эпохе Древнего Царства (М. Э. Матье, *Искусство Среднего Царства*, стр. 63).

[243] В. С. Голенищев, *Египетская могильная плита № 4071*, — «Памятники...», вып. 1—2, стр. 3—18, табл. I.

те. Мне хочется подчеркнуть его безграничную и бескорыстную преданность исследовательской работе не только в области египтологии, но и в востоковедении вообще. Самоотверженное отношение к науке побуждало В. С. Голенищева к скорейшему изданию памятников, открытых им или принадлежавших ему. Так, он издал, не дожидаясь окончательных результатов многолетнего детального изучения, уже в 1891 г. двадцать четыре «каппадокийские таблички» своей коллекции, ибо стремился посредством своих автографий скорее представить эти почти неизвестные до того документы на рассмотрение ученым, занимавшимся изучением клинописных памятников [244]. Я уверен, что В. С. Голенищев сам при более длительном изучении своих «каппадокийских табличек» определил бы их в качестве древнейших представительниц ассирийской письменности [245]. Но он не мог допустить, чтобы столь уникальные письменные памятники оставались так долго недоступными специалистам.

Побуждаемый тем же благородным стремлением обогатить науку новыми ценными источниками, Владимир Семенович в максимально короткий срок опубликовал результаты своей эпиграфической экспедиции в Уади Хаммамат, реконструкцию и интерпретацию фрагментированного иероглифического текста стелы Дария I, раскопанной им вблизи Телль-эль-Масхута [246], иероглифическую транскрипцию и перевод фрагментированного иератического папируса, содержащего отчет Уну-Амона [247], и другие издания памятников. В этом отношении наш соотечественник выгодно отличался от знаменитого французского археолога и египтолога А. Мариэтта [248].

Другим проявлением его бескорыстного служения науке являлась постоянная готовность В. С. Голенищева предоставить любой ценный памятник своей коллекции тому ученому, который им заинтересовался и который, по его мнению, мог успешно справиться с трудностями, стоявшими на пути издателя. Так, Владимир Семенович опубликовал четкие фототипии рукописей с неизвестным ему шрифтом, приобретенные им зимой 1888/89 г. в Египте, и мотивировал опубликование фототипий следующим характерным для него заявлением: «Предлагаю их

---

[244] W. S. Golénischeff, *Vingt-quatre tablettes Cappadociennes de la collection W. Golénischeff*, SPb., 1891, p. 1.

[245] Уже при издании этих табличек он отметил в их тексте ассирийские слова.

[246] См. стр. 29—35.

[247] См. стр. 81 и сл.

[248] Так, А. Мариэтт в течение нескольких лет задерживал издание многочисленных памятников, найденных в открытых им гробницах священных Апис-быков.

на рассмотрение ученых более опытных, чем я, в дешифровании еще неизвестных письмен»[249]. Купленный в Александрии той же зимой фрагмент папируса с остатком еврейского текста был передан В. С. Голенищевым крупному русскому гебраисту А. Я. Гаркави[250], а приобретенные тогда же в Каире две клинописные таблички он предоставил для издания английскому ученому Сэйсу[251]. Греческие надписи собрания В. С. Голенищева получил для издания хранитель Отдела древностей Эрмитажа Е. М. Придик[252], а коптские тексты — египтолог и коптовед О. Е. Лемм[253].

Он предоставил А. Эрману издание иератического папируса конца Среднего царства, содержащего гимны коронам бога Собка, почитаемого в Крокодилополе[254], а А. Гардинеру, подарившему египтологии почти не поврежденный образец своеобразной энциклопедии, созданной в эпоху Нового царства[255], передал фотографии иератического папируса конца Нового царства. Ф. Грифиту — одному из наиболее искусных чтецов демотического курсива — В. С. Голенищев переслал фотографии нескольких демотических папирусов[256], а молодому французскому египтологу Г. Позенеру Владимир Семенович уступил фотографии с эстампажей, снятых с фрагментов стелы Дария I во время раскопок последней вблизи Телль-эль-Масхута[257].

Отношение В. С. Голенищева к своим товарищам по науке находило яркое выражение в той справедливой оценке их достижений, которую он давал им в различных своих работах. Так, он отмечал в отчете о своей эпиграфической экспедиции в Уади Хаммамат, что ее результаты «могут быть поправлены и пополнены» изданными Р. Лепсиусом Хаммаматскими надписями. Вместе с тем В. С. Голенищев считал своим долгом защитить своего предшественника от обвинения в отсутствии филологической акрибии и поэтому заявил: «Нельзя, конечно, упрекнуть знаменитого немецкого ученого в небрежности за те неточности, которые попадаются в его издании, особенно если

[249] ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 2, прим. 1, табл. I (№ 1, 2, 3).
[250] Там же, стр. 31.
[251] Там же, стр. 8.
[252] См. сноску 28.
[253] «Все привезенные мной коптские рукописи из Ахмима переданы на рассмотрение моему другу Оскару Эдуардовичу Лемму, посвятившему себя за последнее время почти исключительно изучению коптских текстов» (ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 15, прим. 4).
[254] См. сноску 40.
[255] См. сноску 42.
[256] F. L. Griffith, *Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library at Manchester*, vol. III, Manchester, 1909.
[257] G. Posener, *La première domination...*, p. 51.

принять во внимание, что надписи изданы Р. Лепсиусом по эстампажам, а не по собственноручным спискам»[258].

Высоко ценил Владимир Семенович труды такого гиганта в мире египтологии, каким был Г. Бругш. Он восхвалял необъятные знания немецкого ученого в области египетской письменности, которые позволили Г. Бругшу создать для египтологии монументальные энциклопедические издания по языку, географии и т. д.[259]. В. С. Голенищев отметил также и остроту глаза Г. Бругша, умевшего найти среди множества папирусных фрагментов тот обрывок, который имел отношение к одному из известных ему литературных памятников древнего Египта[260]. В. С. Голенищев с большим уважением относился к талантливому французскому египтологу и востоковеду Г. Масперо, которого считал своим учителем и которому посвятил самый выдающийся свой труд — издание сказки о потерпевшем кораблекрушение с исчерпывающим филологическим комментарием[261]. Столь же справедливой была оценка со стороны В. С. Голенищева достижений А. Эрмана, с которым он неоднократно вступал в серьезную научную полемику. Уже в 1888 г. В. С. Голенищев безоговорочно причислил А. Эрмана наряду с Г. Эберсом к авторитетам в области египтологии[262]. В большом труде «Le conte du naufragé», в котором оспариваются установки А. Эрмана, В. С. Голенищев подчеркнул дружеское отношение к своему научному оппоненту[263] и дал высокую оценку яркому исследовательскому таланту и точности знаний выдающегося немецкого ученого[264]. В 1922 г. В. С. Голенищев назвал в своей работе об египетском синтаксисе установление А. Эрманом так называемого псевдопартиципия «блестящим исследованием» и подчеркнул, что его автор «внес точный порядок в смутные сведения, которые имелись до него относительно различных видов египетского партиципия»[265]. В работах Владимира Семеновича мы находим самые лестные отзывы и о других современных ему адептах египтологической науки, как, например, о друге его А. Гардинере[266].

---

258 ЗВОРАО, т. II, 1887, стр. 73.

259 ZÄS, Bd 20, 1882, S. 145—148.

260 RT, Bd 21, 1899, p. 1.

261 Слова посвящения, определившие значение Масперо для работы Голенищева, можно найти в упоминавшемся труде последнего — «Naufragé».

262 ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 5.

263 Там же, стр. 63, прим. 1.

264 Хочется отметить, что В. С. Голенищев не разрешал себе никакого резкого суждения в полемике с любым научным противником.

265 W. S. Golénischeff, *Remarques*, p. 685—689.

266 W. S. Golénischeff, *Les papyrus hiératiques...*, p. 1.

В свою очередь работы В. С. Голенищева находили признание со стороны зарубежных египтологов. Так, Г. Бругш в своей «Истории египтологии» называет его «чрезвычайно одаренным ученым в египтологической области» и отмечает, что ряд исследований В. С. Голенищева являются «свидетельствами его выдающихся знаний и критической проницательности»[267]. Автор известного труда «История Египта», выдающийся американский египтолог Д. Г. Брэстед упоминал в весьма лестном контексте имена трех крупнейших русских египтологов, когда он в предисловии к русскому переводу своего труда выражал «чувство признательности за ту великую честь, которая ему оказана появлением его книги на русском языке — в стране, где египтология столь почетно представлена такими выдающимися именами, как В. С. Голенищев, О. Э. Лемм и Б. А. Тураев»[268].

Вместе с тем следует с сожалением отметить, что большая работа В. С. Голенищева в области грамматики и особенно синтаксиса египетского языка не нашла должной оценки тех крупнейших египтологов, достижения которых сам В. С. Голенищев охарактеризовал справедливо и адекватно. А. Эрман в своей автобиографической книге «Mein Werden und mein Wirken», опубликованной в 1929 г., ни разу не упомянул имя русского египтолога, хотя он мог это сделать, вспоминая свою исследовательскую работу и над папирусом о путешествии египтянина Уну-Амона в Азию, и над папирусом, содержащим сказку о потерпевшем кораблекрушение, и, наконец, свое издание папируса с гимнами, посвященными богу Собку[269].

К сожалению, А. Гардинер не упомянул имени В. С. Голенищева в кратком очерке египетской филологии, включенном в его классический труд «Egyptian Grammar», и не назвал его имени даже в том разделе грамматики, который был посвящен так называемому «псевдопартиципию», обозначенному им термином «The old Perfective».

Правда, следует указать в связи с этим, что грандиозный труд В. С. Голенищева, посвященный египетскому синтаксису, был закончен лишь незадолго до смерти и поэтому его ре-

---

[267] H. Brugsch, *Die Aegyptologie*, S. 145—146.

[268] Д. Г. Брэстед, *История Египта с древнейших времен до персидского завоевания*, т. I, стр. XII.

[269] К сожалению, А. Эрман в специальной главе своей автобиографии ни слова не говорит об исследовании им перечисленных трех литературных папирусов, несмотря на то, что результаты, полученные им при их изучении, обратили на себя внимание египтологов (A. Erman, *Mein Werden und mein Wirken*. S. 264—272).

зультаты не были доступными во всей полноте другим исследователям египетской грамматики.

Я уже говорил, что наличие в научном наследии В. С. Голенищева столь ценного, еще не опубликованного труда возлагает на нас, советских египтологов, священную обязанность приложить все усилия к скорейшему его опубликованию. Мне хочется верить, что и египетские ученые, посвятившие себя изучению истории и культуры древнего Египта, также примут участие в создании этого памятника В. С. Голенищеву, бывшему представителем не только русской, но и египетской науки, так как он был в течение ряда лет профессором университета в Каире.

Будучи учеником знаменитого русского арабиста В. Р. Розена, В. С. Голенищев еще студентом полюбил средневековую арабскую литературу, а затем, подобно другому ученику В. Р. Розена, выдающемуся арабисту И. Ю. Крачковскому, стал изучать язык и быт арабских стран.

Во время своих многолетних странствований по долине Нила В. С. Голенищев расширял и углублял свои знания языка и быта современного египетского народа, который стал ему близким и родным, к которому он всегда относился с любовью.

Он изучал жизнь и быт феллахов [270] и бедуинов восточной пустыни Египта [271]. В качестве египтолога он всегда внимательно следил за всяким достижением египетских ученых в области науки об истории и культуре древнего Египта [272]. Став профессором университета в Каире, он в противоположность английским и французским ученым принял самое активное участие в подготовке национальных кадров египтологов. Египетская научная общественность высоко оценила плодотворную деятельность В. С. Голенищева, открывшего представителям египетской нации доступ к египтологической науке, и ему был посвящен в ознаменование его заслуг на этом поприще, а также его достижений в области египтологии специальный сборник [273].

---

[270] См. В. С. Голенищев, *Два древнеегипетских юмористических рисунка*,— ИРАО, т. I, вып. 3—6, 1884, стр. 261—265.

[271] См. ЗВОРАО, т. II, 1887, стр. 68 и сл.

[272] См. ЗВОРАО, т. V, 1890, стр. 3 и сл.

[273] Сборник был приурочен к шестидесятому путешествию В. С. Голенищева в Египет. Текст посвящения гласил: «A Wladimir Golénischeff pionnier de l'Egyptologie à l'Université du Caire». Сборник был опубликован в 1939 г. (ASAE, t. XXXIX, 1939). Указанию на данный сборник я обязан любезности М. А. Коростовцева, за что и приношу ему глубокую благодарность.

Мы, советские египтологи, должны гордиться участием нашего соотечественника в создании национальных египетских кадров исследователей, изучающих древнюю историю и культуру долины Нила. Тем самым В. С. Голенищев содействовал в своей области наступлению «завтрашнего дня во всемирной истории».

Д. Г. РЕДЕР

НАУЧНАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. В. НИКОЛЬСКОГО

Михаила Васильевича Никольского считают основоположником русской ассириологии.

Б. А. Тураев называет его «первым русским ассириологом» и «отцом русской ассириологии» [1].

Но это не значит, что научная деятельность М. В. Никольского ограничивалась изучением клинописных документов. Михаил Васильевич был одним из крупнейших семитологов своего времени и одновременно историком Древнего Востока и в некоторых своих исследованиях уделял внимание памятникам древневосточного искусства. Его научное творчество характерно многогранностью. Филология, археология и искусствоведение признавались им в одинаковой мере необходимыми для основной цели, к которой он стремился для восстановления общей картины формирования и развития древней культуры Передней Азии.

Путь, по которому М. В. Никольский пришел к своей специальности, был весьма своеобразен. Высшее образование он получил в Московской духовной академии, но по ее окончании отказался от богословской деятельности и предпочел скромное положение преподавателя древнегреческого языка в средних учебных заведениях Москвы.

Некоторое время Михаил Васильевич работал в Московском университете в качестве «приватного» преподавателя. Как выдающегося знатока-семитолога его пригласили для преподавания древнееврейского языка и ассириологии, но при этом не включили в постоянный штат преподавателей университета и, по остроумному замечанию Б. А. Тураева, большую часть сво-

[1] Б. А. Тураев, *Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского*, М., 1915, стр. 1.

ей жизни он был «частным ученым» и «работал при самых невыгодных научных и материальных условиях»[2].

Лишь на шестьдесят первом году своей жизни, 15 ноября 1908 г., Михаил Васильевич получил степень доктора всеобщей истории, присужденную ему Петербургским университетом «honoris causa».

М. В. Никольский не был узким специалистом и кабинетным ученым. Свои творческие силы и энергию он посвящал не только кропотливому исследовательскому труду, но и широкой практической деятельности.

В условиях дореволюционной России не было больших возможностей для изучения ассириологии и планомерного накопления необходимых для этого материалов. В выступлениях М. В. Никольского на научных заседаниях неоднократно слышатся жалобы на равнодушие русского правительства и «финансовых кругов» к делу изучения Древнего Востока. В то время как западные страны тратили миллионы на организацию раскопок древнейших центров культуры, Россия отставала в этом отношении, и Михаил Васильевич как патриот своей родины неоднократно протестовал против такого положения. Он был уверен, что русская наука имеет все данные для успешного соревнования с западноевропейскими и американскими учеными в изучении очагов цивилизации Передней Азии, с которыми именно Россия особенно тесно связана географически и исторически.

Несмотря на все препятствия, Михаилу Васильевичу удалось добиться серьезных сдвигов и создать необходимые предварительные условия для развития зарождающейся русской ассириологии.

По его инициативе были отлиты в Москве клинописные шрифты (ассирийский и урартский), которые, по авторитетному суждению Б. А. Тураева, в техническом отношении оказались совершеннее соответствующих западноевропейских шрифтов[3].

В 1887 г. по инициативе Михаила Васильевича была создана Восточная комиссия при Императорском московском археологическом обществе[4]. Записка о необходимости образования этой комиссии была напечатана два года спустя в протоколах заседаний Восточной комиссии и свидетельствует о широких

[2] Там же, стр. 5.

[3] Там же, стр. 3.

[4] *«Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества»,* — ДВ, т. II, вып. 1, М., 1889, приложение, стр. 3—11.

планах, которые Михаил Васильевич считал необходимым осуществить для того, чтобы русские востоковеды не уступали иностранным ученым возможности изучения памятников Востока.

В первую очередь Михаил Васильевич считал необходимым начать изучение памятников старины, находящихся на территории России, особенно на Кавказе и в Средней Азии.

М. В. Никольский призывает русских археологов исследовать памятники древности, скрытые в недрах Средней Азии.

«Нашей науке, — пишет он, — недостойно было бы ожидать, пока явятся иностранцы и примутся за собирание археологического и исторического материала в этих местах, надобно *нам самим* составить план систематического завоевания этого края (т. е. Средней Азии. — *Д. Р.*) *для науки* и разработать собственными силами весь материал, который удалось бы нам достать» [5].

В настоящее время, когда развернулись грандиозные работы по изучению прошлого народов Средней Азии и благодаря открытиям советских исследователей написаны новые страницы истории Древнего Востока, посвященные Хорезму и сопредельным с ним странам, не мешает вспомнить о том, что шестьдесят с лишним лет назад выдающийся русский ученый призывал к изучению малоизвестных областей и предвидел эти огромные успехи.

Но М. В. Никольский считал необходимым для русских археологов и историков принять активное участие также и в изучении памятников зарубежного Востока, подчеркивая, что мы ближе всех стоим к Востоку.

Напомнив о клинописных текстах, найденных в Закавказье, о многочисленных персидских вещах, обнаруженных на территории нашей страны, Михаил Васильевич указывает, что успешное изучение этих документов невозможно в отрыве от памятников, находящихся за рубежом, в первую очередь в Месопотамии [6].

Восточная комиссия, созданная при Московском археологическом обществе, наряду с параллельным объединением петербургских востоковедов (Восточным отделением императорского Русского археологического общества) координировала работу русских филологов, археологов и историков, изучающих Восток.

---

[5] Там же, стр. 6.
[6] Там же, стр. 9.

В течение девяти лет М. В. Никольский являлся секретарем Восточной комиссии и редактировал ее труды. И в дальнейшем, до последних дней своей жизни, он принимал участие в работе ученого общества, созданного по его инициативе[7].

Пять объемистых томов «Древностей восточных», которые появились на протяжении 26 лет (1889—1915), свидетельствуют о большой научной деятельности Восточной комиссии.

По предложению М. В. Никольского в 1893 г. была снаряжена археологическая экспедиция в русскую Армению во главе с ним и А. А. Ивановским. В то время, когда последний производил раскопки каменных ящиков и курганов бронзового и железного веков, Михаил Васильевич копировал, переводил и комментировал клинописные тексты урартов, высеченные на каменных стелах и скалах.

Результатом этих работ были два тома, вошедших в серию «Материалов по археологии Кавказа»[8], без которых теперь не может обойтись ни один исследователь Урарту и урартского периода в истории Закавказья.

За V том, принадлежащий перу М. В. Никольского, императорское Русское археологическое общество присудило автору золотую медаль. Однако успехи экспедиции 1893 г., а также последующих экспедиций 1894 и 1896 гг. не удовлетворили Михаила Васильевича. Его планы были гораздо шире. Незадолго до смерти, в январе 1915 г., вспоминая о работах, производившихся в 90-х годах, М. В. Никольский рассказывал о том, с какой тоской он и А. А. Ивановский взирали на вершины Арарата, за которыми лежали области, недоступные для их археологической деятельности.

В 1894 г. А. А. Ивановский предпринял попытку, рискуя жизнью, перенести археологические изыскания на турецкую территорию. Ему удалось проникнуть в Баязит и скопировать там один из скальных барельефов. Но вскоре он был арестован турецкими властями и лишь после многих мытарств возвратился в Россию.

В дальнейшем, когда Турция попала под влияние германского империализма, М. В. Никольский весьма трезво оценивал роль германской науки и, не отрицая ее достижений в отдельных областях, понимал, что за спиной немецких археологов, филологов и историков стоят политические и финансовые кру-

[7] Б. А. Тураев, *Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского*, стр. 2.

[8] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, М., 1896, — «Материалы по археологии Кавказа», вып. V. К изданию приложены 32 табл. иллюстраций и карта.

ги, для которых наука служит только прикрытием хищных, захватнических планов.

Будучи сторонником систематического и точного исследования, М. В. Никольский резко выступает против методов германских археологов Г. Нельдеке, Р. Кольдевея и В. Андрэ, стремящихся к эффектным открытиям, часто во вред интересам науки. Раскопки немецких археологов, по меткому замечанию Михаила Васильевича, часто носили характер беглых разведок.

Вслед за археологами, нашедшими ценные комплексы памятников, но не считавшими нужным довести раскопки до конца, к обнаруженным архивам устремляются местные жители. Они продолжают раскопки хищническим образом и затем продают клинописные таблетки всякому желающему.

Турецкое правительство не принимало никаких мер против самовольных раскопок и само покупало добытые контрабандой научные коллекции для Оттоманского музея. Таким же путем пополнялись Британский, Берлинский музеи и Лувр. Хотя часть памятников, добытых подобным способом, попала благодаря усилиям В. С. Голенищева и Н. П. Лихачева в Россию, М. В. Никольский предпочитал, чтобы в дальнейшем месопотамские памятники доставлялись к нам иным путем, в результате организованных раскопок.

М. В. Никольский призывал к прекращению бессистемных раскопок в Месопотамии. Он выдвинул проект создания Международной комиссии, в которой обязательно должна принять участие русская миссия, чтобы упорядочить изучение месопотамских древностей [9].

Он твердо верил в то, что в будущем долина Тигра и Евфрата перестанет быть для русских «terra incognita», о которой мы знаем «только из учебников по географии и истории» [10].

М. В. Никольский считал также необходимым участие русских археологов в изучении Палестины. Правда, надо отметить, что в качестве обоснования реальных планов научного исследования он приводит чисто богословские аргументы и взывает к религиозным чувствам русского народа.

В этом, конечно, сказались традиции Московской духовной академии, хотя в большинстве его научных трудов богословские тенденции отнюдь не чувствуются.

---

[9] М. В. Никольский, *Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями*, — ЗВОРАО, «Древности», оттиск из XXV т., М., 1915, стр. 18—20.

[10] Там же, стр. 15.

Описав открытия, произведенные французскими, английскими и немецкими исследователями, М. В. Никольский с прискорбием констатирует, что русские археологи в изучении Палестины отстали.

«До сего времени, — пишет он, — наша русская наука не принимала никакого участия в тех исследованиях почвы Палестины, о которых я говорил, ни в производстве раскопок, ни в разработке научных данных, ведущих к разрешению важнейших проблем библейской науки, ни даже в командировании представителей научного знания в Палестину для ознакомления с постановкой в ней этого рода исследований» [11].

Михаил Васильевич надеется на то, что в дальнейшем такое ненормальное положение изменится и в деле археологического изучения Палестины (как и других восточных стран) русская наука скажет свое слово.

Изучение документов по социально-экономической истории Двуречья

Одной из основных заслуг М. В. Никольского является изучение экономических документов древнего Шумера.

Чтобы в должной степени оценить его роль в развитии этой отрасли ассириологии, необходимо учесть ту обстановку, в которой находилась ассириология к началу XX в. Главное внимание исследователей было устремлено на открытие и изучение ярких и эффектных памятников: дворцов, храмов, зиккуратов, замечательных произведений скульптуры и ювелирного искусства.

Что касается письменных памятников, то предпочтение отдавалось официальным царским надписям, повествующим о военных предприятиях и строительстве древних властителей, или произведениям религиозно-магического характера и памятникам художественной литературы.

Меньший интерес возбуждали скромные глиняные таблетки, на которых были начертаны монотонные ряды цифр и короткие заметки. Ясно было, что эти беглые записи являлись счетами, списками людей, скота и различных продуктов, в общем деловыми сводками древнейших в мировой истории счетоводов.

Михаил Васильевич, который, как мы видели, всегда был противником подхода к историческим памятникам с точки зрения их коммерческой стоимости, одним из первых обратил вни-

[11] Там же, стр. 12.

мание на документы, казавшиеся скучными и малоценными для большинства ассириологов.

Показательно, что открытые в 1877 г. и в последующее время французским археологом Э. де-Сарзеком тысячи экономических документов указанного характера долгое время лежали в музеях неизученными.

Количество этих документов все время увеличивалось благодаря организованным раскопкам, а также поискам отдельных лиц. Значительная часть таблеток с помощью Н. П. Лихачева попала в Россию. Однако использовались они очень мало.

Из полутора тысяч таблеток, относящихся ко времени Урукагины, в начале XX в. (через 25 лет после открытия архивов Телло) была издана всего 51. К тому же французский ассириолог Ф. Тюро-Данжен издал таблетки Луврского музея без распределения по рубрикам, не снабдил их транскрипцией, переводом и комментариями [12].

Таким образом, по существу именно М. В. Никольский является инициатором углубленного изучения древнейших памятников учетного характера, происходивших из Шумера.

В 1907 г. он помог Н. П. Лихачеву издать одиннадцать образцов булл и печатей [13], а затем, с разрешения владельца коллекции, дал полное издание всей серии документов (за исключением трех, не поддающихся разбору). Это монументальное издание вошло в третий том «Древностей восточных» под заглавием «Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н. П. Лихачева» [14].

От упомянутого выше издания Ф. Тюро-Данжена труд М. В. Никольского отличается не только своим объемом (325 документов по сравнению с 51 луврским), но в первую очередь по качеству обработки. Михаил Васильевич дал прекрасные, четкие автографические копии. Чтобы в должной мере оценить проделанный им труд, надо помнить, что шумерийская клинопись (в отличие от ассирийской и урартской) не отличалась четкостью знаков. Приходилось с большим трудом разбирать бесчисленные нагромождения клиньев и восстанавливать сложные комбинации.

Шумерийский язык не был еще достаточно изучен. Многие слова не имели точного перевода. Все эти трудности не остановили выдающегося русского исследователя. Ему удалось дать

[12] F. Thureau-Dangin, *Recueil de tablettes chaldéennes*, Paris, 1903.

[13] Н. П. Лихачев, *Древнейшие буллы и печати Ширпурлы*, — «Записки классического отделения императорского Русского археологического общества», т. IV, 1907, СПб., стр. 225—263.

[14] ДВ, т. III, вып. 2, СПб., 1908.

транскрипцию и точный перевод ряда текстов. Что касается остальных документов, то Михаил Васильевич, отказавшись от полного перевода, сделал пересказ, достаточно подробный для использования содержащихся в них статистических данных.

Особенную ценность представляет составленный автором обстоятельный указатель, в частности его первый раздел, посвященный должностям и обязанностям лиц, упомянутых в изданных текстах. Здесь выявляется значение каждого шумерийского социального термина, приводятся ассиро-вавилонские аналогии, высказываются интересные предположения, дающие основу для социально-экономического анализа.

Изданию предшествует введение, и к каждому из девяти разделов, по которым распределяются документы, приложен подробный комментарий.

Не ограничиваясь непосредственной интерпретацией текстов, М. В. Никольский выдвигает ряд исторических вопросов, возникающих в результате анализа этих текстов, и стремится к их решению.

Большие затруднения вызвала прежде всего датировка серии. На некоторых таблетках указаны даты периодов правления патеси: Урукагины, Лугальанды и Энлитарзи. Все трое, безусловно, являлись современниками, причем каждый из них правил не менее шести лет. Все это было точно установлено, но последовательность правлений оставалась неясной. В отличие от Ф. Тюро-Данжена, считавшего Энлитарзи и Лугальанду предшественниками Урукагины, М. В. Никольский предложил новую гипотезу, согласно которой оба эти патеси принимались за преемников Урукагины. Однако в дальнейшем эта гипотеза не подтвердилась. Впрочем, и сам он считал ее лишь предварительной и внес оговорку, подчеркнув, что «...вопрос о последовательности царствования трех патеси, которым принадлежат издаваемые документы, равно как вопрос о датировке таблеток по годам царствования, представляет немало затруднительного и не может считаться вполне решенным» [15].

Безусловным он считал лишь наличие тесной хронологической связи между всеми тремя царствованиями, достаточно объясняющей единство данной серии в отношении палеографии, языка и ономастики.

Весьма осторожно М. В. Никольский подошел к решению вопроса об абсолютной хронологии Урукагины и его предполагаемых преемников (или, как признано теперь, предшественников).

---

[15] Там же, стр. 7.

Присоединившись к мнению Ф. Тюро-Данжена, установившего, что Урукагина жил в досаргоновский период, М. В. Никольский стремился к хронологической фиксации периода царствования Саргона. Для этой цели можно было бы использовать известное указание последнего нововавилонского царя Набонида (555—538 гг. до н. э.), который утверждал в одной из своих надписей, что Нарамсин жил на 3200 лет раньше. Нарамсин являлся одним из преемников (как выяснено в настоящее время, — внуком) Саргона. Поэтому для времени Саргона получалась довольно точная дата: 3800 г. до н. э. Однако М. В. Никольский согласился принять предлагаемую дату только как условную, заявляя: «Не входя в ближайшее рассмотрение этого вопроса, мы все-таки допускаем, что дата Набонида не может быть принимаема без оговорок, как нечто данное, так как при таких колоссальных вычислениях, простирающихся на несколько тысячелетий, даже при существовании документальных данных, могли быть серьезные ошибки, равно как могли быть и описки в самых надписях Набонида» [16].

В настоящее время, когда мы знаем, что Набонид ошибся на 1400 с лишним лет, не мешает вспомнить об осмотрительности М. В. Никольского, который это предвидел, в отличие от многих ассириологов, не сомневавшихся в правильности выкладок Набонида (напомним, что даже такой недоверчивый и критически настроенный исследователь, как немецкий ассириолог К. Бецольд, считал возможным говорить о том, что в надписи Набонида «найдена хронологическая точка опоры для определения эпохи царствований Нарамсина и Саргона» [17]).

М. В. Никольский понимал всю важность опубликованных им документов для социально-экономической истории Месопотамии.

«Материал этот, — пишет он, — еще мало исследован, но это исследование, успех которого обеспечивается его значительным объемом, открывает возможность проникнуть в социально-экономические отношения столь отдаленных эпох, из коих древнейшая приближается к самой заре нашей культуры» [18].

Значительная часть изданных М. В. Никольским документов касается сельского хозяйства.

М. В. Никольский подметил характерную черту шумерийского права, а именно, различие, проводимое между официальным и фактическим собственником земли.

---

[16] Там же, стр. 5.

[17] К. Бецольд, *Ассирия и Вавилония*, СПб., 1904, стр. 26, пер. с нем. Г. Г. Генкеля.

[18] ДВ, т. III, вып. 2, стр. 1—2.

«Распоряжение этими полями (т. е. участками, упоминаемыми в № 30—51 издаваемой серии. — *Д. Р.*) принадлежит властителям Ширпурлы (устарелое чтение названия шумерийского города; современное чтение — Лагаш. — *Д. Р.*) (царю или патеси) или их женам и управляющим (nu-banda), но на многих из них (№ 30, 31, 32, 35, 43 и 47) имеется имя богини Бау как владелицы земли. Сопоставляя этот факт с многочисленными упоминаниями этой богини в вышерассмотренных таблетках 1-й серии (реестры служащих и рабочих. — *Д. Р.*) и следующей, 4-й серии (отдел зернового хлеба. — *Д. Р.*), где также фигурирует имя богини Бау как верховной властительницы служащих людей и выдаваемого содержания, следует прийти к заключению, что если не вся, то значительная часть земли Ширпурлы находилась в так сказать идеальном владении богини, а распоряжение ею принадлежало царям, патеси и зависящим от них лицам (членам семьи и чиновникам)» [19].

В этой полной характеристике подмечены существенные признаки восточной деспотии. М. В. Никольский никогда не был марксистом и вряд ли подозревал, что собранный им материал прекрасно иллюстрирует положение К. Маркса об отсутствии в основных азиатских странах частной собственности на землю.

Наличие двух верховных собственников: воображаемого (богини Бау) и реального (патеси или царя) — лишний раз подтверждает формулировку К. Маркса, в которой характеризуется своеобразие земельной собственности на Древнем Востоке вообще:

«Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного *лица*, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани, и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого существа, — бога» [20].

К. Маркс не был знаком с рассматриваемыми шумерийскими материалами (которые были обнаружены лишь в 1877 г.). Тем более ценно, что изучение этих материалов, начатое М. В. Никольским, подтвердило концепцию К. Маркса.

Очень интересны также замечания Михаила Васильевича о системе распределения земли для посева зерна и посадки овощей. Отмечается парцелляция земли и передача ее во времен-

---

[19] Там же, стр. 22—23.

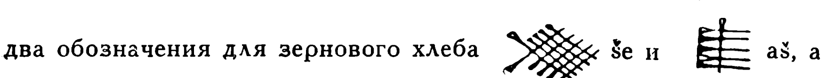
[20] К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Огиз, 1940, стр. 7.

ное пользование земледельцев. Тщательно подсчитан размер каждого участка и соответственно число лиц, обрабатывающих его, и количество засеваемого зерна. Причем между этими тремя элементами М. В. Никольский отмечает наличие определенного цифрового отношения, очень редко нарушаемого [21].

Хотя Михаил Васильевич не поднимает вопроса о сельской общине, но на основании его материала эта проблема была успешно решена в исследованиях советских востоковедов [22].

М. В. Никольский пытается на основе изучаемых им текстов установить уровень развития экономики Шумера во времена Урукагины и настойчиво подчеркивает незначительное развитие в то время денежного хозяйства. «Торговым оборотам, — пишет он, — посвящено сравнительно мало документов, и денежное хозяйство, очевидно, еще было только в зародыше, так как все расчеты ведутся на почве натурального хозяйства, и деньги (серебро) фигурирует только в редких случаях» [23].

С большими трудностями М. В. Никольский столкнулся при разборе обозначений сельскохозяйственных культур в древнем Шумере. Степень изученности шумерийского языка была еще недостаточной, и исследователю приходилось прибегать к конъюнктурам. Поскольку в текстах чаще всего употреблялись


два обозначения для зернового хлеба še и aš, а

Геродот объявил основными злаками Месопотамии пшеницу и ячмень, то Михаил Васильевич сделал смелое предположение, что še по-шумерийски значит пшеница, а aš — ячмень [24].

Эта гипотеза, однако, не оправдала себя. Ей с самого начала противоречили указания документов (например, № 90 и 124), где речь шла об употреблении še в качестве корма для скота. М. В. Никольский никак не объяснял это явление.

Несколько лет спустя вопрос был решен весьма просто. Чехословацкий востоковед Б. Грозный в специальном исследовании, посвященном злакам древней Месопотамии, доказал, что še означало не ячмень, а более ценный злак—двухзернянку (эммер), напоминающий полбу и отличающийся, подобно ей, от настоящей пшеницы (Triticum vulgare) тем, что колос-

---

[21] ДВ, т. III, вып. 2, стр. 24—25.

[22] В. В. Струве, *История Древнего Востока*, 1941, стр. 69 и сл.; В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, 1953, стр. 45 и сл.; Н. М. Никольский, *Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье*, Минск, 1946, стр. 14 и сл.

[23] ДВ, т. III, вып. 2, стр. 2.

[24] Там же, стр. 11.

ковая чешуйка плотно прилегает к зерну и не отделяется от него при молотьбе.

Надо отметить, что во второй части своей работы, опубликованной в 1915 г., М. В. Никольский уже ссылается на только что появившееся исследование Б. Грозного и исправляет свои переводы, признавая, что этот спорный термин обозначает ячмень. Отсюда очевидно, что он внимательно следил за всеми новинками ассириологии и не боятся признавать свои ошибки, неизбежные в тех условиях.

Несмотря на некоторые ошибки и неточности, М. В. Никольскому все же удалось дать правильное толкование изданных им текстов, характеризующих состояние земледелия в Южном Двуречье в раннешумерийский период.

Весьма интересные наблюдения Михаил Васильевич сделал и относительно роли и развития скотоводства в то же время. Автор отмечает преобладание мелкого рогатого скота (овец, баранов, газелей, коз) и редкое упоминание крупного рогатого скота [25].

Он подметил большую экономию, которую проявляли лагашские жрецы во время жертвоприношения: быки и коровы совершенно отсутствуют в списках жертв. Заклание мелкого рогатого скота для потребностей культа также производится в весьма скромных размерах. Явно преобладают растительные жертвы (хлеб, мука, финики, масло). Все это отличает шумерийский, или, как его называет автор, «халдейский», культ от древнееврейского, зафиксированного в «жреческом кодексе», хотя в остальном наблюдаются черты сходства между обоими ритуалами.

Для подтверждения своих наблюдений М. В. Никольский приводит тщательно составленную статистическую таблицу под заглавием «Материал и количество жертв», дающую наглядное представление о потребностях храмового хозяйства.

Что касается продукции скотоводства в Лагаше, то Михаил Васильевич собрал интересные данные об обработке кожи и шерсти различных пород скота, о развитии молочного хозяйства (об изготовлении творога, сливок и масла, в частности из ослиного молока) и т. д.

Внимательный исследователь обратил внимание не только на те виды домашнего скота, которые упомянуты в текстах, но и на виды, отсутствующие в перечислениях. «Обращает на себя внимание, — замечает он, — отсутствие лошади, верблюда и домашней птицы» [26].

---

[25] ДВ, т. III, вып. 2, стр. 34.
[26] Там же, стр. 20—21, 34—43.

6 Заказ 540

Следует отметить, что отсутствие в документах времени Урукагины упоминаний о лошади и верблюде оказывается далеко не случайным. Теперь уже точно установлено, что лошади появились в Южном Двуречье лишь в касситский период (не раньше середины XVIII в. до н. э.; в кодексе Хаммурапи они еще не упомянуты). Иногда возникает вопрос о более ранних следах коневодства в Северном Двуречье. Но к Лагашу, находящемуся на южной окраине страны, это не относится[27]. Верблюды появились в Двуречье еще позже, уже в конце II тысячелетия, причем начало использования их тесно связано с переселением арамеев из глубин Аравийского полуострова.

То, что обитатели Месопотамии сравнительно поздно начали иметь дело с лошадьми и верблюдами, отразилось на характере обозначений этих животных в клинописи. Для быка, осла, козы и других животных имеются специальные идеограммы. Следовательно, они были известны в период формирования шумерийской письменности, тогда как для обозначения лошади и верблюда применяются явно более поздние составные идеограммы: для лошади — комбинация идеограммы осла и горы, для верблюда — комбинация той же идеограммы осла и моря [28].

Все эти данные подтверждают подмеченное М. В. Никольским отсутствие лошади и верблюда в документах хозяйственной отчетности времен Урукагины.

Сложнее обстоит вопрос с домашней птицей. Разведение домашних гусей, уток и голубей документально засвидетельствовано для времени III династии Ура (XXII—XXI вв. до н. э.), т. е. в период, весьма близкий к рассматриваемому.

Может быть, отсутствие соответствующих данных в опубликованной М. В. Никольским серии является случайным. Во всяком случае автор констатировал факт, заслуживающий внимания и дальнейшего изучения.

В специальный раздел (VI) автор выделил документы, характеризующие развитие рыбного промысла (всего 15 табле-

---

[27] Лошади, по всей вероятности, были известны в Северной Месопотамии раньше, чем в Южной. О мулах в южной части страны см. «*Очерки по истории техники Древнего Востока*» под ред. акад. В. В. Струве, М.—Л., 1940, стр. 38—39.

[28] Л. А. Липин, *Аккадский (вавилоно-ассирийский) язык*, вып. 1, Л., 1957 (Полная табл. знаков №139).

ток). Отмечался большой улов пресноводной и морской рыбы (десятки тысяч). К сожалению, виды рыб Михаилу Васильевичу определить не удалось, но надо сказать, что и последующие исследователи, например Б. Мейсснер, не смогли восполнить этот пробел [29].

М. В. Никольский удачно определил некоторые черты, характеризующие рыболовство в Южном Двуречье (например, использование рыбьего жира и употребление рыб в качестве корма для быков и овец). Последнее явление напоминает быт ихтиофагов Южного Ирана, живо изображенный Аррианом [30].

Таким образом, сведения, собранные М. В. Никольским, могут быть использованы при комментировании этого античного автора.

Изданные им таблетки дают интереснейший материал по истории торговли и ремесла древнего Шумера (особенно разделы VII и VIII, отчасти IX).

Изучение этого вопроса облегчает составленный Михаилом Васильевичем указатель с детализацией терминов, что свидетельствует об известной специализации: например, специальное обозначение имеется для кузнеца — Си-Муг, серебряных дел мастера — Ку-Гим, позолотчика — Су-си. Обращает на себя внимание наличие специальных названий для прядильщиц шерсти — Ки-Сиг. Следовательно, даже в изготовлении одежды наблюдалось известное разделение труда.

О торговле свидетельствует термин «дамкар», который М. В. Никольский переводит как «продавец», «посредник», «торговый агент» (подобное понимание термина применяется в науке и в настоящее время). Очень характерное обозначение должности весовщика — Гин-Уш [31].

Как уже говорилось, Михаил Васильевич при решении вопроса о развитии торговли в Шумере избежал преувеличений, свойственных буржуазным модернизаторам (Эд. Мейеру, М. Веберу) [32].

Для изучения истории внешней торговли Шумера большое значение имеют разобранные М. В. Никольским документы (№ 85, 214), свидетельствующие о снабжении месопотамским зерном Элама и о вывозе из этой страны в Лагаш ценных пород скота.

---

[29] B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, Heidelberg, 1920, S. 336.
[30] Арриан, *Индия*, XXVI, 7, — ВДИ, 1940, № 2.
[31] ДВ, т. III, вып. 2, стр. 85—94.
[32] Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums I*, 1909, S. 481; M. Вебер, *Аграрная история древнего мира* (пер. с нем. Е. С. Петрушевской, под ред. Д. М. Петрушевского), М., стр. 59 и сл.

*

Слабым местом исследования Михаила Васильевича является разработка вопроса о непосредственных производителях древней Месопотамии. Здесь у автора чувствуется неуверенность и колебания. Говоря о женщинах и детях, упоминаемых в документах № 1 и № 5, он весьма неопределенно заявляет: «...важно то обстоятельство, что все эти служанки и дети названы принадлежащими богине Бау, из чего следует заключить, что они находились в отношении зависимости к божеству или к храму богини. Вопрос о том, были ли они рабами или крепостными храма, решить на основании памятников очень трудно; вернее всего это был крепостной труд, хотя и имеются документы о продаже лиц некоторых разрядов рабочих (№ 17, 293)» [33].

Понятно, что М. В. Никольский предпочитает неопределенные обозначения, которые можно толковать в ту или иную сторону. Так, например, слово «арад», которое и на шумерийском и на ассиро-вавилонском языках применяется для обозначения раба, он передает как «слуга» или «гу-ба-не» переводит «женские служанки». Для других терминов он предлагает альтернативный перевод (например, ру-а-сил: «низшие служители рабы или крепостные, упоминаются большей частью по счету и покупаются»; ши-ну-габ: «низшие слуги вроде рабов, упоминаются большей частью по счету и покупаются»).

Обозначение «геме» М. В. Никольский то переводит как «рабыня», отмечая притом особый разряд этих рабынь «геме-хар», специально приставленных к жерновам, то употребляет термин «служанка», а для обозначения работавших с ними детей прибегает к описательному выражению: «малолетние мужского пола» или «малолетние женского пола» [34].

Обращает внимание еще то обстоятельство, что, признавая наличие в Лагаше рабов или крепостных, Михаил Васильевич совершенно забывает о крестьянах-общинниках.

Выяснение вопроса о непосредственных производителях древнего Шумера оказалось под силу только советской науке, хотя и в настоящее время не все моменты выяснены до конца. Не приходится удивляться, что М. В. Никольский, не имевший надежной методологической базы, не смог решить этой проблемы.

Заслуживают внимания его соображения о семейных отношениях во времена Урукагины. Отметив факты активной хозяйственной деятельности жен патеси и цариц, Михаил Васильевич приходит к выводу, что «...по отношению к владению собствен-

---

[33] ДВ, т. III, вып. 2, стр. 13.
[34] Там же, указатель, стр. 85, 87, 93.

ностью и распоряжению домашним хозяйством женщины этой архаической эпохи были не только равноправны с мужчинами, но по отношению к царскому хозяйству, по-видимому, играли даже преимущественную роль» [35].

В этих словах чувствуется известное преувеличение, но самый факт большой широты прав женщины в более архаические времена подмечен верно. Подтверждением мнения М. В. Никольского является наличие полиандрии во времена до Урукагины, о чем свидетельствует этот царь в своей официальной надписи [36].

В 1915 г. Михаил Васильевич издал второй том своего труда «Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи», в который вошли 530 таблеток лихачевской коллекции, относящихся ко времени Аккадской династии и III династии Ура [37]. Местом происхождения этих документов была главным образом Джоха, где находился в древности известный шумерийский город Умма (по другому произношению, принятому также М. В. Никольским, но не утвердившемуся в дальнейшем, — Гишху). Лишь некоторая часть документов серии происходила из Дрехема, в районе расположения древнего города Ниппура, «священного» города центрального места культа верховного шумерийского бога Энлиля.

При датировке издаваемых документов М. В. Никольский использовал хронологическую систему Куглера («длинную хронологию»), по которой «Саргон Аккадский относился к 2800 г. до н. э.» [38]. Следовательно, упомянутые выше выкладки Набонида были им пересмотрены в сторону сокращения. III династия Ура (М. В. Никольский называет ее просто «династией Ура», без нумерации) датировалась 2500 г. до н. э. Как известно, сейчас эти даты изменены и приблизились к нам на четыре сотни лет [39].

---

[35] Там же, стр. 2.

[36] «Прежде жены жили с двумя мужьями, теперь за это бросают женщин [в воду?]» (Надпись Урукагины, Луврский конус, пер. Б. А. Тураева, — «Древний мир», ч. I, «Восток», М., 1915, № 26).

[37] М. В. Никольский, *Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи, эпоха династии Агадэ и эпоха династии Ура,* — ДВ, т. V, ч. II, 1915.

[38] М. В. Никольский отождествляет Саргона I с Сарганишари (Шаргалишари). В настоящее время выяснено, что последний был правнуком Саргона I и сыном Нарамсина.

[39] Аккадская династия датируется в настоящее время 2369—2189, а III династия Ура — 2118—2007 гг. до н. э. Акад. В. В. Струве относит III Урскую династию к 2132—2024 гг. до н. э. Во всяком случае отнесение данной династии к концу XXII и XXI вв. до н. э. является общепризнанным.

Издание М. В. Никольского является образцовым. В отличие от первого тома, где не везде удалось дать точный перевод документов и порой приходилось заменять его пересказом содержания, во втором томе все надписи на таблетках даны не только в автографической передаче, но также с транскрипцией и переводом.

Этот перевод, хотя и сделан 45 лет назад, в основном остается правильным. По мнению академика В. В. Струве, им можно пользоваться и в настоящее время. Не все исследователи оказывались настолько смелыми, чтобы решиться на перевод подобного рода документов.

В. В. Струве, сравнивая издание люксембургского ассириолога Н. Шнейдера, работавшего над документами такого же типа и той же эпохи, отмечает, что Н. Шнейдер ограничился только автографией и транскрипцией текстов и отказался их переводить, хотя работал над ними 15 лет спустя после выпуска издания М. В. Никольского [40].

По сравнению с первым томом своего издания во второй том М. В. Никольский внес важные уточнения. Например, бросается в глаза, что слово še он уже переводит «ячмень», используя новые данные в изучении шумерийского языка. В техническом отношении воспроизведение текстов является первоклассным. Тщательный анализ начертания клинописных знаков, а также изучение географических наименований позволили ему отнести первую часть серии (№ 1—89) ко времени Аккадской династии, хотя даты давались там без имен царей [41].

Содержанием этой группы документов является учет различных сельскохозяйственных работ, производившихся в крупном поместье.

«В документах нет прямых указаний на то, кому принадлежит это хозяйство, но несомненно, что дело идет об одном цельном хозяйстве, и есть несколько данных, из которых можно заключить, что распоряжение им принадлежало царю или патеси» [42].

Вопрос о социальном положении лиц, работавших в данном крупном хозяйстве, М. В. Никольский решает в духе господствовавших в то время представлений о феодализме на Древнем Востоке. Работников, обозначаемых шумерийским словом

---

[40] В. В. Струве, *Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.)*. Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, М.—Л., 1947, стр. 722.

[41] ДВ, т. V, 1915, стр. 3—4.

[42] Там же, стр. 4.

«эрин», означающим взрослого, сильного человека, участвовавшего в обязательной работе, Михаил Васильевич считает «барщинными людьми», причем систему барщинных работ он почему-то связывает со свойствами семитской расы, преобладающей в период Аккадской династии.

Говоря о «содержании значительных групп барщинных людей, призываемых к отбыванию тех или иных повинностей, по всем признакам государственного характера», М. В. Никольский утверждает, что «такой характер хозяйства наиболее соответствует эпохе господства семитской расы в форме большого государства, объединявшего Шумер и Аккад и простиравшего свои завоевания далеко за их пределы» [43].

Таким образом, Михаил Васильевич оказался не в состоянии преодолеть традиций буржуазной науки, упорно отрицавшей или сводившей к минимуму рабовладение на Древнем Востоке. Как это ни странно, М. В. Никольский в отношении трактовки социально-экономических отношений сделал даже шаг назад по сравнению с первым томом рассматриваемого издания. Там он, говоря о крепостных, нередко оговаривался, что, возможно, это были рабы. В анализе документов Аккадского периода он уже ни слова не говорит о рабах и даже слово «гим» переводит «служанка» (например, в документе № 9).

В основной части издаваемой серии, а именно в документах III династии Ура, упоминаются самые различные работы.

Собственно о земледелии и скотоводстве упоминается сравнительно редко. В некоторых текстах говорится об обработке полей, покосе, специфически женской работе (вязке снопов и т. д.).

Гораздо чаще речь идет о погрузке судов, прокладке дорог и особенно о работах, связанных с ирригацией (регулирование разливов рек и каналов): укреплении берегов, наполнении водоемов и т. д. Специфическими в местных условиях Южного Двуречья являлись работы по добыче и обработке тростника, который также использовался в качестве топлива (из-за отсутствия лесов), шел на корм скоту и для всевозможных изделий.

Работники и работницы, занятые во всех этих разнообразных отраслях производства, обозначаются как «взрослые, сильные люди» знаком, символизирующим силу, который фонетически произносился «гуруш» (М. В. Никольский придерживался неточного произношения «каль», которое было прежде общепризнанным. — *Д. Р.*).

Кто же были эти «взрослые, сильные люди», работавшие в

[43] Там же, стр. 5.

крупных поместьях и мастерских? На основании упоминаний о вознаграждении за труд (№ 206—213 и др.) Михаил Васильевич приходит к выводу, что под ними «следует разуметь, по всей вероятности, наемных рабочих, отряжаемых группами от 10 до 1258 человек на производство работ по различным местам» [44].

В другом месте он поясняет, что «это были не рабы и не барщинные люди, а скорее наемные рабочие» [45].

Затруднение доставляет М. В. Никольскому термин «гим-нам-рааг», который переводится им как «пленная рабыня». В документе № 329 речь идет о 39 таких рабынях и 8 мальчиках, работающих вместе с ними и получающих продовольственный паек мукой и пивом.

У Михаила Васильевича получается противоречие. Работницы признаются рабынями, а находящиеся в одинаковом положении с ними дети не причисляются к рабам. Создается впечатление, что в Шумере во времена III династии Ура применялся труд рабынь, но не рабов. В настоящее время этот вопрос в советской науке достаточно выяснен благодаря исследованиям В. В. Струве, который, сопоставив материалы М. В. Никольского с параллельными сериями, изданными за рубежом Г. Женульяком, Н. Шнейдером и другими, пришел к выводу, что между положением «гим» и положением «гуруш» никакой принципиальной разницы не было. И те и другие работали круглый год. И те и другие получали весьма скромное довольствие натурой (зерном, пивом, сушеной рыбой).

В сущности положение «гим» было даже несколько легче. Они освобождались от работы на пять дней в месяц. Делалось это, конечно, не из гуманности, а в силу существовавшего в то время предрассудка (женщина в течение нескольких дней считалась нечистой). Таким образом, на современном этапе науки вопрос решается иначе, чем в 1915 г. [46].

Даже противники точки зрения академика В. В. Струве (академики Н. М. Никольский и А. И. Тюменев) перестали придерживаться изложенной выше теории [47].

Ошибки М. В. Никольского в вопросе об определении социально-экономических отношений на Древнем Востоке являют-

---

[44] Там же, стр. 9.

[45] Там же, стр. 10.

[46] В. В. Струве, *Общественный строй южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.)*, стр. 735.

[47] А. И. Тюменев, *О значении термина «каль» в древнешумерском языке*,— ВДИ, 1946, № 2, стр. 10; *Государственное хозяйство древнего Шумера*, М.—Л., 1956, стр. 268.

ся вполне понятными, ибо в начале XX в. в буржуазной ориенталистике господствовала циклическая теория Эд. Мейера и велись упорные поиски феодальных и капиталистических отношений в древности.

Михаил Васильевич не поставил еще всех точек над «и». Однако вся его интерпретация текстов невольно заставляла думать, что во времена Урукагины и позднее — при Саргоне Аккадском — в Южном Двуречье господствовали феодальные отношения, а при III династии Ура они сменились капиталистическими.

Ученик М. В. Никольского, его сын Н. М. Никольский, в своих ранних работах уже прямо говорит о существовании крепостного права при Урукагине и о постепенной отмене его в последующие века [48].

Эти ошибки методологического характера отнюдь не снижают ценности работы, проделанной М. В. Никольским. В ряде случаев его выводы по тем или иным вопросам сохраняют свое значение и поныне.

Например, он удачно подметил факт усиления деспотической власти царя при III династии Ура. Анализируя документ № 374, М. В. Никольский обратил внимание на то, что в нем «вместо божества, которому обычно приносятся жертвы... фигурируют обожествленные цари Ура, начиная с Дунги (по-теперешнему произношению Шульги. — *Д. Р.*) и кончая Гимиль-Сином... По характерному выражению документа, жертвы, приносимые на указанные дни, суть „доля божественных гениев царей“» [49].

Таким образом, М. В. Никольский собрал новый материал по вопросу обоготворения царской власти, тесно связанному с проблемой изучения восточной деспотии. С другой стороны, он выявил факт усиления храмов и жречества в период III династии Ура, собрав статистические данные об огромных масштабах кровавых жертв Энлилю, на которые уходили сотни голов крупного и мелкого скота. Эти цифры интересно сопоставить с упомянутой выше таблицей скромных жертвоприношений в Лагаше, относящейся к более раннему периоду.

Я перечислил далеко не все вопросы, которые возникают благодаря изучению изданных М. В. Никольским материалов.

В настоящее время, когда накопилось огромное количество новых источников, без документов хозяйственной отчетности,

---

[48] Н. М. Никольский, *Древний Вавилон*, М., 1913, стр. 242.
[49] ДВ, т. V, стр. 16.

обработанных Михаилом Васильевичем, не обойдется ни один исследователь древнего Шумера. Даже когда он оказывался неправ в своей интерпретации, поставленные им вопросы побуждали последующих исследователей к новым изысканиям.

Работы М. В. Никольского по различным вопросам экономической истории Месопотамии

В 1880 г. из Багдада через русское консульство в Москву была прислана частная коллекция месопотамских древностей, принадлежащая Блау.

Коллекция была передана для экспертизы в Московское археологическое общество и вызвала бурные споры. Поскольку все предметы, входившие в ее состав, являлись беспаспортными, то, естественно, возник вопрос о подделке.

М. В. Никольский отнюдь не был доверчивым исследователем. По отношению к другим сомнительным вещам (ассирийской коллекции Роинова) он проявил себя беспощадным и суровым экспертом и вскрыл ее неподлинность.

Отношение его к коллекции Блау было иным. Михаил Васильевич распознал в этих «сомнительных древностях» подлинные и притом весьма ценные исторические памятники.

К сожалению, ему не удалось добиться приобретения коллекции, и она была продана в Америку [50].

Однако М. В. Никольский воспользовался временным пребыванием памятников в России и успел издать наиболее важные из них.

Особенно следует отметить замечательный документ, содержащий ценные данные по экономике Нововавилонского царства. Это контракт о продаже дома, точно датируемый 666 г. до н. э. (временем Шамаш-шум-укина, брата и соперника Ашшурбанипала, царя Ассирии). Замечательным является уже внешний вид памятника. Текст его начертан не на глиняной таблетке, как обычно, а на твердом камне. Продавец по имени Набу-ахеукин собирался вместо печати приложить к документу свой ноготь (как это было принято в Вавилоне); это оказалось невозможным, и, как выяснил Михаил Васильевич, след ногтя пришлось искусственно высечь резцом.

При тщательном обследовании этого своеобразного памят-

[50] Б. А. Тураев, *Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского*, стр. 2—3.

ника М. В. Никольский не нашел признаков подделки и решил его издать [51]. Это издание является исключительным по своей обстоятельности. Не довольствуясь прекрасно выполненной фотографией, он дал также воспроизведение текста, набранного стандартным клинописным шрифтом. Кроме латинской транскрипции и подстрочного перевода, был дан также вольный перевод. Наконец, издание было снабжено введением и развернутым комментарием, в котором был поставлен ряд серьезных исторических проблем. Михаил Васильевич исходит из предположения, что юридический акт, которому посвящен разбираемый документ, представлялся обоим участникам особенно важным. За это говорит и особый материал (камень вместо обычной глины) и участие в качестве свидетелей 23 человек, в том числе и верховного судьи храма Шамаша.

Учитывая все эти моменты, М. В. Никольский приходит к выводу, что «покупатель дома придавал особую важность этой покупке» и «рассчитывал на более твердую гарантию неотъемлемости нового владения». Отсюда следует, «...что отчуждение недвижимой собственности, бывшей, очевидно, принадлежностью рода, не входило в обычаи вавилонян, хотя и дозволялось законом» [52]. Для сравнения он приводит аналогичный случай продажи сада во время голода.

Мысль М. В. Никольского относительно редкости отчуждения недвижимости в Вавилонии в связи с притязанием родственников, сохранявших известные права на земельные владения сородича, является очень остроумной и глубокой. Документы самых различных стран аналогичны этому юридическому статуту. Особенно ярко он сформулирован в Артхашастре. Индийское право допускало продажу земли постороннему человеку только в том случае, если все родственники, а затем все соседи откажутся купить эту землю.

В связи с этим не мешает отметить обстоятельство, которое М. В. Никольский также заметил, но не сделал соответствующего вывода. Я имею в виду тот факт, что в разбираемом контракте и покупатель и продавец являются соседями. Упоминается их общая дорога, т. е. нейтральная полоса, отделяющая их владения. Оба они, по-видимому, были членами одной и той же сельской общины. Если бы этого не было, то сделка, надо полагать, была бы еще более затруднена [53].

---

[51] М. В. Никольский, *Вавилонский контракт о продаже дома времени Шамаш-шум-укина царя Вавилонского (666 г. до р. х.)*, — ДВ, т. I, вып. 2, М., 1891, стр. 143—165.

[52] Там же, стр. 164—165.

[53] Там же, стр. 158.

В связи с важностью и необычайностью совершаемого акта Михаил Васильевич стремится точнее определить размеры и качество продаваемого дома.

На первый взгляд может показаться, что это был небольшой домик, ради продажи которого не стоило созывать стольких людей и заказывать мастеру изготовление документа на твердом, неудобном для обработки камне. Дело в том, что в документе длина дома определяется в $47^1/_2$, а ширина—в $42^1/_2$ локтя. Исходя из размера локтя, изображенного на коленях статуи Гудеа, М. В. Никольский определяет этот локоть в 27 *см*.

Таким образом, размеры дома получаются равными 221 *кв. м*, что представляется Михаилу Васильевичу слишком незначительной площадью. Это тем более странно, что в общую площадь входит не только сам дом, но и приусадебный участок с семью финиковыми пальмами.

Надо сказать, что такое определение длины локтя не совсем точно. Для Нововавилонского царства характерен не малый локоть, а большой (49,5 *см*) [54]. Но, даже исходя из этого масштаба, участок с домом окажется слишком мизерным.

М. Н. Никольский высказывает мысль, что в данном случае площадь измерялась не обыкновенным, а полевым локтем. Последний, по исчислениям известного ассириолога Опперта, был в десять раз больше простого локтя, и, таким образом, весь участок оказывается равным 1500 кв. саженям.

Если предположить, что удесятерялся не малый, а двойной локоть (чего Михаил Васильевич не учитывал), то эту цифру можно увеличить еще вдвое.

В подтверждение взгляда М. В. Никольского о вероятности употребления в разбираемом случае полевого локтя можно привести аналогии из древнеегипетской метрологии. По авторитетному мнению А. Гардинера, в древнем Египте при измерении полей употреблялась мера площади, равнявшаяся 100 кв. локтям (около 25 *кв. м*) и носившая название mḥ — локоть [55]. В данном случае аналогия с древним Вавилоном поразительна.

Не менее остроумны соображения русского ученого и относительно качества продаваемого дома. В тексте он носит эпитет êpišu, т. е. употребляется причастие от глагола epêšu «делать», «строить». Опперт и Пинчес переводят это причастие как «неоконченный, развалившийся». М. В. Никольский отри-

[54] А. П. Рифтин, *Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР*, М.—Л., 1937, стр. 157.

[55] О египетском полевом локте см. Gardiner, Eg. Gr., 1927, p. 200, § 266.

цает это толкование и с грамматической стороны и с точки зрения общего смысла.

Дело в том, что в документе упоминается и порог, и прочные двери, и засовы, что совсем не предполагает плохого состояния дома. Поэтому Михаил Васильевич имеет полное основание дать перевод: «дом построенный» [56].

Исправив явную описку, М. В. Никольский определил в $3^1/_2$ мины серебра цену дома [57].

Немало затруднений вызвало и определение местности, где находился отчуждаемый дом. По указанию документа он был расположен на берегу канала бога Канишурры в городе Уруке. Но данный бог почитался не в Уруке, а в более северном городе Куте. М. В. Никольский, объясняя этот разнобой, высказал предположение, что канал, названный в честь бога Канишурры, начинался в его городе Куте, но доходил на юге до Урука и соответствовал современному пустому руслу Шат-еннил [58].

В заключение можно сказать, что разбор и издание небольшого юридического текста, вырезанного на камне, было сделано Михаилом Васильевичем образцово и показало, как при удачной интерпретации можно широко использовать изолированный документ.

К той же коллекции Блау относится небольшая гиря $2^1/_4$ вершка из черного камня с вырезанной вертикальной надписью в две строки. Изучению этого памятника М. В. Никольский посвятил специальное исследование [59]. Прежде всего он фиксировал его во времени. Коротенькая надпись оказалась несложной по содержанию: «$^1/_2$ мины утвержденной мужем божества „Глаз-мины"».

Сама по себе надпись не давала явных указаний на время ее составления. Потребовался палеографический и стилистический анализ, с которым Михаил Васильевич справился блестяще. Он обратил внимание на то, что внешний вид надписи напоминает официальные тексты Гудеа, правителя города Лагаша. Особенно разительное сходство замечалось в коротенькой надписи, вырезанной на правом плече диоритовой статуи Гудеа и заключенной, так же как и определяемый М. В. Никольским текст, в четырехугольную рамку. Архаический тип знаков, уже отличающихся от линейных, но еще не превратившихся оконча-

---

[56] ДВ, т. I, вып. 2, стр. 154—155.
[57] Там же, стр. 153, 161.
[58] Там же, стр. 155.
[59] М. В. Никольский, *Халдейский вес эпохи Гудеа*, — ДВ, т. I, вып. 1, М., 1882, стр. 83—88.

тельно в клинообразные, также говорит за время Гудеа. Надпись дана идеограммами и может читаться равным образом и на шумерийском и на семитических языках, но, по предположению Михаила Васильевича, задумана была на первом из этих языков.

Сопоставляя гирю из коллекции Блау с известными до тех пор образцами месопотамских гирь, М. В. Никольский признал ее наиболее древней, ибо бронзовая гиря в виде льва времен Синахераба относилась явно к рубежу VIII—VII вв., а каменная гиря в виде утки — к XII в. до н. э.

Время Гудеа значительно предшествовало последней дате. Определить его точно ученый не мог (сейчас этот правитель датируется XXII в. до н. э.), но он с полным правом заявлял, что каменный вес Гудеа принадлежит к той эпохе, «когда или совсем не было Вавилона, или он был только незначительным городом» [60].

Анализируя гирю и надпись на ней, М. В. Никольский делает несколько существенных выводов.

Он отметил, что во времена Гудеа гири клеймились не царем, а особым храмовым чиновником, действовавшим от имени особого божества весов, «владеющего глазом над миной». Позднее положение изменилось, и как у вавилонян, так и у ассириян утверждение стандартных гирь стало прерогативой царской власти.

М. В. Никольский считает показательным, что нормативной в древней Месопотамии являлась именно мина, а не более мелкий вес (сикль) и не более крупный (талант).

Но самое интересное наблюдение ученого заключается в том, что данный экземпляр гири имеет необычный вес в 246 *г*, тогда как по норме легкая мина должна иметь 505 *г*, а половина мины соответственно $252^1/_2$ *г*.

Михаил Васильевич предлагает два объяснения этому странному явлению. Во-первых, гиря в течение нескольких тысячелетий могла утратить $6^1/_2$ *г*, тем более, что на ней можно заметить небольшие ямочки и ссадины. Во-вторых, весовая норма в Месопотамии во времена Гудеа могла быть иной, чем в более поздний период, когда весовая система была изменена в сторону увеличения весовых единиц [61].

Мне кажется, что М. В. Никольский не учел еще третьей возможности — сознательного уменьшения веса гири, которое могло производиться недобросовестными чиновниками. На по-

---

[60] Там же, стр. 86.
[61] Там же, стр. 87.

добные явления имеются явные указания в документах различных восточных стран. В древневавилонской исповеди-заклинании автор, обращаясь к богу Шамашу, запрашивает, не совершил ли его страждущий клиент какого-либо греха, и, давая перечисление возможных грехов, между прочим, восклицает: «не обвешивал ли он, не обсчитывал ли фальшивыми деньгами»[62].

В главе 125 «Книги Мертвых» дух покойника утверждает: «Я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины, не нарушал меры полей, не увеличивал весовых гирь, не подделывал стрелки весов»[63].

Наконец, в книге Амоса описаны своеобразные махинации хлеботорговцев в Израильском царстве, которые говорят: «Когда пройдет новолуние, мы станем продавать хлеб и после субботы откроем житницы, уменьшим меру, увеличим цену сикля и будем кривить неверным весами»[64].

Таким образом, сознательное изменение меры веса (в ту или иную сторону, в зависимости от ситуации) было на Древнем Востоке обычным явлением. Оно могло иметь место и в данном случае.

Так или иначе наблюдение М. В. Никольского представляет большой интерес для истории хозяйства древней Месопотамии.

Кроме того, Михаил Васильевич делает еще одно предположение, касающееся древнеазиатской метрологии. Он считает, что легкая мина была более древней, чем двойная (1010 *г*). Это мнение диаметрально противоположно теории Леман-Хаупта, связывающего цифровой коэффициент двойной мины с двойным локтем, а последний сопоставлялся с длиной маятника. Вопрос весьма сложный, но аргументы М. В. Никольского — очень убедительны.

Проблемы истории культуры древней Месопотамии в трудах М. В. Никольского

В отличие от большинства буржуазных историков Древнего Востока М. В. Никольский очень интересовался экономикой. Он подготовил материал, который широко используется и сейчас советскими востоковедами, изучающими хозяйство и общество древних стран Передней Азии.

Не нужно, однако, думать, что М. В. Никольский интересовался только хозяйственным развитием древневосточных

[62] *«Исповедь-заклинание»*, — «Древний мир», 1915, № 25, стр. 33—34, пер. Б. А. Тураева.

[63] *«125-я глава „Книги Мертвых"»*, — там же, № 6, стр. 9.

[64] Амос, VIII, 5.

стран. Его круг интересов был гораздо шире. Он занимался и проблемой возникновения и развития письменности, и историей религии, и художественным творчеством народов Древнего Востока. В постановке и решении вопроса о происхождении клинописи Михаилу Васильевичу принадлежат огромные заслуги. Еще в 1888 г. он выступал на заседании Восточной комиссии с докладом, посвященным двум загадочным текстам на глиняных пластинках зеленого цвета из упомянутой коллекции Блау.

Эти надписи вызвали разноречивую оценку. Американский ассириолог Вард считал их подлинными и современными «Стеле коршунов» [65]. Французский ассириолог Ж. Менан объявил обе таблетки «грубой контрафакцией» и неумелым подражанием.

М. В. Никольский, изучив обе таблетки, хранившиеся в то время в Московском археологическом обществе, высказал мнение, в корне отличающееся от приведенных выше. В 1889 г. исследование Михаила Васильевича было напечатано в I томе «Древностей восточных», и эта небольшая статья создала целую эпоху в шумерологии [66].

М. В. Никольский прежде всего уточнил, что Менан, работавший по фотографиям и не видевший самых пластинок, не понял некоторых знаков и невольно исказил их. Там, где Менан увидел лишь беспорядочное нагромождение знаков, представляющих якобы искаженное начертание имени бога Нингирсу, Михаил Васильевич установил наличие четырех совершенно ясных знаков «нин», «не», «рыбы» и «воды».

В другом месте М. В. Никольский в не понятой Менаном комбинации установил первоначальную форму сложной идеограммы «человек» и «большой», т. е. прообраз известного шумерского знака Лугаль «большой человек», что значит царь.

В изображениях птиц двух разных типов М. В. Никольский путем сравнения с аналогичными, но сильно схематизированными знаками на «Стеле коршунов» и в надписях Гудеа обнаружил прообразы идеограммы «птицы вообще» и «ласточки».

Тщательное сопоставление, изучение деталей, подсчет компонентов каждого знака, наблюдение под направлением знаков — все это привело М. В. Никольского к твердому выводу, что никаких отклонений от нормы в спорных надписях нет. Знаки даны по определенной системе. То, что Менану казалось

---

[65] Михаил Васильевич употребляет название «Стела ястребов». Я буду придерживаться общеупотребительного в русской литературе названия «Стела коршунов».

[66] М. В. Никольский, *О сомнительных древностях из Месопотамии*,— ДВ, т. I, вып. 1, стр. 118—126.

беспомощными поисками, по мнению Михаила Васильевича, являлось вполне закономерным приемом начертания архаических знаков, еще не получивших схематической формы.

Поскольку происхождение таблеток было неизвестно, М. В. Никольский допускал некоторую вероятность подделки, но конкретные аргументы Менана, считавшего фальсификацию несомненной, решительно отвергал.

Михаил Васильевич отмечал, что если в данном случае мы имеем дело с подделкой, то придется признать, что подделыватель обладал огромными познаниями и с большой научной и художественной точностью воспроизвел те комбинации, которые еще не были открыты. По существу этот вывод был убийственным для Менана. Но М. В. Никольский не мог полностью согласиться и с теорией Варда, относящего обе таблетки ко времени Эаннатума.

Михаил Васильевич обратил внимание на то, что спорные знаки более архаичны по сравнению с линейными фигурами «Стелы коршунов» и относятся к более раннему времени. Таким образом Михаил Васильевич установил древнейший этап в развитии шумерской клинописи. Вскоре наличие этого этапа стало аксиомой. Этот этап был уже признан Г. Масперо в «Древней истории народов Востока» [67]. С правильностью мнения М. В. Никольского в дальнейшем согласились Ф. Тюро-Данжен и Г. Радау [68]. В настоящее время взгляд, постулированный 60 лет назад Михаилом Васильевичем, уже давно не встречает никаких возражений.

Интересуясь в первую очередь памятниками письменности и не будучи искусствоведом в узком смысле этого слова, М. В. Никольский тем не менее всегда обращал внимание на художественный стиль памятников, которые он изучал.

Стоит только вспомнить о тонкой оценке, данной им внешней форме каменной гири при сравнении ее с диоритовыми статуями Гудеа и при выявлении приемов обработки твердого камня, применяемых шумерскими мастерами.

---

[67] G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, Paris, 1895, I, Les origines Egypte, Chaldée, p. 726. — Г. Масперо признает наличие у шумеров в древнейший период пиктограмм, не получивших еще даже линейных очертаний, и приводит образец такой пиктограммы, изображающей ступню, превратившуюся позднее в клинописный знак ,

означающий «идти».

[68] H. Radau, *Early Babylonian History*, New York, 1900, p. 9—11.

Специально вопросам искусства была посвящена небольшая статья Михаила Васильевича «По вопросу об изображении женского божества на вавилонских цилиндрах и статуэтках»[69]. В этой работе автор описывает пять цилиндров из гематита, входящих в состав упомянутой коллекции Блау. На них изображены в разных вариантах аналогичные культовые сцены: нагая женщина в неподвижной торжественной позе и мужчина с мечом в руках.

Эти изображения являются типичными и незадолго до М. В. Никольского уже были изучены французским ассириологом Ж. Менаном на основании терракотовых, бронзовых и каменных изделий Луврского музея.

Менан определял нагую женскую фигуру как богиню Иштар и привлекал известный миф о сошествии этой богини в преисподнюю, где стража при входе в ворота подземного мира снимала с нее все одежды и украшения.

В мужской фигуре Менан видел «жертвенного палача», готовящегося совершить заклание жертвы[70].

Михаил Васильевич, тщательно сличая варианты, внес существенные коррективы в толкование французского исследователя. Он доказал, что и женская и мужская фигуры в изучаемой сцене однотипны. И та и другая изображают статуи божеств, тогда как, по Менану, только богиня представляет статую, а все остальные фигуры изображают живых участников культового действия.

Разобрав надписи, сопровождавшие изображения на некоторых цилиндрах, М. В. Никольский установил и имена божеств. Предполагаемый «жертвенный палач» оказался богом бури Ададом (или, как тогда произносили его имя, — Рамманом), а предполагаемая Иштар — супругой этого бога Шалой. Эта богиня в сохранившихся документах фигурирует редко, мифов о ней до нас не дошло, но в одной из надписей Синахериба упоминается ее статуя, увезенная за 418 лет до него в Вавилон[71].

---

[69] М. В. Никольский, *По вопросу об изображении женского божества на вавилонских цилиндрах и статуэтках,* — ДВ, т. I, вып. 2, стр. 166—175. — Эта работа была переведена на французский язык (M. V. Nikolsky, *La déesse de cilindres et de statues babyloniennes,* — «Revue archeologique», publiée sous la discretion de mm. Alex. Bertrand et G. Perrot membres de l'Institut, Paris, 1892).

[70] Menant, *Recherches sur la glyptique orientale,* Paris, 1883.

[71] Полный перевод Бавийской надписи Синахериба, в которой идет речь о возвращении в Ассирию статуи Адада и Шалы, дается у Д. Люкенбилля (D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia,* vol. II, Chicago, 1927, § 341).

Таким образом, ее статуя изготовлялась в Ассирии и послужила моделью для художников, украшавших резьбой каменные цилиндры.

Исследование М. В. Никольского, касающееся одного из вопросов месопотамского искусства, интересно тем, что он сумел провести сравнительное изучение изображений и надписей, обосновав свои выводы на фактическом материале.

Являясь точным и осторожным исследователем, тщательно подмечающим самые скромные и незаметные детали древних памятников, Михаил Васильевич в то же время не отказывался и от постановки широких проблем. Он не раз поднимал вопрос о роли ассиро-вавилонской культуры в целом, о ее месте в процессе развития человечества. Решение этой проблемы представлялось для него необходимым, причем он подчеркивал, что делать это нужно не в отрыве от жизни, а с учетом задач, стоящих перед современным русским обществом. Михаил Васильевич неоднократно указывал на тесную связь русской культуры и культур Востока.

Однако М. В. Никольский был далек от переоценки древневосточной культуры и, признавая ее влияние на античную, избегал крайних выводов.

Касаясь вопроса об изображении в месопотамском и греческом искусстве, он допускает, что сама тенденция изображать «женское божество совершенно нагим могла быть заимствована у халдеев», но считает вопрос далеко не решенным и отказывается от попыток искать прообразы статуй Праксителя в Вавилонии, соглашаясь в данном случае с Менаном[72].

Так же осторожно подходит он к вопросу о влиянии древневосточного права на античный мир. Излагая теорию Эжена и Виктора Ревилью, считавших, что в римском праве нет ничего собственно римского, кроме чудовищной жестокости, М. В. Никольский считает подобные взгляды парадоксальными. При всем уважении к авторитету французских ориенталистов он решительно отказывается воспринять их концепцию и считает, что лишь будущие открытия дадут возможность проверить утверждения братьев Ревилью[73].

Признавая приоритет восточных культур по сравнению с греко-римской, М. В. Никольский в то же время предостерегал от чрезмерных преувеличений в решении этого вопроса и считал, что «всемирная история восстановила равновесие между

[72] М. В. Никольский, *По вопросу об изображении женского божества на вавилонских цилиндрах и статуэтках*, стр. 167.

[73] М. В. Никольский, *Вавилонский контракт о продаже дома...*, стр. 145.

Востоком и Западом, признав Восток родиной культуры, а Запад создателем для нее совершеннейших и благороднейших форм» [74].

М. В. Никольский как ассириолог несколько преувеличивал значение вавилонской культуры. Под впечатлением открытия Телль-амарнского архива он дал следующую восторженную характеристику исторической роли Вавилона: «Одним словом, он (вавилонский язык. — *Д. Р.*) был тем, чем теперь язык французский, и если один из современных мыслителей, именно Э. Ренан, назвал французский язык универсальным и вечным языком цивилизации, то за 15 веков до р. х. вавилонские ученые могли с еще большим правом сказать то же самое о своем языке. Современная культура не может быть названа французскою, между тем как культура Переднего Востока в ту отдаленную эпоху была сплошь ассиро-вавилонской, и вавилонский язык был вполне приспособленным органом распространения этой культуры» [75].

В этом определении чувствуется чрезмерное преклонение М. В. Никольского перед вавилонской культурой. Но он никогда не доходил до крайностей, которые характерны для представителей панвавилонизма, зарождавшегося в то время, когда Михаил Васильевич писал приведенные строки.

М. В. Никольский в отличие от Винклера и его последователей не искал следов вавилонской цивилизации в Индии и Китае. Он не считал также, что древнеегипетская цивилизация заимствована из Месопотамии, хотя допускал, что у них общий источник. «Были ли эти две культуры, — говорил он, — по своему происхождению независимы одна от другой или, что всего вероятнее, обе произошли из одного общего источника — это такой вопрос, на который еще нельзя дать точного ответа при нынешнем положении знания. В своем развитии эти культуры совершенно различны и подлежат каждая особому исследованию» [76].

Таким образом, М. В. Никольский в отличие от панвавилонистов ограничивал географическую сферу господства вавилонской культуры Передней Азией, но учитывал при этом ту или иную степень восприятия вавилонских достижений различными переднеазиатскими народами. С другой стороны, он не отрицал индивидуальных особенностей каждого из этих народов.

---

[74] *«Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества»*, — ДВ, т. I, вып. 1, стр. 7.

[75] М. В. Никольский, *Древняя страна Урарту (Арарат) и следы ассиро-вавилонской культуры на Кавказе*, 1894, т. 2, кн. I, стр. 2—3.

[76] Там же, стр. 1.

Говоря о том, что урартская культура носит ассиро-вавилонский отпечаток, М. В. Никольский тут же делает оговорку: «...несмотря на эту очевидную зависимость в культурном отношении от ассиро-вавилонян, народ урартский представляет весьма ясные черты *оригинальности* и *самобытности* (подчеркнуто мною. — *Д. Р.*), например, в одежде, вооружении, в архитектурных постройках. Религия их, подобно языку, была почти совершенно особою, несмотря на некоторые совпадения идеограмм божеств с ассиро-вавилонскими» [77].

Говоря об урартской письменности, М. В. Никольский обращает внимание на те усовершенствования, которые внесли урарты в ассиро-вавилонскую систему языка, приспосабливая чуждые им знаки, отбрасывая лишние и ненужные варианты.

Такое признание творческих способностей урартского народа тем более показательно, что даже в настоящее время делаются иногда попытки свести урартскую культуру целиком и полностью к ассиро-вавилонской, признать ее чуть ли не полностью заимствованной [78].

В отношении древней Палестины (хананейской и еврейской) М. В. Никольский также воздерживался от сведения всех сторон местной жизни и культуры к вавилонским прообразам.

Таким образом, М. В. Никольский при всем своем уважении к достижениям Вавилона соглашается признать Месопотамию лишь «одним из важнейших очагов», но отнюдь не единственной колыбелью культуры [79].

М. В. Никольский как исследователь урартской письменности и истории Урарту

Исключительную роль сыграли исследования М. В. Никольского, посвященные изучению памятников Урарту. Как уже говорилось выше, возглавленная им в 1893 г. экспедиция в Закавказье обнаружила ряд клинописных урартских текстов, давших возможность проследить пути проникновения урартских войск в Закавказье. Правда, часть этих надписей была известна и раньше, но обследования их, произведенные Ми-

[77] Там же, стр. 7.

[78] В учебнике «История древнего мира» под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского (М., 1952) говорится о том, что урартская культура не была оригинальной. В то же время необходимо отметить, что подавляющее большинство советских историков, наоборот, отмечают оригинальные черты культурного творчества урартского народа. См. В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, Л., 1953, стр. 478, где говорится: «многие черты урартской культуры отличаются большой самобытностью».

[79] М. В. Никольский, *Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии*, 1915, стр. 15.

хаилом Васильевичем, обнаружили много несовершенства и неточностей в прежних воспроизведениях подлинников[80]. Например, на южном берегу Севанского озера еще задолго до экспедиции М. В. Никольского была известна клинообразная надпись, расположенная на недоступном месте.

В 1889 г. известный немецкий исследователь В. Бельк попытался снять с нее копию. Простояв три часа по пояс в воде, он смог скопировать лишь шестую часть надписи. При таких условиях правильная интерпретация текста не удалась, и В. Бельк (так же как английский ассириолог А. Г. Сейс) приписал ее царю Сардуру II.

М. В. Никольский, использовав эстампаж, снятый А. А. Ивановским, дал транскрипцию и перевод всех сохранившихся строк (девятнадцать). Он верно определил принадлежность этой надписи Русе I. Теперь эта точка зрения принята всеми. Позже эта надпись подверглась дополнительному обследованию советского археолога Б. Б. Пиотровского, который внес кое-какие исправления, но передача основного содержания надписи осталась без изменений.

М. В. Никольский установил на основании этой надписи, что Руса I был сыном царя Сардура II, что он основал на южном берегу Севана новый центр с храмом бога Тейшебы, что урартское владычество распространилось на восток от озера Севан; М. В. Никольский прочел названия 23 стран и высказал предположение, что значительная часть их простиралась на восток, до нынешней Нахичевани[81].

В других случаях Михаил Васильевич уточнил далеко не совершенные копии урартских надписей, сделанные архиепископом Месропом Сбатлянцем[82].

В некоторых случаях он предложил новое понимание урартских слов, переводившихся до тех пор неточно. Так, М. В. Никольский впервые дал верный перевод глагола «нунаби» («пришел», а не «напал», как считали прежде)[83]. В споре В. Белька,

---

[80] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, М., 1896.

[81] М. В. Никольский, *Древняя страна Урарту...*, стр. 21—22.

[82] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 7, 72 и др.

[83] В настоящее время выяснено также, что глагол здесь поставлен не в первом, а в третьем лице (непереходные глаголы в отличие от переходных имеют в третьем лице окончание «bi»), см. Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи. Морфология*, — ВДИ, 1953, № 1, стр. 275. Таким образом, в надписях, где употребляется данный оборот, речь идет о походе урартского царя, а не бога Халда. Итак, в переводы Михаила Васильевича необходимо внести соответствующие исправления. Но остается несомненным, что перевод М. В. Никольского гораздо точнее передает смысл данного слова, чем предшествующие.

Ц. Ф. Лемана и А. Г. Сейса о значении слова su-i-ni он встал на правильную точку зрения и отверг неверный перевод «канал». Решение этого вопроса имело большое значение, ибо помогло установить местоположение области Киехуни на берегу озера (Севан), а не канала [84].

Весьма интересны соображения М. В. Никольского относительно термина hal-di-ni-ni. Переводя его, по традиции, как этнический термин «халдийцы», он внес существенную оговорку, что подобное понимание носит проблематический характер, и нельзя быть уверенным в том, что урарты действительно называли себя халдийцами.

В настоящее время, когда большинство исследователей отвергают наличие этнического термина «халды» и считают это слово лишь обозначением верховного бога Урарту [85], надо подчеркнуть, что впервые этот правильный путь интерпретации спорного термина наметил М. В. Никольский.

Не всегда Михаил Васильевич оказывался прав. В настоящее время многие обороты урартского языка переводятся иначе, чем у него [86]. Новая урартская грамматика, составленная Г. А. Меликишвили, в ряде моментов отвергла толкования Михаила Васильевича. Но при этом надо помнить, что причиной его ошибок было отсутствие достаточного материала.

Интересен в этом отношении спор, который возник по поводу толкования небольшой четырехстрочной надписи Аргишти у Ганли-тапа. Австрийский исследователь Д. Г. Мюллер считал, что это надпись о 10 100 «монетных единиц», в которой

---

[84] См. Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, стр. 215. М. В. Никольский обратил внимание на то, что для канала употребляется особый термин «pili», который не имеет ничего общего со словом «ṣue»(ṣuini). В настоящее время известен еще один термин для обозначения канала — «iṣi» (там же, стр. 208). Он засвидетельствован пока только одной Кешишигельской надписью (Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, — ВДИ, 1953, № 4, стр. 220—222) и в отличие от обычного pili переводится (предположительно) как «арык».

[85] Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, — ВДИ, 1954, № 1, стр. 236.

[86] М. В. Никольский неправильно понимал комбинацию клинописных знаков, транскрибируя ее qiš šuri, т. е. принимая за два слова. Его недоумение по поводу того, что первый знак иногда опускается, было вполне понятно. В настоящее время вопрос разрешается весьма просто. Это слово переводится не «милость», а «оружие». Начальный знак воспринимается (в данной комбинации) не как слог giš, а как детерминатив, который ставится перед наименованиями предметов, изготовляемых из дерева.

оценивается строительство крепости. М. В. Никольский справедливо отверг это фантастическое объяснение и, сопоставив спорный текст с аналогичными надписями Сардура II и Русы II, пришел к выводу, что цифры 10 100 относятся к количеству тесаных камней, из которых была сложена крепость [87].

Теперь и этот взгляд устарел, и спорное слово «капи» переводится не как денежная единица (Мюллер) и не как камень (М. В. Никольский), а как единица сыпучих тел. Выясняется, что Аргишти воздвиг не крепость, а зернохранилище, в которое было засыпано 10 100 мер зерна [88].

На этом примере видно, каких успехов достигли ученые за последнее полстолетие в изучении урартского языка. Но нельзя винить М. В. Никольского за отдельные творческие неудачи, неизбежные в столь трудном деле, как изучение клинописи.

Анализируя надписи урартских царей, разбросанные в различных частях Закавказья, Михаил Васильевич стремился восстановить историческую географию этих мест, сопоставляя современное состояние каждого района с прежним.

Отметив сухость климата Эриванской низменности, он высказывает предположение, что в урартский период эта местность была гораздо плодороднее, чем во времена, «предшествующие русскому обладанию этим краем». Причиной было развитие системы орошения, пришедшей в средние века в упадок [89].

В связи с этим М. В. Никольский ставит более общий вопрос о роли ирригации в Закавказье. «Вообще следует сказать, — пишет он, — что система ирригации, так сильно отражающаяся на экономических и социальных условиях этой местности, в древнее время должна была иметь значение бесконечно большее, она приводила к созданию социальных и политических комбинаций первой важности. Все жители, пользующиеся водой для орошения своих полей из одного и того же источника, должны были силою вещей составлять из себя одно общество, одно целое.

---

[87] М. В. Никольский, *Клинообразная надпись из Ганли-тапа около Эривани*, — ДВ, т. II, вып. 1, 1896, стр. 24—27; см. также М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*.

[88] Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, — ВДИ, 1953, № 3, стр. 139.

[89] До Туркманчайского договора 1828 г. район озера Севан (Гокча), как известно, принадлежал Персии. М. В. Никольский подчеркивает, что персидское господство в Закавказье (как и турецкое) приводило к разорению страны и было причиной того, что густонаселенные в древности области (о чем свидетельствуют урартские надписи) в XIX в. обладали меньшей плотностью населения (М. В. Никольский, *Древняя страна Урарту...*, стр. 6, 10).

Так как вода рек должна была расходоваться до последней капли, то регулирование этого орошения было вопросом самой первостепенной важности, и одно уже оно должно было создать и солидарность интересов и представляющую и защищающую их администрацию.

Физическая же обособленность вследствие трудности сообщения по горным перевалам и ущельям создавала обособленность политическую этих маленьких групп, образовавших из себя независимые царства или графства»[90].

Многое в этой характеристике является для нас неприемлемым. Не говоря уже о средневековом термине «графство», свидетельствующем о непонимании структуры племенных союзов, существовавших в Закавказье, следует отметить идеализацию зарождающегося рабовладельческого строя.

Конечно, на той стадии развития, когда разлагался первобытнообщинный строй и выделялась рабовладельческая аристократия, наивно было бы предполагать ту солидарность интересов, которую рисует М. В. Никольский.

Установление власти урартских деспотов должно было обострить борьбу за воду, о которой мы узнаем из многих текстов Древнего Востока.

М. В. Никольскому вообще была свойственна тенденция идеализировать древневосточные деспотии[91]. Однако сама мысль о том, что ирригация играла крупную роль в бассейне реки Аракса, заслуживает внимания.

В другом месте, определяя причины, побуждавшие урартских царей устремляться к берегам Гокчи (Севана), М. В. Никольский наряду с указаниями на здоровый климат, обилие рыбы, удобства сообщения, благоприятные условия защиты от неприятельских нападений обращает внимание еще на один момент: он считает, что озеро Гокча (Севан) привлекало завоевателей своими дикими красотами, вечно голубыми, красивыми волнами, манящими вдаль и внушающими предприимчивость и отвагу[92].

Все это весьма поэтично, но мало помогает в изучении причин агрессивных войн, предпринимавшихся восточными деспотами.

[90] Там же, стр. 6. — М. В. Никольский сравнивает здесь области Закавказья, завоеванные урартами, с немецкими графствами в средневековую эпоху.

[91] Например, он утверждает, что «за 15 столетий до р. х. мы видим трогательное братство народов, живой обмен благами цивилизации и высокое материальное благополучие народов Переднего Востока» (там же, стр. 3).

[92] Там же, стр. 20.

Таким образом, историческую географию Урарту М. В. Никольского во многом следует пересмотреть. Однако его некоторые наблюдения, касающиеся топонимики, природных ресурсов, путей сообщения и т. д., мы можем использовать и в настоящее время.

Оригинальными являются предположения М. В. Никольского о первоначальном местопребывании урартского народа. По его предположению, родиной урартов был бассейн верхнего Аракса. Цари Менуа, Аргишти и Сардур II, совершая походы на север, в сущности лишь возвращались в места обитания их предков.

В пользу этой гипотезы Михаил Васильевич приводил ряд аргументов. С одной стороны, он ссылался на современное название Эриванской низменности — «Айрарат», которое сопоставлял с библейским Араратом и ассирийским Урарту. Затем в названии области Уртахини, лежащей на юг от озера Севан, он искал прообраз того же Урарту [93].

С другой стороны, наряду с этими топонимическими домыслами М. В. Никольский стремился использовать некоторые намеки в ассирийских надписях.

Проникновение Салманассара III далеко на север от Ванского озера объяснялось, по его мнению, стремлением ассирийского царя овладеть основным районом обитания урартов [94].

В настоящее время научная гипотеза М. В. Никольского о приходе урартов с севера не пользуется признанием. Новый приток материалов не принес подтверждений в ее пользу.

Современные специалисты, в первую очередь Г. А. Меликишвили, напротив, склонны искать первоначальное ядро на восточных окраинах страны, ближе к озеру Урмия [95].

Зато гораздо удачнее оказалась другая гипотеза М. В. Никольского — об этнической связи урартов с народами Закавказья.

Решительно отвергая какую-либо связь урартского языка с семитическими, Михаил Васильевич считал наиболее приемлемым сравнительное изучение этого языка с языком одного из племен Закавказья, а именно — удинов. Он одобрял инициативу Галуста Тер-Мкртчана, предпринимавшего изучение в этом направлении.

В настоящее время вопрос рассматривается гораздо шире.

---

[93] В настоящее время выяснено, что название «Урарту» связано не с Уртахини, а совсем с другим географическим термином — Уруатри.

[94] М. В. Никольский, *Древняя страна Урарту*..., стр. 4—5.

[95] Г. А. Меликишвили, *К вопросу о древнейшем очаге урартских племен*, — ВДИ, 1947, № 4, стр. 21—29.

Некоторые исследователи связывают урартский язык с картвельской группой. Г. А. Меликишвили в упомянутом выше очерке урартской грамматики приводит множество аналогий с грузинским языком. Во всяком случае мы должны признать, что М. В. Никольский шел по правильному пути, отказавшись от сближения языка урартов с семитическими и индоевропейскими и отыскивая точку опоры в одном из языков Закавказья [96].

Работы М. В. Никольского по истории Сирии и Палестины

Занимаясь в первую очередь изучением памятников древней Месопотамии и Урарту, М. В. Никольский уделял серьезное внимание также истории Сирии и Палестины. Еще в 1872 г., когда он оканчивал Московскую духовную академию и готовился к профессорскому званию, он серьезно занимался проблемами библейской критики. Имеются сведения о том, что расхождение во взглядах по этому вопросу с профессором Горским помешало М. В. Никольскому получить профессорское звание. Позднее он также интересовался библейской критикой. Не случайно сын и ученик Михаила Васильевича Николай Михайлович Никольский в предисловии к переводу известного труда Ю. Велльгаузена «Введение в историю Израиля» (1909 г.) благодарит своего отца и учителя за оказанную ему помощь [97].

Как уже говорилось выше, в трактовке основных проблем истории Палестины М. В. Никольский не изжил воспринятых им в Московской духовной академии богословских установок.

У него нередко можно встретить заявление, что еврейский народ велик «не по своему политическому значению, а по своей религиозной миссии», что главный интерес изучения израильско-иудейской истории заключается в выявлении корней христианства, и т. д. Он не сомневается в историчности Моисея, который привел избранный народ божий в пределы земли обетованной [98]. Однако следует отметить, что по одному частному

---

[96] Из мелких работ М. В. Никольского по истории Урарту следует еще отметить его исследование, посвященное двум геммам из агата сферической формы, найденным на Армавирском холме у селения Тападиби (М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 132—133).

[97] Ю. Велльгаузен, *Введение в историю Израиля*, СПб., 1909, стр. IX, пер. с нем. Н. М. Никольского.

[98] М. В. Никольский, *Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии*, 1915, стр. 3—4.

вопросу библейской критики М. В. Никольский дал подлинно научное исследование.

Я имею в виду статью в сборнике в честь профессора Ф. Г. Корша «Харистерия», посвященную изучению двух загадочных финикийских слов «иахин» и «боаз», вырезанных на медных столбах Соломонова храма[99].

Библейский автор явно не понял этих слов и принял их за имена, данные мастером медным колоннам. М. В. Никольский в своем исследовании вскрыл полную необоснованность данных библейской традиции.

Хотя соответствующие личные имена и зафиксированы в других частях библии, но, как доказал М. В. Никольский, никакого отношения к храму Соломона они не имели.

М. В. Никольский согласен с мнением Э. Ренана, что оба слова представляют целую фразу. Однако попытка французского исследователя восстановить эту фразу представляется М. В. Никольскому натянутой[100]. Восстановив первоначальную, более точную форму надписи с помощью данных Септуагинты, он приходит к выводу, что надпись состояла не из двух, а из трех слов и означала: «Да будет Ваал силою».

Таким образом, финикийский мастер, украшавший храм Яхве, снабдил медные колонны посвятительной надписью в честь Ваала.

Этот факт очень интересен для истории израильско-иудейской религии и лишний раз показывает, что во времена Соломона еще не могло быть речи о монотеизме.

М. В. Никольский на основании тщательно собранного библейского материала доказывает, что имя бога Ваала в указанный период отнюдь не являлось одиозным и входило в состав теофорных еврейских имен.

Исследование Михаила Васильевича вызвало большой интерес и даже было переведено на немецкий язык.

Вопросам сирийской истории посвящены две статьи, помещенные в «Древностях восточных». Одна из них посвящена раскопкам Немецкого восточного комитета в Сирии.

По своему обыкновению М. В. Никольский не ограничивается изложением фактического материала, но ставит более общие вопросы. Он подробно останавливается на роли арамей-

---

[99] Χαριστήρια — сборник статей по филологии и лингвистике в честь Федора Евгеньевича Корша, М., 1896, стр. 419 и сл. — Перевод некоторых статей из этого сборника был помещен в «Zeitschrift der Wissenschaftlichen Theologie», Bd XLVIII.

[100] У Ренана получается туманная фраза с добавлением слов в скобках («Que [Dieu la] fasse tenir droite Par [sa] force).

ского языка, который стал в I тысячелетии lingua franca, как прежде вавилонский язык[101].

Выводы М. В. Никольского в этом направлении нашли теперь блестящее подтверждение, в частности благодаря находкам в Средней Азии. Как доказывает советский семитолог И. Н. Винников, надписи на парфянских сосудах первых веков нашей эры делались на арамейском языке[102].

Наряду с этим М. В. Никольский ставит проблему происхождения финикийского алфавита.

На основании того, что в Северной Сирии находятся в ближайшем соседстве друг с другом хеттские иероглифические надписи и тексты, написанные финикийскими буквами, Михаил Васильевич делает вывод о возможности происхождения финикийского алфавита из хеттских письмен. В настоящее время этот взгляд не получил подтверждения.

Академик В. В. Струве на основании промежуточных синайских форм связывает финикийский алфавит с египетским[103].

Нередко делаются попытки перекинуть мост от Финикии к Криту и возвести финикийские буквы к минойским.

Другая статья М. В. Никольского была посвящена разбору двух пальмирских надписей, изученных им по фотографиям, присланным директором Кавказского музея в Тифлисе Радде.

Михаил Васильевич описывает два каменных бюста (мужчины и девочки), на которых были начертаны короткие арамейские тексты[104].

Мы рассмотрели разностороннюю научную деятельность выдающегося русского ученого, творческий путь которого сопровождался не только успехами, но и неудачами. Многие его выводы неприемлемы для марксистской науки. Тем не менее изучение его трудов представляет для нас огромную важность.

М. В. Никольский не замыкался в рамках кабинетской работы. Это был энергичный организатор и пропагандист русского востоковедения. Не все свои планы ему удалось осуществить, но и то, что он успел сделать, вошло в фонд мировой науки.

---

[101] М. В. Никольский, *Об открытиях немецкого Восточного комитета в Сирии*, — ДВ, т. II, вып. 1, 1896, стр. 110.

[102] И. Н. Винников *О языке письменных памятников из Нисы (Южный Туркменистан)*, — ВДИ, 1954, № 2, стр. 115—127. — Автор доказывает, что язык нисийских надписей является не парфянским (как считали И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц), а арамейским.

[103] В. В. Струве, *Происхождение алфавита*, Л., 1923.

[104] М. В. Никольский, *Две новооткрытые пальмирские надписи*, — ДВ, т. II, вып. 1, 1896, стр. 163—164.

Не случайно научные заслуги М. В. Никольского получили высокую оценку в советской науке.

Мы уже видели, как высоко ценил труды М. В. Никольского академик В. В. Струве. Профессор В. И. Авдиев в своем учебнике «История Древнего Востока» называет М. В. Никольского «первым русским крупным исследователем по истории древней Месопотамии» и отмечает, что его издание памятников хозяйственной отчетности признано классическим трудом [105].

Советский ассириолог Л. А. Липин также высоко оценивает исследования М. В. Никольского и убедительно доказывает их огромное значение для исторической науки [106].

Все это свидетельствует о большой ценности исследований выдающегося русского ассириолога, не потерявших своего значения и в наше время.

---

[105] В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, 1953, стр. 36—37.

[106] «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 179, серия востоковедческих наук, вып. 4, Л., 1954, стр. 317—328.

Портрет А. В. Прахова кисти И. Н. Крамского (ГТГ)

М. А. КОРОСТОВЦЕВ, С. И. ХОДЖАШ

АДРИАН ВИКТОРОВИЧ ПРАХОВ (1846—1916)

14 мая 1956 г. исполнилось 40 лет со дня смерти выдающегося русского археолога и историка искусства Адриана Викторовича Прахова.

А. В. Прахов происходил из русской интеллигентной семьи. Отец А. В. Прахова Виктор Иванович Прахов был высокообразованным человеком, археологом, свободно владевшим греческим, латинским и еврейским языками, известным библиофилом, собравшим ценную библиотеку старинных и редких книг [1]. Брат А. В. Прахова Мстислав Викторович Прахов, ученый и поэт, по свидетельству В. В. Стасова, пользовался глубочайшей симпатией скульптора М. М. Антокольского и художника И. Е. Репина [2]. Сын А. В. Прахова недавно скончавшийся Н. А. Прахов известен как художник и историк русского искусства. Внук А. В. Прахова, А. Н. Прахов, с успехом работал в советской кинематографии.

Научная деятельность А. В. Прахова была очень обширна, а интересы разносторонни. Еще будучи студентом, он очень интересовался историей искусства и написал статью «Ахилл Эрмитажный», рисунки для которой были изготовлены его другом, впоследствии знаменитым художником И. Е. Репиным; статья эта была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения».

В 1867 г. А. В. Прахов окончил историко-филологический факультет. Стремясь углубить свои познания по истории искусств, он выразил желание безвозмездно работать хранителем Музея изящных искусств и древностей при Петербургском университете, и благодаря ходатайству своего учителя, извест-

---

[1] «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета», т. II, СПб., 1896, стр. 123.

[2] И. Е. Репин, *Далекое близкое*, М., 1949, стр. 524.

ного филолога профессора К. Я. Люгебиля, был утвержден в этой должности в 1869 г.[3]. В том же году кафедра истории изящных искусств университета направила А. В. Прахова в научную командировку за границу, продолжавшуюся до 1873 г. включительно. За эти годы он работал во многих музеях Германии, Франции, Англии и Италии, исследуя преимущественно памятники античного искусства. Результатом этой работы был ряд статей, помещенных в «Annali dell 'Instituto di Correspondenza». Вскоре А. В. Прахов был избран действительным членом этого института.

В 1871 г. А. В. Прахов приезжал в Петербург для публичной защиты диссертации на соискание ученой степени магистра по теме «Исследования по истории греческого искусства». Он был утвержден магистром теории и истории искусств[4].

По возвращении на родину в 1873 г. его утвердили доцентом Петербургского университета. Интерес к античному и, в частности, греческому искусству, которому он посвятил ряд исследований, не помешал А. В. Прахову очень серьезно заняться и искусством Древнего Востока. В течение ряда лет он читал в университете курс лекций по истории искусства Египта, Ассирии, Вавилона, Финикии, Греции[5]. Одновременно с 1875 по 1887 г. А. В. Прахов читал лекции в Академии художеств, а впоследствии, с 1905 по 1907 г., — на Высших женских курсах. В 1887 г. А. В. Прахову было поручено руководство внутренней отделкой строящегося Владимирского собора в Киеве; в связи с этим он был переведен в Киевский университет, где в течение десяти лет занимал кафедру истории искусств.

Сочетая большие творческие знания с практическими художественными навыками, А. В. Прахов обладал способностью придавать своим лекциям исключительно живой, увлекательный характер. Слушателей привлекала необычайная глубина его мысли, уменье просто, но чрезвычайно образно рассказывать о художественных памятниках. Он пробуждал у студентов интерес к древневосточному искусству, в то время еще очень мало изученному.

Крупный советский специалист в области искусства стран Передней Азии Н. Д. Флиттнер с благодарностью вспоминала, что первым ее учителем в этой области был А. В. Прахов.

В течение этих лет, занимаясь одновременно с педагогической деятельностью исследованием египетской архитектуры,

[3] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, дело 6714, связка 191, л. 2.

[4] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 150, ед. хр. 1031, стр. 250 (приложен послужной список А. В. Прахова).

[5] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, дело 6714, связка 191, л. 108.

А. В. Прахов подготовил работу «Критические наблюдения над формами изящных искусств. Зодчество древнего Египта» [6], которая была им представлена на соискание ученой степени доктора теории и истории искусств. Защита диссертации происходила 30 марта 1880 г. на историко-филологическом факультете университета [7]. Оппонентами были профессор К. Я. Люгебиль и доцент Ф. Ф. Соколов. В этой диссертации А. В. Прахов поставил перед собой цель проанализировать происхождение и развитие основных форм египетской архитектуры: гробницы и храма. Его интересовало, по какому принципу строились древнеегипетские гробницы, как возникли простые формы египетского зодчества и, наконец, каким образом египтяне сооружали храмы.

В своем исследовании А. В. Прахов использовал материалы, опубликованные французской археологической экспедицией (1809—1828 гг.) в «Description d'Egypte», и данные немецкой экспедиции (1842—1845 гг.), опубликованные Р. Лепсиусом в многотомном издании «Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien», а также труды, касающиеся отдельных вопросов египетской архитектуры.

Первая глава исследования посвящена принципу строительства гробницы и происхождению ее архитектурных форм. А. В. Прахов рассматривает гробницы гизехские, саккарские, бенихассанские, сиутские от IV до XIII династии, а также отдельные саркофаги и изображения. Сравнивая архитектурные детали, выполненные в камне, с деревянными конструкциями, русский ученый устанавливает их происхождение и доказывает, что многие формы, известные в каменном зодчестве, заимствованы из деревянного. В частности, А. В. Прахов считает, что первой архитектурной формой, прообразом всех последующих египетских зданий, была кочевая палатка, а в дальнейшем жилой дом [8]. Гизехские мастабы V династии имеют на восточной стороне по две глухие двери, выходящие во двор, образуемый пристроенными стенами, составляющими вместе со стенами мастабы прямоугольник, т. е. их план повто-

[6] А. В. Прахов, *Критические наблюдения над формами изящных искусств. Зодчество древнего Египта*, СПб., вып. 1, 1880; см. В. В. Стасов, *Русское сочинение об египетской архитектуре*, — ЖМНП, 1880, № 10, стр. 402—449. Статья посвящена разбору диссертации А. В. Прахова.

[7] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, дело 6714, связка 191, л. 77.

[8] В то время, когда А. В. Прахов писал диссертацию, были известны жилые дома только периода Нового царства, но раскопки последующих лет, проводимые в Кахуне и других поселениях Среднего царства, дали обильный материал, подтверждающий сходство между культовым и гражданским зодчеством периода Среднего царства.

8 Заказ 540

ряет план жилого дома. Более сложным типом являются бенихассанские гробницы XII династии.

А. В. Прахов устанавливает два типа гробниц: южный и северный. Южные гробницы состоят из пристроенного открытого двора, в который вели ворота, и портика, вырубленного в скалах. В северных гробницах и вход, и двери, и портик — все вырубалось в скалах. Несмотря на их различие, и тот и другой тип гробницы повторяют план жилого дома. Изменения в планировке гробниц, происходящие с течением времени, были вызваны переменами в жилищах, которым они подражали. Тенденция повторять в гробнице жилой дом была связана с религиозными воззрениями древних египтян, стремившихся в потустороннем мире воссоздать жизнь, подобную земной. Вместе с тем бо́льшая стабильность в планировке гробниц по сравнению с гражданской архитектурой объясняется застойностью египетских верований и стремлением египтян в культовых зданиях подражать древнейшим прототипам.

Большое место в диссертации А. В. Прахова уделено истории происхождения колонн. Этот вопрос получил различное толкование в египтологической литературе. Особенно подробно им занимался немецкий ученый Р. Лепсиус, посвятивший данной проблеме ряд статей [9].

Отдавая должное заслугам Р. Лепсиуса в области изучения египетской архитектуры, А. В. Прахов подверг критике его утверждение о том, что внешний вид ископаемых колонн (к ним Р. Лепсиус относит «протодорические колонны») был определен эстетическими соображениями; наличие базы, канелированного ствола и абаки объяснялось стремлением создать логический переход между отдельными частями. Он писал: «Если Лепсиус утверждает, что *абака* произошла из желания поместить *посредствующее* звено между многогранником колонн и архитравом, а база должна быть *посредствующим* звеном между фустом и полом, то не видно, почему непременно должны были явиться такие *«посредствующие»* звенья; это утверждение есть род эстетической веры, а не точного знания, которое могло бы быть доказано. Сверх того вы сознаете, что все эстетические доводы, в том роде, как приводит их Лепсиус, есть принадлежность XIX века, времени, которое старается объяснить формы искусства и зачастую вместо действительного

---

[9] C. R. Lepsius, *Sur l'ordre des colonnes piliers en Égypte et ses rapports avec le second ordre égyptien et la colonne greeqne*,— Annali dell' instituto di correspondenza archeologica, Poma, 1837; *Über einige aegyptische Kunstformen und ihre Entwickelung*,— «Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1871».

объяснения подымает простой факт на степень принципа и таким образом объясняет факт им же самим. Трудно поверить, чтобы за 3000 лет до р. х., в эти начальные времена человеческой образованности, египтянин мог руководствоваться теми же эстетическими соображениями, какими руководствуются современники Лепсиуса»[10].

А. В. Прахов считает, что египетские каменные колонны, «протодорические» и «растительные», берут свое начало от деревянных подпор. Деревянные столбы, поддерживающие кровлю, должны были быть хорошо укреплены у основания и в верхней части, поэтому на месте, где ставили столб, помещали каменную плиту с выемкой для столба (база в каменной колонне), а между столбом и балкой кровли приколачивалась доска с гнездом, в которое входил верхний конец столба (абака в каменной колонне). Колонны, сделанные в виде растений (лотосообразные, папирусообразные и пальмовидные), ведут свое происхождение от деревянных колонн. В более ранних сооружениях простую деревянную опору украшали связками живых цветов, привязанных в верхней части столба. В дальнейшем живые цветы были заменены вырезанными из дерева, и таким образом сложилась деревянная колонна растительной формы. Каменная растительная колонна воспроизводила свой деревянный прототип.

Особый раздел диссертации посвящен изучению храмов — сооружений, в которых основные принципы египетской архитектуры проявились наиболее полно и всесторонне. В отличие от гробниц, сохранившихся со времени глубокой древности, храмы в то время, когда писалась диссертация, были известны преимущественно от Нового царства и от эллинистического периода. Поэтому А. В. Прахов в основном базируется на памятниках II—I тысячелетий до н. э. Он рассматривает храмы в Эдфу, Луксоре, Карнаке, Railинет-Абу, на острове Фиале, Дендера и других; выясняет как первоначальные сооружения, так и последующие перестройки и подробно показывает происхождение и эволюцию основных частей египетского храма.

Так же как и гробница, каменный храм является подражанием деревянным сооружениям. По предположению А. В. Прахова, отдельные помещения храма повторяют составленные вместе палатки (первоначальные примитивные святилища). Внутренняя отделка храма также повторяет деревянные конструкции.

---

[10] А. В. Прахов, *Критические наблюдения над формами изящных искусств*, стр. 47.

Последовательное повышение полов отдельных частей храма было вызвано тем, что уровень почвы от берега Нила постепенно повышается. Для того чтобы пол имел не наклонное, а горизонтальное направление, приходилось располагать помещения по уступам.

Подводя итог своим исследованиям, А. В. Прахов приходит к выводу, что и каменная гробница и храм ведут свое происхождение от деревянных сооружений.

Таково основное содержание его диссертационной работы. Важно то обстоятельство, что А. В. Прахов писал свой труд в 70-х годах XIX в., т. е. в тот период, когда русская востоковедная наука занималась еще сбором и публикацией отдельных памятников и только приступала к обобщению по отдельным вопросам истории и культуры Востока.

Диссертация А. В. Прахова явилась первым научным исследованием на русском языке, посвященным изучению египетской архитектуры [11]. Опираясь на весь опыт египтологии своего времени, он сумел не только обобщить некоторые вопросы, касающиеся истории развития египетской архитектуры, но и прийти к новым выводам, правильность которых во многом была подтверждена последующими исследованиями других авторов.

Основной вывод работы о том, что все формы египетской культовой каменной архитектуры ведут свое происхождение из деревянного гражданского зодчества, также считается правильным и в настоящее время [12].

Однако А. В. Прахов счел необходимым ознакомиться на месте с памятниками греческого и византийского искусства в связи с предполагавшимся изданием истории искусства этих стран. Этот труд, к сожалению, никогда не появился в печати, а рукопись, по-видимому, не сохранилась. Именно поэтому в 1881 г. он и подал в Совет историко-филологического факультета докладную записку с просьбой командировать его на Восток. Этой командировки он добивался еще и потому, что считал знакомство с древневосточным и византийским искусством важным для понимания истории древнерусского искусства, которое также его очень интересовало. Просьба А. В. Пра-

---

[11] В 1838 г. в Риме на итальянском языке вышла работа русского художника преподавателя Академии художеств Д. Е. Ефимова, посвященная египетской архитектуре. В этой книге он высказывает предположение о деревянных прототипах каменных колонн (D. E. Efimov, *Brevi cenni sull architectura egiziana*, Roma, 1838).

[12] Н. Д. Флиттнер, *Архитектура древнего Египта*, — Всеобщая история архитектуры. Архитектура Древнего мира, т. I, М., 1944, стр. 56

хова была удовлетворена, и зиму 1881/82 г. он провел в поездках по Египту, Судану, Палестине, Сирии, Греции и Турции.

Маршрут и подробности этого путешествия могут быть восстановлены по записям его неопубликованного дневника [13]. А. В. Прахов путешествовал по Греции, Малой Азии и Египту вместе с известным востоковедом С. С. Абамелек-Лазаревым и крупным русским художником В. Д. Поленовым. Маршрут путешествия был обычный для лиц, желавших ознакомиться в более или менее короткий срок с достопримечательностями древней страны: Александрия, Каир, Луксор, Эрмент, Сильсиле, Эсне, Эдфу, Ком, Омбо, Асуан и обратно по Нилу на парусной дахабиэ до Каира с остановками в разных пунктах, в том числе и в Кена — для осмотра храма Дендера, в Балиана — из-за абидосского храма и других местах. По пути А. В. Прахов составлял свою коллекцию египетских древностей, часть которой уцелела и вошла в состав египетского собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. В нее вошли самые разнообразные предметы: скарабеи, амулеты, предметы художественного ремесла, коптские ткани и другие памятники. Наиболее интересным письменным документом этой коллекции является папирус, известный в науке под названием «папирус Прахова» и хранящийся в Эрмитаже в Ленинграде. К сожалению, он до сих пор не изучен и не переведен [14].

Сохранилась лишь меньшая часть коллекции А. В. Прахова. Большая часть ее погибла при следующих обстоятельствах: когда А. В. Прахов, С. С. Абамелек-Лазарев и В. Д. Поленов направились из Египта в Турцию, комиссионер гостиницы по ошибке сдал их багаж на другой пароход, который попал в сильный шторм на Черном море и затонул недалеко от Одессы. Погибли эстампажи, рисунки, сделанные А. В. Праховым в Египте, и приобретенные им и С. С. Абамелек-Лазаревым древности [15].

Во время своего путешествия по странам Востока А. В. Прахов уделял большое внимание и памятникам христианского Востока. Находясь в Константинополе, А. В. Прахов подал рус-

---

[13] Выдержки из этого дневника стали нам доступны благодаря любезности сына А. В. Прахова — Н. А. Прахова, приславшего их авторам данной статьи.

[14] Единственное его издание без перевода и транскрипции, если не считать нескольких строчек, которые Б. А. Тураеву удалось прочитать,— «Papyrus Prachov», Leningrad, 1927.

[15] Эти сведения нам любезно сообщил Н. А. Прахов в письме от 26 апреля 1956 г.

скому послу Новикову докладную записку, в которой говорилось о необходимости организовать в Константинополе русский археологический институт для изучения древностей Греции, Малой Азии и других земель, входивших в состав бывшей Византийской империи.

Русский археологический институт в Константинополе был организован в 1895 г. и сыграл большую роль в развитии византиноведения в России.

Возвратившись в Россию, А. В. Прахов посвятил себя изучению истории древнерусского искусства и обследовал древнерусские храмы и соборы в Киеве, а также в то время почти никому неизвестные памятники на Волыни. Особенно важным было открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII в.[16]. В целом его работы по искусству древней Руси были «откровением для всех интересовавшихся русскими древностями»[17].

Глубокое знание памятников древнерусского и византийского искусства помогло А. В. Прахову в его практической работе художника. В течение десяти лет А. В. Прахов осуществлял руководство внутренней отделкой Владимирского собора в Киеве, этого выдающегося памятника русского искусства конца XIX в., в росписи которого принимали участие такие прославленные мастера, как Васнецов, Нестеров, Врубель. А. В. Прахов не только руководил отделочными работами, но принимал самое непосредственное участие в оформлении собора.

А. В. Прахов принимал участие в популяризации памятников русского искусства. Он редактировал художественно-иллюстрированный журнал «Пчела», издавал «Художественные сокровища России», выступал с лекциями.

Историк и теоретик искусства, востоковед, ученый широких и разносторонних знаний — таким остается в истории русской науки А. В. Прахов.

---

[16] А. В. Прахов, *Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века*, СПб., 1883.

[17] *«А. В. Прахов»*. Некролог,— «Зодчий», 1916, 15 мая, № 20, стр. 195—196.

М. А. КОРОСТОВЦЕВ, С. И. ХОДЖАШ

ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ БОК
(1850—1899)

К числу имен, незаслуженно забытых в истории русского востоковедения, принадлежит имя Владимира Георгиевича Бока, одного из немногих русских ученых, посвятивших себя исследованию коптского Египта.

Владимир Георгиевич Бок родился 9 августа 1850 г.[1]. По окончании естественного факультета Петербургского университета В. Г. Бок, чтобы изучить горнозаводское дело, выехал в Бельгию. Он вернулся на родину в разгар русско-турецкой войны, в которой принял участие, находясь в рядах русской армии. В 1883 г. В. Г. Бок был назначен директором Петербургской гранильной фабрики[2], но его интересы не ограничивались минералогией — его влекло к изучению Востока. Когда в 1885 г. в Эрмитаже было организовано Отделение средних веков и эпохи Возрождения, В. Г. Бок был назначен хранителем отделения и оставался на этом посту до конца своей жизни. С целью пополнения и расширения коллекции музея В. Г. Бок совместно с В. С. Голенищевым в 1888—1889 гг. совершил поездку в Египет. Во время этого путешествия он занимался изучением памятников христианского Египта и собиранием древностей, главным образом коптских тканей.

В 1897 г. В. Г. Бок решил вторично посетить Египет. Целью этой поездки было осуществление раскопок коптских монастырей и кладбищ и приобретение памятников восточнохристиан-

---

[1] «Бок В. Г.», — «Новый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», т. VII, стр. 213. — В этой статье указаны даты жизни 1851—1899 гг., тогда как в архиве Государственного Эрмитажа в послужном списке В. Г. Бока стоит год рождения 1850 (Архив Государственного Эрмитажа, ф. № 1, оп. V, дело 136, стр. 167); С. А. Жебелев, *Памяти В. Г. Бока*, — ЗВОРАО, новая серия, т. X, вып. 3—4, 1899, стр. 415—418; J. Strazygowski, *Vladimir de Bock*, — «Byzantinische Zeitscrift», т. X, 1900, стр. 619—620.

[2] Архив Государственного Эрмитажа, ф. № 1, оп. V, дело 136.

ского и мусульманского искусства. В этом ему существенную поддержку оказал старший хранитель Эрмитажа А. А. Куник, считавший необходимой командировку В. Г. Бока в Египет. Он писал следующее: «Изучение христианского искусства Востока, играющего такую важную роль в развитии русского церковного искусства, стало в последние десять лет на более твердую почву, благодаря открытию и изучению памятников коптского искусства, находящихся в долине Нила. Императорский Эрмитаж обогатился в 1889 г. весьма ценным, важным собранием коптских тканей, привезенных В. Г. Боком, командированным в 1888 г. с этой целью в Египет. Но одни ткани не исчерпывают вопроса об истории коптского искусства; архитектура, живопись, всякие бронзы и другие предметы в равной мере освещают науку христианского искусства. С другой стороны, в Египте же основалось арабское искусство, которое там, правильно развиваясь, достигло высшей степени развития и блеска и распространяло свое влияние на весь Азиатский Восток. Роль восточного мусульманского искусства в развитии русских художественных форм вполне определенна, и общие усилия русских археологов направлены теперь на подробное изучение всяких памятников восточного искусства»[3].

Ходатайство В. Г. Бока было удовлетворено. В 1897—1898 гг. он совершил поездку в Египет, где производил раскопки в коптских монастырях и некрополях, фотографировал памятники архитектуры, производил обмеры и снимал планы[4].

Разнообразные и богатые материалы, собранные В. Г. Боком, были им впоследствии опубликованы в большом труде «Материалы по археологии христианского Египта»[5], где он подробно описывает многочисленные монастыри, приводит интересные данные о времени их основания и строительства, подробно анализирует последующие перестройки и реконструкции. Его интересует техника строительства и эволюция стиля. Особенно детально им были изучены Белый и Красный монастыри, расположенные в Среднем Египте. Сделанные В. Г. Боком фотографии и чертежи являются ценным источником для изучения этих важных памятников архитектуры христианского Египта.

[3] Там же, дело № 12, 12 августа 1897.

[4] В 1945 г. М. А. Коростовцев по приглашению инспектора «Службы древностей Египта» Ахмеда Фахри, которому были подведомственны раскопки во всех оазисах Ливийской пустыни, посетил оазис Харга, где Ахмед Фахри показал ему большой коптский некрополь, обследованный и изученный В. Г. Боком. Ахмед Фахри отозвался очень положительно о деятельности русского ученого.

[5] «Материалы по археологии христианского Египта», СПб., 1901.

Во время своих поездок по Египту В. Г. Бок не только изучал, но и собирал коллекцию коптских памятников. Им были привезены изделия из металла, слоновой кости, глины. Особого внимания заслуживает прекрасная и разнообразная коллекция коптских тканей, насчитывающая более двух тысяч экземпляров. Эта коллекция поступила в Эрмитаж в 1890 г.[6]. Многие ткани были найдены самим В. Г. Боком во время раскопок в Ахмиме, Негаде, Самайне и Фаюме. Остальные ткани были куплены у торговцев Александрии, Ахмима, Кенэ и Луксора, а также приобретены из первых рук — от жителей тех местностей, где находятся древнехристианские кладбища.

По оценке М. Э. Матье, «привезенные В. Г. Боком ткани составили основное ядро собрания Государственного Эрмитажа, которое уже тогда явилось одним из богатейших в мире»[7].

В. Г. Бок был не только собирателем коптских тканей, но и много работал над их изучением и публикацией. В «Трудах» VIII археологического съезда им опубликовано более шестидесяти из привезенных им тканей[8].

Публикации предшествует вступительная статья, в которой В. Г. Бок дает краткую историю становления и развития христианства в Египте и его значения для формирования коптского искусства. В. Г. Бок показывает зависимость коптского искусства от древнеегипетского и влияние коптского искусства на последующее арабское искусство. Но главное внимание он уделил анализу своеобразия коптского искусства, его специфики и истории развития от IV до IX в.

Изображения на всех тканях В. Г. Бок разделяет на две большие группы: одни созданы под влиянием древневосточного и античного искусства, другие отражают сюжеты христианской религии. Кроме того, В. Г. Бок показывает своеобразие тканей в зависимости от места их изготовления. Так, он указывает, что ткани, происходящие из Ахмима, отличаются классическим характером и мотивами, заимствованными из «языческого искусства». Рисунку тканей, происходящих из Негада, присуще «варварское» истолкование религиозных сюжетов. В. Г. Бок характеризует также ткани, происходящие из Фаюмского и Саккарского некрополей. Эти различия в тематике изображений и стиля памятников объясняются условиями

---

[6] М. Матье, К. Ляпунова, *Художественные ткани коптского Египта*, М.—Л., 1951.

[7] Там же, стр. 18.

[8] В. Г. Бок, *О коптском искусстве. Коптские узорчатые ткани*, — «Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 г.», т. III, 1897, стр. 218—245.

жизни и развития той или другой местности и временем происхождения ткани.

Говоря о значении древнеегипетского искусства для коптского, В. Г. Бок отмечает, что «древнеегипетское искусство отразилось на тканях довольно заметно, а именно: можно усмотреть на многих тканях реализм, унаследованный от предков, в изображении животных и растений. Некоторые древнеегипетские украшения и изображения божеств встречаются на тканях и других памятниках, применяясь, однако, к новым требованиям христианства... Уже теперь можно отметить, что копты, не чуждаясь влияния греков и Востока, не только не поддались вполне чужим идеалам и стремлениям, но, живя отдельною и замкнутой жизнью... приспособляли свою древнюю культуру и религию к требованиям и духу своей новой веры» [9].

В. Г. Бока интересует техника изготовления тканей и материал, из которого они делались. В отличие от многих своих предшественников на Западе, ограничившихся лишь формальным анализом изображения на тканях, русский ученый подробно раскрывает символику композиции и показывает ее происхождение. В. Г. Бок обращает особое внимание на своеобразие коптских тканей и на их специфические особенности. Как отмечает М. Э. Матье, «для В. Г. Бока вполне ясна необходимость выявления самобытных, местных особенностей коптских памятников и изучения последних именно с этой точки зрения» [10]. В своих исследованиях В. Г. Бок уделял серьезное внимание коптским тканям не только потому, что привезенная им из Египта коллекция давала много интересного для этой темы, но также и потому, что считал, что «коптские ткани, представляя громадный материал в количественном и качественном отношениях, восполняют большой пробел в истории искусства средних веков в период времени от II до VIII столетия и потому имеют большое значение для уяснения некоторых вопросов христианской археологии» [11].

Во всех своих работах В. Г. Бок никогда не ограничивался лишь данным памятником, а всегда показывал его место и значение в развитии искусства. Так, частному вопросу публикации коптского сосуда предшествует вступление, в котором дана краткая история развития культуры и искусства коптов, показано своеобразие и значение литературы этого времени для понимания религиозного мировоззрения коптов и их обы-

[9] Там же, стр. 227.

[10] М. Матье, К. Ляпунова, *Художественные ткани коптского Египта*, стр. 17.

[11] В. Г. Бок, *О коптском искусстве...*, стр. 221.

чаев [12]. В. Г. Бок останавливается также на коптской архитектуре и скульптуре и особенно подробно на специфике коптского художественного ремесла. Только после такого общего введения В. Г. Бок переходит к объяснению публикуемого сосуда. Тщательный анализ формы, техники изготовления скульптурных украшений на крышке и ручках, изображения на поверхности тулова позволяет ему датировать памятник. Здесь так же, как и в других своих работах, В. Г. Бок интересуется проблемой связи искусства коптов с искусством древних египтян. В заключение он пишет: «Наш сосуд, следовательно, представляет образец полного подражания древнеегипетскому искусству, как в целом, так и в деталях орнаментики, и относится к эпохе самостоятельного развития коптского искусства» [13].

Наряду с изучением коптского искусства В. Г. Бок уделяет внимание и византийскому. В частности, его интересовала одна из интереснейших отраслей византийского художественного ремесла — перегородчатая эмаль. Этому вопросу он посвятил ряд статей. Среди них надо отметить особенно интересную публикацию «Мнимый эмалевый агнец на костяном окладе Миланского собора» [14]. В этой статье В. Г. Бок касается вопроса о технике изготовления упомянутого памятника. Агнец был впервые издан Лабартом [15]. Он считал, что агнец выполнен в технике перегородчатой эмали. Изучая рисунок с агнца, опубликованный Лабартом, В. Г. Бок заметил, что поверхность у изображения неровная (поверхность перегородчатой эмали идеально гладкая). Это навело его на мысль, что агнец выполнен не в технике перегородчатой эмали, а инкрустирован гранатами-кабошонами. Для подтверждения своего предположения В. Г. Бок отправился в Милан. Исследование сосуда на месте подтвердило правильность его заключения. Новая датировка этого уникального памятника важна для истории как перегородчатой эмали, так и для истории холодной инкрустации.

Вопросу развития этой техники на юге России и ее своеобразия, вообще вопросу специфики памятников искусства юга России В. Г. Бок уделял большое внимание, в частности его интересовала поливная керамика, найденная в Феодосии и Херсонесе.

---

[12] В. Г. Бок, *Бронзовый коптский сосуд,* — ЗВОРАО, новая серия, т. VII, 1894, стр. 230—246.

[13] Там же, стр. 245.

[14] В. Г. Бок, *Мнимый эмалевый агнец на костяном окладе Миланского собора,* — ЗВОРАО, новая серия, т. VIII, вып. 3—4, 1896, стр. 394—398.

[15] G. Labarte, *Histoire des arts industriels Album,* t. I, Paris, 1864, tabl. VI.

3 апреля 1895 г. в Обществе антикваров Франции барон де Бэ сделал сообщение о серии фрагментов керамики, происходящей из Крыма (Феодосия и Херсонес). Одни фрагменты были им приобретены во время земляных работ при постройке порта в Феодосии, другие — в Херсонесе, где производились раскопки. Первая группа была подарена бароном де Бэ музею Лувра, вторая — музею Клюни. Де Бэ видел в Москве, в Историческом музее, образцы керамики, аналогичные тем, которые он приобрел в Феодосии и Херсонесе, и консультировался о них с В. Г. Боком, который по этому поводу и написал статью [16].

В этой статье он знакомит французских археологов с результатами русских раскопок в Крыму, на Кавказе и в других местах, а также приводит снимки с наиболее интересных из найденных экспонатов, которые и описывает очень подробно. Все они средневековые. Не отрицая серьезного влияния Византии на художественный облик памятников, В. Г. Бок все же подчеркивает, что местные особенности и стили сказались совершенно определенно. Он сравнивает предметы из Феодосии и Херсонеса с экспонатами, найденными в Сарае, Самарканде, Малой Азии, Сирии, Египте, на Кипре и в Афинах, и подчеркивает их своеобразие.

Велика заслуга Бока в деле охраны памятников коптского искусства. Для Комитета по охране древностей Египта им был написан специальный устав, который предусматривал следующие мероприятия, необходимые для охранения коптских памятников от порчи и расхищения.

1. Каждая реставрация или реконструкция церкви и монастыря должна санкционироваться комитетом.

2. Необходимо заинвентаризовать все памятники коптской письменности, искусства и художественного ремесла, хранящиеся в монастырях.

3. Необходимо снять планы всех зданий и сделать цветные прорисовки со всех сохранившихся фресок.

4. Раскопки должны производить только квалифицированные археологи, утвержденные комитетом.

Не все то, что намечал В. Г. Бок, удалось осуществить, но во всяком случае он сделал очень много для изучения, охраны и реставрации коптских памятников, а привезенная им коллекция тканей является ценнейшим материалом для изучения коптского искусства.

---

[16] W. Bock, *Poteries vernissées du Caucase et de la Crimée*.—«Memoires de la Société nationale des Antiquaires de France», t. 56, Paris, 1897.

СПИСОК ТРУДОВ В. Г. БОКА

1. *Записка о полном правительственном страховании*, СПб., 1889.

2. *Бронзовый коптский сосуд*, — ЗВОРАО, новая серия, т. VII, 1894, стр. 230—246.

3. *Мнимый эмалевый агнец на костяном окладе Миланского собора*, — ЗВОРАО, новая серия, т. VIII, вып. 3—4, 1896, стр. 394—398.

4. *Рецензия на работу Кондакова Н. П., Византийские эмали*. Собрание А. В. Звенигородского, История и памятники византийской эмали, — ЗВОРАО, новая серия, т. VIII, вып. 3—4, стр. 399—402.

5. *О коптском искусстве. Коптские узорчатые ткани*, — «Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 г.», т. III, М., 1897, стр. 218—245, табл. XVI—XXII.

6. *Lettre de Mr. Vladimir de Bock, Chambellan de S. M. l'Empereur, Conservateur en chef du Musée du Moyen Age et de la Renaissance á l'Ermitage Impérial de St. Pétersburg, au prince François de Lichtenstein au sujet d'une croix reliquaîre byzantine, appartenant au baron d'Inkéy et Pallin*, Pétersbourg, 1896.

7. *Poteries vernissées du Caucase et de la Crimée*, — «Memoires de la Société nationale des Antiquaires de France», t. 56, Paris, 1897.

8. *Notice sur les monuments coptes de la vallée du Nil*, — «Comité de Conservation des monuments de l'art arabe, Fascicule quinzième», Le Caire, 1900, p. 67—72, annexe au rapport № 237.

А. С. ШОФМАН

РУССКИЙ САНСКРИТОЛОГ П. Я. ПЕТРОВ

Павлу Яковлевичу Петрову (1814—1875) принадлежит видное место в истории русской санскритологии. Академик И. Ю. Крачковский считал его талантливым русским востоковедом, одним из первых индианистов с широким кругозором и редкой подготовкой [1].

Учебная и научная деятельность П. Я. Петрова проходила в стенах трех старых русских университетов: Петербургского, Казанского и Московского. И в каждом из этих университетов П. Я. Петров оставил после себя добрую память.

П. Я. Петров родился и вырос в малообеспеченной семье учителя. Отец его был преподавателем новых языков, истории, географии и математики сначала в Петербурге, а затем в Москве.

В 1828 г. П. Я. Петров был принят на подготовительное отделение Московского университета и через год переведен «на ординарные лекции по словесному факультету» [2]. В университете он вскоре встретился и подружился с В. Г. Белинским.

О своем сближении с П. Я. Петровым В. Г. Белинский говорил: «Мы часто бываем вместе; судим о литературе, науках и других благородных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями. Вот дружба, которою я могу по справедливости хвалиться» [3]. Друзей сближали не только совместные занятия, особенно по языку и литературе, но и общ-

---

[1] И. Ю. Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова к В. Г. Белинскому*, — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 7; А. А. Губер, *Изучение Индии в Советском Союзе*, М., 1954, стр. 6.

[2] «Московские ведомости», 1875, № 242; К. Г. Залеман, П. Я. Петров, «Русский биографический словарь», СПб., 1902, стр. 694—696.

[3] «Литературное наследство», т. 57, стр. 46.

ность взглядов на русскую действительность. Об этом свидетельствует их участие в тайных студенческих кружках[4].

В начале 1830 г. В. Г. Белинский и его товарищи образовали кружок, известный под названием «Литературного общества одиннадцатого нумера». В него входили В. Г. Белинский, М. Б. Чистяков, Н. А. Аргилландер, П. Я. Петров и др.[5].

В этом обществе как Белинский, так и Петров прошли серьезную философскую и литературную школу[6]. В обществе «одиннадцатого нумера» развернулась напряженная полемика по вопросам литературы и общественной жизни. Классицизм и романтизм, революционные традиции русской литературы, будущее родины, революционное движение на Западе — вот тот круг вопросов, который волновал участников этого общества[7].

Петров был очень одаренным юношей. Своими познаниями он приводил в восторг В. Г. Белинского. «Что это за человек! Какие познания! Какие способности! Он превосходно знает по-французски; может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках. Знает несколько по-английски; хорошо по-арабски и персидски. Пишет прекрасные стихи. В занятиях языками и науками неутомим, как Тредья-

---

[4] Дружба В. Г. Белинского с П. Я. Петровым, особенно в студенческое время, довольно обстоятельно показана литературоведами и историками Московского университета. См. Клеман, *В. Г. Белинский в воспоминаниях современников*, Л., 1929; Н. Л. Бродский, *Лермонтов, биография*, т. I, 1945; В. С. Нечаева, *В. Г. Белинский*, М., 1954; М. Поляков, *Белинский в Московском университете*, М., 1947; М. Поляков, *Студенческие годы Белинского*, — «Литературное наследство», т. 56; В. П. Гурьянов, *В. Г. Белинский и тайное литературное общество студентов Московского университета*, — «Ученые записки МГУ», вып. 156, 1952.

[5] «Литературное наследство», т. 50, стр. 365; В. П. Гурьянов, *В. Г. Белинский и тайное литературное общество студентов Московского университета*, стр. 106.

[6] М. Поляков, *Белинский в Московском университете*, стр. 18—20, 56.

[7] В январе 1831 г. В. Г. Белинский сообщал в письмах, что П. Я. Петров занимается переводом *«Потерянного рая»* Д. Мильтона на русский стихами и «переводит лихо» (см. «Литературное наследство», т. 56, стр. 331). Отрывки из этого перевода были напечатаны в «Галатее» (1830, ч. XV, № 22, посвящен В. Г. Белинскому) и в «Молве» (1833, № 85, стр. 537—538).

Интересно отметить, что сочинениями Д. Мильтона П. Я. Петров не переставал интересоваться и в Казанском университете (см. Рукописный отдел библиотеки им. Н. И. Лобачевского, список книг, взятых П. Я. Петровым из библиотеки университета).

В студенческие годы П. Я. Петров увлекается творчеством В. Гюго (перевод *«Джинны»*), итальянского революционера Уго Фосколо, перевод романа которого *«Избранные письма Якова Ордиса»* был им осуществлен совместно с В. Г. Белинским и В. В. Григорьевым. П. Я. Петрова интересуют также произведения крупных политических деятелей, активно участвовавших в революционных событиях своей эпохи.

ковский. Он еще хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески. Жажда к познанию языков в нем удивительна: хочет учиться еще по-санскритски и турецки. Особенно любит восточные языки» [8].

Главным учителем П. Я. Петрова по восточным языкам был А. В. Болдырев, который с 1811 г. преподавал в Московском университете арабский, персидский и древнееврейский языки [9].

В 1831 г. П. Я. Петров окончил Московский университет по словесному отделению и был утвержден кандидатом словесных наук [10]. Два года, живя то в Москве, то в Петербурге, он занимался частными уроками и самостоятельно изучал восточные языки. В 1834 г. П. Я. Петров был принят воспитанником Дерптского профессорского института, оставаясь на содержании при Петербургском университете [11].

Петербургский период жизни П. Я. Петрова был изучен академиком И. Ю. Крачковским на основании дошедшей до нас переписки П. Я. Петрова с В. Г. Белинским [12]. В настоящее время мы имеем возможность уточнить и расширить наше представление об этом времени по архивам дерптского и петербургского учебных округов.

Как это видно из переписи и архивов, академик Х. Д. Френ, убедившись в способностях Петрова, взялся руководить его занятиями и направлял их по строго продуманному плану. Из всех своих петербургских наставников молодой ориенталист особенно был обязан Х. Д. Френу [13]. В Петербурге П. Я. Пет-

---

[8] В. Г. Белинский, *Письма*, т. I, СПб., 1914, стр. 9; см. также Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 8; В. Нечаева, *В. Г. Белинский*, стр. 105.

[9] С. Шевырев, *История Императорского Московского университета*, М., 1855, стр. 553. — В 1836 г. А. В. Болдырев был отрешен от всех должностей: ректора, профессора и цензора за помещение в журнале «Телескоп» (№ 15) статьи П. Я. Чаадаева *«Философические письма»* (см. А. Никитенко, *Дневник*, т. I, стр. 188, 190).

[10] Архив МГУ, формулярные списки, 1852, л. 168.

[11] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 67, ед. хр. 6, 1837, л. 38.

[12] См. «Очерки по истории русского востоковедения», стр. 7—22. Переписка Петрова с Белинским прекращается по приезде Петрова в Казань. Предпринятая нами попытка найти продолжение этой переписки пока не увенчалась успехом. В ходе поисков удалось обнаружить в рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина в Москве десять писем Петрова М. П. Погодину и в рукописном отделе библиотеки им. Салтыкова-Щедрина пять писем Петрова С. П. Шевыреву. Эти пятнадцать писем расширяют и уточняют наши сведения о Петрове, особенно в казанский период его деятельности.

[13] Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. IV, СПб стр. 411; Н. И. Веселовский, *В. В. Григорьев в его письмах и трудах* СПб., 1887, стр. 17.

ров, стремясь овладеть восточными и западными языками, очень расширил круг их изучения.

В письме М. П. Погодину он признавался, что «...увлекся страстью всех молодых людей, и в особенности русских, страстью за все хвататься, не соразмерив сил своих с поднимаемой тяжестью» [14]. Он собирался заниматься греческим, в каникулярное время уделял внимание славянскому и предполагал раз в неделю заняться финским (по его собственному выражению, «чухонским») [15], стремился также изучить китайский. Х. Д. Френ же ограничил Петрова изучением арабского, персидского, турецкого и санскритского языков. Арабистикой, кроме Х. Д. Френа, с ним занимался О. И. Сенковский — руководитель кафедры арабской словесности в Петербургском университете. Больших успехов Петров добился особенно в области персидской словесности, которую преподавал Ф. Ф. Шармуа, талантливый представитель французской школы Сильвестра де Саси [16]. Турецкий, которым П. Я. Петров стал заниматься в Петербурге, давался ему, по-видимому, труднее. «С турецким лажу худо», — писал он В. Г. Белинскому, но вскоре преодолел и эти трудности.

В центре внимания П. Я. Петрова находилось изучение санскритского языка. При этом ему очень не хватало грамматики и словарей.

В университете санскрит еще не преподавался, и П. Я. Петрову пришлось его изучать в основном самостоятельно. Он сам нашел себе учителя, поселился с ним на одной квартире и стал заниматься санскритским языком. Его учителем был немец, доктор философии Геттингенского университета, совершенно не знавший русского языка. Между ними было заключено соглашение об оказании помощи друг другу. П. Я. Петров учил его персидскому языку, а он его — санскритскому и классическим языкам. Вскоре ученик превзошел своего учителя, который, особенно в санскритском языке, оказался «не слишком горазд». В письме к своему другу П. Я. Петров признается, что он больше надеется на себя и на рукописи академии [17]. Некоторое время П. Я. Петров пользовался советами талантливого санскритолога адъюнкта академии Роберта Ленца [18].

В Петербурге П. Я. Петров находился под особым научным

---

[14] Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, стр. 409.

[15] Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 10.

[16] Там же, стр. 14.

[17] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 227.

[18] «Биографический словарь профессоров и преподавателей ИМУ», ч. I, М., 1855, стр. 226; «Московские ведомости», 1875, № 242.

9 Заказ 540

наблюдением академика Х. Д. Френа и профессоров восточных языков [19]. Ему было разрешено слушать лекции в училище восточных языков при Министерстве иностранных дел [20]. Арабский язык там преподавал профессор Деманж, турецкий и персидский вели профессор Ф. Ф. Шармуа и адъюнкт Мирза Джафар Топчибашев. У них в это время учились окончившие Петербургский университет В. В. Григорьев и П. С. Савельев, с которыми П. Я. Петров сдружился [21].

Подводя итоги первых двух лет своего пребывания в Петербурге, П. Я. Петров подчеркивал, что они были обильны «муками и наслаждениями». За это время он научился говорить, читать и писать по-персидски, основательно стал понимать по-арабски и санскритски, так что на этих языках ему стали доступны книги и рукописи. «Скоро наступит время, — писал он М. П. Погодину, — когда я буду заглядывать в лексикон так же редко, как ветреный племянник к старой и скучной тетушке, от которой он надеется получить наследство» [22]. Для поступления в Дерптский университет нужно было сдать экзамен. «Я держал, — пишет Петров В. Г. Белинскому, — и выдержал экзамен в арабском и персидском у Френа и Шармуа и в санскритском у академика Шмидта, теперь я принят и нахожусь под особенным попечением Френа» [23].

Воспитанником Дерптского университета П. Я. Петров числился в течение трех лет, с 1834 по 1837 г., занимаясь в Петербурге. Это были годы напряженных занятий турецким, санскритским, персидским и арабским языками, которые он изучал с необыкновенным упорством и энергией. «Я занимаюсь в буквальном смысле с утра до вечера» [24], — писал он В. Г. Белинскому. Занятие языком П. Я. Петров считал «божественным удовольствием». На язык он смотрел, как «на живое познание человеческого слова во всех его видах» [25]. Занимался П. Я. Петров не только изучением языков, но и самостоятельной научно-исследовательской работой. В плане сравнительного языкознания Х. Д. Френ поручил Петрову отмечать все восточные слова, которые имеются в русском языке. Впоследствии эта работа была оформлена в виде статьи, помещенной в издании Ака-

---

[19] Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 9.
[20] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 67, ед. хр. 6, 1837, л. 66.
[21] «Молва», 1835, № 10, стр. 155—156; Н. И. Веселовский, *В. В. Григорьев в его письмах и трудах*, стр. 16.
[22] Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, стр. 410.
[23] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 223.
[24] Там же, стр. 66.
[25] Там же, стр. 241—242.

демии наук[26]. Х. Д. Френ поддерживал стремление П. Я. Петрова изучать рукописи академии. По этому поводу Петров писал Белинскому: «В Азиатском музее находится 80 санскритских рукописей, до которых мы со временем доберемся»[27]. О том, что эта работа была не бесполезной, свидетельствует появившаяся в 1836 г. статья П. Я. Петрова «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее в С.-Петербургской Академии наук»[28]. В свое время каталог санскритских рукописей Азиатского музея был составлен Робертом Ленцом. После него санскритское отделение обогатилось четырьмя новыми рукописями, привезенными из Индии Герасимом Лебедевым. В своей статье Петров дал их описание. Аналогичную работу он проводил в Москве в начале 1837 г. По разрешению попечителя Московского учебного округа Строганова им были пересмотрены восточные манускрипты, находящиеся в московской университетской библиотеке. Он отыскал одиннадцать рукописей на арабском, персидском и турецком языках и в специальной статье представил краткое обозрение важнейших из них[29]. В этом же году П. Я. Петров рецензировал парижское автографическое издание Упанишад, отметив значение их в священной литературе индусов[30].

Кроме изучения рукописей, молодого востоковеда интересовала нумизматика. С помощью и под руководством Х. Д. Френа он разобрал около 200 арабских и персидских монет и медалей[31]. В энциклопедическом лексиконе (Плюшара) напечатаны две статьи П. Я. Петрова: «Гангес» — географическое описание одной из величайших рек Индии и «Гандарвас» — о мифологических музыкантах и плясунах[32].

Не оставлял Петров в Петербурге поэзию и переводы. Он занимался переводами с персидского газелей Хафиза. «Я положил себе, — пишет Петров, — непременно перевести лучшие

[26] *«Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными»*, — Известия Академии наук по Отделению русского языка, т. I, СПб., 1852, прибавл. тетр. 1, столб. 81—92.

[27] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 227; см. также Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 18.

[28] ЖМНП, т. XII, 1836, стр. 194—198.

[29] П. Я. Петров, *Обозрение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московского университета*, — ЖМНП, т. XIII, 1837, стр. 549—555.

[30] П. Я. Петров, *О Упанишадах, издаваемых в Париже г. Полеем (донесение П. Петрова министру просвещения)*, — ЖМНП, т. XV, 1837, стр. 536—544.

[31] Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, стр. 408.

[32] «Энциклопедический лексикон Плюшара», т. XIII, 1838, стр. 257—261, 263—264.

из них на русский стихами, что и исполню»[33]. И действительно, выполнил это намерение. В 1835 г. в журнале «Молва» была напечатана одна из газелей Хафиза, где он впервые попытался «ввести в русскую литературу арабо-персидскую форму газели». Эти занятия так увлекли П. Я. Петрова, что он сам стал сочинять стихи подражательного характера. «Я пустился писать газели вроде Хафиза и даже дал себе персидское имя — Ашик, т. е. влюбленный...»[34]. Петров с большим удовольствием занимался переводами с санскритского, главным образом из Махабхараты. Эти переводы он посылал В. Г. Белинскому и просил ни в коем случае их не печатать. Все это не подтверждает точки зрения В. С. Нечаевой о том, что в Петербурге у Петрова исчезло увлечение, с которым он относился к научным занятиям в Москве[35].

Занятия в Петербурге шли успешно. «Учиться — есть теперь необходимая потребность моего существования». В своих письмах к В. Г. Белинскому он подчеркивал, что самое приятное для него занятие — это санскритский язык, успехи в котором заметны с каждым днем.

Осенью 1837 г. в Петербургском университете Петров держал экзамен по арабскому, турецкому и персидскому языкам. Результаты экзамена показали его хорошую подготовку, и экзаменационная комиссия не возражала против его командировки за границу[36]. После сдачи экзаменов по языкам П. Я. Петров представил Х. Д. Френу рукопись, которая состояла из санскритского текста Сӣта̄харанами и из русского перевода этого отрывка, с приложением предисловия, словаря и весьма подробного грамматического разбора. Эта работа получила высокую оценку академиков Френа, Грефе и Шмидта, которым она была передана на заключение. Ее хотели издать, но из-за отсутствия шрифта сделать это было нельзя. Впрочем, сам Петров отказался печатать свой первый опыт по части санскритского языка[37].

Академик Френ особенно заботился о том, чтобы поездка Петрова за границу состоялась[38]. В связи с этим Петров должен был представить в академию план своего заграничного

---

[33] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 227.
[34] Там же, стр. 113, 243.
[35] В. С. Нечаева, *В. Г. Белинский*, стр. 108.
[36] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 67, ед. хр. 6, 1837, л. 24.
[37] Там же, л. 46.
[38] *Письма В. В. Григорьева к М. П. Погодину* (письмо от 10 января 1838 г.), — Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина в Москве, ф. М. П. Погодина, л. 254 (далее — ф. Погодина).

путешествия. Френ, Шмидт и Грефе одобрили этот план и сочли, что Петрову нужно предоставить трехгодичную заграничную командировку в те места, где «он мог бы с пользой продолжать свои занятия санскритским языком». Первым городом, который он должен был посетить, был Берлин, затем Бонн, Париж, Лондон. В Берлине в лице крупнейшего санскритолога Боппа он нашел лучшего руководителя. Хорошее научное руководство ждало его у Лассена в Бонне и у Бюрнуфа в Париже.

Согласно представленному плану Петров решил заняться сперва санскритской драматической поэзией, а потом историей Кашмира. Кроме того, он был намерен заниматься новейшими языками Индии, а по возвращении на родину — опубликовать санскритскую хрестоматию со словарем [39].

14 апреля 1838 г. Министерство просвещения согласилось послать Петрова за границу на два года «для дальнейшего усовершенствования в восточных языках в соображении, что он сможет занять в одном из университетов с пользою кафедру по избранному им предмету» [40]. 6 августа 1838 г. Петров покинул Петербург и направился в чужие края. За границей молодой ориенталист старался воспользоваться всем, что давали европейские университеты, библиотеки и музеи [41]. Бопп при первой же встрече с Петровым признал преимущество в знаниях санскрита за молодым русским ученым [42]. Проэкзаменовав Петрова, Бопп написал в Петербург, что тому нечему учиться ни у него, ни у кого другого из санскритологов и остается только заняться изучением рукописей в Париже и Лондоне [43].

После Берлина Петров отправился продолжать свои занятия в Лондон, где главным образом изучал индийские древности. Петров был также в Париже и изучал там санскритские рукописи. О том, что ему удалось сделать только в Берлине, свидетельствует его официальное письмо из Парижа от 14/26 апреля 1839 г. на имя министра просвещения [44]. Он изучал

[39] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 37, ед. хр. 6, 1837, л. 33.

[40] Там же, л. 39.

[41] «Отчет Императорского Московского университета», 1876 г.., стр. 66.

[42] Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 12.

[43] Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879, стр. 140. — Когда позднее это мнение было высказано в печати В. В. Григорьевым, отличавшийся исключительной скромностью Петров оскорбился сравнением его со знаменитостями и порвал свою дружбу с Григорьевым. См. В. В. Григорьев, *Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве*, — «Русская беседа», т. IV, 1856, стр. 25; Н. И. Веселовский, *В. В. Григорьев в его письмах и трудах*, стр. 152.

[44] ЖМНП, ч. XXIII, 1839, стр. 39—44.

коллекцию санскритских манускриптов, находившихся в Королевской библиотеке. Им было сделано много выписок из Падма-Пурāна для предполагаемой санскритской хрестоматии. Немало потрудился неутомимый индолог и над историей Кашмира, известной под названием «Раджа-Тарангини», или «Река царей». Некоторые отрывки из нее, с переводом и примечаниями, также предназначались для санскритской хрестоматии. С этой же целью был обработан большой отрывок из индийской драмы. Он изучал бенгальский и зендский языки, продолжал начатую еще в Петербурге санскритскую грамматику, исследовал большую коллекцию персидских и арабских рукописей, множество словарей и грамматик.

В ноябре 1840 г. Петров возвратился в Петербург. Несмотря на трудности с устройством на работу, он в то время писал М. П. Погодину: «Как бы то ни было, но все-таки лучше быть на Руси, нежели в чужой земле — будем бороться с судьбой из последних сил» [45]. Петров стал хлопотать о поступлении на службу в Министерство иностранных дел. Но как воспитанник профессорского института он был обязан прослужить в учебном ведомстве по крайней мере двенадцать лет, считая со времени занятия кафедры в университете. Просьба Петрова о разрешении ему преподавания санскритского и персидского языков в Петербургском или Московском университетах не была удовлетворена. В Петербургском университете санскритский язык читал профессор Б. А. Дорн, а персидский — профессор М. Д. Топчибашев. Не было надобности в преподавателях этой дисциплины и в Московском университете. Положение П. Я. Петрова оказалось очень тяжелым. Кафедра по предмету была занята, приготовленные им труды: поэма, грамматика, часть словаря и много переводов — не могли быть напечатаны из-за отсутствия санскритского шрифта. В 1841 г. Петров опубликовал две статьи: «О священной литературе народов загангесской Индии» и «О составе санскритского языка» [46]. Обе эти работы свидетельствовали о больших знаниях автора грамматического строя санскрита и других индийских языков, но и это не обеспечило Петрову возможности для применения его знаний.

Приходилось ежедневно думать о средствах для существования. В течение года Петров был не у дел, не имел работы, нигде не получал денег. Он жил в страшной нужде. «Живу бог знает чем и как, то явится какой-нибудь урок, то напишу

---

[45] *Письма Петрова к Погодину,* — ф. Погодина, 1841, л. 53.
[46] ЖМНП, ч. XXXI, 1841, стр. 27—36; ч. XXXIII, стр. 184—208.

статью, то займу и таким образом перебиваюсь довольно неудачно. Места по восточной части в университете есть два: кафедра санскритского, для которого меня нарочно послали за границу и которой мне теперь не дают, и еще место адъюнкта персидского языка, которое я очень мог бы занять. Я подавал записки и попечителю и министру, просил через других, но ответа не получал» [47].

После продолжительных хлопот П. Я. Петрову было предложено преподавать в Казанском университете. Попечитель казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин считал приезд П. Я. Петрова в Казань важным приобретением для университета. «Я не только желаю видеть г. Петрова преподавателем санскритского языка во вверенном мне университете, — писал он, — но прошу покорнейше департамент народного просвещения довести до сведения министра, что назначение его сюда я приму как знак особенного благоволения к Казанскому университету» [48].

Попечитель просил назначить Петрова адъюнктом по кафедре санскритского языка, но министерство назначило его лишь исполняющим обязанности адъюнкта [49].

22 декабря 1841 г. Петров прибыл в Казань.

Казань не разочаровала Петрова. В то время, когда он приступил к преподаванию в Казанском университете, университет жил сложной, напряженной жизнью.

Ректор Н. И. Лобачевский, опираясь на передовую, прогрессивную профессуру, превратил университет в крупнейший научный центр.

В университете сложился кружок петрашевцев, на котором обсуждались самые волнующие вопросы того времени. Идеи Белинского, социалистов-утопистов, петрашевцев проникали в Казанский университет и оказывали там благотворное влияние на формирование мировоззрения передовых ученых и студентов [50].

В эти годы университет выдвинул целую плеяду русских ориенталистов, пользовавшихся заслуженным научным авто-

---

[47] Ф. Погодина, письма от 1, 8 июня 1841, л. 51; IV, л. 54.

[48] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 67, ед. хр. 6, 1837, л. 72.

[49] И. Ю. Крачковский пишет, что в 1841 г. Петров уехал в Казань профессором. Это не соответствует действительности. Профессорское звание Петров получил лишь через 15 лет в Московском университете. См. Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 9.

[50] Е. Г Бушканец и Г. Н. Вульфсон, *Из истории общественно-политической мысли в Казанском университете в первой половине XIX в.*, — «Ученые записки КГУ», т. 116, кн. 5, 1956, стр. 273—274.

ритетом. Они проявляли большой научный интерес к Востоку, к истории его народов, к их языку, литературе, быту, нравам, обычаям [51].

Перед отъездом в Казань П. Я. Петров в письме к Белинскому выразил опасение, что в университете он не найдет ни одной индийской книги, однако был уверен, что «наполнять свои лекции мы найдем чем и без помощи книги» [52].

Его опасения оказались напрасными. Казанский университет располагал богатой университетской библиотекой, где в большом количестве была представлена востоковедная литература. При непосредственной помощи Н. И. Лобачевского востоковеды собрали там редчайшие восточные книги и рукописи по различным отраслям восточной филологии, истории и этнографии.

В научной библиотеке имени Н. И. Лобачевского при Казанском университете сохранился список библиотечных книг, какими пользовался П. Я. Петров. Этот документ дает нам возможность выяснить научные интересы П. Я. Петрова, проблемы, которые привлекали его внимание. На первом месте стоит санскритология и вопросы, связанные с ней.

Особенно тщательно П. Я. Петров занимался изучением грамматик санскритского языка, вышедших в Германии, Франции, Англии. Он знакомился с различными санскритскими антологиями и хрестоматиями, особенно с антологией Лассена, пользовался большим количеством словарей и лексиконов и другой справочной литературой. Много книг читал П. Я. Петров по индийской мифологии, философии, литературе и искусству. Особенно он интересовался произведениями индийского эпоса— Махабхаратой и Рамаяной — и творчеством крупнейшего поэта Калидасы.

В индийском искусстве его занимала архитектура, в науке — медицина и история. Из исторических сочинений внимание Петрова особенно привлекала история Кашмира и Индии. Стремясь определить роль Индии во всемирной истории, он довольно широко изучает всеобщую историю, а также систематически следит за развитием востоковедной науки, аккуратно читает парижский «Journal Asiatique».

Научные интересы П. Я. Петрова в Казанском университете не ограничиваются только индологией. Он занимался иранской филологией, египетским языком, арабской словесностью, изучал

---

[51] А. С. Шофман, Г. Ф. Шамов, *Восточный разряд Казанского университета*, — кн. «Очерки по истории русского востоковедения», т. II, 1956.

[52] «В. Г. Белинский и его корреспонденты», стр. 246.

монгольские хрестоматии О. М. Ковалевского и А. В. Попова, английский язык и литературу. Все это говорит о разносторонних интересах и большой эрудиции талантливого востоковеда.

Преподавание санскритского языка в Казанском университете было поставлено Петровым по программе, предполагавшей глубокое изучение санскритской филологии вообще [53]. Опубликованная им в 1842 г. программа санскритского языка свидетельствует о большом диапазоне знаний, с которыми он знакомил слушателей в связи с изучением произведений древнеиндийской письменности. Согласно этой программе, на первом курсе Петров излагал этимологию языка по собственным запискам и занимался со студентами переводами эпизодов, изданных Боппом, и отрывков из санскритской антологии Лассена [54]. На втором и третьем курсах Петров преподавал основные правила синтаксиса, объяснял тексты, драму, кашмирскую летопись (Rījataraṅgiṇi), индийские древности и археологию.

Таким образом студенты знакомились и с грамматикой и с образцами санскритской литературы. Эти сокровища индийской культуры в прекрасном изложении Петрова привлекли к нему лучших студентов и вольнослушателей. С увлечением учился у Петрова первый бурятский ученый Доржи Банзаров [55]. Осенью 1843 г. надзиратель первой Казанской гимназии лама Галсан Гомбоев просил у ректора Лобачевского разрешение слушать в университете лекции по санскритскому языку [56]. Слушал его лекции и будущий монголовед А. А. Бобровников. Получил разрешение у Лобачевского слушать санскритский язык учитель истории и географии уездного училища Алексей Асламов [57].

По предписанию Лобачевского санскритский язык стал обязательным для монгольско-татарского и китайского разрядов.

Петров был добросовестным преподавателем, свои лекции он всегда тщательно обрабатывал, созданные им прекрасные учебные пособия способствовали отличным успехам студентов [58].

В период своей деятельности в Казанском университете Петров не переставал заниматься научно-исследовательской рабо-

[53] ЦГА ТАССР, ф. 92, ед. хр. 5323, 1842, л. 75.

[54] Там же, ед. хр. 5460, л. 19.

[55] А. С. Шофман, *Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова*, Улан-Удэ, 1956, стр. 126.

[56] А. С. Шофман, *Галсан Гомбоев*, — «Записки Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры», XXIV, 1957, стр. 290; ЦГА ТАССР, ф. 977 (ф. ректора), ед. хр. 21, 1943, л. 6—8.

[57] ЦГА ТАССР, ф. 92, ед. хр. 5181, л. 2.

[58] Там же, оп. 1, ед. хр. 6525, 1851, л. 4—5.

той[59]. Он продолжал печатать свои статьи по языку, литературе и этнографии Индии в «Москвитянине», «Петербургских ведомостях», «Отечественных записках», «Журнале Министерства народного просвещения» и других изданиях[60].

В первый год пребывания Петрова в Казани он трудился над Ведами и Упанишадами, занимался переводами санскритской драмы, приготовил санскритскую хрестоматию со словарем, а также отрывки из некоторых неизданных рукописей. Несмотря на то что университетская типография в Казани была самой большой на востоке России, напечатать в ней что-нибудь по санскритской письменности было невозможно из-за отсутствия санскритских шрифтов. С первого года пребывания в Казани Петров приложил немало стараний для приобретения этих шрифтов. Уже в мае 1842 г. он просил выписать «лучший и удобнейший» шрифт из Берлина, а когда в октябре 1843 г. этот шрифт был прислан в Казань, Петров занялся приведением его в порядок. По его собственным словам, он стал «наборщиком и типографщиком»[61].

В 1844 г. была издана Петровым лирическая поэма на санскритском языке «Гхата-Карпарам», или «Разбитый сосуд», с предисловием и грамматическим и метрическим разбором. П. Я. Петров считал, что по языку и поэтическому достоинству эта поэма принадлежала к лучшим образцам санскритской словесности[62]. Этот труд был высоко оценен учеными, особенно Х. Д. Френом, который представил его конференции Академии наук.

Вскоре П. Я. Петров подготовил к печати новую работу — первую в России санскритскую антологию, в которой ставил себе целью познакомить читателей с некоторыми не известными до тех пор произведениями и которая вместе с тем служила бы учебным пособием для занимавшихся санскритом[63]. По плану автора антология должна была состоять из двух частей: в первой помещались статьи, взятые из сочинений печатных и рукописных. Вторая должна содержать примечания и этимологический словарь. В состав антологии Петров предполагал включить эпические отрывки, сказки, басни, философские отрывки, памятники исторические, отрывки лирические и драматические.

---

[59] А. С. Шофман, *Санскритолог П. Я. Петров в Казанском университете*, — «Ученые записки КГУ», общеуниверситетский сборник, т. 117, кн. 9, 1957, стр. 53—58.

[60] ЦГА ТАССР, ф. 977 (истфилфак), ед. хр. 12, 1851, л. 7.

[61] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5379, 1842, л. 1, 5, 28—29.

[62] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 43, ед. хр. 156, л. 1, 4, 5.

[63] «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 68.

Министерство согласилось напечатать 300 экземпляров антологии. Печатать эту книгу было трудно: в типографии не было необходимых условий, отсутствовали квалифицированные наборщики, нужная бумага. В течение года Петров сам набирал антологию и стоял за кассой санскритских шрифтов. Получив разрешение, он перенес шрифты к себе на квартиру и стал ускоренными темпами набирать книгу. Благодаря непосредственному вмешательству Н. И. Лобачевского, который в то время был заместителем управляющего казанским учебным округом, печатание антологии было закончено [64]. 200 экземпляров были отданы в студенческую библиотеку и записаны в ее каталог, с назначением 100 экземпляров для употребления студентами, а 100 — для продажи. Не удивительно, что эта работа еще при жизни Петрова стала библиографической редкостью.

В Казани Петров проработал десять лет. Педагоги, которые с ним работали, дали ему высокую оценку как преподавателю и ученому. Декан историко-филологического факультета профессор К. К. Фойгт в характеристике Петрова объявил его достойным представителем кафедры санскритской словесности, отличным русским ориенталистом, первым на этом поприще русским тружеником [65].

К концу 40-х годов Петров стал хлопотать о переводе его из Казани. Официальной причиной перевода было крайне расстроенное здоровье «от враждебного для него здешнего климата» [66].

В эпистолярном наследстве Петрова можно найти его жалобы на научное одиночество. «Я бы очень желал перейти в Москву, — пишет он Шевыреву, — но на адъюнктскую кафедру санскритского, персидского или даже обоих языков вместе, кажется, нет надежды — и потому я бы удовольствовался местом в библиотеке Московского университета. В Москве я бы нашел, с кем поделиться наукою, а у нас и этого нет» [67].

Это утверждение, конечно, не соответствовало действительности. Университет имел в своей среде виднейших ориенталистов, поэтому говорить о научном одиночестве вряд ли будет правильно. Скорее всего в этом можно увидеть протест Петрова против полного невнимания к его деятельности со стороны официальных властей. Несмотря на известные заслуги Петрова

---

[64] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5379, 1842, л. 50, 56, 61, 67.

[65] Там же, ед. хр. 6525, 1851, л. 4—5.

[66] Архив Шевырева, письмо I от 1 июня 1850, — Рукописный отдел библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (далее — Архив Шевырева).

[67] Там же.

в области преподавания и науки, он в течение десятилетия лишь исполнял должность адъюнкта.

Эту несправедливость отмечали и ученые Казанского университета, которые требовали предоставления Петрову ученого звания, что вполне соответствовало его знаниям. Известный славист В. И. Григорович, сам занимавшийся санскритом, подал докладную записку в совет университета с ходатайством о предоставлении Петрову звания адъюнкта.

В это время Петров получил два предложения: одно от Армянского института — занять должность преподавателя арабского и персидского языков, другое от С. П. Шевырева, бывшего тогда деканом историко-филологического факультета,— занять кафедру в Московском университете. Принимая предложение Шевырева, Петров с радостью писал ему: «Лучшего, конечно, я желать не могу» [68].

После этих предложений все попытки удержать Петрова в Казани не увенчались успехом, и факультет был вынужден согласиться на его перевод в Московский университет.

Преемником Петрова по санскритской кафедре стал Боллензен, бывший адъюнкт-профессор при главном педагогическом институте в Петербурге, а затем библиотекарь при гидрографическом департаменте морского министерства.

При Боллензене, особенно после переезда Восточного разряда в Петербург, санскритский язык был передан в разряд общей словесности и утратил то значение, которое он имел при Петрове [69]. Петров еще в течение двадцати трех лет продолжал свою плодотворную деятельность в Московском университете, в стенах которого им были созданы новые исследования в области санскритологии.

В Москве Петрова ждали новые трудности. В Московском университете не было отдельного Восточного разряда, как в Казани. По настоянию ученых в составе историко-филологического факультета Московского университета была открыта кафедра восточных языков: санскритского, еврейского, арабского и персидского. Изучение этих языков не являлось обязательным для всех студентов, а только для желающих.

По мере расширения Восточного факультета Петербургского университета сужалась деятельность востоковедов в других русских университетах. В ноябре 1855 г. Петербургский университет получил разрешение открыть на Восточном факультете кафедру санскритского языка. Санскритский язык сделался обя-

---

[68] Там же, письма II, III.

[69] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 7039, 1855, л. 5.

зательным для арабско-персидского, китайско-маньчжурского, монголо-калмыцкого и санскритско-тибетского отделений. Для всех остальных восточных разрядов он объявлялся факультативным [70].

Попечитель петербургского учебного округа вошел с ходатайством в министерство о перемещении со званием исполняющего должность ординарного профессора санскритской кафедры адъюнкта при Московском университете П. Я. Петрова. Однако это перемещение не состоялось. Вскоре санскритский язык стал вести воспитанник Московского университета научный сотрудник Публичной библиотеки К. А. Кассович [71].

Петров остался в Москве, хотя там преподавание санскрита продолжало вестись факультативно. Однако студенты не только проявили большой интерес к предмету П. Я. Петрова, но изъявили желание слушать его лекции также по арабскому, персидскому и латинскому языкам. Петров согласился преподавать их без вознаграждения [72].

Уже первые годы работы в Московском университете принесли П. Я. Петрову известность и признание. Изданный им труд «О восточных письменах» считался украшением сборника, изданного к столетию Московского университета.

17 марта 1856 г. Петров был единогласно избран исполняющим должность экстраординарного профессора по занимаемой им кафедре санскритского языка [73]. Позднее Петров от Совета Петербургского университета получил степень доктора санскритской словесности, а в Московском университете — звание ординарного и заслуженного профессора. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете избрало его своим непременным членом [74]. Три раза Московский университет оставлял Петрова на пятилетие, и этим было доказано, как высоко ценилась его профессорская деятельность [75]. На протяжении многих лет, до последних дней своей жизни, Петров преподавал желающим студентам восточные языки.

---

[70] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 26, ед. хр. 193, 1855, л. 3, 7.

[71] Каэтан Андреевич Кассович (1815—1883) учился на словесном отделении Московского университета, которое окончил со степенью кандидата в 1836 г. Был знаком с Белинским, который о нем тепло отзывался. В 1858 г. Кассович был допущен к преподаванию санскрита. См. там же, оп. 27, ед. хр. 8, 1858, л. 16.

[72] Там же, оп. 34, ед. хр. 83, 1851, л. 16, 26.

[73] Там же, л. 11—12, 18, 24, 43.

[74] «Московские университетские известия», 1868, № 3, стр. 355; 1870, № 1, стр. 7.

[75] «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 66.

Преподавание Петрова отличалось глубиной, строгой методикой, широким охватом лингвистического и историко-литературного материала. Совет университета признавал «весьма полезные результаты преподавания профессора Петрова» [76]. Несмотря на то что его предмет почти все годы был факультативным, его посещали охотно не только студенты, но даже некоторые из профессоров. Многие ученики на всю жизнь остались благодарны ему за то, что он «открыл для них страницы санскритских, арабских, персидских, еврейских книг и ввел в любопытный восточный мир» [77].

Свою многостороннюю преподавательскую деятельность П. Я. Петров умело сочетал с большой научно-исследовательской работой. В московский период жизни им были созданы интересные, оригинальные работы, которые и по сей день остаются важным вкладом в истории русского востоковедения. Основной проблемой в этих работах была индология.

Уже через год после переезда Петрова из Казани в Москву им была написана работа об алфавитах восточных языков [78]. К столетнему юбилею университета, в 1855 г., увидел свет его труд «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских». К концу 60-х годов Петров особое внимание уделяет языкам Северной Индии. Этой теме он посвятил четыре статьи, которые печатались в 1867—1870 гг. в «Московских университетских известиях».

Первая статья была посвящена языкам бенгали и хиндустани. В ней дается описание этих языков, характеристика математических, астрономических, философских, исторических, географических и литературных словарей, основанных на этих языках [79].

Во второй статье этого цикла Петров рассматривает сочинения на бенгальском языке. Третья статья была посвящена маратхскому языку. В четвертой исследуется хиндустани. Петров изучает особенности его грамматики, дает характеристику имеющихся словарей и грамматик, хрестоматий и руководств для разговорного языка [80].

Большое внимание Петров уделил истории Кашмира, изу-

---

[76] «Протоколы заседаний Совета Императорского Московского университета», 1874, вторая половина, стр. 140.

[77] «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 67.

[78] «О важнейших алфавитах восточных языков, их изобретении и главнейших их видоизменениях», М., 1853, стр. 12.

[79] О выходе этой статьи отмечается в кратком отчете о состоянии Московского университета за 1867 г., — «Московские университетские известия», 1868, № 4, стр. 16; 1867, № 12.

[80] Там же, 1868, № 6; 1869, № 5; 1870, № 5.

чая ее по первоисточникам, особенно по рукописям. Примером может служить найденный в 1805 г. Кольбруком список исторических поэм, содержащих в себе летопись царства Кашмирского. Впоследствии этот текст был обнаружен в трех рукописях и издан в 1835 г. в Калькутте. Напечатанные поэмы состояли из четырех частей: 1) «Река царей» (хроника Jonarāja) сочинение Кальхана Пандиты, сына Чампаки, повествующая о событиях до 1148 г.; 2) «Династия царей» (Jaina-Rājataraṅgīni śrīvara), продолжающая повествование до 1412 г.; 3) «Река царей», описывающая происшествия до 1477 г.; 4) «Знамя царственных династий» (Rājāvalipatākā) сочинение Prājya Bhāṭṭa и его ученика Suka, в котором описываются события до завоевания долины Акбаром.

Таким образом, в этих рукописях содержалась история Кашмира до XVI столетия включительно.

Петров в статье «Раджа-Тарангини. Историческая поэма Кальхана Пандиты» дал характеристику каждой части этого сочинения и показал его значение для изучения географии, этнографии, истории, хронологии Кашмира [81]. Начав работать над этими рукописями еще за границей, он продолжает их изучать и позднее, что говорит о его особом интересе к кашмирской истории.

В 1872 г. появилась статья Петрова «Из реки царей Кальханы». Она представляла собой перевод начала первой книги Кальханы [82].

Но Петрова интересовали не только языкознание и история. Он с большим интересом изучал все области индийской культуры. Об этом могут свидетельствовать напечатанные им статьи о развитии индийской медицины и индийской музыки. Его статья «О медицине древних индусов» была написана в 1857 г. специально для «Московского врачебного журнала». Статья показывает происхождение медицины у индийцев, обязанность и роль индийского врача, обращает особое внимание на систему врачевания, которая в Индии была основана на традиционной практике. Автор описывает ряд медицинских неизданных в Индии книг, говорит об успехах индийских медиков, умевших определить признаки и причины болезней, умевших определить состояние тела по пульсу, знавших искусство лечения (химия, фармакология, лечение внутренними и наружными средствами, диета, хирургия). Санскритскими текстами, изучен-

---

[81] Там же, 1865, № 3.

[82] Там же, 1872, № 1. — Петров указывает, что он имеет в виду перевести большую часть замечательнейших отрывков из всех четырех кашмирских летописцев.

ными Петровым, доказывается умение индийских врачей с древнейших времен прививать оспу и снимать катаракты.

В последнее время Петровым было задумано составление санскритско-русского словаря, но выполнить это ему было не суждено: он умер через две недели после ухода со службы [83].

Кроме истории и культуры Индии, Петров занимался также арабской и персидской словесностями. Арабистика не являлась его прямой специальностью, тем не менее он немало сделал и в этой области [84]. В связи с этим надо отметить речь Петрова «Об арабском языке и литературе», произнесенную на торжественном собрании Московского университета и напечатанную 12 января 1862 г. [85].

В этой речи Петров говорит об изучении европейцами Азии, о племенах и народностях, ее населяющих, дает характеристику семитским языкам, рассматривает арабский в морфологическом и синтаксическом отношениях. Особое внимание Петров уделяет успехам арабов в разных отраслях человеческих знаний. Он показывал их достижения в области математических наук, подчеркивал, что «их успехи в математике заслуживают почетное место в истории этой науки» [86]. Не менее успешными были достижения арабов в области астрономии, тесно связанной с математикой. Истинными творцами науки арабы являлись по части географии. Петров приводит конкретные примеры, подтверждающие это положение. Хотя медицину арабы заимствовали у греков, но их собственные усовершенствования и опытность в этой отрасли знаний долгое время пользовались заслуженной известностью в Западной Европе.

Петров дает оценку арабским историческим памятникам, характеристику арабским историкам, богатой арабской литературе. Он раскрывает особенности и жанры арабской поэзии, образно называя ее дочерью аравийских степей, родившейся под сенью бедуинского шатра. С большим знанием дела в работе нашего востоковеда представлен обзор «замечательнейших произведений народа умного и даровитого» [87]. Несколько работ Петрова по арабскому языку и литературе «превосходили уровень того времени» [88].

В связи с работой в области персидской словесности надо упомянуть брошюру Петрова «О персидской рукописи», содер-

---

[83] «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 65.
[84] Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 7.
[85] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 38, ед. хр. 214, 1862.
[86] Там же, л. 5, 7.
[87] Там же, л. 17.
[88] Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 14.

жащей отдельные исторические события со времен Тимура. По мнению Петрова, эта рукопись может быть полезна при уточнении хронологии [89]. Уделив главное внимание санскриту, Петров к персидской литературе обращался сравнительно мало, и его работа в этой области нашла свое отражение только в переводах и преподавании [90].

Опубликованные работы Петрова не составляют его полного научного наследства. Будучи исключительно скромным, он многое написанное не отдавал в печать. Он не искал славы, а «находил полное удовлетворение в сознании честного отношения к своему делу» [91].

Люди, которые его знали хорошо, утверждали, что он занимался и работал систематически, без устали: не было часа дня, когда его можно было застать не за книгой, и разнообразие занятий невольно поражало всякого из близко его знавших. «То сидит он за изучением вновь полученной мексиканской грамматики, то читает с увлечением новое исследование в области египтологии, то вполне поглощен финикийскими надписями, то в виде отдыха наслаждается арабским романом» [92]. По словам Н. В. Берга, Петров всю жизнь чего-то искал и все шел по «своей» дороге вперед [93].

Современники знали Петрова как замечательного лингвиста, владевшего в совершенстве более употребительными европейскими языками и многими восточными. «Сколько именно языков было ему известно и в какой степени, этого, мне кажется, определенно никто не знает» [94], — писал Н. В. Берг, близко познакомившись с ним в 50-х годах в Москве.

В личной библиотеке Петрова, перешедшей после его смерти по его завещанию Московскому университету, имелись книги более чем на 100 языках [95].

---

[89] П. Я. Петров, *О персидской рукописи*, М., 1870, стр. 5.

[90] Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова...*, стр. 16.

[91] «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 69.

[92] «Иллюстрированная неделя», 1875, № 40, стр. 640.

[93] «Русская старина», т. XVII, 1876, № 10, стр. 394.

[94] Там же. — Известно, что П. Я. Петров знал английский, французский, немецкий, испанский, португальский; из восточных, кроме санскритского, арабского и персидского, занимался китайским, монгольским, тибетским, калмыцким, татарским и др.

[95] «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 68.— В личной библиотеке Петрова обнаружены книги, некогда принадлежавшие студенту Белинскому, впоследствии подаренные им П. Я. Петрову. Это главным образом сочинения древних классиков в изданиях начала прошлого века [см. В. Сорокин, *Книги студента В. Г. Белинского*, — «Сталинское знамя» (Пенза), 1948, № 112 от 6 июня; Л. Ланской, *Библиотека Белинского*, — «Литературное наследство», т. 55, 1948, стр. 551].

10 Заказ 540

Замечательная память давала ему возможность в какие-нибудь два-три месяца вполне овладеть формами нового языка и приобрести обширный запас слов для чтения текстов [96]. За два года Петров, знавший в совершенстве язык древней Индии, успел изучить живые языки современной Индии — хиндустани, бенгали и др. [97].

О том, как овладевал Петров языками и как умел ими пользоваться, рассказывает нам в своих воспоминаниях Н. В. Берг, который привлек Петрова к изданию сборника «Песни разных народов» [98]. Петров записал издателю татарские и башкирские песни, причем взятые не из книги, а спетые сибирским татарином Назарычем. Он записал калмыцкую песню, перевел баскскую, персидские песни, язык которых он знал, как персиянин. По-персидски он не только говорил, но и писал, и пел, и молился.

Что касается санскрита, то, по воспоминаниям Берга, Петров знал его в совершенстве. «Он говорил и писал по-санскритски как бы на живом языке и переводил на него Байрона, стараясь более или менее выискивать, а иногда и создавать размеры, которые бы шли к переводу нового поэта на язык самых отдаленных наших предков» [99].

Преподавательская деятельность Петрова продолжалась 34 года и принадлежала двум русским университетам: Казанскому и Московскому. Талантливый востоковед был одним из пионеров в области внедрения санскрита в университетском преподавании. Он указал пути изучения санскрита, которым следовали затем Кассович в Петербурге, Боллензен в Казани, В. И. Шерцль в Харькове.

Заслуга нашего первого русского санскритолога особенно на этом поприще никогда не будет забыта. Мы можем согласиться с мнением его друзей по университету о том, что, «как бы ни были велики впоследствии успехи языковедения в России, как бы далеко ни распространился кругозор этой науки, никогда не утратится память о наших первых профессорах санскрита, и с признательностью будет называемо имя Павла Яковлевича Петрова» [100].

---

[96] «Голос», 1875, № 265.
[97] «Московские ведомости», 1875, № 242.
[98] «Песни разных народов», пер. Н. Берга, М., 1854, стр. 221—240.
[99] Там же, стр. 396.
[100] «Отчет Императорского Московского университета», 1876, стр. 69.

А. А. СТАРИКОВ

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(А. В. Болдырев и П. Я. Петров)

I. Московское востоковедение на рубеже XIX в.

Востоковедение и официальное преподавание восточных языков в Московском университете датируется началом XIX в. Однако необходимость и неизбежность изучения восточных языков сознавались со времени основания университета.

«Проект об учреждении Московского университета», представленный императрице Елизавете И. Шуваловым, предусматривал изучение в университете восточных языков. В последнем, 45-м пункте «Проекта» говорится: «Ориенталские языки могут також быть учены со временем, когда будут довольны университетские доходы и сысканы достойные к тому учители» [1]. Иначе говоря, в будущем утверждается и восточная филология, востоковедение.

Какие восточные языки имел в виду подлинный автор проекта, представленного И. Шуваловым, — настоящий основатель Московского университета М. В. Ломоносов? Вероятно, предполагалось вслед за греческим (обучение которому оговорено особо) начать изучение древнееврейского и арабского языков, а затем персидского, санскрита и, возможно, турецкого. Речь идет о научном, филологическом изучении этих языков с помощью «достойных к тому учителей», а не случайных, недостаточно грамотных людей.

---

[1] Полный текст «Проекта» по подлиннику архива сенатской канцелярии опубликован в кн. Н. А. Пенчко, *Основание Московского университета*, М., 1953, Приложение № 2, стр. 151—160. В кн. М. Г. Белявского, *Ломоносов и основание Московского университета*, М., 1955, также дан текст «Проекта», но по более поздней копии.

При установлении фактического начала изучения восточных языков в Московском университете, еще до оформления кафедры восточных языков, следует принять во внимание, что преподавание наук в Московском университете не замыкалось в рамки факультетских программ и академических лекций «действительным студентам», а выходило за пределы официальной аудитории. Сверх академических лекций студентам профессора и преподаватели «всем желающим давали частные уроки».

В планах университетского преподавания наряду с философией, которой отводилось первое место, «обращаемо было особенное внимание на изучение древних языков, как вернейших средств к усовершенствованию ума, вкуса и достижению основательности в мыслях и словах»[2]. К древним языкам (и не только к греческому и латинскому) обращалось и официальное богословие. Среди этих языков был язык Библии — древнееврейский, а также арабский (как язык средневековых комментаторов Аристотеля и даже язык Корана, с которым полемизировали богословы). Несколько позднее к числу «древних языков» были отнесены санскрит, «зенд» (пехлеви), персидский и китайский языки. Но на рубеже XVIII—XIX вв. основным в зарождающемся востоковедении было изучение древнееврейского языка и Библии. В Московский университет нередко зачислялись студентами бывшие питомцы Троицкой семинарии и Спасского духовного училища, из которых кое-кто мог в новых университетских условиях, используя частные уроки и эрудицию профессоров, обратиться к изучению подлинных языков Библии и Корана.

Нельзя не упомянуть здесь одного из первых деятелей Московского университета, Иоганна-Маттиаса Шадена. Уроженец Венгрии, воспитанник, а затем доктор философии Тюбингенского университета, где он среди других наук изучал филологию, еврейский и греческий (?) языки у известного семитолога Шнуррера, Шаден в 1756 г. был приглашен для работы в только что основанный Московский университет. Более сорока лет пробыл он ректором «обеих Гимназий» и лектором университета на философском, позднее на юридическом факультете. Кроме философии и права, Шаден преподавал греческий язык, древности, логику и метафизику (включая краткое введение в эстетику) и факультативно — геральдику и нумизматику.

Шаден был выдающейся фигурой в ранней истории Москов-

---

[2] «Ученые записки ИМУ», 1834, ч. IV, стр. 343—344.

ского университета [3], пользовался официальным научным авторитетом. Деист-богослов и апологет «просвещенного самодержавия», он высоко ценился в правительственных кругах.

По-видимому, Шаден был хорошим лектором и организатором, оставившим добрую память среди своих многочисленных учеников, в числе которых мы видим Карамзина, Фонвизина, Муравьёва (будущего куратора Московского университета).

Для нас сейчас интересны в первую очередь востоковедческие познания Шадена и его педагогическая работа в этой области. К сожалению, о последней мы не имеем почти никаких сведений.

В «Каталоге лекций на зимний семестр 1757 года» (т. е. в первый же год по приезде Шадена в Россию) говорится, что ректор Шаден «в дворянской гимназии риторику, пиитику, мифологию... весь курс философии кратко прочтет. Притом и тех по возможности удовольствует, которые высших и лучших желают наук, как-то греческого языка, древностей римских и греческих. А есть ли найдутся, которые восточным языкам еврейскому и халдейскому учиться и оных древности рассмотреть пожелают, то он им не только в филологию руководство тех восточных языков, но и особенное наставление в языках еврейском и халдейском преподаст». Во время работы Шадена в университете там велось, по-видимому, обучение студентов восточным языкам. Так, среди неопубликованных университетских протоколов XVIII в. на латинском, немецком и французском языках имеются прямые указания на фактическое преподавание восточных языков с первых лет существования университета. В протоколе от 1 июня 1758 г., например, упоминается вознаграждение в сто рублей информатору Ивану Рехту за «обучение учеников греческой и еврейской грамоте и письму» [4].

Сведений о преподавании восточных языков самим Шаденом у нас нет, хотя «Биографический словарь» в 1855 г. в разделе «восточные языки» называет три имени: Шаден, Болдырев и Петров. Два последних были официальными представителями, профессорами кафедры восточных языков, Шаден же, вероятно, был указан как фактический преподаватель восточных языков еще до учреждения кафедры.

---

[3] Юбилейный «Биографический словарь профессоров и преподавателей ИМУ», М., 1855 (далее — «Биографический словарь ИМУ») посвящает Шадену 16 страниц (т. II, стр. 558—574), а в хронологическом списке профессоров университета Шаден (1756—1797) стоит на третьем месте после учеников Ломоносова: Поповского и Барсова (т. I, стр. IV).

[4] Этой справкой автор обязан любезности Н. А. Пенчко, новая книга которой «Документы по истории Московского университета (XVIII век)» готовится к выходу в свет в издании МГУ.

В заключение можно еще отметить значение библиотеки Шадена, которая не могла не иметь книг по восточной филологии. В «Истории Императорского Московского университета» (1755—1855) С. Шевырева указано, что в связи с посещением университета Александром I были установлены пенсии, в том числе «вдове профессора Шадена с 25 марта 1804 г. по 500 рублей, да за принятую от нее в Университет библиотеку по 700 рублей...» [5]. Университетский устав 5 ноября 1804 г. предусматривал в новом Отделении словесных наук наряду с пятью другими кафедрами штатную кафедру восточных языков.

Учреждение кафедры восточных языков было в сущности официальным оформлением фактического изучения восточных языков в стенах Московского университета. В «Обозрении преподавания в 1805—1807 годах» С. Шевырев пишет о некоем Гаврилове, который «читал критически русские сочинения в стихах и прозе... беседовал о еврейской поэзии по руководству Гердера» [6].

Матвей Гаврилович Гаврилов (1759—1829), воспитанник университета и с 1811 г. его профессор, был также видным деятелем Общества любителей российской словесности и Общества истории и древностей российских. Ему принадлежат статьи «Разбор (эстетический) и объяснение псалма XII» и «Изъяснение первой песни Моисеевой по прехождении Израильтян через Чермное море». В «Биографическом словаре ИМУ» о Гаврилове сказано: «Матвей Гаврилович, долго изучавший Св. Писание по руководству Ловта и Гердера, любимых его писателей, хотел было предложить Обществу словесности разборы других псалмов и других мест из книги Иова, Исайи и Иеремии; но пристрастные толкования людей, не понявших важности и достоинства сих трудов, воспрепятствовали ему исполнить обещания свои Обществу» [7]. По-видимому, историческое и эстетическое толкование «священных текстов» было признано нежелательным.

Начало XIX в. в истории востоковедения знаменательно государственным признанием важности этой области науки. Разрабатывается замечательный проект создания Азиатской академии, возникает Азиатский музей в Петербурге, создается новый университетский устав 1804 г., узаконивший кафедру восточных языков. В провинции кафедры восточных языков замещаются даже раньше, чем в Москве: в Харькове — в 1805—1806 гг., в Казани — в 1807 г. В Московском универси-

[5] С. Шевырев, *История Императорского Московского Университета*, М., 1855, стр. 389 (далее — *«История ИМУ»*).
[6] *«История ИМУ»*, стр. 366.
[7] «Биографический словарь ИМУ», ч. I, стр. 172.

тете в момент опубликования нового устава не было подходящей кандидатуры. Первым официальным представителем востоковедения в Московском университете следует считать руководителя вновь открытой кафедры восточных языков Алексея Васильевича Болдырева, впоследствии ректора университета.

II. А. В. Болдырев и его ученики

С именем А. В. Болдырева связана яркая страница в истории московского востоковедения — возникновение «Московской школы», созданной им и захиревшей после его смерти (А. В. Болдырев был уволен в отставку и скончался в нужде 17 августа 1842 г.).

К сожалению, о жизни и деятельности А. В. Болдырева мы располагаем очень скудными сведениями — данными, которые приводятся в различных биографических и энциклопедических словарях («Русском биографическом словаре», энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «Биографическом словаре ИМУ»), и архивными данными о «прохождении службы».

А. В. Болдырев родился 16 марта 1780 г. в семье скромного штаб-лекаря. В 1798 г. он был зачислен в Московскую университетскую гимназию, где и обучался до 1801 г. «латинскому, греческому, французскому и английскому языкам, истории, географии и чистой математике».

С 1801 г. Болдырев учился в Московском университете, сначала на юридическом, потом на философском факультетах. Занимался он успешно, что видно из «изъявления особой похвалы от Совета студентам Болдыреву (и др.)» в связи с полувековым юбилеем университета в 1805 г. Известно, что студентом Болдырев сотрудничал в университетском издании «Новости русской литературы».

В 1805 г. Болдырев получает звание «кандидата новейшей литературы», а в 1806 г. — «магистра философии и свободных наук». В том же 1806 г. А. В. Болдыреву за перевод еврейской грамматики «пожалована» от имени Александра I золотая табакерка. Тогда же его посылают за счет университета за границу для изучения восточных языков.

Несомненно, работа Болдырева над переводом еврейской грамматики не случайна, а закономерна в стенах университета, связана с традициями Шадена и «штудиями» упомянутого М. Г. Гаврилова.

«Высочайшее поощрение» перевода древнееврейской грамматики отражало интерес правительственных кругов к рождающейся в Московском университете восточной филологии.

Поездка за границу, личное общение с выдающимися представителями европейского востоковедения (Эйхгорном, С. де Саси и др.) — все это оказалось очень плодотворным для А. В. Болдырева. Особенно ценным было его пребывание в Париже, в школе крупнейшего арабиста и ираниста Сильвестра де Саси (1758—1838), известного в России своими теоретическими трудами по лингвистике. Вместе с тем характерно, что А. В. Болдырев, расширяя свои знания по востоковедению, не оставляет специальности языковеда-русиста. В Германии вместе с лингвистом Фатером, примыкавшим к школе С. де Саси и работавшим над грамматикой русского языка, Болдырев занимается проблемой русского глагола.

В Геттингене в 1808 г. Болдырев издает свой первый текстологический труд «Duae Moallakat Antarae et Harethi» — тексты «моаллак» Антары и Хариса.

Когда Болдырев вернулся из заграничной командировки, точно неизвестно. Но достоверно, что в 1811/12 г. Болдырев приступил в университете к преподаванию еврейского и арабского языков. Война 1812 г., эвакуация университета и пожар Москвы прервали начатую работу. В августе 1813 г. лекции в университете возобновились и Болдырев в числе других преподавателей продолжал вести те же предметы. Болдырев преподавал в университете вплоть до своей вынужденной отставки в 1837 г. Адъюнкт кафедры восточных языков в 1811 г., с 1815 г. он — экстраординарный профессор, с 1818 г. — ординарный профессор; с 1832 г. — декан словесного отделения и ректор университета. Наряду с основной работой в Московском университете А. В. Болдырев был в 1819 г. членом Училищного комитета, до 1818 г. преподавал русскую словесность в Училище ордена св. Екатерины. Болдырев был членом английского Королевского Азиатского общества (Royal Asiatic Society).

Как ректор университета Болдырев являлся цензором периодических изданий Московского университетского округа, что и оказалось причиной его последующих бедствий. Когда в 1836 г. в № 15 «Телескопа» появилось знаменитое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, Болдырев был арестован, после годичного тюремного заключения исключен из числа преподавателей Московского университета и с «волчьим билетом» уволен в отставку без пенсии «за нерадение к службе». С этого момента в официальных источниках прекращаются какие-либо упоминания о Болдыреве. «Профессор Болдырев скончался в отставке в 1842 г. 17 августа в Москве», — кратко говорится в юбилейном «Биографическом словаре».

С отставкой А. В. Болдырева по существу прекратила существование и кафедра Восточных языков.

Остановимся на научной деятельности А. В. Болдырева. Вернувшись в Россию, Болдырев много внимания уделяет разработке вопросов русского языкознания. Он выступает как один из учредителей Общества любителей российской словесности, печатает в трудах общества свои оригинальные работы, в том числе и известное «антиломоносовское» рассуждение о русских глаголах. Деятельность Болдырева, как это отмечается в юбилейной «Истории Императорского Московского университета» С. Шевырева (стр. 458), связана с «блистательным периодом Общества, с изданиями многочисленных выпусков „Трудов Общества любителей российской словесности"».

Говоря о Болдыреве-слависте, можно отметить, что его оригинальные работы немногочисленны — всего несколько статей в «Трудах ОЛРС» [8] — и не отражают всей его большой деятельности в этом направлении.

В печатных работах А. В. Болдырева преобладают востоковедные темы, однако его оригинальные исследовательские работы относятся к области русской словесности, а труды по востоковедению представляют в основном учебные пособия.

Причины этого будут ясны, если обратиться к анализу работы А. В. Болдырева как филолога и востоковеда.

В «Обозрении преподавания за 1814—1826 годы» сказано: «Болдырев читал вкратце историю евреев и арабов, о религии, законах, проходил еврейские древности по руководству Яна, еврейскую грамматику, объяснял отборные места из Ветхого и Нового завета, и далее обучал арабскому языку по своей литографированной хрестоматии и персидскому, объяснял избранные места из Тути-наме и Цветника Садиева» [9].

Прежде всего бросается в глаза многообразие преподаваемых предметов: история, история религии, три восточных языка (древнееврейский, арабский и персидский). А. В. Болдырев выступает перед нами как представитель раннего поколения ориенталистов-филологов, но вместе с тем и энциклопедистов поневоле. К востоковедам этого периода относится известное замечание Т. Нельдеке «Jeder Orientalist muss Mädchen für alles sein». Вот таким «мастером на все руки» и был А. В. Болдырев на заре московского востоковедения.

---

[8] См. А. В. Болдырев, *Рассуждения о глаголах*, — «Труды ОЛРС», 1812, № 2; А. В. Болдырев, *Об издании словопроизводственного русского словаря*, — там же, 1817, № 8; А. В. Болдырев, *Нечто о сравнительной степени*, — там же, 1819, № 15.

[9] *«История ИМУ»*, стр. 449.

Представляя в своем лице всю кафедру, А. В. Болдырев должен был расширять круг преподаваемых дисциплин, чтобы воспитать себе смену, помощников по кафедре из числа своих же учеников. Подобная цель не могла быть достигнута без создания учебных пособий, и это определило характер востоковедной работы Болдырева. Любопытно, что, хотя преподавание еврейского языка было вначале основным в педагогической нагрузке Болдырева, среди его печатных работ пособий по этому языку нет. По-видимому, в них не было недостатка. Иначе обстояло дело с пособиями по языкам арабскому и персидскому — их вовсе не было, и, естественно, их начал готовить для себя А. В. Болдырев. Нужно было самое основное: тексты, подсобные словари, элементарные грамматики. И вот в 1824 г. вышли (в литографированном издании) «Арабская хрестоматия» (in 4°, 4+80 стр. арабского текста) Болдырева и текст «Приключения одного невольника» Арабши. В 1827 г. Болдырев издает «Краткую арабскую грамматику» в таблицах (in 4°, 1+28 стр. и XII таблиц). В 1832 г. выходит второе издание «Таблиц» (in 8°, 52 стр.). В том же году вышли «Семь моаллакат» — арабский текст с латинским и французским переводами иностранных ориенталистов (in 8°, 1+54 стр.). Наконец, в 1836 г. был издан «Словарь к новой арабской хрестоматии и краткая арабская грамматика» (in 8°, 199 стр.).

Болдырев осуществляет ряд изданий по персидскому языку: в 1826 г. выходит литографированная «Персидская хрестоматия» в двух частях: ч. I—тексты и ч. II — словарь и грамматика (в 1833/34 г. вышло второе печатное издание «Хрестоматии», исправленное и значительно дополненное, в трех частях).

Сюда же можно прибавить переводы Болдырева: с арабского — «Элегия» [10] и «Нравоучительные изречения»; с персидского «Мечжнун и Леила» [11] и «Могамедово путешествие на небо» [12]. Интересна оценка трудов А. В. Болдырева, данная его современником и преемником по кафедре П. Я. Петровым. Перечисляя в статье в юбилейном «Биографическом словаре ИМУ» основные востоковедные труды А. В. Болдырева, П. Я. Петров замечает о первом издании «Арабской хрестоматии»: «Выбор очень хорош: в расположении статей соблюдена последовательность и почерк вообще четок». О «Краткой арабской грамматике» сказано: «Составлена по грамматике Сильвестра де Са-

[10] «Вестник Европы», 1811, № 17.
[11] Там же, 1811, № 16.
[12] Там же, 1815, № 5—6.

си и содержит в самом сжатом виде то, что нужно для приготовления себя к чтению текстов; в ней нет ничего лишнего и, кроме этимологии, есть даже примеры на важнейшие правила арабского синтаксиса. Одним словом, она удовлетворительна для начинающих; заметим, однако же, что при алфавите выговор некоторых букв выставлен неверно»[13].

П. Я. Петров отмечает лишь отсутствие текстов, извлеченных из рукописей, да некоторые фонетические и транскрипционные неточности, но отдает должное достоинствам изданий А. В. Болдырева как учебных пособий.

Наша оценка востоковедных трудов А. В. Болдырева в сущности совпадает с оценкой П. Я. Петрова. Основное критическое замечание в адрес учебных пособий Болдырева — это то, что тексты в его хрестоматиях старые, уже изданные в хрестоматии Сильвестра де Саси и антологии Гумберта. Включить новые, не изданные за границей тексты и тем самым поднять научное значение хрестоматии А. В. Болдыреву, вероятно, помешала перегруженность, некоторая разбросанность и вместе с тем необходимость подготовить пособия как можно скорее. Необходимо отдать должное энергии А. В. Болдырева и достоинствам его учебных пособий, обеспечивших дальнейшую работу созданной кафедры восточных языков.

Издание восточных текстов в то время было сопряжено со значительными трудностями: не хватало шрифтов, квалифицированных типографских рабочих. Эти неполадки, равно как и большая загруженность А. В. Болдырева, не могут не снять некоторых упреков его изданиям. Думается, он сделал, что мог в тех условиях.

Совершенно очевидно, что работа по подготовке учебных пособий не оставляла А. В. Болдыреву возможности планомерной научно-исследовательской работы и работы над переводами. То немногое, что переводил Болдырев, относится к раннему периоду его деятельности, когда он не был еще так загружен.

Вместе с тем постановке научной работы по востоковедению в Москве мешало отсутствие востоковедной библиотеки и рукописных фондов. В Петербурге, как известно, такие фонды были созданы с организацией Азиатского музея (1818) и приобретением рукописных коллекций Руссо (1819, 1825), Ардебильского собрания (1829) и собрания Италинского (1838).

Подводя итог, можно сказать, что А. В. Болдырев в период становления востоковедения в стенах Московского университета

[13] «Биографический словарь ИМУ», стр. 97.

был центральной фигурой в этой области науки. Его учебные пособия по арабскому и персидскому языкам послужили важнейшим фактором в истории всего русского востоковедения, обеспечивая преподавание и изучение этих языков. Академик И. Ю. Крачковский в своих «Очерках по истории русской арабистики» говорит: «Болдырев впервые дал пособие (речь идет об арабской хрестоматии. — *А. С.*), которое считалось с достижениями науки того времени и в двух изданиях разошлось, без преувеличения, по всей России» [14].

Эти слова, относящиеся к арабской хрестоматии, можно отнести и к персидской хрестоматии А. В. Болдырева: она была единственным пособием вплоть до выхода в свет «Образцов персидской письменности» Мирзы Абдуллы Гаффарова [15].

Таким образом, учебные пособия А. В. Болдырева обеспечивали изучение и преподавание в России арабского и персидского языков многие десятилетия (до начала XX в.).

Хрестоматии А. В. Болдырева, как это отмечал И. Ю. Крачковский, стали источником появившихся в альманахах того времени переводов Болдырева и его учеников. Сам А. В. Болдырев, правда, переводил мало, да и то в ранний период своей деятельности. В 1811 г. он печатает в «Вестнике Европы» несколько небольших прозаических переводов с арабского и персидского. В этих работах заметно стремление дать гладкий, понятный для широкого круга читателей того времени, но не искажающий подлинника перевод.

Переводы Болдырева с персидского отличаются тщательно отработанным стилем и точностью, не вредящей литературности.

Среди других переводов — «Нравоучительные изречения», перевод восемнадцати широкоизвестных пословиц и поговорок, текст которых помещен в «Арабской хрестоматии» Болдырева.

Несколько позднее, в марте 1815 г., Болдырев поместил в «Вестнике Европы» статью «Могамедово путешествие на небо», содержащую пересказ мусульманских легенд.

То немногое, что сделано Болдыревым по Востоку в плане литературном, относится к 1811—1815 гг., т. е. к начальному, почти студенческому периоду деятельности А. В. Болдырева. Очевидно, в дальнейшем его работа в университете не оставляла времени для литературных «ориентальных» опытов.

---

[14] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М., 1950, стр. 80 (далее — Крачковский, *Очерки*).

[15] М. А. Гаффаров, *Образцы персидской письменности*, М., 1906.

Можно ли говорить о московском востоковедении этого периода как о московской школе, школе Болдырева? Академик И. Ю. Крачковский считает, что немногие ученики Болдырева «рассеялись», «сошли со сцены» одновременно с ним [16]. Однако независимо от судьбы Болдырева и его учеников работа кафедры восточных языков была весьма значительной по результатам (хотя бы по выпускавшейся печатной продукции). К 30-м годам у А. В. Болдырева были уже ученики, включившиеся в работу кафедры. Правда, с отставкой Болдырева, его гибелью действительно рассеялись и его сотрудники (хотя сама кафедра восточных языков и не была упразднена). Что эти сотрудники — ученики А. В. Болдырева — существовали, подтверждается документами того времени.

В обзоре преподавания в университете за 1825—1835 гг. С. Шевырев отмечает: «...Болдырев преподавал основания арабского языка и объяснял арабскую хрестоматию... с 1828 по 1833 год... ему помогали в преподавании языка кандидат Коркунов, а с этого [1833] года кандидат Коноплев» [17].

Михаил Андреевич Коркунов (1806—1858), в будущем экстраординарный академик Отделения русского языка и словесности, известный историк-археолог, был, по-видимому, первым помощником А. В. Болдырева по кафедре восточных языков. Питомец Московского университета, в 1827 г. удостоенный медали за работу по русской истории, избранный в члены-соревнователи Общества истории и древностей российских, М. А. Коркунов тем не менее остается в университете по кафедре восточных языков. В августе 1828 г. Коркунов был назначен преподавателем арабского языка в Московском университете. С 1836 г. М. А. Коркунов переходит на работу в Петербург, занимаясь русской историей, археологией и древней (преимущественно восточной) географией. И. Ю. Крачковский отмечает в исторических работах Коркунова первые опыты привлечения арабских источников. М. А. Коркунов — ученик А. В. Болдырева — отдал дань и русскому «художественному ориентализму»: в числе его ранних печатных работ упоминается перевод с арабского «Чертоги Майи» (фрагмент касыды Набиги Зобьянского). Если М. А. Коркунов был только отчасти связан с историей востоковедения в Московском университете, то его преемник в роли преподавателя арабского языка Коноплев был настоящим востоковедом, основным после Болдырева представителем кафедры восточных языков.

---

[16] Крачковский, *Очерки*, стр. 83.
[17] *«История ИМУ»*, стр. 553.

Николай Гаврилович Коноплев, специально посланный для усовершенствования в восточных языках в Петербург, закончил там «полный курс» арабского, персидского и турецкого языков. С 1833 г. Н. Г. Коноплев начинает преподавать арабский язык на кафедре восточных языков под руководством Болдырева. Есть сведения, что Н. Г. Коноплев значительно расширил базу преподавания арабского языка, введя практику переводов с русского на арабский.

Продолжая традиции Болдырева, Коноплев выступал как переводчик, готовил перевод «Гулистана» и «Тути-наме». И. Ю. Крачковский особо отмечает его перевод с персидского «Спора о красавице» [18].

В своей большой статье «Рассуждение о духе, богатстве языка и поэзии арабов» [19] Н. Г. Коноплев говорит о своих планах переводов с восточных языков и других незаконченных работах. Так, он указывает, что почти полностью перевел на русский язык «Арабскую грамматику» Маронита Фергата и составляет «обзор поэтов арабских». Эти сведения позволяют представить Н. Коноплева — молодого ученого, более специалиста, чем некоторые его предшественники, энциклопедисты «поневоле».

У Болдырева было много учеников-«слушателей». Среди них упомянем лишь Дмитрия Петровича Ознобишина (1804—1877), поэта, писателя и переводчика, знавшего ряд европейских и восточных языков. Ознобишин слушал лекции А. В. Болдырева и еще изучал арабский и персидский языки у некоего «ученого муллы». В дальнейшем Д. П. Ознобишин выступал с литературными и научно-популярными статьями и переводами в различных изданиях («Северная лира», «Сын отечества» и др.), печатал также стихи. Интересны его популярные статьи и заметки по искусству и литературам Востока, особенно его переводы с арабского и персидского (Хафиза, Низами и др.), публиковавшиеся большей частью под псевдонимом «Делибюрадер».

Д. П. Ознобишин, несомненно, — наиболее крупный представитель «художественного ориентализма», связанный с московской школой А. В. Болдырева.

Таким образом, московская школа Болдырева в востоковедении все же существовала, но после катастрофы 1836 г. представляла собой не более чем «осколки разбитого вдребезги». Некоторые из таких «осколков» остались в поле нашего зре-

---

[18] «Вестник Европы», 1825, апрель.
[19] «Ученые записки ИМУ», 1834, ч. V—VII.

ния. Востоковедные моменты в их деятельности позволяют установить иногда лишь вероятную связь с кафедрой восточных языков Московского университета, с работой А. В. Болдырева.

Кафедра восточных языков Московского университета, организованная в 1804 г., фактически существовала с 1811 по 1836 г. После 16-летнего перерыва в истории московского университетского востоковедения она вновь начала функционировать как кафедра санскрита с переводом из Казанского университета П. Я. Петрова.

III. П. Я. Петров

Павел Яковлевич Петров (1814—1875) был вторым, после Болдырева, официальным представителем кафедры восточных языков Московского университета. С именем и деятельностью П. Я. Петрова связан новый период в истории московского университетского востоковедения, точнее, восточной филологии. П. Я. Петров как лингвист-полиглот, изучавший языки Дальнего Востока, Индии и множество других, разумеется, выходит за пределы «классического» русского востоковедения, в основу которого ложилось знание языков мусульманского Востока: арабского, персидского и турецкого. Однако в нашем обзоре мы остановимся главным образом на роли П. Я. Петрова в истории восточной филологии в Московском университете в упомянутом «традиционном» объеме [20].

Павел Яковлевич Петров родился в 1814 г. в Петербурге, но в дальнейшем вместе с семьей переселился в Москву. В 1828 г. он поступил в Московский университет.

Знаменательна для этого студенческого периода жизни П. Я. Петрова его дружба с В. Г. Белинским, связь с кружком Н. В. Станкевича. Это важнейший факт в биографии молодого востоковеда. Его переписка с Белинским, где он восторженно говорит о своих петербургских занятиях с Френом, Сенковским, Шармуа и др., дает нам ценные сведения об этом периоде жизни молодого ученого, совершенствовавшегося в восточных языках в Петербурге по окончании в 1831 г. курса в Московском университете [21].

---

[20] Труды П. Я. Петрова в области санскритологии и сравнительного языкознания освещены в статье А. С. Шофман, *Русский санскритолог П. Я. Петров* в настоящем сборнике. В связи с этим раздел III настоящей статьи печатается с сокращениями.

[21] См. И. Ю. Крачковский, *Востоковедение в письмах П. Я. Петрова к В. Г. Белинскому,*— «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 7—22 и библиографию работ Н. Л. Бродского, М. Полякова и других авторов по В. Г. Белинскому.

Занятия санскритом вскоре увлекли П. Я. Петрова настолько, что его первой представленной в 1837 г. в академию работой оказался санскритский литературный текст с русским переводом и грамматическим комментарием — «Sitaharanám» («Похищение Ситы»). В 1838 г. П. Я. Петров сдал испытание в «мусульманских языках» особому комитету (с участием Сенковского), получив удовлетворительные оценки «по всем трем языкам» (т. е. по арабскому, персидскому и турецкому) и заграничную командировку. За два года заграничной командировки, занимаясь с Боппом, Ритером, Жобером, Бюрнуфом и другими светилами западноевропейского востоковедения, Петров, по его словам, «преимущественно обращал внимание на язык брахманов». В 1840 г. Петров вернулся в Россию и получил назначение на кафедру санскритской словесности Казанского университета.

Только в 1852 г. П. Я. Петров перешел в Московский университет, возглавив кафедру санскрита, которая вскоре стала вновь кафедрой восточных языков, так как П. Я. Петров ввел преподавание арабского, персидского и еврейского.

Возглавлявший с 1841 г. казанскую, а с 1852 г. московскую кафедру санскрита-восточных языков, и. о. адъюнкта, П. Я. Петров в 1856 г. был избран исполняющим должность экстраординарного профессора. В 1854 г. П. Я. Петров был утвержден почетным ординарным профессором Московского университета (после возведения его Петербургским университетом в звание «почетного доктора»). С 1864 г. П. Я. Петров трижды избирался (каждые пять лет) профессором кафедры Московского университета и вышел в отставку в 1875 г., за две недели до смерти.

Научных работ П. Я. Петров оставил мало. К. Г. Залеман, крупнейший русский иранист, в статье, посвященной Петрову [22], насчитывает всего девятнадцать статей и заметок его. Из них только две отражают его многолетнюю работу по странам Ближнего Востока: «Обозрение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московского Университета» [23], и актовая речь в Московском университете 12 января 1862 г. «Об арабском языке и литературе» [24]. Эти две статьи с таблицами «важнейших алфавитов восточных языков» в юбилейном университетском издании [25],

[22] «Русский биографический словарь», СПб., 1902.

[23] ЖМНП, 1837, т. XII, 2, стр. 548—555.

[24] «Отчет Московского университета за 1861 год».

[25] «Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских», М., 1855.

текстом и переводом нескольких песен (в том числе арабских, персидских и калмыцких) в сборнике Н. Берга «Песни разных народов» составляют итог полувековой работы П. Я. Петрова в области арабо-персидско-турецкой филологии. Даже если включить в этот список санскритские публикации и заметки Петрова, остается впечатление несоответствия количества и содержания работ стажу и эрудиции автора.

Академик К. Г. Залеман отмечает, что П. Я. Петров — разносторонний лингвист, преподаватель, вдумчивый исследователь — не имел «дальнейшего влияния на успехи науки... от него сохранился только ряд мелких статей, носящих более случайный характер и для науки прошедших почти бесследно»[26].

Суровый, но объективный отзыв! И все же для московского университетского востоковедения деятельность П. Я. Петрова имела важное значение. В числе учеников П. Я. Петрова, в той или иной степени обязанных ему своими первоначальными знаниями, достаточно назвать Ф. Е. Корша, В. Ф. Миллера, Ф. Ф. Фортунатова, Л. З. Мсерианца и других.

Чтобы определить место П. Я. Петрова в истории восточной филологии в Московском университете, нужно представить себе этого ученого в его неповторимом своеобразии. Мы располагаем некоторыми, почти не использованными материалами, помогающими оживить скупые архивные данные о П. Я. Петрове.

Вот некоторые сведения о молодых годах П. Я. Петрова. П. Савельев (ученик Петрова в период его обучения в Петербурге) в своем очерке «Восточные литературы и русские ориенталисты»[27] отмечает, что Петров, «самоучкой» овладевший санскритом и обучавшийся арабскому, персидскому и турецкому языкам, предназначался в преемники Болдыреву.

В 1836—1837 гг. П. Я. Петров представил в академию два «описания» (каталога) персидских, арабских и турецких рукописей — по фондам Азиатского музея и Московского университета. Описания элементарны, непоследовательны и не вполне точны, но в 1836 г., когда только предварительно знакомились с богатейшими фондами Азиатского музея (коллекция Руссо), описание Петрова свидетельствовало о его опыте, эрудиции, владении языками. Его работы, конечно, уступают каталогам В. Р. Розена и К. Г. Залемана, но стоят не ниже уровня описаний Дорна (1859, 1864 гг.). И понятно, почему опи-

[26] «Русский биографический словарь».
[27] «Русский вестник», 1856.

сание рукописей Азиатского музея в свое время было представлено к опубликованию академиком Френом.

Л. З. Мсерианц, говоря в 1927 г. с автором настоящей статьи о Ф. Е. Корше, которого называли «русский Меццофанти»[28], заметил, что это прозвание было дано еще в 1864 г. П. Я. Петрову. Так он был назван в представленной в Совет Петербургского университета записке о присвоении П. Я. Петрову ученого звания доктора honoris causa.

Особо ценными для воссоздания подлинного живого образа П. Я. Петрова представляются материалы, опубликованные Н. В. Бергом[29]. Н. В. Берг пишет о П. Я. Петрове как одном «...из самых замечательных русских ориенталистов», глубоком знатоке языков древних и новых. Берг отмечает замкнутый характер Петрова, который редко и неохотно появлялся в обществе, да и то «думал только о том, как бы удрать домой к своим Рамайянам». По словам Берга, оживлен и естествен Павел Яковлевич бывал только с людьми своей профессии.

Любопытны подробности быта Павла Яковлевича, которые приводит Берг. Петров жил на краю города, у Девичьего поля, в маленькой трехкомнатной квартирке со старухой матерью и двумя сестрами. Сам он занимал небольшую, всю заваленную книгами комнату. Н. В. Берг отмечает постоянную корректность Павла Яковлевича, всегда, даже при посещении близких людей, заменявшего халат неизменным зеленым сюртуком.

Берг обратился к П. Я. Петрову в связи с подготовкой антологии «Песни разных народов». Благосклонно принятый Петровым, он в течение нескольких лет пользовался его консультациями и помощью при издании «Песен». Н. В. Берга поражала исключительная эрудиция П. Я. Петрова, его «большею частью в ту же минуту самый точный и определенный ответ».

Говоря об исключительной эрудиции Павла Яковлевича, Н. В. Берг приводит ряд ярких фактов, позволяющих представить себе эту колоритную фигуру востоковеда прошлого века. П. Я. Петров подходил к изучению языка, как бы стремясь сделать его своим вторым, пятым, десятым родным языком. «Преследование самого глубокого знания языков у Петрова,— пишет Берг, — шло всегда рядом с тончайшим изучением спо-

[28] Меццофанти, Джузеппе (1774—1849) — итальянский лингвист, профессор арабского языка в Болонье (1804), хранитель Ватиканской библиотеки (1838). Меццофанти говорил на 58 языках, и его имя стало у современников нарицательным для обозначения лингвиста-полиглота.

[29] «Русская старина», т. XVII, 1876, стр. 394—399. — Н. В. Берг (1824—1884) — питомец Московского университета, известный переводчик Байрона, Гёте, Шиллера и славянских поэтов, издатель антологии «Песни разных народов» (М., 1854).

соба писания того или другого народа». Петров не только отлично писал по-арабски, по-санскритски, по-персидски, по-турецки и т. д., но писал с соблюдением всех тонкостей, неуловимых порой оттенков, не подражая манере и способам письма араба, перса, китайца, а как бы перевоплощаясь в них. Разумеется, писал он не европейским пером или карандашом, а при помощи национальных письменных принадлежностей. Когда Н. В. Бергу захотелось дать в своем сборнике несколько китайских песен с текстом, Петров обещал ему написать текст, но сделал это только тогда, когда Бергу удалось выписать для него настоящие китайские кисти и тушь.

В особенности поражали Н. В. Берга экспромтные декламации Петровым старых арабских стихотворений из сборника «Хамаса», которые он читал так, как будто это были «стихотворения родных современных поэтов».

«Персидские песни сообщил мне все до одной Петров. Он знал по-персидски, как персианин, и сам говорил мне не раз, что персидский язык знаком ему, как кажется, более других», — продолжает Н. В. Берг.

«Просить, лазить, добиваться помощи у правительства или у частных лиц он не умел. Не такой был человек», — пишет Н. В. Берг.

Касаясь внутреннего облика П. Я. Петрова, Н. В. Берг приводит любопытную деталь: как-то, направляясь вместе с Бергом к А. Ф. Вельтману (тогда директору Оружейной палаты), Петров, будучи в хорошем настроении, молодцевато шагая по улице в своем зеленом сюртуке, вдруг сообщил своему спутнику, что «в молодости он был преотчаянный, любил испытывать природу и прострелил себе руку из пистолета...»

С другой стороны, Н. В. Берг отмечает у Петрова «консерватизм и необычайное смирение перед существующим порядком вещей». Например, Павел Яковлевич, сообщивший автору текст и перевод одной баскской песни, решительно отказался даже показать текст ее последнего куплета, где иронически говорится «о жандармах». Однако заключение Н. В. Берга о консерватизме Петрова едва ли обосновано. «Преотчаянный» в молодые годы Петров, друг «неистового Виссариона» и Н. В. Станкевича, был, вероятно, запуган аракчеевским режимом, потрясен судьбой, постигшей А. В. Болдырева.

Н. В. Берг и К. Г. Залеман пишут о личной библиотеке П. Я. Петрова, которую он с трудом и бесконечной любовью собирал всю свою жизнь. Эта библиотека, насчитывавшая около двух тысяч книг, перешла в собственность Московского университета.

Библиотека Петрова и сейчас находится в фондах Фундаментальной библиотеки им. А. М. Горького МГУ, в полной, по-видимому, сохранности. Для обследования ее потребуются соединенные усилия семитолога-арабиста, ираниста, тюрколога, санскритолога и китаиста [30]. Сохранились два рукописных каталога П. Я. Петрова к его собранию.

Наследники П. Я. Петрова в русском востоковедении весьма строго подходили к оценке его научной квалификации. Мы уже приводили выше суровый отзыв К. Г. Залемана. В. Ф. Миллер, занимавшийся у Петрова персидским языком и санскритом, также указывал на методологические ошибки П. Я. Петрова, упрекая его, что он остался «вне нового лингвистического направления», «обнаружил незнакомство с сравнительной фонетикой» и т. д.

Разумеется, на современном уровне востоковедения научные работы, научные взгляды П. Я. Петрова кажутся наивными, неверными, устаревшими. Однако в историческом плане научной деятельности П. Я. Петрова можно дать далеко не столь строгую оценку. Пример этому мы находим в «Очерках русской арабистики» И. Ю. Крачковского, где он так отзывается о П. Я. Петрове:

«Не только историческое значение сохраняет его актовая речь 12 января 1862 г. „Об арабском языке и литературе" — наиболее ценное его произведение в интересующей нас области. Она говорит об очень серьезном знании предмета и самостоятельном освещении отдельных моментов на основе первоисточников; иногда это освещение представляет интерес даже и теперь...»

* * *

Таков в общих чертах облик второго официального представителя восточной филологии в Московском университете.

После смерти П. Я. Петрова кафедра восточных языков не замещалась. Ф. Ф. Фортунатов — в известном смысле преемник П. Я. Петрова — работал уже на кафедре сравнительного (индоевропейского) языкознания. В Московском университете прекратилось преподавание восточных языков: арабского, персидского и турецкого.

Московское университетское востоковедение, возникшее в первые десятилетия существования Московского университета,

[30] Автор этих строк предварительно ознакомился в 1951—1952 гг. с библиотекой и рукописными каталогами-автографами П. Я. Петрова.

сформилось и получило реальное бытие в начале XIX в. в деятельности Болдырева и его учеников. Однако, если в Петербурге востоковедение получило блестящее развитие, то в Москве личная катастрофа А. В. Болдырева закономерно, в условиях николаевского жандармского режима, повлекла за собой развал и гибель кафедры восточных языков.

Восстановление кафедры в 1851 г., при определившейся первенствующей роли Петербурга, уже не могло возродить московской школы, тем более что практическое преподавание языков в Москве перешло в новый, Лазаревский институт восточных языков, где еще в 1869 г. в старших гимназических классах преподавал персидский язык «сам» П. Я. Петров. В 1872 г. «Специальные классы Лазаревского института» были выделены как высшее востоковедное учебное заведение с практическим уклоном. Разрыв научного и практического изучения восточных языков был определяющим моментом в истории московского востоковедения конца XIX и начала XX в. Дальнейшее развитие московского востоковедения определялось закономерным стремлением изжить этот разрыв, восстановить в стенах Московского университета преподавание восточных языков. Об этом свидетельствуют как многочисленные проекты возрождения восточной филологии в Московском университете, так и то обстоятельство, что почти все представители восточной филологии (вплоть до старшего поколения востоковедов-филологов наших дней) так или иначе связаны с Московским университетом, часто имея двойное образование: востоковедно-специальное и университетское. Принципиальное решение этот вопрос получил в наше время в связи с организацией Восточного отделения филологического факультета МГУ (1943 г.) и позднее (1956 г.) — Института восточных языков при МГУ.

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ИГУМНОВ (1761—1834)

В течение XIX в. и половины XX в. труды русских ученых занимали первое место в исследованиях языка, литературы и истории Монголии. Однако среди монголоведов были и незаслуженно забытые. К ним принадлежит А. В. Игумнов.

Его работы и краткие сведения о нем были опубликованы в журналах «Казанские известия» (1816), «Вестник Европы» (1822), «Сибирский вестник» (1828), «Московский телеграф» (1828—1829). Очерк жизни и деятельности А. В. Игумнова был помещен в журнале «Сын отечества и Северный архив» (1838)[1]. Затем в течение многих лет появлялись только статьи справочного характера[2], в которых кратко излагались сведения, имевшиеся в работе Н. Щукина. То же следует сказать и о несколько более подробной статье, помещенной в «Русском биографическом словаре»[3]. Большой интерес представляют некоторые сообщения об А. В. Игумнове, имеющиеся в двухтомном труде В. Вагина[4], а также в статье П. П. Баснина[5].

---

[1] Н. Щукин, *Александр Васильевич Игумнов,* — «Сын отечества и Северный архив», т. II, СПб., 1838, отд. III, стр. 84—96 (далее — Н. Щукин). — Эта статья под тем же заглавием была перепечатана в сборнике «Русские люди», СПб., 1866, II, стр. 93—103.

[2] Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России,* СПб., 1879, стр. 89, 90, 94; «Игумнов (Александр Васильевич)», — «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XII, СПб., 1897, стр. 794; «Игумнов, Александр Васильевич», — «Новый энциклопедический словарь» тех же издателей, т. XIX, СПб., [б. г.], стр. 38.

[3] «Игумнов Александр Васильевич», — «Русский биографический словарь», т. Ибак-Ключарев, СПб., 1897, стр. 62—63 (далее — «Биографический словарь»).

[4] В. В. Вагин, *Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1821 год* , т. I—II, СПб., 1872 (далее—В. Вагин).

[5] П. П. Баснин, *Из прошлого Сибири. (Мучители и мученики),*—«Исторический вестник», СПб., 1902, XI, стр. 555—557 (далее — П. Баснин).

В работах, вышедших в свет после 1917 г., упоминания об А. В. Игумнове встречаются чаще[6]. Хотя они имеют самый общий характер, некоторые из них содержат интересные сведения и замечания об А. В. Игумнове.

В настоящей статье автор пытается более полно показать разнообразную и плодотворную жизнь и деятельность А. В. Игумнова. При написании этой статьи были использованы указанная выше литература, а также различные материалы Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, среди которых имеются подлинники работ А. В. Игумнова. Большая часть их оставалась неизвестной. В настоящее время они были обнаружены автором этой статьи и в выдержках приводятся ниже.

Биография А. В. Игумнова

Александр Васильевич Игумнов родился в 1761 г.[7] в Кударинской крепости на границе с Китаем. Его детство прошло среди монголов, и он «...говорил на их языке лучше, нежели на природном...»[8]. Вероятно, здесь же благодаря тесному общению с монголами и бурятами у А. В. Игумнова возникло то «особенное умение вести дела с ними и влиять на них»[9], которое впоследствии помогало А. В. Игумнову в его служебной деятельности, а также в монголоведных занятиях.

Отец А. В. Игумнова, будучи сам переводчиком, хотел, чтобы сын наследовал его специальность, и поэтому в 1771 г. отдал его в «учрежденную тогда в г. Селенгинске школу монгольского языка»[10]. Сведений о существовании такой школы в

[6] W. Kotwicz, *Jósef Kowalewski orientalista (1801—1878)*, Wroclaw, 1948, str. 12, 51—56, 59, 60; Н. П. Шастина, *История изучения Монгольской Народной Республики*, — сб. «Монгольская Народная Республика», М., 1952, стр. 18, 21; *История Бурят-Монгольской АССР*, т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 221, 250, 253; Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, М.—Л., 1954, стр. 96; И. М. Кауфман, *Русские биографические и библиографические словари*, М., 1955, стр. 13, 636; Г. Ф. Шамов, *Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете*, — сб. «Очерки по истории русского востоковедения», т. II, М., 1956, стр. 132, 134, 135, 159, 163; Н. П. Шастина, *Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения*, — там же, стр. 183—184.

[7] «Биографический словарь», стр. 62; ср. Н. Щукин, стр. 84. — Более точной даты установить не удалось.

[8] Н. Щукин, стр. 84.

[9] «Биографический словарь», стр. 62.

[10] Василий Игумнов служил переводчиком в Пограничном правлении на Кяхте и приставом при русских духовных миссиях, бывших в Пекине в 1771, 1781 и 1794 гг. (Н. Щукин, стр. 84).

известных нам работах не имеется. Вероятно, биографы А. В. Игумнова имели в виду селенгинскую гарнизонную школу для обучения детей военнослужащих и солдатских сирот, основанную в XVIII в., где преподавался и монгольский язык [11].

Окончив в 1777 г. эту школу, А. В. Игумнов служил толмачом в Кяхтинской пограничной канцелярии, а затем в качестве переводчика сопровождал в 1781 г. российскую духовную миссию в Пекин. В этой должности А. В. Игумнов блестящим знанием монгольского языка и своими деловыми качествами обратил на себя внимание иркутского губернатора Ф. Н. Клички. При его содействии А. В. Игумнов смог отправиться сначала в Москву, а потом в Петербург. Сведения об этом периоде жизни А. В. Игумнова очень кратки и не совсем ясны. В Москве А. В. Игумнов был принят в дом известного Никиты Акинфиевича Демидова [12], где «пользовался уроками лучших учителей столицы» [13]. «Прилежное чтение» [14] и общение «с образованнейшими людьми тогдашнего времени» обогатили и расширили его кругозор, «переродили, так сказать, этого жителя степей монгольских» [15].

В 1786 г. произошел один из пограничных конфликтов, приведший к прекращению торговли Кяхты с Маймаченом, что имело значение для всего Забайкалья. А. В. Игумнов не мог остаться равнодушным к этим событиям и поспешно вернулся в Иркутск. Там он принял участие в рассмотрении пограничных конфликтов, чем в значительной степени способствовал возобновлению русско-китайской торговли в 1792 г. Затем А. В. Игумнов «вступил в пограничную службу», о которой более подробных сведений не имеется.

В 1793—1795 гг. А. В. Игумнов был судьей «Нижней расправы» в Нерчинске, в 1795—1797 гг. — «Нижнего надворного суда» в Иркутске; в 1798 г. — главным комиссионером по закупкам шерсти в Иркутской губернии; в 1798—1804 гг. — главным смотрителем Нерчинских поселений. В 1805 г. А. В. Игумнов как прекрасный знаток монгольского языка и вообще Монголии и Китая сопровождал в качестве переводчика посольство графа Ю. А. Головкина в Китай. После того как посольство, достигнув только Урги, вернулось в Россию,

---

[11] *История Бурят-Монгольской АССР*, т. I, стр. 249.

[12] Никита Акинфиевич Демидов (1724—1789) — один из представителей известного рода Демидовых — покровительствовал ученым и художникам.

[13] Н. Щукин, стр. 85.

[14] «Биографический словарь», стр. 62.

[15] Н. Щукин, стр. 85.

А. В. Игумнов служил уездным судьей в Верхнеудинске (1805—1807), а затем асессором в казенной палате в Иркутске (1807—1809) [16].

В течение всей службы в перечисленных местах и должностях А. В. Игумнов своими качествами, особенно честностью и бескорыстием, очень отличался от окружающей чиновничьей среды. Когда А. В. Игумнов служил в Сибири, всякого рода взяточничество, вымогательство и поборы были общераспространенными явлениями. Каждый, кто не участвовал в такого рода злоупотреблениях, являлся исключением, возбуждавшим не только тайную неприязнь, но и открытую вражду сослуживцев. В таком положении и оказался А. В. Игумнов.

Своим образом жизни и особенно занятиями монгольским языком А. В. Игумнов представлял редкое исключение в кругу «невежественных и нечистых чиновников» [17].

Благодаря хорошему знанию жизни, быта и нравов бурят и уменью вести с ними дела А. В. Игумнов пользовался у них большим доверием. Он успешно выполнял поручения, связанные с большими трудностями, по закупке шерсти для Иркутской суконной фабрики, по постройке домов для переселенцев и др. Однако своей честностью и прямолинейностью А. В. Игумнов восстановил против себя иркутского губернатора Н. И. Трескина.

В это время образовался кружок интеллигенции, в который вошел и А. В. Игумнов, «один из образованнейших людей того времени в Сибири» [18]. Там «... „отводили душу" все придавленные деспотизмом Пестеля [19], Трескина и их клевретов...» [20]. Не довольствуясь этим, А. В. Игумнов писал об их беззакониях в Петербург своим друзьям — бывшим членам посольства Ю. А. Головкина—и просил о заступничестве за притесняемых Трескиным. Эта переписка показалась подозрительной Трескину, который не хотел, чтобы кто-либо, кроме него, имел переписку с Петербургом. Положение осложнялось тем, что отголоски политических событий конца XVIII и начала XIX в. в России и в Западной Европе, постепенно доходившие в искаженном виде до Сибири, усилили цензуру частной переписки,

[16] Там же, стр. 90—91.
[17] В. Вагин, т. I, стр. 140.
[18] Там же, стр. 30—31.
[19] И. Б. Пестель (1765—1843), генерал-губернатор Сибири (1806—1819). Управлял ею, проживая в Петербурге. Покровительствовал иркутскому губернатору Н. И. Трескину, взяточничество и произвол которого явились одной из причин, вызвавших ревизию М. М. Сперанского. Отец декабриста П. И. Пестеля, отрекшийся от него.
[20] П. Баснин, стр. 555.

в особенности же писем «подозрительных лиц». К числу их был отнесен и А. В. Игумнов. Некоторые из его писем даже задерживались. Н. И. Трескин начал преследовать А. В. Игумнова, «...придумывая чуть не каждый день все новые и новые приемы полицейско-сыщицкой фантазии...» [21]. А. В. Игумнов даже «...захворал, захандрил и начал подумывать убраться из Иркутска...» [22].

Вынужденный, наконец, покинуть Иркутск, в 1809 г. А. В. Игумнов переехал в Верхнеудинск. Годы пребывания в этом городе (до 1820) были очень трудными для А. В. Игумнова. Он был ложно обвинен, отдан под суд и по решению последнего в 1810 г. уволен со службы «...с тем, чтобы впредь не определять [его на службу]» [23]. Вместе с тем ему был запрещен въезд в Иркутск.

Оказавшись в тяжелом материальном положении, А. В. Игумнов был вынужден добывать средства к существованию земледелием. В это трудное для А. В. Игумнова время особенно проявились дружеские связи с бурятским населением: «...буряты, всегдашние его друзья, не оставляли его и в черные дни жизни...» [24]. Они предложили ему преподавать их детям русский и монгольский языки. Вскоре, однако, эти занятия были запрещены верхнеудинским исправником Янковским, который подвергал А. В. Игумнова «всевозможным притеснениям и оскорблениям» [25]. Доведенный до отчаяния, А. В. Игумнов пытался вернуться в Иркутск, но безуспешно.

Коренная перемена в жизни А. В. Игумнова тесно связана с событием, имевшим большое значение для Сибири, — с ревизией М. М. Сперанского. Эта ревизия особенно наглядно показала окружавшую А. В. Игумнова среду местного чиновничества. Количество чиновников и представителей бурятских родовых властей, отданных под суд, отстраненных от службы и т. п., составило свыше семисот (в дальнейшем многим из них удалось избежать ответственности) [26]. Вместе с тем М. М. Сперанскому стали известны лучшие представители местной интеллигенции, как, например, кяхтинской бургомистр Н. М. Игумнов (однофамилец А. В. Игумнова), иркутский купец Н. П. Трапезников и др. Внимание М. М. Сперанского привлек также А. В. Игумнов.

---

[21] Там же, стр. 556.
[22] Там же, стр. 557.
[23] В. Вагин, т. I, стр. 31.
[24] Н. Щукин, стр. 91.
[25] В. Вагин, т. I, стр. 31.
[26] Там же, стр. 125.

Узнав о высоких моральных качествах А. В. Игумнова и о преследовании его Н. И. Трескиным, М. М. Сперанский назначил А. В. Игумнова членом Верхнеудинской следственной комиссии [27]. Более подробных сведений о деятельности А. В. Игумнова в этой комиссии не имеется. М. М. Сперанский и в дальнейшем оказывал содействие А. В. Игумнову. В 1820 г. он разрешил А. В. Игумнову вернуться в Иркутск, считая запрещение Н. И. Трескина «...самовластным и незаконным» [28]. Однако для того чтобы вернуть А. В. Игумнова на службу, потребовался указ Александра I (от 26 января 1822 г.) следующего содержания: «Господину управляющему Министерством внутренних дел. — По представлению Сибирского генерал-губернатора и по одобрению Сибирского комитета повелеваю: Надворного советника Игумнова определить по-прежнему на службу, предоставив помещение его Сибирскому генерал-губернатору» [29]. После этого М. М. Сперанский назначил А. В. Игумнова заседателем Иркутского совестного суда, с чем и поздравил его письменно. После упразднения этой должности А. В. Игумнов стал переводчиком монгольского языка при Общем губернском управлении в Иркутске [30]. Однако, как сообщает В. Вагин, «...Игумнову не счастливилось: Лавинский не благоволил к нему...» [31]. Как знаток самых различных сторон жизни бурят А. В. Игумнов стал известен I Сибирскому комитету (1821—1838), по приглашению которого А. В. Игумнов принял участие в составлении проекта «Свода степных законов». В 1831 г. он представил обстоятельные ответы на вопросы Сибирского комитета, а в 1832 г. — «Замечания на Проект степного уложения», о чем более подробно будет сказано ниже. Должность переводчика при Общем губернском управлении А. В. Игумнов занимал, по-видимому, до последних дней своей жизни. А. В. Игумнов скончался 24 октября 1834 г. [32].

Переводческая и преподавательская деятельность

Во всех работах об А. В. Игумнове, кратких сообщениях и упоминаниях о нем неоднократно отмечалось, что он был отличным знатоком монгольского языка. Однако документов о мон-

[27] Н. Щукин, стр. 32; В. Вагин, т. I, стр. 604.

[28] В. Вагин, т. I, стр. 150.

[29] ЦГИАЛ, ф. 1264, I Сибирского комитета, оп. 1, ед. хр. 69, л. 36.

[30] Н. Щукин, стр. 92—94; В. Вагин, т. I, стр. 150.

[31] В. Вагин, т. I, стр. 150. — А. С. Лавинский был назначен генерал-губернатором Сибири после отъезда М. М. Сперанского в 1823 г.

[32] «Биографический словарь», стр. 62; в кн. Н. Щукина год смерти А. В. Игумнова другой — 1835 (Н. Щукин, стр. 84).

гольско-русских переводах А. В. Игумнова в монголоведческой литературе еще не приводилось. Некоторые данные об этих работах имеются только в архивных материалах. Были обнаружены следующие работы А. В. Игумнова:

1) «Записка о ламах забайкальских кумирен»[33]. Принадлежность ее А. В. Игумнову подтверждается в «Замечаниях на Проект степного уложения»[34];

2) «Краткая выписка из Уложения монгольских законов, заключающихся в 63 статьях, из которых особо о ламах 5 частей (глав)» — перевод также выполнен А. В. Игумновым[35], что видно из «представления» иркутского гражданского губернатора от 10 июля 1826 г. за № 2208 генерал-губернатору Восточной Сибири, где упоминается «довольно большой и трудный перевод оных монгольских законов, коим занимается переводчик Губернского Совета коллежский советник Игумнов»[36];

3) «Перевод с монгольского клятвенного обещания» (т. е. формулы присяги на суде. Без подписи, но почерк А. В. Игумнова)[37].

Кроме переводов с монгольского языка на русский, А. В. Игумнов выполнял и переводы с русского на монгольский.

Например, он перевел:

1) «Устав об управлении инородцев» 1822 г.[38] (о чем А. В. Игумнов сообщает в своих «Замечаниях на Проект степного уложения»)[39];

2) «Положение об исках в Сибири»[40] (т. е. «Высочайше утвержденное положение о разборе исков по обязательным заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий»)[41];

3) «Предписания сибирского генерал-губернатора хорин-

---

[33] ЦГИАЛ, ф. 1264, I Сибирского комитета, оп. 1, ед. хр. 223, лл. 161—194 обор. (далее—ф. 1264, ед. хр. 223, л. ...).

[34] Там же, л. 378.

[35] Там же, лл. 195—214 обор.

[36] Там же, л. 261 обор.

[37] Там же, лл. 28—29.

[38] «Высочайше утвержденный Устав. — Об управлении инородцев».— «Полное собрание законов Российской империи», т. XXXVIII, СПб., 1830, стр. 394—417. Текст его приведен у В. Вагина (В. Вагин, т. II, стр. 259—264).

[39] Ф. 1264, ед. хр. 223, л. 558.

[40] Там же, лл. 399 обор.— 400.

[41] «Полное собрание законов Российской империи», т. XXXVIII, стр. 557—565.

скому главному тайше, трем аймачным тайшам и Анинской конторе» от 5 марта 1820 г.[42].

То, что А. В. Игумнов в совершенстве владел монгольским языком, видно также из следующего сообщения, имеющегося в делах I Сибирского комитета: «...Игумнов... ведет непосредственно и заграничную переписку с китайским ургинским (куренским) правительством на точном монгольском языке, и с того времени, по признанию самого начальства, переписка сия ведется удачно и с желаемым успехом»[43].

Превосходно владея монгольским и бурятским языками, А. В. Игумнов не ограничивался только исполнением служебных обязанностей, а стремился поделиться своими знаниями этих языков. Он обучал детей бурятских тайшей русскому языку, а детей местных русских купцов — монгольскому. Кроме того, он открыл в Иркутске частную школу. Вероятно, именно к ней относится сообщение о том, что «...в 1813 г. монголистом А. В. Игумновым была учреждена частная русско-монгольская школа, в которой, кроме других предметов, обучались монгольскому языку. В 1814 г. в ней было 9 учеников, из них 5 бурят и 4 русских»[44].

А. В. Игумнов сумел убедить иркутского архиепископа Михаила в необходимости ввести преподавание монгольского языка в Иркутской духовной семинарии, куда и был приглашен преподавателем[45]. Преподаванием монгольского языка он занимался до конца своей жизни, причем часто безвозмездно. Кроме того, А. В. Игумнов «...перед смертью завещал гимназии 4000 рублей с тем, чтобы проценты с этих денег употреблялись на учебные пособия и платье бедным ученикам»[46]. Большое внимание и заботу А. В. Игумнов проявлял и к самим учащимся. «Найдутся люди, — сообщает Н. Щукин, — которые и теперь скажут, что обязаны Игумнову охотою к учению»[47].

С особой силой готовность А. В. Игумнова делиться своими большими познаниями в монгольском языке проявилась в его отношении к предложению попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина заниматься монгольским языком с О. М. Ковалевским и А. В. Поповым. В письме

[42] Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР, рукопись под шифром Е 239.

[43] Ф.,1264, ед. хр. 223, л. 400.

[44] «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 250.

[45] Н. Щукин, стр. 94—95; ср. Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, стр. 94.

[46] Н. Щукин, стр. 95.

[47] Там же.

П. А. Словцову от 9 сентября 1827 г. А. В. Игумнов просил «...уведомить за меня г. Попечителя Казанского учебного округа, что я, находясь на окончании дней жизни моей, с тем большею охотою берусь обучить монгольскому языку двух предполагаемых студентов...»[48]. Приезд О. М. Ковалевского и А. В. Попова доставил А. В. Игумнову большую и искреннюю радость, что тогда же было отмечено О. М. Ковалевским в его письме М. Н. Мусину-Пушкину[49]. Как преподаватель с большим опытом, А. В. Игумнов увидел в О. М. Ковалевском и А. В. Попове людей, которым он сможет отдать все свои знания. «Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать, и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает... Для нас собирает он грамматические правила монгольского языка, отыскивает книги, переписует рукописи...»[50].

Занятия по монгольскому языку со своими учениками А. В. Игумнову приходилось начинать с обучения их чтению и письму, для чего им были специально подобраны различные монгольские алфавиты[51]. Ученики А. В. Игумнова отмечали заслуги своего учителя в достигнутых ими результатах. «Пользуясь наставлениями и неутомимыи трудами г. Игумнова, научились мы читать и писать по-монгольски»[52]. Материалы, предназначенные А. В. Игумновым для упражнений в переводах, были очень разнообразны; среди них имелись: «Басни», «История Кгэсэр-хана, известного на Востоке витязя» (по всей вероятности, пекинское ксилографическое издание Гэсэр-хана, 1716 г.), образцы официальной и частной переписки, одна тетрадь «Монгольского уложения» и др.[53]. У А. В. Игумнова имелось богатое собрание монгольских рукописей и ксилогра-

---

[48] Архив востоковедов ИВ АН СССР, ф. 29, оп. 1, ед. хр. 6/664, «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 376 (далее — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского»); ср. *Извлечения из дневных записок*, стр. 116.

[49] «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 726; ср. *Извлечения из дневных записок*, стр. 116.

[50] Там же.

[51] Например, «Полная монгольская азбука печатных 23 букв, светского шрифта с прибавлением 8 букв, употребляемых монголами для выражения слов, взятых из иностранных языков, как-то: Маньчжурского, Тибетского, Санскритского и Китайского», «Двенадцатиглавая Монгольская азбука» и др., см. *Извлечения из дневных записок*, стр. 117. Несколько ксилографических изданий такого рода имеется в Собрании монгольских рукописей и ксилографов.

[52] Письмо визитатору сибирских училищ (П. А. Словцову) от 15 декабря 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 83а.

[53] *Извлечения из дневных записок*, стр. 116, 119.

фов, поэтому недостатка в текстах для занятий в первое время не ощущалось.

Большие трудности встретились при занятиях монгольской грамматикой, так как подобного рода работ в то время не было совсем. Поэтому О. М. Ковалевский и А. В. Попов проявили большой интерес к тем материалам по монгольскому языку, которые им предоставил А. В. Игумнов. Это были «Три тетради правил монгольского правописания, около 20 листов»[54], относительно которых О. М. Ковалевский заметил: «Под сим простым заглавием заключается богатейшее собрание правил монгольского языка, касающихся не одного только правописания, но и основательного познания изменений имен, спряжений глаголов, частиц отдельных и вместе с именами изображаемых, наречий и пр. Сия Грамматическая, так сказать, Энциклопедия еще, кажется, не скоро будет окончена почтеннейшим нашим учителем. Но в приготовленных и нами уже списанных тетрадях, находятся чрезвычайно важные материалы, которые со временем послужат как для дополнения сочинения известнейшего в Европе ориенталиста А. Ремюза, так и для опровержения многих его статей»[55].

Вскоре, однако, весьма высокая и даже восторженная оценка, данная О. М. Ковалевским, подверглась значительным изменениям. В течение короткого времени О. М. Ковалевский, получивший отличную филологическую подготовку в Виленском, а затем в Казанском университетах, заметил, что сведения по монгольскому языку, которые сообщал А. В. Игумнов, являются только наблюдениями над отдельными фактами монгольской грамматики, а не сколько-нибудь полным сводом ее правил. «Наши успехи в Иркутске с некоторого времени довольно медленны,—писал О. М. Ковалевский,—потому что для переводов требуется знание не одних только слов, но и правил грамматических, которых г. Игумнов, кажется, не может нам достаточно объяснить»[56].

Как видно из сказанного, для А. В. Игумнова оказалось затруднительным и даже невозможным систематизировать свои наблюдения из области монгольской грамматики, произвести некоторые обобщения и т. п., что более всего интересовало его

[54] Письмо О. М. Ковалевского попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину от 1 сентября 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 75 б.

[55] Там же, л. 76; ср. там же, л. 77б; *Извлечения из дневных записок*, стр. 118—119.

[56] Письмо М. Н. Мусину-Пушкину от 22 декабря 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 84а.

учеников, в особенности О. М. Ковалевского. На основании данных биографии А. В. Игумнова и сообщений О. М. Ковалевского такое положение следует объяснить тем, что познания в монгольском языке, полученные А. В. Игумновым в школе, а также накопленные в течение многолетней служебной деятельности, имели чисто практический характер и были далеки от того, что мы понимаем под языкознанием.

Ознакомившись в течение нескольких месяцев жизни в Иркутске с деятельностью других местных знатоков монгольского языка, О. М. Ковалевский пришел к выводу, что, «кроме г. Игумнова, ни один из здешних переводчиков никогда ученым образом не упражнялся монгольским языком и никогда не думал собирать ученые сведения о Монголии и монголах или по крайней мере о наших монголо-бурятах» [57].

Вместе с тем А. В. Игумнов оказывал О. М. Ковалевскому и А. В. Попову постоянную и большую помощь в работе по составлению монгольско-русского словаря — пособия, совершенно необходимого для текущих занятий монгольским языком. Для этой цели они выписывали из одного маньчжуро-монгольского словаря монгольские слова, приводили их в порядок, принятый в европейских словарях, и представляли на просмотр А. В. Игумнову. Кроме полученных таким путем материалов, «обильнейшими источниками» для краткого словаря служили, по словам О. М. Ковалевского, «богатые материалы, собранные нашим достопочтенным учителем для своего полного монгольского словаря» [58]. Эту работу А. В. Игумнов не только отдал в пользование своим ученикам, но и подарил ее О. М. Ковалевскому [59]. Помимо того, А. В. Игумнов предоставил О. М. Ковалевскому возможность производить выписки из первой части полного его словаря [60].

А. В. Игумнов вел занятия со своими учениками по монгольским письменным памятникам, т. е. преподавал им монгольский письменный язык. Однако он всегда уделял большое внимание и разговорному языку. Когда он согласился на преподавание монгольского языка, его стал беспокоить вопрос о том, чтобы «...свободно и беспрепятственно можно было заниматься обучением оных студентов... с разъездом для сего предмета по

---

[57] Письмо ректору Казанского университета от 25 ноября 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», лл. 81а—81б.

[58] Письмо М. Н. Мусину-Пушкину от 15 декабря 1826 г., ф. 29, ед. хр. 6/664, лл. 83а—83б.

[59] *Извлечения из дневных записок*, стр. 123.

[60] Письмо М. Н. Мусину-Пушкину от 29 декабря 1828 г., — «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 85б.

Забайкальскому краю...» с целью «усовершенствовать и самую их опытность по сему языку»[61].

С начала занятий А. В. Игумнов предоставил своим ученикам составленный им монгольско-русский разговорник «о предметах обыкновенной беседы». Весной 1829 г. А. В. Игумнов вместе со своими учениками совершил поездку по Забайкалью «для практических упражнений в монгольском языке»[62]. А. В. Игумнов составил специальный маршрут: «сперва к Гусиноозерским кумирням через Верхнеудинск, Селенгинск, Кяхту, Кудару к Чикойским кумирням...», причем разъезды должны совершаться «...не по почтовому тракту, а по проселочным дорогам и по мере надобности останавливаясь между бурятами»[63]. Поездка должна была продлиться с конца марта до конца августа или половины сентября.

Когда они прибыли в Верхнеудинск, многие буряты верст за двадцать и более приезжали туда, чтобы посетить А. В. Игумнова как коренного верхнеудинского жителя[64]. Из Верхнеудинска А. В. Игумнов со своими учениками отправился 28 мая 1829 г. к хоринским бурятам и далее к р. Онону, откуда через Агу они возвратились в Верхнеудинск. Затем А. В. Игумнов по слабости здоровья решил вернуться в Иркутск. Как видно, А. В. Игумнов принял участие в довольно значительной части поездок своих учеников по Забайкалью. Когда О. М. Ковалевский и А. В. Попов также вернулись в Иркутск, А. В. Игумнов продолжал с ними занятия до тех пор, пока они не были прерваны отъездом О. М. Ковалевского в Пекин.

Работа над составлением монгольско-русского словаря

«...Еще в 1787 г., по возвращении из Петербурга, Игумнов начал составлять Монгольский словарь...»[65], — так сообщает Н. Щукин. О. М. Ковалевский указывает другую дату начала работы А. В. Игумнова над Словарем — 1778 г.[66]. Не имея предшественников в деле составления монгольско-русского словаря, А. В. Игумнов был лишен возможности получать советы и указания. Сам же он филологического образования не получил. Все это очень отразилось на его работе над монгольско-русским словарем.

[61] Письмо П. А. Словцову от 9 сентября 1827 г., — там же, л. 38а.

[62] *Извлечения из дневных записок*, стр. 120.

[63] Письмо Мусину-Пушкину от 23 февраля 1829 г., — там же, лл. 94а—94б.

[64] Там же, л. 96а.

[65] Н. Щукин, стр. 92.

[66] *Извлечения из дневных записок*, стр. 120, 123. — Вторая дата маловероятна.

А. В. Игумнов начал со сбора словарного материала. В начале работы основным источником А. В. Игумнову служил изданный в Пекине в 1709 г. маньчжуро-монгольский словарь, озаглавленный «Составленное императором маньчжуро-монгольское зерцало слов». Из него А. В. Игумнов производил выборку монгольских слов. Число слов, собранных за период с 1778 [1787] по 1824 г., составило около 12 тыс., и все они были расположены А. В. Игумновым «в двух огромных томах»[67]. В дальнейшем А. В. Игумнов использовал в качестве источников также различные исторические, юридические, медицинские, буддийские и другие сочинения, имевшиеся «...в его богатом монгольском книгохранилище»[68]. Таким образом, в основу Словаря А. В. Игумнова легли первоисточники, что являлось одним из главных его достоинств.

Эти источники определяли характер Словаря: он должен был быть Словарем монгольского письменного языка. В Словаре А. В. Игумнова слова давались в формах монгольского письменного и разговорного языков. Примеры, т. е. фразеологический материал, также приводились в письменной и разговорной формах. Следует еще отметить, что в конце Словаря должен был находиться указатель имеющихся в Словаре русских слов[69]. Таким образом, Словарь А. В. Игумнова, как было отмечено В. Котвичем, «был задуман широко»[70] и в итоге работы «...увеличился до 4 огромных томов»[71].

При создании этого большого научного труда возникло много трудностей. Главная из них заключалась в том, что А. В. Игумнов расположил Словарь «по корням слов»[72]. Поэтому можно предположить, что Словарь был составлен таким же образом, как и труд О. М. Ковалевского «Опыт монгольского корнеслова»[73]. В ходе работы А. В. Игумнова довольно часто случалось, что слова, которые он считал относящимися к тем или иным корням, при просмотре им всей работы представлялись принадлежащими к другим корням. К тому же иногда возникала необходимость добавлять новые слова, обнаруженные во вновь привлеченном материале, или же заполнять обнаруженные лакуны. В таких случаях А. В. Игумнову приходилось

[67] Там же, стр. 123.
[68] Там же, стр. 122.
[69] Там же, стр. 120—121.
[70] W. Kotwicz, *Jósef Kowalewski orientalista (1801—1878)*, str. 53.
[71] *Извлечения из дневных записок*, стр. 122.
[72] Н. Щукин, стр. 92.
[73] Г. Н. Румянцев, *Неизвестная рукопись О. М. Ковалевского*, — «Записки Бурят-монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики», VII, Улан-Удэ, 1947, стр. 132—142.

«переделывать несколько листов... работа начиналась снова...»[74].

Из сказанного видно, что А. В. Игумнов не располагал словарный материал на карточках, вследствие чего техника составления словаря представляла для него большие трудности. Опыт показал А. В. Игумнову, что он должен совершенно изменить построение своего Словаря — расположить его материал в алфавитном порядке. Он приступил к этой работе, но к приезду О. М. Ковалевского успел закончить только первый том. Точных сведений о содержании и объеме этого тома не имеется.

Труд А. В. Игумнова при первом знакомстве с ним получил положительную оценку О. М. Ковалевского, который считал, что, «без сомнения, сей долголетний труд обратит на себя особенное внимание Казанского университета, имеющего в виду основание Восточного института...»[75]. Однако, когда О. М. Ковалевский составлял трехтомный монгольско-русский словарь, до настоящего времени остающийся непревзойденным, он дал совершенно иную оценку труду А. В. Игумнова. «Игумнов, — писал он, — приняв в своем словаре за основание известное зерцало монгольского слова (булеку битхэ), привел в алфавитный порядок найденные в нем слова и прибавил к ним несколько речений, частью почерпнутых из весьма немногих книг, а более составленных наудачу из разговорного языка»[76]. Не имея возможности непосредственно ознакомиться с трудом А. В. Игумнова, нельзя определенно говорить о его достоинствах и недостатках. На основании же последнего отзыва О. М. Ковалевского, а также из всего сказанного выше следует считать, что А. В. Игумнову не удалось в полной мере осуществить те большие задачи, которые он поставил перед собой и которые в их полном объеме остаются не осуществленными до настоящего времени.

Собирание рукописей и ксилографов и связанные с этим работы А. В. Игумнова

Множество разнообразных по содержанию письменных памятников, привлеченных А. В. Игумновым для работы над Словарем, свидетельствует о том, что А. В. Игумнов был большим знатоком в этой области. Это видно из «Реестра нужней-

[74] Н. Щукин, стр. 92.

[75] *Извлечения из дневных записок*, стр. 122.

[76] О. М. Ковалевский, *Монгольско-русско-французский словарь*, т. I, Казань, 1844, стр. IV.

шим монгольским книгам», составленного А. В. Игумновым по просьбе О. М. Ковалевского[77]. В нем приведены заглавия книг, выписываемых из Кяхты[78]. Среди них прежде всего следует указать на «Драгоценное сокращение о корне царей», что является русским переводом того времени монгольского заглавия «Хад-ун ундусун-у эрдэни-йин тобчи» — «Драгоценный Свод сведений о происхождении ханов», т. е. труда Саган-Сэцэна.

Далее в списке помещены заглавия источников, которыми пользовался этот автор. Их названо шесть — те, которые перечислены в рукописи, привезенной В. Новоселовым и имевшейся в копии у А. В. Игумнова. Кроме того, в списке названы буддийские сочинения, один памятник эпической литературы («Гэсэр-хан»), труды по медицине, словари и т. п.[79]. Большинство этих сочинений имелось в личном собрании А. В. Игумнова.

Собирание памятников монгольской письменности является одной из лучших сторон многообразной и плодотворной деятельности А. В. Игумнова.

А. В. Игумнов продолжал работу по сбору монгольских памятников, начатую во времена Петра I[80]. Монгольские памятники собирались для Академии наук русскими путешественниками XVIII в., из которых особенно следует отметить И. Иерига, одного из ближайших сотрудников Палласа, а также отдельными коллекционерами. Одним из первых коллекционеров был князь А. М. Черкасский, состоявший губернатором в Сибири с 1719 по 1724 г., у которого имелись даже «деревянные матрицы» (для печатания ксилографов)[81]. Следует назвать также томского губернатора П. Г. Фролова, который устроил в Барнауле собственный «Азиатский музеум», где, «между прочим, находится богатое собрание статуй бурханов, минералов, монгольских и тибетских книг...» Необходимо отметить, что книги для этого музея были получены при содействии

[77] Этот список был приложен к письму А. В. Игумнова от 30 августа 1828 г. директору Кяхтинской таможни П. Ф. Голяховскому с просьбой содействовать выписке этих книг из Урги или Пекина (*Извлечения из дневных записок*, стр. 126).

[78] Там же, стр. 126.

[79] Там же, стр. 126—128.

[80] Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, М.—Л., 1954, стр. 91—94.

[81] T. S. Bayer (Regiomontanus) *Elementa litteraturae brachmanicae, tanquticae, mongolicae*, — «Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae», t. III, Petropoli, [1732], p. 390.

А. В. Игумнова [82]. Собиранием монгольских рукописей занимались также сотрудники российской духовной миссии в Пекине. Например, В. Новоселов (студент миссии) привез один из списков труда Саган-Сэцэна, о чем свидетельствуют его собственноручные пометки «Из книг Новоселова» на II, III, IV тетрадях этого списка [83]. Следует также отметить, что два списка летописи «Алтан тобчи» были разысканы членами духовной миссии [84].

Из частных собраний монгольских рукописей и ксилографов коллекция А. В. Игумнова, по-видимому, была наиболее значительной. А. В. Игумнов собирал прежде всего те сочинения, которые были широко распространены в феодальной Монголии и потому являлись самыми доступными для приобретения — буддийские сочинения. Вместе с тем его внимание привлекали и другие памятники монгольской письменности — сочинения исторические, литературные, дидактические, медицинские, астрономические и т. п.

О том, как образовалось богатое собрание А. В. Игумнова, имеется очень немного сведений. Например, О. М. Ковалевский сообщает, что примерно в 1790 г. А. В. Игумнов приобрел у одного монгола «на китайской границе» рукопись сочинения «Чингис богдо хаган-у сургал» (т. е. «Поучение Чингис-хана») [85].

В тех случаях, когда А. В. Игумнову не удавалось приобрести подлинник рукописи или ксилографа, он старался получить копию. В 1791 г. «за весьма дорогую цену» он приобрел «потаенно списанные» четыре последние «части» (главы) «Монгольского уложения», т. е. «Китайского Уложения палаты внешних сношений». Это удалось А. В. Игумнову только благодаря влиянию, которым он пользовался у монголов, и доверию, которое монголы питали к нему. Список был прислан одним монгольским чиновником вместе с письмом к А. В. Игумнову. Автор письма обращает внимание А. В. Игумнова на то, что его поступок (продажа снятой им копии «Уложения»), если только станет известным, будет расценен как самое тяжкое преступление по китайским законам и обычаям, согласно которым «...буде кто украдет или выдаст постороннему человеку святого великого государя (богдохана) законы, то бывает виновен несколько крат более, нежели человекоубийца...» Автор указывает, что ответ-

---

[82] *Извлечения из дневных записок*, стр. 132—133.

[83] «Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения», шифр F 188.

[84] Там же, шифр F 25, G 26.

[85] *Извлечения из дневных записок*, стр. 137.

ственность за этот проступок понесет не только он, но и его потомки. Все же он считает, что «...никак невозможно было отказать Вашему желанию» [86].

А. В. Игумнов интересовался самыми различными сторонами монголоведения и потому не мог не обратить внимания на такой замечательный памятник монгольской феодальной историографии, каким является труд Саган-Сэцэна, список которого был привезен в то время В. С. Новоселовым из Пекина. Эту рукопись А. В. Игумнов «...со всевозможной точностью списал для себя, сохраняя даже самые непростительные и явные ошибки оной» [87].

Собирание монгольских рукописей и ксилографов в условиях того времени было связано с большими трудностями. Это видно, например, из письма А. В. Игумнова, посланного П. Л. Шиллингу: «...Здесь, как и по всей китайской границе, тангутские [тибетские] и особенно монгольские сочинения редки и потому очень дороги, так что разве по одному тесному знакомству и нужде по случаю можно их доставать, но чтобы кто объявлял их в продажу, того я не слыхивал. Китайцам же, торгующим на Кяхте, привозить [книги] туда и продавать нам запрещается» [88]. Собственноручные пометки А. В. Игумнова на нескольких сочинениях IV коллекции Собрания монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения указывают на то, что А. В. Игумнов составлял свое собрание разными путями. Например, на ксилографе под шифром С 79 имеется надпись: «Напечатан при мне деревянным стереотипом, вырезанным из ...[?]»; на ксилографе С 246: «Получена 1800 года. От Цонгольских капищей через брата Петра Васильевича Игумнова» [89].

При всех этих трудностях Александру Васильевичу удалось создать «богатое монгольское книгохранилище» [90]. Дальнейшая судьба этого собрания очень беспокоила А. В. Игумнова — он «страшился, что по смерти его огромная монгольская библиотека будет растащена...» [91]. Еще в 1829 г. А. В. Игумнов пред-

---

[86] «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», лл. 77а—77б; ср. *Извлечения из дневных записок*, стр. 145—146.

[87] *Извлечения из дневных записок*, стр. 138—139.

[88] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 17, л. 1б.

[89] См. также ксилографы под шифром С 57, С 59 и др.; Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, М.—Л., 1954, стр. 96.

[90] *Извлечения из дневных записок*, стр. 122.

[91] Н. Щукин, стр. 94.

особый реэстръ со щетомъ частей и листовъ ихъ,
дабы и незнакомыя вамъ книги не попада-
лись съ листомъ малыми или большими;
таковой реэстръ можетъ заключать около
семидесяти большихъ и малыхъ и, на кото-
рыхъ изъ нихъ съ Манчжурскимъ, а другимъ
и съ Тангутскимъ языкомъ, чемъ я и не на-
мерен замедлить и доставить, если не съ
будущею, то со следующею за оной почтою.
Ибо реэстръ сей подателю сего не самъ я
вручилъ, дабы не попалъ онъ въ постороннія
шарлатанскія руки.

И имѣю честь быть съ истиннымъ къ особѣ
вашей высокопочитаніемъ и совершенною пре-
данностію:

Вашего Превосходительства!

Милостиваго Государя!

2го Декабря,
1829 года.

Иркутскъ.

всепокорнѣйшимъ слугою
Александръ Игумновъ.

4-я страница письма А. В. Игумнова П. Л. Шиллингу (Иркутск, 2 декабря 1829 г.)

ложил П. Л. Шиллингу приобрести его собрание [92]. Предложение А. В. Игумнова было принято — все его собрание рукописей и ксилографов было приобретено П. Л. Шиллингом, за исключением нескольких сочинений, с которыми А. В. Игумнов «...никак не мог расстаться» [93].

После смерти П. Л. Шиллинга (1837 г.) это собрание (под названием «II коллекции П. Л. Шиллинга») было передано в Азиатский музей (1838 г.). Монгольские материалы этого собрания составили VI коллекцию Собрания монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения. Помимо буддийских сочинений, в ней имеются и литературные произведения, сочинения по медицине, сборники гаданий и т. п. Краткие сведения об этой коллекции имеются в литературе [94].

А. В. Игумнов занимался также и изучением собранных им материалов, в результате чего полностью или в извлечениях изложил содержание отдельных сочинений. Им были выполнены следующие работы:

1) «Описание двух монгольских книг, поднесенных тайшею Ломбоцэрэном Турутуевым». Эти книги — «Эльдэб улигэр-ун далай» и «Богдас-ун цаган линхуа» — были поднесены сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому [95];

2) «Краткое извлечение из монгольской книги «Чихула хэрэглэгчи тэгус утхату», т. е. важные потребности [к познанию о происхождении вселенной]» [96];

3) «Содержание книги «Мани-ин паин» (?), т. е. «Изъяснение Мани» [97];

4) «Содержание книжки на монгольском языке «Хамук номутун дурбэн унэн-у эркэкчи олоксан», т. е. «нашедший власть четырех истин всех желаний» [98].

К работам подобного же характера следует отнести:

5) «Перевод книжки на Тангутском [тибетском] и Монгольском языках Дара экэ-ин хорин никгэн мургул, т. е. Матери Дары двадцать одно поклонение» [99];

6) «Реестр монгольским книгам, поступившим 1819 г. с

---

[92] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 17, л. 2а.

[93] Н. Щукин, стр. 95.

[94] Л. С. Пучковский, *Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. IX, М.—Л., 1954, стр. 96.

[95] Ф. 1264, ед. хр. 11, лл. 2—3 обор.

[96] Там же, лл. 32—35.

[97] Там же, лл. 44—46 обор.

[98] Там же, лл. 51—63 обор.

[99] Там же, лл. 47—50 обор.

ноября по июль 1826 г. от забайкальских бурятов», к которому имеется примечание А. В. Игумнова [100].

Все перечисленные выше рукописи написаны рукой А. В. Игумнова.

Работы по этнографии, обычному праву, религии и истории монголов и бурят

Занимаясь монголоведением, А. В. Игумнов постоянно интересовался самыми различными сторонами жизни монгольского и бурят-монгольского народов. Поездка в Пекин (в 1781 г.) дала А. В. Игумнову возможность еще ближе познакомиться с монголами. На основании личных наблюдений и сведений, собранных на месте, А. В. Игумнов написал две статьи, помещенные под общим заголовком «Обозрение Монголии» [101]. В первой — «Отделение первое. О нынешнем состоянии Монголии», сообщаются сведения, относящиеся главным образом к Внутренней Монголии: об ее географии, административном делении, племенах, населяющих ее, управлении ими, их быте и т. п. Вторая статья — «Отделение второе. О вере и нравственности монголов», является кратким очерком распространения ламаизма у монголов. В этих статьях содержатся сведения общего характера о Монголии и монгольском народе того времени [102].

Самым различным сторонам жизни бурят А. В. Игумнов посвятил два своих сочинения. Одно из них, озаглавленное «О существовании бурятского народа», содержало, по словам О. М. Ковалевского, «...некоторые исторические и местные предания о происхождении бурят и присоединении их к России», в другом, заглавие которого не приводится, содержатся сведения «...о ламах с краткою выпискою из Монгольского уложения о шигэмонианском духовенстве», кроме того, «...сочинения сии по своей важности служат дополнением материалов о вере ламайской» [103]. Первое из названных сочинений до настоящего

[100] «Из сих 19 книг переведены и поданы Вашему Высокопревосходительству [М. М. Сперанскому], [а книги] под №№ 4, 5 и 19 хранятся у меня» (там же, лл. 66—67 обор.).

[101] «Сибирский вестник», 1819, ч. V, стр. 1—45.

[102] Следующие две статьи, озаглавленные: «Отделение третье. О гражданском образовании и законодательстве у монгольских народов» («Сибирский вестник», ч. VI, стр. 45—61) и «Отделение четвертое. О словесности у монголов и успехах разума» (там же, стр. 62—84), помещены без подписи. Эти статьи по характеру сообщаемых сведений и особенностям изложения напоминают первые две. Поэтому вполне вероятно, что в двух последних статьях издателем были использованы материалы А. В. Игумнова.

[103] «Материалы для биографии О. М. Ковалевского», л. 85б.

времени отыскать не удалось. Второе же было обнаружено в делах I Сибирского комитета, где оно озаглавлено «Записка о ламах забайкальских кумирен». К нему приложена «Краткая выписка из Уложения монгольских законов» [104].

Эта работа А. В. Игумнова посвящена очень острому и наболевшему в то время вопросу о росте числа лам в Забайкалье.

В начале работы А. В. Игумнов указал на полную неосведомленность сибирского начальства относительно сущности ламаизма, путей его проникновения и способов распространения среди местного населения. Поэтому А. В. Игумнов считал необходимым прежде всего сообщить некоторые сведения о возникновении буддизма в Индии, переходе его в Тибет и далее в Монголию [105].

Одной из главных тягот, возложенных ламством на бурятский народ, А. В. Игумнов считал постройку кумирен: «...Постройки сии производились нащет общества как поголовными поборами, так и принужденными прикладами [принудительными вкладами]», причем, по справедливому замечанию А. В. Игумнова, «...они всегда сопровождались безотчетностью лам» [106].

В качестве действенного средства борьбы с ростом числа лам и вытекающими из этого последствиями А. В. Игумнов считал необходимым применять к ламству соответствующие статьи «Монгольского уложения».

Прежде всего Игумнов предлагал вернуть в светское состояние так называемых «некомплектных» лам, которые проживали вне дацанов (монастырей) и вели в сущности светский образ жизни, но пользовались всеми преимуществами, предоставленными духовенству. Численность «некомплектных» лам уже к началу XIX в. в несколько раз превысила установленный в середине XVIII в. «комплект» из 150 лам и все время продолжала возрастать. Предлагая лишить «некомплектных» лам духовного звания и связанных с ним привилегий, А. В. Игумнов ссылался на статьи «Монгольского уложения», согласно которым ламы в определенных случаях (за преступления, несоблюдение духовных обетов и т. п.) лишались духовного звания. В качестве другой меры, направленной против увеличения численности лам, А. В. Игумнов считал нужным запретить самовольное, т. е. не разрешенное светскими властями, посвящение в духовное звание, как это было установлено «Монгольским уложением» [107].

[104] Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223, лл. 161—214 обор.
[105] Там же, лл. 161—166 обор.
[106] Там же, л. 174 обор.
[107] Там же, лл. 184—188.

А. В. Игумнов решительно возражал также против присвоения ламам множества высоких званий и титулов. И в этом случае А. В. Игумнов ссылался на статьи «Монгольского уложения», в которых устанавливались штаты лам различных степеней. Он также указывал на необходимость противодействовать ламской пропаганде буддизма.

В следующих отделах своей работы, озаглавленных «Праздность и бродяжничество лам», «Любостяжание лам», «Непотребство лам», А. В. Игумнов представил весьма неприглядную картину быта и нравов ламства. Для подтверждения изложенных предложений о мерах борьбы с ростом численности лам и т. п. А. В. Игумнов приложил к «Записке» перевод пяти глав из «Монгольского уложения» [108].

О больших знаниях А. В. Игумнова разных областей жизни бурят было известно Сибирскому комитету в то время, когда составлялся проект «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». Поэтому 12 мая 1831 г. управляющий делами Сибирского комитета А. П. Величко обратился к А. В. Игумнову с просьбой ответить на несколько вопросов, относящихся главным образом к обычному праву бурят [109].

24 июля того же года А. В. Игумнов представил обстоятельные ответы, где изложил нормы бурятского брачного права [110]. Их основные положения приведены ниже.

1) Прежде всего А. В. Игумнов отметил агнатность бурятского рода в следующих словах: «Родом у бурятов, монголов и тунгусов разумеется какое-либо одно племя, колено, фамилия в обширном смысле, происходящая от одного известного имени праотца, жившего за несколько веков» [111], причем «...родовичи щитают между собою кровное родство и поныне, что должно продолжаться потомственно по мужской линии и беспрерывно навсегда, без всякого изменения» [112].

2) В тесной связи с агнатностью рода находилась экзогамия бурятского рода, что также было отмечено А. В. Игумновым. «И потому, — продолжает он, — одного и того же названия племени колена щитаются между собою все как мужского, так и женского пола, кровною роднею до неопределенного времени и навсегда. Они не женятся на невестах и не выходят в замужество за человека одного и того же племени или поколения, хотя

[108] Там же, лл. 195—214 обор.
[109] Там же, л. 408.
[110] Там же, лл. 417—426 обор.
[111] Там же, л. 417 обор.
[112] Там же, лл. 418 обор.—419.

бы то случилось от первого праотца в сотом и далее колене...»[113].

3) Далее А. В. Игумнов сообщил об особом виде брака у бурят, названном позднейшими исследователями «обменным браком». «А напротив того как особого наименования племя не состоит в родстве с другими таковыми же, — писал он, — то они между собою и часто женятся два родные брата на двух родных сестрах, но только из другого племени; два свата берут за своих сыновей в замужество двух девок один от другого на обмен, что и называется у них **дружиться,** андалаху. Сему и тому подобные браки совершаются очень часто»[114].

4) Еще об одной норме бурятского брачного права — левирате А. В. Игумнов сообщает следующие сведения: «Малый брат умершего может жениться на его вдове и, даже, по редким случаям и пасынок на своей мачехе (как был женат умерший хоринский тайша Дэмбэл Галсанов), буде она еще молода. Но большей брат не может жениться на овдовевшей жене младшего...»[115].

5) А. В. Игумновым была отмечена также и полигамия у бурят: «Были и есть примеры, что один муж имеет по 2, по 3 и до 7 жен в одно и то же время, когда первая его жена или старшие жены бездетны, или же, имея дочерей, не имеют довольно сыновей. Таковое многоженство не только не производит порицания, но еще привлекает от богатых одобрение, а от недостаточных — зависть»[116].

---

[113] Там же, л. 419.

[114] Там же.

[115] Там же.

[116] Там же. — Брачные обычаи бурят, о которых писал в своих ответах А. В. Игумнов, были значительно позднее освещены в работах других исследователей. См. А. Щапов, *Бурятская улусная родовая община,*— Известия Сибирского отдела Русского географического общества, т. V, № 3—4, Иркутск, 1875, стр. 137, 139 (экзогамия); М. Кроль, *Брачное право инородцев Селенгинского округа,* — Протокол годового собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. русского географического общества, № 1, 31 января 1895 г., стр. 67; *Брачные обряды и обычаи забайкальских бурят,* — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, т. XXV, № 1, Иркутск, 1894, стр. 82 (экзогамия), стр. 87 (левират, полигамия); М. Н. Хангалов, *Юридические обычаи у бурят,* — Этнографическое обозрение, кн. XXV, № 2, М., 1894, стр. 141 (экзогамия), стр. 138 (левират, полигамия); Б. Э. Петри, *Территориальное родство у северных бурят,* Иркутск, 1924, стр. 5 (агнатность); *Брачные нормы у северных бурят,* Иркутск, 1924, стр. 5 (экзогамия), стр. 13 («обменный брак»), стр. 14—15 (левират), стр. 16—17 (полигамия); А. А. Хараев, *Очерки обычного права укырских бурят,* — «Бурятоведческий сборник», вып. VI, Иркутск, 1930, стр. 35—36 (экзогамия, «обменный брак», левират); Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов,* стр. 46—47 (агнатность, экзогамия, левират),

В этих ответах А. В. Игумнова имеются также сведения по наследственному праву у бурят: «Наследное от отца или овдовевшей матери по смерти их имение, буде при жизни не было раздела, принадлежит одним сыновьям их по равной части, если они не пожелают жить вместе при целом оставшемся отца их имении. Дочери девки, а паче замужние не входят ни в какую часть наследства при родных братьях и матерях. Ибо осиротевшая девка долженствует быть выдана в замужество на щет будущего ее жениха-мужа» [117].

Из сказанного видно, что А. В. Игумнов тщательно изучил и точно описал некоторые нормы бурятского обычного права, главным образом брачного, задолго до того, как этим вопросом стали заниматься специалисты-этнографы. В их работах получили подтверждение те наблюдения, которые были сделаны А. В. Игумновым впервые в истории русского монголоведения. В этой же работе А. В. Игумнов на основании тщательного изучения бурятских правовых обычаев установил два вида имущественных отношений при заключении брака.

1. Приведя подробное описание переговоров о заключении брака, А. В. Игумнов показывает, что при этом определяются имущественные интересы родственников обеих сторон — как жениха, так и невесты.

Отец невесты обязан при выдаче замуж дочери снабдить ее платьем, посудой, юртой и т. п.

Вместе с тем договариваются о количестве и видах скота, даваемого со стороны жениха. «И сей-то на **исправление** (экипировку) невесты [от жениха] получаемый скот прозван россиянами калымом...» [118]. При этом Игумнов сообщает интересные этнографические подробности обряда сватовства, «...который называется **укини гуйху, эрику** — испрашивать, просить девицу» [119]. Любопытно также описание обряда разжигания огня в юрте молодоженов, связанного с шаманским культом огня [120].

2. А. В. Игумнов также обращает наше внимание на то, что «...кроме сего законного по их [мнению] брака... существует между монголами, а от них и у бурятов обыкновение продавать своих малолетних дочерей девок тем из своих инородцев,

---

стр. 48, 173 (полигамия); «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», СПб., 1841 (далее — «Свод степных законов») («обменный брак», полигамия); сб. «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 239 (экзогамия, полигамия).

[117] Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223, ч. III, л. 420.

[118] Там же, лл. 423—423 обор.

[119] Там же, лл. 424—425 обор.

[120] Там же.

как воспитывая их употребляют между тем в домашние свои работы, а потом выдают в замужество уже за сговорный скот, или женят на них своих сыновей. Сие право отца существует и поныне как в самом Китае, так и в Монголии» [121]. «Но сию действительную продажу девок, — подчеркивает А. В. Игумнов,— не должно смешивать с законным по их [мнению] браком, изъясненным выше по сговорному скоту. Ибо и у наших бурятов сии два вида приобретения девок и жен между собою совершенно различаются. Но русские, смешивая оба сии приобретения в одинакие сделки, как сговорный скот, так и употребленный на действительную покупку дочери [у] отца, разумеют и называют общим словом **калым,** совершенно неправильно, хотя оно в русском переводе Монгольского уложения и употреблено вместо сговорного скота, как то означено в печатном же монгольском подлиннике» [122].

В 1832 г. А. В. Игумновым по просьбе Сибирского комитета были составлены «Замечания на Проект степного уложения» [123].

В этой работе А. В. Игумнов проявил себя как большой знаток самых различных сторон жизни бурятского народа. «Замечания» А. В. Игумнова расположены в его работе в порядке разделов и статей «Проекта» и в такой же последовательности изложены ниже. В «Замечаниях», относящихся к брачному праву бурят, А. В. Игумнов придерживается высказанного им ранее мнения о том, что представлял собой «калым», и заявляет еще более решительно: «...нужно, кажется, взять в соображение, что так называемый калым не есть цена за девку, но вещь на снаряжение ее употребляемая» [124].

Переходя к вопросу о других видах имущества, связанных с заключением брака у бурят, А. В. Игумнов указывает, что «богачи дают нередко еще так называемое инчжи» — приданое, притом «...превосходящее цену сговорного скота», «...совершенно отличное от сего сговорного скота имение, так как и свадебные подарки...» [125].

Большой интерес представляет сообщение А. В. Игумнова о том, что, «кроме свадебных подарков, у бурятов и нерчинских тунгусов так называемые собственно подарки (бэлэк) бывают трех родов, а именно: 1-го рода скотом или рухлядью, 2) кур-

[121] Там же, лл. 425 обор.—426.

[122] «Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения», ксилограф, шифр 228А.

[123] Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223, ч. III, лл. 358—407 (пагинация А. В. Игумнова, лл. 1—49); имеется копия «Замечаний», — там же, лл. 437—576 обор.

[124] Там же, л. 363.

[125] Там же, лл. 262 обор.—363.

гусу или по большей мере кургусуин бэлэк, 3) хозяином в доме его делаемые приезжему гостю подарки» [126].

Весьма интересно также «Замечание», относящееся к левирату: «Бывают случаи, что по бедности сына, лишившегося отца своего, женивались на мачехах, но сие обыкновение между южнобайкальскими инородцами уже прекращается как предосудительное, а остается еще у северобайкальских, как то у верхоленских и других им подобных совершенно полудиких племен» [127].

К вопросам брачного права бурят относятся также «Замечания» А. В. Игумнова «Об усыновлении», «О принятии на воспитание», «Об опеке». В разделе «Об имуществе инородцев» А. В. Игумнов указал на зависимость количества кочевок бурят в течение года от имущественного положения разных его слоев: «Кочевые инородцы имеют постоянные два стойбища, летнее и зимнее, или летник и зимник, а наизбыточнейшие из них еще вешник и осенник» [128].

Большого внимания заслуживают «Замечания» А. В. Игумнова к главе «О землях в частном владении находящихся», где А. В. Игумнов остановился на наболевшем в то время вопросе о получении арендной платы за землю вперед за несколько лет: «...часто отдают в наем и на 10 лет, взяв деньги наперед и оные истратив тогда же, а в достальные годы жалеют о долготе срока и опять между тем занимают вперед...»; вместе с тем приходилось «...брать в долг, то по нужде весною в съестных припасах, зимою перед тем потребленных, то на снаряды по звероловству, и потому берут в долг охотно с прибавлением от 30 до 40 процентов на настоящую наличную продажу» [129]. Крайне тяжелое положение попавших в кабалу и рост задолженности народных масс отмечались А. В. Игумновым как всеобщее зло у бурят. Видя бедственное положение народа, А. В. Игумнов считал, что оно «...может умериться разве с изданием сего Степного уложения, если только будет поддерживать его начальство и особенно земское» [130].

Таким образом, А. В. Игумнов, как и многие другие представители прогрессивной русской интеллигенции того времени, считал, что улучшение положения народных масс возможно путем улучшения законодательства.

Большое внимание в «Замечаниях» уделено также вопросу о ламстве (в отделе V — «О взысканиях и наказаниях»). В осо-

[126] Там же, лл. 374 обор.—375.
[127] Там же, лл. 359 обор.—360.
[128] Там же, л. 365.
[129] Там же, л. 366.
[130] Там же.

бенности А. В. Игумнов возражал против превышения власти со стороны хамбо-ламы, главы буддийского духовенства в Забайкалье, и считал, что пора «положить конец беспримерному злоупотреблению» [131], призывая к «соблюдению хоть некоторой благопристойности» [132].

Как видно из сказанного, А. В. Игумнов рассматривал бурятское ламство как единое целое. Он не видел того, что ламство не является однородным по своему составу, подобно средневековому западноевропейскому духовенству, распадавшемуся, по определению Ф. Энгельса, «на два совершенно противоположных класса» — аристократию и плебейство [133].

Хотя меры, предложенные А. В. Игумновым, имели только ограничительный характер, следует признать, что его «Замечания» по ламскому вопросу явились значительным шагом вперед, особенно если сравнить их с «Проектом положения о ламах», составленным в 1832 г. П. Л. Шиллингом.

Следует также отметить, что меры по борьбе с ламством, которые иногда все же предпринимались местной администрацией, имели в виду содействие православному миссионерству. А. В. Игумнов же выступал против ламства в интересах народных масс. Именно их интересы А. В. Игумнов стремился защитить, предлагая разного рода меры борьбы, с тем «...что понаровка и послабление представить могут в пользу бурятского и тунгусского ламства против политики гражданственности и нравственности инородцев, окруженных и застращенных многочисленностью и доступностью к начальству могущественнейших из лам их...» [134].

В «Замечаниях» А. В. Игумнова к ч. VI «Проекта» («О судоустройстве и судопроизводстве») указывается на необходимость более точно, чем это сделано в «Проекте», определить слова «родственник» (бур. «турул») и «свойственник» (бур. «уруг»); кроме того, сообщаются подробные сведения о различных видах присяги шаманистов (на так называемом «Шаманском камне», «при заряженном ружье или простой пушке», «при обнаженной сабле» и т. п.). При этом указывается, что формы шаманской присяги имеются в делах Троицкосавского пограничного управления, а также прежних воеводских канцелярий [135].

---

[131] Там же, л. 386.
[132] Там же, лл. 385 обор.—386.
[133] Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, М.—Л., 1930, стр. 120—121.
[134] Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223, л. 387.
[135] Там же, лл. 402—403 обор.

Большие знания монгольского, бурятского быта и языка А. В. Игумнов проявил в подробных объяснениях слов «сурхарбаху», «бумхан», «обо», «зурган», «хурал» и других [136], а также в описании двух видов облавной охоты [137].

Некоторые из приведенных выше объяснений и замечаний А. В. Игумнова в сокращенном виде были помещены в новом Проекте Свода степных законов, представленном в Сибирский комитет в декабре 1836 г. и напечатанном в 1837 г. [138].

В основном те же объяснения А. В. Игумнова, подвергшиеся некоторой переработке, приведены в книге «Пояснительные примечания к Своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» [139].

А. В. Игумнов проявил большой интерес к буддизму. Следует отметить, что монголоведы того времени уделяли вообще много внимания этому вопросу.

Об одной из работ А. В. Игумнова в этой области сообщает нам краткие сведения О. М. Ковалевский, который по инструкции попечителя Казанского учебного округа должен был озна-

---

[136] Там же, лл. 390 обор. — 392.

[137] Там же, лл. 292 обор.—393.

[138] Год издания в самой книге нигде не указан. Точные сведения об этом имеются: а) в заголовке — «Экземпляр Свода степных законов, составленных в 1836 г. и напечатанных в 1837 г.» — на переплете ед. хр. № 2126 по оп. 1, ф. 1264; б) в книге «Пояснительные примечания к Своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», ст. 1, «Обозрение исторических сведений о Своде степных законов»; на стр. 53, отмечено, что Свод (Проект) был напечатан в 1837 г. Экземпляр этого издания, являющегося библиографической редкостью, имеется в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Объяснения, замечания, пояснения и т. п. А. В. Игумнова даны к следующим параграфам Проекта: 1) § 9 (стр. 4); 2) § 14 (стр. 5); 3) § 115 (стр. 21); 4) § 171 (стр. 32); 5) § 187, примеч. 1, 2, 3, 4 (стр. 36—37); 6) § 250 (стр. 47); 7) § 272 (стр. 53); 8) § 387 (стр. 65); 9) § 350 (стр. 68); 10) § 408 (стр. 47).

Кроме того, объяснения, данные А. В. Игумновым, имеются в Приложениях к тому же проекту.

11) Приложение II. Объяснение к § 8 (стр. 104); 12) Там же, раздел II, объяснение 4 (к § 171), пп. 1, 2, 3 и 6, стр. 106—107; 13) там же, стр. 110; там же, стр. 111; 14) там же, объяснение 5 (к § 198), стр. 114; 15) там же, объяснение 6 (к § 208), стр. 114; 16) Приложение V. «Выписка из донесения бывшего иркутского губернского переводчика монголо-бурятского языка ст. сов. Игумнова по вопросу, на какой язык или наречие кочевых инородцев может быть переведен Свод степных законов». Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 223.

[139] В самой книге «Пояснительные примечания...» год ее издания не указан; однако можно полагать, что она была издана в том же году, когда и самый «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» (1841).

комиться не только с монгольским языком, но и с основами буддизма [140]. К сожалению, эта работа А. В. Игумнова до нас не дошла.

Кроме нее, О. М. Ковалевский называет еще две работы, относящиеся к той же области, — «Ответы на 37 вопросов, данных от бывшего Сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского забайкальских бурят и тунгусов главному ламе Банди [да] Хамбе» и «Ответы на 6 вопросов о Шаратском законе» [141].

Ответы на вопросы М. М. Сперанского были обнаружены среди материалов, относящихся к А. В. Игумнову. Они озаглавлены «Ответы главного хамбы Данзан-Гавана Эшиджамцуева» на вопросы о догматах и обрядах ламаизма, сделанные 9 марта 1820 г. [142]. Вероятно, что перевод «Ответов на 6 вопросов о Шаратском законе», которого в архивных материалах не нашлось, также принадлежит А. В. Игумнову.

По мнению О. М. Ковалевского, эти работы А. В. Игумнова были очень важны и служили дополнением к ученым трудам Палласа и Бергмана [143]. О. М. Ковалевский даже переписал их для себя.

Если служебные обязанности А. В. Игумнова в отдельных случаях способствовали его более близкому общению с бурятским народом, то большей частью они неблагоприятно сказывались на его монголоведных занятиях.

Неправильные объяснения А. В. Игумновым происхождения монгольского алфавита, данные им в статье «О происхождении письмен монгольских» [144], скорее всего объясняются и трудными условиями работы и его пристрастным отношением к монгольской культуре. В этой статье он старался доказать, что «...монгольские азбучные письмена все заняты из трех азбук, эллинской, латинской и славянской». Уже его современники отнеслись критически к этой работе. П. А. Словцов выразил большие сомнения в правильности «замысловатого мнения г. Игумнова» [145]. Гр. Спасский считал, что «производство его

[140] *Извлечения из дневных записок*, стр. 135.

[141] Согласно объяснению О. М. Ковалевского «...Шаратским [от «шара, письм. шира» — «желтый»] называется Шигемонианский или Далай-Ламский закон» (*Извлечения из дневных записок*, стр. 135—136, 152).

[142] Ф. 1264, оп. 1, ед. хр. 11, лл. 12—13 обор. Перевод этих ответов, выполненный А. В. Игумновым, датирован 26 апреля того же года.

[143] *Извлечения из дневных записок*, стр. 136; ср. W. Kotwicz, *Jósef Kowalewski orientalista (1801—1878)*, стр. 56.

[144] «Казанские известия», 1816, № 21, стр. 116—117. — Статья была помещена П. А. Словцовым без подписи автора и в сокращенном виде (П. А. Словцов, «Московский телеграф», 1828, ч. XXII, стр. 9).

[145] П. А. Словцов, *Письма из Сибири*, — «Московский телеграф», 1828, ч. XXII, стр. 8.

не слишком исправно»[146]. Ошибочность этого мнения А. В. Игумнова была отмечена также О. М. Ковалевским[147] и Н. Щукиным[148]. Однако эти неправильные мнения А. В. Игумнова не могут умалить того, что им было сделано для монголоведения в течение его долгой, насыщенной трудом жизни.

Из сказанного можно видеть, что некоторые работы А. В. Игумнова до нас не дошли и известны только по упоминаниям о них. Местные условия, неблагоприятные для монголоведных занятий А. В. Игумнова, не способствовали также сохранению его научного наследия и самой памяти об А. В. Игумнове как монголоведе. Но своим современникам А. В. Игумнов и его обширные знания в различных областях монголоведения были хорошо известны и высоко ими оценены.

Еще в 1814 г. П. А. Словцов, совершавший обследование Иркутской губернии, был изумлен, «найдя в Верхнеудинске человека, преданного монгольской литературе и наукам... но одетого в сукно туземной фабрики и гонимого общим мнением»[149]. К тому же времени относится запись П. А. Словцова о том, что он собирается «взять еще несколько монголоисторических уроков у г. Игумнова как единственного знатока, какого только Сибирь имеет по части маньчжурских и монгольских познаний...»[150]. В дальнейшем П. А. Словцов неоднократно обращался к А. В. Игумнову с различными вопросами из области монголоведения[151].

Е. Тимковский в своем известном описании путешествия в Китай привел различные сведения из работы «О нынешнем состоянии Монголии» А. В. Игумнова[152].

В предисловии издателей к статье «Извлечение дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске по 15 число ноября 1828 года», также отмечаются заслуги А. В. Игумнова. Мнение О. М. Ковалевского о его учителе уже было приведено выше. Как отличный знаток монгольского языка А. В. Игумнов упомянут в трудах Н. И. Веселовского[153] и

---

[146] Г. Спасский, *О словесности у монголов и успехах разума*, — «Сибирский вестник», 1819, VI, стр. 66.

[147] *Извлечения из дневных записок*, стр. 140—141.

[148] Н. Щукин, стр. 93.

[149] Там же, стр. 91.

[150] «Московский телеграф», 1829, № 5, март, стр. 6.

[151] П. А. Словцов, *Тень Чингис-хана*,— «Вестник Европы», 1822, № 17, стр. 47; *Вопросы иркутские*, — там же, № 18, стр. 148.

[152] Е. Тимковский, *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*, СПб., 1824, ч. I—III.

[153] Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, стр. 90, 94.

В. В. Бартольда [154], а также С. К. Булича [155]. Следует также привести мнение об А. В. Игумнове выдающегося польского востоковеда В. Л. Котвича, который считал, что план занятий Ковалевского «все же выкристаллизовался под наблюдением Игумнова, и с тех пор [Ковалевский] постоянно держал в поле зрения три главные темы — грамматику, собирание текстов и историю северного буддизма, которые поглотили первые годы его деятельности на новом поприще» [156]. В. Котвич также писал: «Ему [О. М. Ковалевскому] посчастливилось, что в скромном сибирском переводчике он нашел не только прекрасного знатока монгольских племен, но и идейного человека, который вырос далеко за рамки своей практической профессии» [157].

Высокая оценка, данная В. Котвичем А. В. Игумнову, приобретает еще большее значение в связи с вновь обнаруженными работами А. В. Игумнова, относящимися к обычному праву, быту, религии и другим сторонам жизни бурят.

К сожалению, неизвестна дальнейшая судьба нескольких его работ — в особенности монгольско-русского словаря и грамматики, работ по буддизму и др. Весьма вероятно, что о некоторых его работах не сохранилось никаких сведений.

Остается невыясненным замечание Н. Щукина относительно того, что «...ученые труды ориенталиста попали в хорошие руки» [158]. До настоящего времени в отношении трудов А. В. Игумнова еще не осуществилась та надежда, которую Н. Щукин выразил в следующих словах: «...публика скоро увидит их если не в целом, то по крайней мере в отрывках» [159]. Поэтому необходимо продолжать поиски научного наследия А. В. Игумнова, которое, по всей вероятности, было значительным, в архивах, прежде всего Ленинграда, Иркутска и Улан-Удэ. Следует также продолжать изучение вновь обнаруженных архивных материалов и литературных данных для того, чтобы еще более полно и ясно представить жизнь и деятельность А. В. Игумнова, а также в полной мере оценить сделанный им вклад в русское монголоведение.

---

[154] В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925, стр. 268.

[155] С. К. Булич, *Очерк истории языкознания в России*, т. I, СПб., 1904, стр. 403.

[156] W. Kotwicz, *Jósef Kowalewski orientalista (1801—1878)*, str. 56.

[157] Ibid., str. 56.

[158] Н. Щукин, стр. 94.

[159] Там же, стр. 96.

О. Э. ЛИВОТОВА

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ И ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР (1917—1958)

От составителя

Значительная часть нашей специальной научной литературы по востоковедению была написана сотрудниками Азиатского музея Академии наук, реорганизованного в 1930 г. в Институт востоковедения Академии наук СССР. Азиатский музей был основан в 1818 г., где на протяжении более ста лет работали крупнейшие востоковеды, создатели блестящей школы востоковедов в России и в Советском Союзе. В их числе нельзя не назвать имена Х. Д. Френа, Б. А. Дорна, К. Г. Залемана, О. Э. Лемма, В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга. Б. Я. Владимирцова, В. М. Алексеева, И. Ю. Крачковского. Основоположниками нашего отечественного востоковедения и их учениками опубликованы многочисленные работы: монографии, статьи, словари, переводы классических произведений литературы народов Востока.

В дореволюционные годы труды сотрудников Азиатского музея печатались преимущественно в общеакадемических изданиях. Статьи по востоковедению, помещавшиеся в одном из основных академических изданий — «Bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Pétersburg» (позднее — «Известия Академии наук»), вторично выпускались в виде сборников «Mélanges asiatiques».

После реорганизации Азиатского музея в Институт востоковедения АН СССР в соответствии с новыми задачами, выдвинутыми перед советской наукой, Институт востоковедения ввел в круг изучаемых проблем исследования в области социально-экономической истории. Институтом востоковедения,

а частично и другими академическими учреждениями выпускались многочисленные серийные и периодические издания, сборники, монографии, словари, переводы, посвященные вопросам и материалам по востоковедению. Все они свидетельствуют о большой работе Академии наук СССР и ее научно-исследовательских учреждений.

В настоящий библиографический указатель вошли сведения о работах, опубликованных Азиатским музеем — Институтом востоковедения с 1917 по 1958 г. включительно.

С 1917 по 1930 г. в системе Академии наук были организованы Коллегия востоковедов, Институт буддийской культуры (ИНБУК) и Туркологический кабинет (ТУРК), работавшие в тесной связи с Азиатским музеем. Одновременно с реорганизацией в 1930 г. Азиатского музея эти учреждения были слиты с Институтом востоковедения. Издания, выпущенные ими, вошли в библиографический указатель. Поэтому в нем приведено, например, описание томов известной серии «Bibliotheca Buddhica», изданных после 1917 г.

Издания Тихоокеанского института, слитого с Институтом востоковедения в 1950 г., также введены в библиографический указатель.

Материал, включенный в библиографический указатель литературы 1917—1958 гг., расположен в хронологическом порядке по годам выхода первых томов, выпусков или номеров серийных и периодических изданий. Поэтому в соответствии с печатавшимися изданиями библиография делится на XV разделов, перечисленных ниже в содержании указателя.

Во всех разделах библиографии содержание томов, выпусков, номеров сборников со статьями различных авторов раскрыто: указываются фамилии авторов, заглавия работ и первая страница каждой статьи. Таким образом, библиография в целом содержит сведения о серийных, периодических изданиях и сборниках, о помещенных в них статьях и об отдельных книгах.

Составление библиографического указателя было начато в 1940 г. сотрудником библиотеки Института востоковедения Академии наук СССР Е. И. Кузнецовой, скончавшейся в 1942 г. В дальнейшем библиографию дорабатывала, дополняла и подготовила к печати О. Э. Ливотова, причем частично она использовала материалы за 1956—1958 гг., подобранные С. Д. Милибанд. В работе по составлению библиографического указателя принял участие также К. И. Шафрановский, которым выполнена библиографическая редакция.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Издания Института буддийской культуры «Bibliotheca Buddhica» (1917—1936)

Nyāyabindu, буддийский учебник логики, сочинение Дармакирти и толкование на него. Nyāyabindutīkā, сочинение Дармоттары. Санскритский текст издал с введением и примечаниями Ф. И. Щербатской, I, 1918 [2], II, 54 с. (t. VII).
Suvarnaprabhāsa (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, VII—VIII, СПб., 1917, стр. 577—723 (t. XVII).

Тибетский перевод Abhidharmakoçakārikāh и Abhidharmakoçabhāṣyam, сочинений Vasubandhu. Издал Ф. И. Щербатской, I, 1917, V, 96 с. II, 1930, 97—192 с. (t. XX).

Sphutārthā Abhidharmakoçavyākhyā. The work of Yaçomitra.

First Koçasthāna. Ed. by Prof. S. Lévī and Prof. Th. Stcherbatsky, 1918, VII, 96, [1], IV c.; Second Koçasthāna. Ed. by Prof. U. Wogihara and Prof. Th. Stcherbatsky and carried through the press by E. E. Obermiller, 1931, [2], 76 c. (t. XXI).

Бадзар Барадийн, Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране, 1924, [2], 011, 98 c. (t. XXII).

Abhisamayālankāra — Prajnāparāmitā — Upadeša — Šastra. The work of Bodhisattva Maitreya. Ed., expl. and transl. by Th. Stcherbatsky and E. Obermiller. Fasc. I. Introduction, Sanskrit text and Tibetan translation, 1929, [4], XII, 92, [1] c. (t. XXIII).

Indices verborum Sanskrit—Tibetan and Tibetan — Sanskrit to the Nyāyabindu of Dharmakīrti and the Nyāyabinduṭikā of Dharmottara. Compiled by E. Obermiller with a preface by Th. Stcherbatsky from the edition of the Sanskrit and Tibetan texts by Th. Stcherbatsky. I. Sanskrit —Tibetan index, 1927, [2], IV, 123 c. (t. XXIV).

Indices verborum Sanskrit —Tibetan and Tibetan—Sanskrit to the Nyāyabindu of Dharmakīrti and the Nyāyabinduṭika of Dharmottara. Compiled by E. Obermiller with a preface by Th. Stcherbatsky from the edition of the Sanskrit and Tibetan texts by Th. Stcherbatsky. II. Tibetan—Sanskrit index, 1928, [4], 145 c. (t. XXV).

Stcherbatsky Th., Buddhist logic. In two volumes. Vol. II. Containing a translation of the short treatise of logic by Dharmakīrti and of its commentary by Dharmottara, with notes, appendices and indices, 1930, VI, 468, [1] c. (t. XXVI)

Suvarṇaprabhāsa (Das Goldglanz—Sūtra). Aus dem uigurischen ins deutsche übersetzt von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov herausgegeben, I—III, 1930, [2]; II, 256 c. (t. XXVII).

Bodhicaryāvatāra Çāntideva. Монгольский перевод Chos-Kyi Ḥod—Zer'a. I. Текст. Издал Б. Я. Владимирцов, 1929, [4], VI, 184, [1] c. (t. XXVIII).

Prajnā pāramitā — ratna — guṇa — saṃcaya — gāthā. Sanskrit and Tibetan text ed. by E. Obermiller, 1937, 5, 125 c. (t. XXIX).

Madhyānta — vibhanga. Discourse on descrimination between middle and extremes ascribed to Bodhisattva Maitreya and commented by Vasubandhu and Sthiramati. Transl. from the Sanskrit by Th. Stcherbatsky, 1936, VIII, 106, 058 c. (t. XXX).

II. Азиатский сборник из «Известий Российской Академии наук». Новая серия.

[I], 1918. Петроград

Содержание: От редактора, II. *Список статей по востоковедению, напечатанных в «Известиях Академии» за время 1895—1917 гг.*, III; С. Ф. Ольденбург, Огюст Барт. 22. III. 1834—1916 15. IV н. с. Некролог, 61; А. А. Фрейман, Существует ли «среднеазиатский» термин в сасанидском судебнике?, 311; Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, X, 317; И. Ю. Крачковский, Новая рукопись стихотворений Зу-р-Руммы, 369; А. А. Ромаскевич, Персидские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук с Кавказского фронта, 391; В. А. Иванов, Краткая опись материалов для изучения персидских наречий и говоров, собранных в 1912—1914 гг. в Персии, 411; В. В. Бартольд, К вопросу о полумесяце, как символе ислама, 475; С. Ф. Ольденбург, Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818—1918, 531; В. В. Бартольд, Исторические и географические труды В. П. Васильева, 549; А. И. Иванов, В. П. Васильев как синолог, 561; S. d'Oldenburg, Le moine et l'oiseau à la pierre précieuse, 567; А. Н. Самойлович, Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь, 571; А. А. Фрейман, Заметки по пехлевийской лексикографии, 761; В. В. Бартольд, К истории религиозных движений X века, 785; А. И. Иванов, Памятники тангутского письма, 799; В. В. Бартольд, Николай Иванович Веселовский. Некролог, 809; Fr. Rosenberg, Deix fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg 1914—1915). I. Fragment d'un conte [с. 1 табл.], 817; А. А. Фрейман, Авестское mərəzu, 881; А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, 1109; С. Ф. Ольденбург, Василий Васильевич Радлов. 5. I. 1837—1918 29. IV/12. V. Некролог, 1233; А. А. Фрейман, Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея Российской Академии наук В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г., 1279; И. Ю. Крачковский, Опись бумаг барона В. Р. Розена, поступивших в Азиатский музей Российской Академии наук, 1323; Записка академика Н. Я. Марра о деятельности Кавказского Историко-археологического института, 1472; Н. Я. Марр, К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков, 1474; В. В. Бартольд, Александр Александрович Семенов. Curriculum vitae, 1491; Н. Я. Марр, О Кавказском университете в Тифлисе,

1496; Б. Я. Владимирцов, Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от проф. А. Д. Руднева, 1549; П. А. Фалев, Османские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук с Кавказского фронта, 1619; «Записка об ученых трудах профессора Бориса Александровича Тураева», 1703; «Записка об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского», 1713; О. О. Розенберг, Опыт кодификации идеографического элемента японского языка, 1740; С. Ф. Ольденбург, Записка о трудах Василия Михайловича Алексеева, младшего ученого хранителя Азиатского музея. 1913—1918, 1748; П. К. Коковцов, Оскар Эдуардович фон-Лемм. Некролог, 1755; С. Ф. Ольденбург, Гендрик Керн. 6 апреля 1833 — 4 июля 1917. Некролог, 1761; В. В. Бартольд и С. Ф. Ольденбург, Эдуард Шаванн. Некролог, 1767; А. А. Фрейман, Пехлевийские папирусы и другие вещественные памятники иранской культуры в Музее изящных искусств в Москве, 1925; В. И. Иохельсон, Опись фольклорных и лингвистических материалов В. И. Иохельсона, хранящихся в Азиатском музее Российской Академии наук, 1979; С. Ф. Ольденбург, Валентин Алексеевич Жуковский. 1858—1918. Попытка характеристики деятельности ученого, 2039; Н. Я. Марр, Osseticа-Japhetica, 2069; А. А. Семенов, Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым, 2171; Е. Д. Поливанов, Одна из японо-малайских параллелей, 2283; Н. Я. Марр, Дополнение к статье: Ф aqond—i осетинских сказок и яфетический термин faskund «маг», «вестник», «вещая птица», 2307.

[II], 1919

Содержание: В. И. Иохельсон, Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова. I. Изменение имен существительных. II. Изменение глагола, 133; Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении. XI, 395; Б. А. Тураев, Коптские рукописи Азиатского музея Российской Академии наук, 427; И. Ю. Крачковский, Му'тазилитский трактат VIII века о литературном творчестве, 441; А. А. Ромаскевич, Persica. Опись материалов по фольклору и диалектологии, собранных в Персии в 1912—1914 гг., 451; Ф. А. Розенберг, Список мусульманских рукописей, поступивших в Азиатский музей за первое полугодие 1919 года, 485; В. Т. Богораз, О так называемом языке духов (шаманском) у различных

ветвей эскимосского племени, 489; В. Л. Котвич, Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII вв. I, 791; Ф. И. Щербатской, Теория буддистов о душе. I, 823; А. А. Семенов, Восточные рукописи в библиотеке покойного В. В. Вельяминова-Зернова, 855; В. А. Богородицкий, Характеристика звукового состава в казанском говоре поволжско-татарского языка в соотношении с звуковою системою общерусского языка, 873; В. В. Бартольд, О некоторых восточных рукописях, 923; Список монгольских рукописей, приобретенных от Б. Я. Владимирцова, 934; Ф. И. Щербатской, Теория буддистов о душе. II, 937; В. Л. Котвич, Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. II, III, 1071.

III. Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук

I. 1925. 556 с.

Содержание. Статьи и заметки: И. Ю. Крачковский, Неизвестное сочинение-автограф сирийского эмира Усамы, 1; Е. Э. Бертельс, Толкование Абд-ур-Рахмана Джами на приписываемые ему четверостишия, 19; В. А. Эберман, Медицинская школа в Джундишапуре, 47; Н. Я. Марр, Материалы по хемишинскому наречию армянского языка, 73; Ф. А. Розенберг, О согдийцах, 81; И. И. Зарубин, Дополнения к статье Н. И. Веселовского «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение», 91; В. В. Бартольд, Туркестанская государственная библиотека и местная мусульманская печать, 97; В. В. Бартольд, Коран и море, 106; Н. Я. Марр, Из грузино-персидских литературных связей, 111; П. А. Фалев, Староосманский перевод «крымской» поэмы, 139; А. Н. Самойлович, И. Н. Березин, как турколог, 161; С. Ф. Ольденбург, И. Н. Березин, как путешественник и исследователь иранских наречий, 173; И. Ю. Крачковский, Мелочи для характеристики И. Н. Березина, 177; Б. Я. Владимирцов, И. Н. Березин — монголист, 192; В. В. Струве, Папирус 1116 b recto и пророческая литература Египта, 209; Н. Я. Марр, К грузинским надписям из Месхии, 228; В. Л. Котвич, К изданию Юань-чао-би-ши, 233; И. И. Мещанинов, Змея и собака на вещевых памятниках Кавказа, 241; С. А. Жебелев, Афина и Афины, 257; В. Р. Розен, Речь перед защитой докторской диссертации, 281; В. Р. Розен, Образчик

арабской ученой пародии, 291; Б. Я. Владимирцов, Mongolica, 1, 305; В. Л. Котвич, Поправки к разбору монгольских писем персидских ильханов, 342; А. Н. Генко, Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии, 345; А. А. Ромаскевич, Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей Библиотеки Петроградского университета, 353; А. А. Фрейман, К этимологии персидской частицы به bi, 372; М. Н. Соколов, Один гадательный документ начала прошлого столетия, 375; Р. Р. Фасмер, Хронология наместников Армении при первых Аббасидах, 381; И. И. Мещанинов, Каменные статуи рыб вишапы на Кавказе и в Северной Монголии, 401; А. В. Шмидт, Туйский всадник [с табл.], 410; В. В. Струве, Наблюдения над большим папирусом Harris, 435; И. Ю. Крачковский, Памяти О. Л. Ронзеваля, 455; *Критика и библиография*, 461.

II, 2, 1927, 406 с.

Содержание. Статьи и заметки: В. А. Крачковская, Мусульманское искусство в собрании Ханенко [с табл.], 1; В. В. Бартольд, И. Н. Березин, как историк, 51; Д. К. Петров, Одна из испано-арабских проблем, 73; Н. К. Дмитриев, К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш», 91; Н. К. Дмитриев, Проблемы и достижения боснийской туркологии, 97; Р. Р. Фасмер, О двух золотоордынских монетах, 109; В. А. Эберман, Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов, 113; С. Е. Малов, Замо́к из Билярска с арабской надписью, 155; И. Ю. Крачковский, Д. К. Петров — арабист, 163; В. А. Гордлевский, Памяти Алексея Н. Веселовского, 171; И. Ю. Крачковский, Памяти И. П. Кузьмина, 175; В. В. Струве, Упоминание иудеев в ранней эллинистической литературе, 227; В. А. Гордлевский, Из жизни цехов в Турции, 235; Я. С. Виленчик, Древнеарабские контекстные формы в народном языке сирийского диалекта, 249; А. Н. Самойлович, Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV, 257; И. И. Зарубин, Вершикское наречие канджутского языка, 275; Н. Е. Мещерский, К переводу «Беседы разочарованного с своим духом», 365; *Критика и библиография*, 381.

III, 1928, 586 с.

Содержание. Статьи и заметки: И. Б. Франк-Каменецкий, Религиозный синкретизм в Египте в Фиванский период, 1; И. Ю. Крачковский, В. Ф. Гиргас, 63; Н. В. Пигу-

левская, Жизнь Сахдоны, 91; В. В. Струве, Манефон и его время, гл. I, 109; С. Е. Малов, Ибн-Муханна о турецком языке, 221; А. П. Баранников, Синонимические повторы в новоиндийских языках, 249; И. Ю. Крачковский, Дополнение к библиографии работ барона В. Р. Розена и материалов о нем, 267; Ю. К. Щуцкий, Основные проблемы к истории текста Ле-цзы, 279; С. Е. Малов и Ф. А. Фиельструп, К изучению турецких абаканских наречий, 289; А. А. Ромаскевич, Персидские народные четверостишия, III, 305; Д. А. Ольдерогге, Управитель бурга, 384; И. Г. Бендер, К вопросу о делении источников Книги Бытия, 395; Н. К. Дмитриев, Материалы по османской диалектологии. Фонетика «карамалицкого» языка, 417; Г. Д. Санжеев, Песнопения аларских бурят, 459; *Критика и библиография*, 553.

IV, 1930, 298 с.

Содержание. Статьи и заметки: И. Ю. Крачковский, Полвека испанской арабистики, 1; М. Э. Матье, Формула m rn-k, 33; И. М. Лурье, К вопросу о судебных оракулах в Древнем Египте [с 1 рис.], 51; Н. К. Дмитриев, Варваризмы в башкирской речи, 73; Н. К. Дмитриев, Материалы по османской диалектологии. Фонетика карамалицкого языка [§ 9—22, с 1 табл.], 107; В. В. Струве, Манефон и его время, гл. II [с 1 табл.], 159; *Критика и библиография*, 265.

V, 1930, 836 с.

Содержание: Предисловие Непременного Секретаря. Посвящение И. Ю. Крачковскому; В. В. Бартольд, Ученые мусульманского «ренессанса», 1; В. И. Беляев, Анонимная историческая рукопись коллекции В. А. Иванова в Азиатском музее, 15; Е. Э. Бертельс, Арабские стихи Фузули, 39; Б. Я. Владимирцов, Арабские слова в монгольском, 73; А. Я. Борисов, Арабский оригинал латинской версии так называемой «Теологии Аристотеля», 83; Я. С. Виленчик, Арабские гортанные [с 3 фиг.], 99; В. А. Крачковская, Магрибинская медная табличка Музея палеографии [с 1 табл.], 109; Н. К. Дмитриев, Арабские элементы в башкирском языке, 119; Ф. А. Розенберг, Неизданное сасанидское блюдо с пехлевийским граффито [с 2 табл. и 3 фиг.], 137; С. Ф. и Е. Г. Ольденбург, Гандарские скульптурные па-

мятники Государственного Эрмитажа [с 5 табл.], 145; Д. В. Семенов, Опыт сравнения одной арабской народной сказки с общеизвестной русской, 187; А. А. Быков, Печать фатимидского халифа Ҙāхира [с 4 фиг.], 201; Ю. Н. Марр, Современные средства передвижения в изображении персидских поэтов, 221; М. А. Шангин, Латинская парафраза из утраченного сочинения Малаллаха «Семь ключей», 235; К. Е. Кашталева, «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник, 243; В. А. Гордлевский, К вопросу о влиянии турецкого языка на арабский, 271; К. В. Оде-Васильева, Отражение быта современной арабской женщины в новелле, 293; И. И. Умняков, «Адбулла-намэ» Хафизи-Таныша и его исследователи, 307; В. И. Филоненко, Крымские цыгане, 329; М. М. Гирс, К вопросу об арабских знаменах, 343; И. Н. Винников, Дождь, вода и растительность на могиле доисламских арабов, 367; Н. В. Юшманов, Данные Fresnel'я о южноарабском наречии эҳкили, 379; Р. Л. Эрлих, Иблис-музыкант, 393; М. А. Салье, Неизвестный вариант «Сказки о рыбаке и духе» из «1001 ночи», 405; В. А. Эберман, Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда, 429; Р. Р. Фасмер, К нумизматике халифов, 451; И. О. Гинцбург, Арабский и еврейский варианты средневекового философского сочинения Дауда ибн Мервана аль-Мокаммиса (IX—X), 481; С. Е. Малов, Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи, 507; А. Ю. Якубовский, Городище Миздахкан [с 18 фиг.], 551; А. А. Некрасов, Надписи на надгробиях мавзолея Мазлум-Сулу в Миздахкане, 583; А. А. Семенов, Шугнанско-исмаилитская редакция «Книги Света» روشنائی نامه به Насир-и-Хосрова, 589; Н. Я. Марр, К вопросу о происхождении арабских числительных, 611; А. А. Фрейман, Название Черного моря в домусульманской Персии, 647; И. И. Зарубин, К изучению белуджского языка и фольклора, 653; А. Н. Генко, Из культурного прошлого ингушей, 681; А. Э. Шмидт, Четыре арабских рукописи из собрания И. Ю. Крачковского, 763; А. А. Ромаскевич, Персидский „тафсӣр" Табарӣ, 801; В. И. Беляев, Список научных работ И. Ю. Крачковского, 1904—1929, 807.

IV. Иран
[Основан и редактирован акад. В. В. Бартольдом]

I, 1927, [6], II, 260 с.

Содержание. Статьи и заметки: В. В. Бартольд, От редакции, I; Е. Э. Бертельс, Поэзия Муллы Мухсин-и

Файз-и Кāшāни, 1; В. В. Бартольд, К вопросу о языках согдийском и тохарском, 29; В. В. Бартольд, К вопросу о происхождении Дербенд-намэ, 42; А. А. Семенов, Взгляд на Коран в восточном исмаилизме, 59; В. А. Крачковская, Изразцовый люстровый михраб Эрмитажа, 73; Р. А. Галунов, З̄урхāна — атлетическая арена Персии, 87; И. И. Зарубин, К характеристике мунджанского языка, 111; А. А. Фрейман, Христиан Бартоломе [некролог], 201; *Критика и библиография*, 215.

II, 1928, [6], 205 с.

Содержание. Статьи и заметки: А. А. Семенов, Исмаилитская ода, посвященная воплощениям ʻАлия-бога, 1; Р. А. Галунов, Пахлавāн Качаль — персидский театр Петрушки, 25; Ю. Н. Марр, Кое-что о Пэhлэван кэчэле и других видах народного театра в Персии, 75; А. А. Семенов, Лицевые рукописи Бухарской центральной библиотеки, 89; Р. А. Галунов, О двух суффиксах в персидской живой речи, 93; И. И. Зарубин, Очерк разговорного языка самаркандских евреев, 95; *Критика и библиография*, 181.

III, 1929, [6], 246 с.

Содержание. Статьи и заметки: Р. А. Галунов, Хэймэ шаб бāзӣ — персидский театр марионеток [с 2 табл.], 1; А. А. Семенов, Исмаилитский панегирик обожествленному ʻАлию Федаи Хорасанского, 51; Б. В. Миллер, О диалекте г. Шустера, 71; Р. А. Галунов, Маʼрикэ Гӣрӣ [с 1 рис.], 94; О. А. Сухарева, Мать и ребенок у таджиков, 107; Е. Э. Бертельс, Нӯр алʼулӯм. Жизнеописание шейха Абӯ-л-Хасана Хараканӣ, 155; *Критика и библиография*, 225.

V. Записки Института востоковедения Академии наук СССР

I, 1932, 321 с.

Содержание: Б. Я. Владимирцов, Монгольские литературные языки (к латинизации монгольской и калмыцкой письменности), 1; Комиссия по латинизации китайской письменности. К вопросу о латинизации китайской письменности, 35; И. Ю. Крачковский, О подготовке свода арабских источников для Истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии, 55; Е. [М.] Жуков, К характеристике японского

социал-фашизма, 63; А. Н. Самойлович, Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV—XVII веках, 123; С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга [с 6 табл.], 129; Н. Я. Марр, Нужно ли знать факты? (Мысли по осмыслению вежливых способов обращений в современной Персии), 201; Б. А. Васильев, Устная литература дунган, 243; Б. В. Миллер, О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа, 269; Р. А. Галунов, Материал для словаря эстелāhāт'ов в Персии. (Отражение классовых и профессиональных группировок в языке), 291.

II, 1, 1933, 36 с.

Содержание: И. Ю. Крачковский, Неизданное письмо Шамиля (с факсимиле), 1; И. Ю. Крачковский, Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле, 9; А. Н. Генко, Арабская карта Чечни эпохи Шамиля (с 1 карт.), 21.

II, 2, 1933, с. 37—106

Содержание: Проф. Фитрат, Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, 69; Е. Э. Бертельс, Состояние работ по изучению истории таджикской литературы, 89.

II, 3, 1933, с. 107—160

Содержание: Н. А. Невский, О наименовании Тангутского государства [с 1 табл.], 129; В. А. Казакевич, Материалы к истории китайских военных экспедиций в Монголию [с 2 табл. и 3 фиг.], 151.

II, 4, 1934, с. 161—228

Содержание: Н. П. Пальмов, Астраханские архивы, 1; «Индейцы» (индусы) в Астрахани, по данным XVII и XVIII вв., кончая 1743 г., 161; В. А. Гордлевский, Из истории водопользования в Конии, 183; Б. А. Васильев, Левый фронт в китайской литературе, 203.

III, 1935, 214 с.

Содержание. Исследовательские статьи: В. М. Алексеев, Принципы переводов Сочинений В. И. Ленина на китайский язык, 5; Б. А. Васильев, Октябрь и дунганская литература,

39; А. Д. Новичев, Промышленная политика современной Турции, 53; Л. И. Думан, Феодальный институт Яньци в Восточном Туркестане в XVIII в., 87; Е. Э. Бертельс, Тарзи Афшар и его творчество, 101; Я. С. Виленчик, Проблема орфографии на современном Арабском Востоке, 125; *Материалы и обзоры:* И. Ю. Крачковский, Новоарабская литература, 159; Е. Э. Бертельс, К вопросу о латинизации персидской письменности, 183; *Библиография:* В. А. Крачковская, Новые материалы для мусульманской эпиграфики и палеологии, 191; *Хроника,* 211.

IV, 1935, 81 с.

Содержание: От редакции, 5; А. Н. Самойлович, Академик С. Ф. Ольденбург как директор Института востоковедения Академии наук СССР, 7; И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения, 13; Ф. И. Щербатской, Академик С. Ф. Ольденбург как индианист, 23; В. М. Алексеев, Сергей Федорович Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов, 31; А. И. Востриков, С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета, 59.

V, 1936, 212 с.

Содержание. Исследовательские статьи: В. В. Бартольд, Новый источник по истории Тимуридов, 5; Н. А. Невский, От «Московии» к СССР, 43; А. Д. Новичев, Аграрный вопрос в Турции накануне кемалистской революции, 55; Г. В. Церетели, Письмо Шамиля из Калуги [с 1 табл.], 97; А. П. Ковалевский, Политика в народном образовании в современном Египте, 137; П. И. Осипов, К китайскому документу, найденному в Таджикистане, 183; *Библиография,* 206; *Хроника,* 210.

VI, 1937, 175 с.

Содержание. Исследовательские статьи: В. В. Бартольд, О колесном и верховом движении в Средней Азии, 5; С. И. Климчицкий, Название Согдианы в топонимике Таджикистана, 9; С. И. Климчицкий, Ягнобско-согдийские соответствия, 15; П. П. Иванов, «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана хивинского (1856—1865), 27; А. К. Боровков, О некоторых очередных вопросах орфографии узбекского лите-

ратурного языка, 61; А. П. Баранников, О некоторых явлениях ротацизма в языке хинди, 105; А. и Е. Драгуновы, Дунганский язык, 117; Я. С. Виленчик, Система гласных в народноарабском языке горожан Сирии и Палестины, 133; *Материалы и обзоры*: И. И. Гинцбург, Рукописная еврейская версия Mīzān al-'amal аль-Гāзāли, 141; *Хроника*, 169.

VII, 1939, 319 с.

Содержание. История: П. П. Иванов, Архив хивинских ханов, 5; Л. И. Думан, Биянху — вождь дунганского восстания 1862—1877 гг., 27; Н. В. Пигулевская, Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов, 55; С. Л. Волин, Новый источник для изучения хорезмийского языка, 79; П. П. Иванов, Казахи и Кокандское ханство, 92; С. Т. Еремян, Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к Хазарскому хакану Алп-Млитверу, 129; В. М. Бескровный, Отклики индийской прессы на политику фашистских агрессоров. Ч. I. Итало-абиссинская война и Индия, 156; *Литература:* И. Ю. Крачковский, Формула отрицательного сравнения в древнеарабской поэзии, 176; *Лингвистика:* А. П. Баранников, Проблема прозаического хинди, 203; Г. В. Церетели, Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии, 254; А. А. Драгунов, Особенности фонологической системы древнетибетского языка, 284; А. А. Фрейман, Согдийская надпись из Старого Мерва, 296; А. Н. Бернштам, Руническая надпись в уйгурской рукописи, 303; А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, 306.

VI. Библиография Востока

Вып. 1, 1932, 143 с.

Содержание. Обзоры литературы, 5; *Тематическая библиография:* П. Е. Скачков, Ленин о зарубежном Востоке, 21; *Рукописные собрания и архивы:* И. Ю. Крачковский, Арабские рукописи в Тюбингене, 51; М. Изаксон, Национальные фонды центрального архива УзбССР в Ташкенте, 55; *Рецензии*, 73; *Аннотации на книги*, 109; *Журнальная библиография*, 111; *Общая библиография*, 132.

Вып. 2—4, (1933), 1934, 201 с.

Содержание: [От редакции], 1; И. И. Яковкин, С. Ф. Ольденбург и научная библиотека, VII; *Обзоры литера-*

туры: С. Ф. Ольденбург, О некоторых новых индийских работах по истории и экономике Индии, 1; И. Ю. Крачковский, Новые материалы из Йемена, 8; А. И. Востриков, К библиографии тибетской литературы, 19; А. Д. Новичев, К вопросу о феодализме в Турецком Курдистане, 54; *Тематическая библиография:* А. К. Арендс, Материалы к библиографии персидской нефти, 65; *Рукописные собрания и архивы:* П. Е. Скачков, Иакинф Бичурин (1777—1853). *Архивные материалы к библиографии,* 79; *Рецензии,* 91; *Аннотации на книги,* 177; *Журнальная библиография,* 185.

Вып. 5—6, (1934), 1934, 143 с.

Содержание. Обзоры литературы: В. М. Алексеев, О новых синонимических словарях китайской письменности, 5; Е. Э. Бертельс, Афганская пресса, 9; *Тематическая библиография:* К. К. Флуг, Материалы к библиографии китайских источников о Тайпинском движении, 51; *Рукописные собрания и архивы:* С. А. Козин, Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР, 56; *Рецензии,* 67; *Журнальная библиография,* 105; *Общая библиография,* 130; *Прибавление* (к отделу «Рецензии»), 137.

Вып. 7, (1934), 1935, 163 с.

Содержание. Обзоры литературы: А. [А.] Петров, Философия Китая в русском буржуазном китаеведении, 5; К. К. Флуг, Материалы по истории Китая. Период Инь-Шан, 29; *Тематическая библиография:* Л. И. Думан, Русская и иностранная литература о дунганском восстании 1861—1878 гг. в Китае, 55; К. К. Флуг, Литература о Тайпинском движении на английском, французском и немецком языках, 79; *Рукописные собрания и архивы:* К. К. Флуг, Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР, 87; А. Ковалевский, Описание восточных рукописей Центральной библиотеки Харьковского гос. университета, 93; *Рецензии,* 116; *Аннотации на книги:* Литература по арабским странам. Я. В[иленчик], 148; *Общая библиография,* 151; *Приложение,* 161.

Вып. 8—9, (1935), 1936, 194 с.

Содержание. Обзоры литературы: И. Ю. Крачковский, Первое издание арабских стихотворений в России, 5; Л. И. Думан, Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX в., 15; *Тематическая библио-*

графия: В. А. Казакевич, Библиография трудов П. К. Козлова, 41; Е. А. Обермиллер, Пути изучения тибетской медицинской литературы, 48; Л. Ф. Векслер, Абуль Касим Фирдоуси, 61; *Рукописные собрания и архивы:* А. Я. Борисов, Мутазилитские рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, 69; К. К. Флуг, Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР, 96; *Рецензии,* 116; *Аннотации на книги:* Литература по арабским странам. Я. Виленчик, 149, *Приложение:* А. Г. Биснек и К. И. Шафрановский, Библиография библиографии Средней Азии, 152.

Вып. 10, (1936), 1937, 226 с.

Содержание. Обзоры литературы: И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр и памятники арабской литературы, 7; Д. В. Семенов, Взгляды французских ученых на современное положение арабского языка и его будущее, 17; *Тематическая библиография:* Юрий Бунаков, Аньянские памятники и американское китаеведение, 53; С. В. Корнеев, Персидская поэзия. Материалы к библиографии русских переводов, 101; *Рукописные собрания и архивы:* Ю. Н. Марр, Список и описание некоторых новых поступлений в Азиатский музей — Персидские собрания, 113; И. И. Гинцбург, Краткий обзор еврейского фонда Рукописного отдела Института востоковедения Академии наук СССР, 125; К. К. Флуг, Две заметки о новых поступлениях в Рукописный отдел Института востоковедения, I. Иллюстрированные новеллы Пу Сун-лина. Ляо чжай ту шо. II. Юн лэ да дянь (Цз. 13135—13136), 131; А. А. Петров, Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве АТ ССР и в библиотеке Казанского университета, 139; *Рецензии,* 159; *Аннотации на книги,* 193; *Приложение:* А. Тверитинова, Каталог книг по истории, находящихся в библиотеках Ленинграда, 201.

VII. Труды Института востоковедения Академии наук СССР

I. Проблемы литературы Востока. I, 1932, 126 с.

Содержание: Н. И. Конрад, Первый этап японской буржуазной литературы, 5; Б. А. Васильев, Иностранное влияние в китайской литературе эпохи империализма, 85; Е. Э. Бертельс, Персидский исторический роман XX века, 111.

II. В. И. Беляев, Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского музея — Института востоковедения Академии наук СССР, 1932, XVII, 52 с.

III. Абӯ-л-Ала̄' ал-Ма'аррӣ, Рисалат ал-Мала̄'ыка. Издание текста, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского, 1932, VIII, 85, 27 с.

IV. Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным, 1932, VIII, 220 с.

VI. А. Д. Новичев, Экономика Турции в период мировой войны, 1935, 143 с.

VII. Материалы по истории каракалпаков. Сборник, 1935, 299 с. *Содержание:* От редакции, 5; П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков, 9; А. Н. Самойлович, Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях, 91; П. П. Иванов, История царствования Сейид-Мухаммед-хана (1856—1865 гг.). Гульшейн-и-Девлет. Соч. Мухаммед-Риза Матаба Агехи (рукопись ИРАН, № В, 1891) (перевод отрывков), 135; Печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке. Собрали Н. Н. Пальмов и А. И. Пономарев, 145; *Приложения:* I. Библиографические материалы на русском языке о каракалпаках, сост. А. И. Пономарев, 257; II. *Указатели:* Указатель личных имен, 279; Указатель географических имен, 299; Указатель племенных названий, 296.

VIII. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования, 1935, 75 с. (Материалы для истории бурят-монголов, I).

IX. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроника Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова, 1935, IX, 172 с. Вып. 2. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева, 1935, XII, 126 с. (Материалы для истории бурят-монголов, II).

X. Е. Э. Бертельс, Персидская поэзия в Бухаре. X век, 1935, 57 с.

XI. Н. А. Невский, Материалы по говорам языка цоу, 1935, 134, [2] с.

XII. Летописи селенгинских бурят. Вып. I. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова, 1868 г., 1936, 55 с. (Материалы для истории бурят-монголов, III).

XIII. А. А. Петров, Ван Би. Из истории китайской философии, 1936, 139 с., 18 табл.

XV. Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, 1936, 260 с.

XVI. Ц. Ж. Жамцарано. Монгольские летописи XVII века, 1936, 121 с.

XVII. Доклады группы востоковедов на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г., 1936, 198 с.

Содержание: Н. И. Конрад, Надельная система в Японии, 5; Н. А. Невский, Тангутская письменность и ее фонды. 57; А. П. Баранников, Легенды о Кришне. «Bhāgavata Purāna» и «Prem Sāgar» Лалу джи Лала, 81; А. Ю. Якубовский, Восстание Тараби в 1238 г., 101; А. А. Фрейман, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, 137.

XVIII. Б. А. Тураев, Абиссинские хроники XIV—XVI вв. Пер. с эфиопского под ред. И. Ю. Крачковского, 1936, 188 с.

XIX. Библиография печатных работ академика Игнатия Юлиановича Крачковского. (К 30-летию научной деятельности). Составители: Я. С. Виленчик и В. И. Беляев, 1936, 62 с., 1 порт.

XX. Л. И. Думан, Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в., 1936, 255 с.

XXII. Г. Д. Санжеев, Монгольская повесть о хане Харангуй, 1937, 170 с.

XXIII. Х. И. Кильберг, Восстание Араби-паши в Египте. (Антибританское национально-освободительное движение в Египте в 1879—1882 гг.), 1937, 187 с., 1 карта.

XXIV. Труды первой сессии арабистов, 14—17 июня 1935 г., 1937, 134 с.

Содержание: И. Ю. Крачковский, Предисловие, 5; Программа сессии, 6; Резолюция сессии, 7; И. Ю. Крачковский, История арабской литературы и ее задачи в СССР, 13; А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VIII—IX вв., 25; В. Б. Луцкий, Национальная революция 1925—1927 гг. в Сирии, 63; Г. В. Церетели, Вновь найденные письма Шамиля, 95; А. Я. Борисов, Об открытых в Ленинграде мутазилитских рукописях и их значении для истории мусульманской мысли, 113; В. А. Крачковская, Задачи арабской эпиграфики в СССР, 127.

XXV. Легенды о Кришне. Т. I. Лалу джи лал «Прем Сагар». Пер. с хинди. Вступ. статья и прим. А. П. Баранникова (Указатель имен сост. В. И. Кальяновым), 1937, 471 с.

XXVII. А. А. Драгунов, Исследования в области дунганской грамматики, 1. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу), 1940, 86 с.

XXVIII. П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве, 1821—1825 гг. Источники и опыт их исследования, 1937, 131 с.

XXIX. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, 1939, 612 с. (Институт востоковедения Академии наук СССР и Туркменский гос. научно-иссл. институт истории). (Источники по истории народов СССР).

Содержание: От редакции, 3; *Введение.* Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв. В. И. Беляев, 12; Персидские источники по истории туркмен и Туркмении X—XV вв. А. А. Ромаскевич, 40. Ч. 1. Территория Туркмении под арабским владычеством в VII—VIII вв. Пер. С. Л. Волин, В. И. Беляев, Е. А. Разумовская, 62. Ч. 2. Территория Туркмении в IX и X вв. Старейшие арабские и персидские известия о гузах-туркменах. Пер. С. Л. Волин, И. Ю. Крачковский, А. А. Ромаскевич, 144. Ч. 3. Туркмения и туркмены в XI—XII вв. Образование сельджукской державы. Хорезмшахи. Пер. С. Л. Волин, А. А. Ромаскевич, И. Н. Леманов, С. М. Богданова-Березовская, 223. Ч. 4. Туркмения и туркмены в XIII—XV вв. Нашествие и владычество монголов. Тимуриды. Пер. С. Л. Волин, А. А. Ромаскевич, И. Н. Березин, Г. В. Птицын, О. И. Смирнова, 469. Указатель собственных имен. Сост. О. И. Шацкой, 542; Указатель географических названий. Сост. Ю. Р. Люблинским, 569; Указатель племенных названий. Сост. С. М. Богдановой-Березовской, 591; Указатель терминов и непереведенных слов. Сост. С. М. Богдановой-Березовской, 594; Список литературы, использованной для примечаний. Сост. Л. В. Строевой, 602.

XXIX.[а] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II. XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. акад. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича, П. П. Иванова, 1938, 700 с. (Институт истории при ЦИК Туркменской ССР. Институт востоковедения Академии наук СССР). (Источники по истории народов СССР).

Содержание: От редакции, 3; *Введение:* А. А. Ромаскевич, Иранские источники по истории туркмен VI—XIX вв., 7; П. П. Иванов, Хивинские хроники XIX в. Муниса-Агехи как источник по истории туркмен, 23; П. П. Иванов, А. К. Боровков, Несколько общих замечаний об источниках по истории туркмен в XVI—XIX вв., 28; Ч. 1. Материалы по истории туркмен XVI и XVII вв. Иранские источники по истории туркмен XVI—XVII вв. Пер.

А. А. Ромаскевич, А. К. Арендс, 39. Ч. 2. Материалы по истории туркмен XVIII в. Пер. Г. А. Мирзоев, А. А. Ромаскевич, П. П. Иванов, 117. Ч. 3. Материалы по истории туркмен XIX в. Иранские источники по истории туркмен XIX в. Пер. Н. Дьяконова, К. Н. Фрейтаг, А. А. Ромаскевич, 205. Ч. 4. Материалы по истории туркмен XVI—XVIII вв. Хивинские источники по истории туркмен XVI—XVIII вв. Пер. и примеч. П. П. Иванова, 323. Ч. 5. Материалы по истории туркмен XIX в. Хивинские источники по истории туркмен XIX в. Пер. П. П. Иванов, А. К. Боровков, З. Аксаков, 355. Указатель собственных имен. Сост. С. М. Богдановой-Березовской, 639; Указатель географических названий, 663; Указатель племенных названий. Сост. С. М. Богдановой-Березовской, 677; Указатель терминов и непереведенных слов. Сост. О. И. Шацкой, 681; Список литературы, использованной для примечаний. Сост. Л. В. Строевой, 687.

XXX. М. С. Иванов. Бабидские восстания в Иране (1848—1852), 1939, 175 с.

XXXI. Н. В. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник, 1940, 176 с.

XXXII. Б. Т. Руденко, Грамматика грузинского языка, 1940, 276 с.

XXXIII. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова, 1940, 107 с. (Институт востоковедения Академии наук СССР и Государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории БМ АССР). (Материалы для истории Бурят-Монголии, IV).

XXXIV. С. А. Козин, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием «Mongol-un niruča tobčiyan». Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии, 1941, 620 с.

XXXV. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. Пер. с арабск. А. М. Барабанова. Предисл. акад. И. Ю. Крачковского, 1941, 336 с.

XXXVI. Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г. Под ред. и с предисл. акад. И. Ю. Крачковского, 1941, 173, [2] с.

Содержание: И. Ю. Крачковский, Предисловие, 3; И. Ю. Крачковский, Арабистика в СССР за 20 лет, 5; А. Э. Шмидт, Рукописи произведений Авиценны в Гос.

Публичной библиотеке УзбССР, 31; И. И. Гинцбург, Арабская медицина и произведения Авиценны «Канон» и «Урджуза» по еврейским рукописям Института востоковедения Академии наук СССР, 34; Н. В. Пигулевская, Арабы VI в. по сирийским источникам, 49; В. И. Беляев, Собрания арабских папирусов в Москве и Ленинграде, 71; А. Н. Генко, Арабский язык и кавказоведение, 81; С. Л. Волин, К истории среднеазиатских арабов, 111; А. П. Рифтин, К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках, 127; Г. В. Церетели, К характеристике языка среднеазиатских арабов, 133; Н. В. Юшманов, Загадка «двух падежных имен» арабского классического языка, 149; *Приложения*, 161.

XXXVII. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. Арабский текст подготовл. А. М. Барабановым, под ред. акад. И. Ю. Крачковского, 1946, 21, 311 с.

XXXVIII. А. С. Тверитинова, Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции, 1946, 85, [3] с., 1 л. карт.

XXXIX. В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, 1941, [1], 198, [2], с., 4 л. илл.

XLI. Н. В. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, 1941, 170, [2] с.

XLII. А. К. Арендс, Краткий синтаксис современного персидского литературного языка, 1941, 190, [3], с., 1 схема.

XLIII. Д. В. Семенов, Синтаксис современного арабского литературного языка, 1941, 182 [1] с.

XLV. А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточнотюркский каганат и кыргызы, 1946, 208 с., 2 карты.

XLVI. Н. В. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, 1946, 289 [2] с.

XLVII. Я. Б. Радуль-Затуловский, Конфуцианство и его распространение в Японии, 1947, 450 [2] с., с илл., 4 л. табл.

VIII. Советское востоковедение

I, 1940, 267 с.

Содержание: А. П. Баранников, Очередные задачи советского востоковедения, 5; В. В. Бартольд, Арабские известия о русах, 15; А. Н. Бернштам, Из истории гуннов I в. до н. э. Ху-хань-е и Чжи-чжи шаньюй, 51; К. К. Флуг, Из истории книгопечатания в Китае (X—XIII вв.) [с 5 табл.],

78; Е. Э. Бертельс, Низами и его учение (К 800-летнему юбилею), 95; А. К. Боровков, Алишер Навои (К 500-летию со дня рождения), 107; И. Мегрелидзе, Шота Руставели и грузинский фольклор, 112; А. [А.] Петров, Ян-Чжу — больнодумец древнего Китая, 174; Н. В. Пигулевская, Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана [с 3 табл.], 212. *Рецензии, аннотации и хроника*, 235.

II, 1941, 322 с.

Содержание. Статьи и исследования: Е. В. Бунаков, К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в., 5; Н. В. Пигулевская, Авары и славяне в сирийской историографии, 27; Ю. А. Солодухо, Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока, 37; Я. Б. Радуль-Затуловский, Материалистическая философия Ито Дзинсай (1627—1705), 53; И. Ю. Крачковский, Mutanabbiana. (К 1000-летию со дня смерти поэта), 137; Д. В. Семенов, Роман Ибрахима ал-Мазини «Ибрāхӣм ал-Кāтӣб», 149; А. П. Баранников, О некоторых положениях в области индологии, 169; В. М. Бескровный, Движение за государственный язык в Индии, 187; Я. С. Виленчик, О работе по словарю народноарабских диалектов Переднего Востока, 228; Л. С. Пучковский, Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей, 255; К. К. Флуг, О каталогах и индексах к китайским библиотекам-сериям /цун-шу/, 283; *Рецензии, библиография и хроника*, 289.

III, 1945, 302, [2] с.

Содержание: От редакции, 3; И. Ю. Крачковский, Отзвуки революции 1905 г. в арабской художественной литературе, 5; Х. М. Цовикян, Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции, 15; И. Ю. Крачковский, А. Н. Генко, Арабские книги Шамиля в Северо-Осетии, 36; П. П. Иванов, Новые данные о каракалпаках, 59; В. А. Гордлевский, Эксплуатация недр земли в Турции, 109; В. М. Алексеев, Утопический монизм и «китайские церемонии» в трактатах Су-сюня (XI в. н. э.), 146; С. Г. Арешян, Горький и литературы Востока, 177; А. М. Барабанов, Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа, 183; Б. Т. Руденко, О творительном падеже личных местоимений 1-го и 2-го лица в грузинском языке, 215; А. А. Холодович,

IV. Сборник в честь акад. Игнатия Юлиановича Крачковского к 40-летию его научной деятельности, 1947, 184 с.

V, 1948, 338, [2] с.

вековой Бухаре, 137; Д. И. Тихонов, Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане, 155; В. А. Крачковская, Новые работы по истории культуры древнего Ирана, 173; *Филология:* А. А. Фрейман, Артикль в хорезмийском языке, 191; Е. Э. Бертельс, Литература на персидском языке в Средней Азии, 199; А. К. Боровков, Очерки по истории узбекского языка, I, 229; А. Л. Троицкая, Abdoltili — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии, 251; А. Н. Болдырев, Бадахшанский фольклор, 275; О. И. Смирнова, Сложные глаголы с istodan и mondan в таджикском языке и их исторические корни, 297; А. З. Розенфельд, Вспомогательная функция глагола dastan в современном персидском языке, 305. *Некрологи, рецензии, материалы,* 313.

VI, 1949, 442, [2] с.

Содержание. Язык и литература: А. П. Баранников, Индийцы о русской литературе, 7; А. К. Боровков, Очерки истории узбекского языка. II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» (XIV—XV вв.), 24; П. В. Ернштедт, К детерминации в коптском языке, 52; А. А. Фрейман, Хорезмийские глоссы в сочинении Кынйат ал-мунйа («Приобретение желанного...») хорезмийского законоведа XIII в. Наджм-ад-Дин Абу-р-Раджа Мухтар ибн-Махмуд-аз-Захиди ал-Газмини, 63; Е. М. Колпакчи, Из истории японского сложного предложения, 89; А. Н. Кононов, Этимология слова däril «не есть», «не», 97; А. А. Драгунов, Категории зависимой и независимой предметности в современном китайском разговорном языке (суффиксы — /э/р и-цзы), 102; И. Н. Винников, Материалы по языку и фольклору бухарских арабов, 120. *История:* В. В. Струве, Новые данные об организации труда и социальной структуре общества Сумера эпохи III династии Ура, 149; И. Ю. Крачковский, Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в., 185; Н. В. Пигулевская, Общественные отношения в Неджране в начале VI в. н. э., 199; И. П. Петрушевский, К истории института сойургала, 227; Я. Б. Радуль-Затуловский, Материалистическая философия Накаэ Тёмин, 247; В. А. Крачковская, Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг., 271; Ю. Я. Перепелкин, Меновые отношения в староегипетском обществе, 302; А. С. Тверитинова, К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время, 312; Г. М. Пет-

ров, Краткий очерк развития русско-иранских экономических и политических отношений в XVIII в., 327; Д. И. Тихонов, Характер народно-освободительных движений в Синьцзяне в XIX в. и первой трети XX в., 336; Н. Д. Миклухо-Маклай, К вопросу о налоговой политике в Иране при шахе Аббасе I (1587—1629), 348; О. И. Смирнова, Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии, 356; О. П. Петрова, Адмирал Е. В. Путятин в бухте Хэда. (К истории русско-японских отношений в середине XIX в.), 368; Н. П. Шастина, Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в., 383; Л. С. Пучковский, Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1289 г.) и Ульдзэйту (1305 г.), 396; К. Б. Старкова, Письмо Иехуды Халеви к Хабибу ал-Махдеви, 423; В. И. Евгенова, Законодательная цитата в памятнике XXII династии, 438.

IX. Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 год

I. Ташкент, 1944, 49 с.

Содержание: А. П. Баранников, Хинди-русский словарь, 3; С. А. Козин, Сокровенное сказание, 5; И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература, 6; В. В. Струве, Родина зороастризма, 8; В. В. Струве, Дешифровка протоиндийских письмен, 11; Е. Э. Бертельс, Персидская литература в Средней Азии, 13; А. А. Семенов, Восстание на Волге против Батыя, 15; П. В. Ернштедт, Византийский историк VI в. н. э. Менандр, 16; Н. В. Пигулевская, Фрагменты полиглотты, 17; Н. В. Пигулевская, Иран и Византия к концу VI и началу VII вв., 17; Я. Б. Радуль-Затуловский, Материалистические идеи в Японии, 19; Я. Б. Радуль-Затуловский, Конфуцианство, 21; Е. М. Колпакчи, Древнеяпонский литературный язык по памятникам эпохи Нара VIII в., 23; А. Кононов, Рецензия на книгу проф. А. П. Поцелуевского «Основы синтаксиса туркменского литературного языка», 25; А. Н. Кононов, К этимологии слова dägil «не есть», «не», 26; Ю. А. Солодухо, Ирак III—V вв. н. э., 27; А. С. Тверитинова, История изучения Турции в России, 29; Д. И. Тихонов, Легенды Таримского бассейна, 31; Д. И. Тихонов, Ленин и Восток, 32; А. Л. Троицкая, Народный театр Узбекистана, 33; В. И. Беляев, Арабский историк X в. ас-Сули, 35; О. И. Смирнова, К истории Согда VII в., 37; Список дис-

сертаций, рассмотренных на заседании Ученого совета института, 39; Научные доклады, 40; Состав Ученого совета, 42; Докторанты, 43; Аспиранты, 43.

II. (За 1-е полугодие 1944 г.), Ташкент, 1944, 52 с.

Содержание: И. Ю. Крачковский, Работы по истории русской арабистики, 3; В. В. Струве, Арийская проблема, 5; Е. Э. Бертельс, К вопросу о происхождении языка дари, 10; А. А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, 13; Я. Б. Радуль-Затуловский, «Ракидзо Синсё», 17; Я. Б. Радуль-Затуловский, Чарваканастика—локаята—брихаспатья—свабхавада, 19; Е. М. Колпакчи, Окура — японский поэт VIII в., 21; А. А. Драгунов, Некоторые проблемы китайской грамматики, 23; А. Н. Кононов, Турецкое деепричастие «дийе», 25; Н. Д. Миклухо-Маклай, Русские архивные материалы как источник для истории Ирана XVIII в., 28; Ю. А. Солодухо, Политическое положение Ирака в III—V вв. н. э., 30; А. С. Тверитинова, О турецкой рукописи «Сефарет-наме-и русийа», 33; Д. И. Тихонов, Время кучарского восстания, 35; Д. И. Тихонов, Кто был кучарским ханом в 1864 году?, 37; Т. А. Бурдукова, Хроника Шираб Нимбо-Хобитуева, 38; О. И. Смирнова, Об одном среднеазиатском титуле (VII—VIII вв. н. э.), 41; М. К. Максимов, Об одном монгольском термине родства, 44; Научная жизнь Института востоковедения АН СССР, 46; Сессия по истории и культуре уйгуров; Конференция по фольклору Ср. Азии; Доклады и сообщения; Защита диссертаций. *Приложение:* Из резолюции по секции фольклора Конференции по фольклору и этнографии Ср. Азии, 50.

X. Ученые записки Тихоокеанского института

I, 1947, 320, [2] с.

Содержание: А. А. Губер, Международные отношения на Дальнем Востоке (1894—1904), 3; Г. В. Ефимов, Германский империализм в Китае (1894—1902), 51; А. Л. Гальперин, Из истории англо-японских отношений (1902—1905), 85; А. М. Дьяков, К вопросу о национальном составе населения Индии, 223.

II. Индийский сборник, 1949, 216 с.

Содержание: От редакции, 3; В. В. Балабушевич, Рабочий класс и рабочее движение в современной Индии, 5; С. М. Мельман, Экономические последствия второй мировой войны для Индии, 29; А. М. Дьяков, Послевоенные английские планы государственного устройства Индии, 54; Е. В. Паевская, Рам Мохан Рой — предшественник буржуазного национального движения в Бенгалии, 67; Л. И. Юревич, Саид Ахмад-хан и зарождение мусульманского общинного движения в Индии, 80; И. М. Рейснер, Роль афганцев в Индии в XVIII веке, 94; Н. М. Гольдберг, Русско-индийские отношения в XVII веке, 129; К. А. Антонова, Суюргал в Акбаровской Индии, 149; Д. А. Сулейкин, Основные вопросы периодизации истории древней Индии, 177; В. М. Бескровный, Прем Чанд (1880—1936), 193; В. И. Кальянов, Некоторые особенности языка Махабхараты, 206.

III. Китайский сборник, 1949, 180 с.

Содержание: От редакции, 3; А. С. Перевертайло, Роль Коммунистической партии Китая на современном этапе народно-освободительной борьбы китайского народа, 5; Е. Ф. Ковалев, Аграрный кризис в гоминдановском Китае, 20; Б. В. Астафьев, Американская экспансия в Китае, 36; В. Н. Никифоров, Январское соглашение 1946 г. и американский империализм, 71; Р. В. Вяткин, Китайская революция 1925—1927 гг. и английский империализм, 120; Л. Д. Позднеева, Из публицистических произведений Лу Синя, 152.

XI. Ученые записки Института востоковедения

I, 1950, 274, [2] с.

Содержание: А. М. Дьяков, Национальное движение на юге Индии после второй мировой войны, 3; Г. Шмидт, К вопросу о народонаселении Индии, 51; З. Петруничева, Национально-освободительное движение в княжестве Кашмир. (Его развитие и подъем в 1946—1947 гг.), 157; Г. В. Астафьев, Колониальная политика США в Гавайях в доимпериалистический период (1790—1890 гг.), 225.

II. Китайский сборник, 1951, 210 с.

Содержание: В. А. Масленников, Борьба китайского народа за укрепление и независимость Китайской Народной Республики, 3; В. Я. Аварин, Китайская коммунистическая партия — организатор великих побед китайского народа, 36; Г. В. Ефимов, Советский Союз — друг китайского народа, 71; А. С. Перевертайло, Китайская Народная Республика — государство народной демократии, 95; Е. Ф. Ковалев, Аграрная политика Коммунистической партии Китая, 116; Г. В. Астафьев, Проблемы восстановления и развития промышленности Китая, 144; Л. З. Эйдлин, Рабочая тема в китайской художественной литературе 1950 г., 191.

III, 1951, 271, [1] с.

Содержание: Г. Д. Санжеев, Язык и диалект в свете трудов И. В. Сталина, 3; В. Н. Никифоров, Предательская политика клики Чан Кай-ши на первом этапе антияпонской войны (1937—1938), 32; Л. И. Думан, Американские империалисты — злейшие враги китайского народа, 62; П. Т. Арутюнян, Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII в. за присоединение к России, 108; Г. Д. Тягай, Крестьянское восстание 1893—1894 гг. в Корее, 139; И. М. Рейснер, Крестьянское движение сикхов во второй половине XVII в. и в начале XVIII в., 191; И. П. Петрушевский, Народное восстание в Гиляне в 1629 г., 225; Е. Э. Бертельс, Новые работы по изучению Авесты, 257.

IV. Лингвистический сборник, 1952, 409, [2] с.

Содержание: От редакции, 3; Н. И. Конрад, О национальном языке в Китае и Японии в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, 5; Г. Д. Санжеев, Монгольские языки и диалекты, 30; А. К. Боровков, Изучение языков народов Средней Азии и Казахстана в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, 126; А. Н. Кононов, Вопросы изучения турецкого языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, 147; А. К. Боровков, Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков, 165; Е. М. Колпакчи, Винительный падеж в современном японском языке, 201; Н. И. Фельдман, О реальном и фиктивном склонении предложений в современ-

ном японском языке, 230; Н. А. Сыромятников, Система фонем японского языка, 278; Б. Х. Тодаева, Винительный падеж в современном монгольском языке, 355; С. Е. Яхонтов, Образование сложноподчиненного предложения посредством служебных наречий в современном китайском языке, 374.

V, 1953, 274, [2] с.

Содержание: Э. Н. Комаров, Материальное положение промышленного пролетариата Бенгалии и некоторые вопросы его формирования, 3; Г. Г. Котовский, Социально-экономическое содержание проблемы «неприкасаемых», 75; Л. Р. Гордон, Аренда и арендные отношения в Северо-западной пограничной провинции Пакистана (в период между двумя мировыми войнами), 153; И. М. Рейснер, Некоторые данные о разложении деревенской общины у маратхов в XVII—начале XIX в., 176; К. А. Антонова, Основные формы феодального землевладения в Могольской Индии XVI в., 245.

VI, 1953, 276, [4] с., 4 л. илл.

Содержание: Д. И. Тихонов, Восточные рукописи Института востоковедения Академии наук СССР, 3; Н. П. Журавлев, А. М. Мугинов, Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии наук СССР, 34; В. И. Беляев, Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии наук СССР, 54; Р. Р. Орбели, Собрание армянских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР, 104; Л. С. Пучковский, Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв., 131; В. С. Воробьев-Десятовский, Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым, 167; Н. Д. Миклухо-Маклай, Рукопись «Āламāрā-и Нāдирӣ», 176; Н. П. Шастина, Перевод И. Россохина источника по истории монголов конца XVII в., 200; А. С. Тверитинова, Второй трактат Кочибея, 212; А. Н. Кононов, Из истории отечественной тюркологии, 269.

VII. Вопросы политики и экономики современной Японии, 1954, 177, [1] с.

Содержание: П. П. Топеха, Агрессивная политика американского империализма в Японии (1945—1951 гг.), 3;

В. А. Попов, Проведение антидемократической земельной реформы в Японии (1946—1949 гг.), 84.

VIII. Иранский сборник
1953, 204, [4] с.

Содержание. Введение: 3; М. В. Попов, Крах гитлеровского плана нападения на СССР из Ирана, 5; А. В. Башкиров, Аграрное законодательство в Иране (1925—1941), 41; М. С. Иванов, Созыв первого иранского меджлиса и борьба за установление основного закона (октябрь—декабрь 1906 г.), 75; Г. Н. Ильинский, Аграрные отношения в Иране в конце XIX—начале XX в., 113; Г. М. Петров, Новые материалы об убийстве А. С. Грибоедова, 146; К. З. Ашрафян, Антифеодальные движения в империи Надир-шаха (1736—1747), 166.

IX, 1954, 246, [2] с.

Содержание: О. П. Петрова, Собрание корейских письменных памятников Института востоковедения Академии наук СССР, 3; Р. Р. Орбели, Собрание грузинских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР [с 1 карт. и 1 табл.], 30; З. И. Горбачева, Тангутские рукописи и ксилографы Института востоковедения Академии наук СССР, 67; Л. С. Пучковский, Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР, 90; В. С. Воробьев-Десятовский, Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР [с 2 табл.], 128; Д. И. Тихонов, Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в., 146; Н. Д. Миклухо-Маклай, Географическое сочинение XIII в. на персидском языке, 175; А. М. Мугинов, Исторический труд Муҳаммеда Шебāнгара'ӣ [с 1 табл.], 220; Л. В. Дмитриева, Краткий обзор документов и фрагментов на тюркских языках из собрания Института востоковедения Академии наук СССР, 241.

X. Индия и Бирма. Очерки истории и экономики, 1954, 272 с.

Содержание: В. В. Балабушевич, Рабочий класс и национально-освободительное движение Индии в 1923—1927 гг., 3; Г. Г. Котовский, Система эксплуатации плантационных рабочих в Южной Индии, 57; В. Я. Граше, Краткий очерк формирования крупных промышленных капиталистов в коло-

XI. Китайский сборник, 1955, 302, [2] с.

XII. Индийский сборник, 1955, 305, [2] с.

√ XIII. Индийская филология, 1958, 329 с., 1 л. портр.

рании префиксации в индоарийских языках, 63; В. С. Воробьев-Десятовский, О некоторых закономерностях развития указательных местоимений в индоарийских языках, 129; Е. П. Челышев, К вопросу о путях формирования и развития лексики в современном литературном хинди, 143; Л. Г. Лозовой, Условные предложения в современном литературном хинди, 179; А. А. Давидова, Некоторые вопросы глагольного словообразования в языке хиндустани, 213; С. Г. Рудин, Некоторые вопросы фонетики языка хиндустани, 233; Л. М. Чевкина, Сочетания с послелогами в современном литературном бенгальском языке, 266; Г. А. Зограф, Вопросы формирования урду, 287; З. Н. Петруничева, К истории языка и литературы народа телугу (андхра), 312.

XIV. История и экономика стран Ближнего и Среднего Востока, 1956, 247 с.

Посвящается памяти акад. В. А. Гордлевского.

Содержание: Б. Н. Заходер, Среднеазиатско-хорасанская география IX—X вв. о Поволжье и Восточной Европе, 5; Ю. А. Солодухо, К вопросу о социальной структуре Ирака в III—V вв. н. э., 31; И. П. Петрушевский, Движение сербедаров в Хорасане, 91; А. М. Шамсутдинов, Участие султанской Турции в интервенции против Советской России в 1918 г., 163; А. М. Валуйский, К вопросу о создании первых младотурецких организаций, 197; П. П. Моисеев, «Закон о национальной защите» 1940 г. в Турции, 222.

XV. Японский сборник, 1956, 325 с.

Содержание: А. Л. Гальперин, Очерки истории Японии в период 1640—1700 гг., 3; Д. В. Петров, К вопросу о мануфактуре в Японии, 48; Г. И. Подпалова, Два петиционных выступления крестьян в феодальной Японии (из истории крестьянского движения Японии второй половины XVII — начала XVIII в.), 71; Н. А. Иофан, Крестьянское движение после революции 1868 г., 115; И. Я. Бедняк, Рабочее и социалистическое движение в Японии (1896—1905 гг.), 155; В. И. Шипаев, Колонизаторская политика японских империалистов в Корее (1910—1919 гг.), 177; М. И. Лукьянова, Формы и каналы проникновения американского капитала в промышленность Японии, 223; В. А. Попов, Подъем крестьянского движения после второй мировой войны (1945—1946 гг.),

273; Л. Д. Гришелева, Демократическое движение в области литературы и искусства Японии после второй мировой войны, 305.

XVI, 1958, 566 с., 8 л. илл.

Содержание: Н. Пигулевская, Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке, 5; И. П. Петрушевский, К истории сельского поселения и сельской общины в Иране в XIII—XV вв., 31; Д. Тихонов, Налоги и налоговые термины в уйгурском государстве, 52; В. М. Штейн, Трактат «Гуаньцзы» и его место среди экономической литературы древнего Китая, 78; Д. Тихонов, Некоторые вопросы внутренней политики Якуб-бека, 109; А. К. Боровков, Очерки истории узбекского языка, III, 138; В. А. Петров, Поддельные хотанские кодексы в собрании рукописей Института востоковедения Академии наук СССР, 220; *Публикации и исследования:* Н. Д. Миклухо-Маклай, Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР, 235; В. С. Воробьев-Десятовский, Памятники центрально-азиатской письменности, 280; З. И. Горбачева, Китайские ксилографы и старопечатные книги собрания Института востоковедения Академии наук СССР, 309; А. М. Мугинов, Персидская уникальная рукопись Рашӣд-ад-дӣна, 352; Л. В. Дмитриева, Старейшая рукопись дивана Навои в собрании рукописей Института востоковедения Академии наук СССР, 376; Р. Р. Орбели, Из криптографированных записей Теймураза Багратиони, 393; Г. М. Ибрагимова, Краткая характеристика некоторых источников о маньчжурских завоеваниях Синьцзяна, 404; А. В. Дмитриева, Архивные материалы В. М. Ионова, 425; Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак, Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953/54 г., 514.

XVIII, 1957, 442 с.

Содержание: И. М. Рейснер. Восстание джатов области Агра-Дели в конце XVII—начале XVIII в., 3; Э. Н. Комаров, Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в., 22; К. А. Антонова, Отчет Бьюкенена о Майсоре 1800—1801 гг. как исторический источник, 88; Н. И. Семенова, Земельно-налоговая политика английских

колониальных властей в Пенджабе в 50—60-х годах XIX в., 146; А. И. Левковский, Развитие индийского капиталистического предпринимательства и его различные формы в сахарной промышленности в 20—30-е годы XX в., 176; В. Г. Растянников, Наемный труд в сельском хозяйстве Пенджаба, 213; А. И. Левковский, Состояние экономики Индии и положение рабочего класса в 1923—1927 гг., 297; Л. Р. Гордон-Полонская, Подготовка английским правительством нового акта об управлении Индией и позиция индийских политических партий (1928—1933 гг.), 355; К. З. Ашрафян, «Тарих-и Фируз-шахи» Афифа как исторический источник (к истории Индии II половины XIV в.), 407.

XIX. Вопросы истории и филологии народов Советского Востока, 1958, 211 с.

Содержание: М. А. Керимов, Закавказские советские республики и Турция (1920—1922 гг.), 3; А. П. Базиянц, К вопросу о захватнической политике США в Азербайджане (1919—1920 гг.), 22; С. К. Ибрагимов, Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в., 39; Е. Э. Бертельс, Пятое муназаре Асади Тусского, 55; Р. М. Алиев, «Гулистан» Са'ди и критика текста, 89; М.-Н. Османов, Своды иранского героического эпоса («Худай-наме» и «Шах-наме») как источники «Шах-наме» Фирдоуси, 153; Г. Ю. Алиев, Легенда о Хосрове и Ширин в «Шах-наме» Фирдоуси, 190.

XXI. Проблемы современной Японии. Экономика и политика, 1958, 242 с.

Содержание: М. И. Лукьянова, Некоторые особенности экономического развития Японии после второй мировой войны, 3; В. А. Попов, К вопросу об усилении развития капитализма в японской деревне (расслоение крестьянства), 49; А. И. Динкевич, Финансы послевоенной Японии, 74; В. Н. Хлынов, Положение рабочего класса Японии после второй мировой войны, 127; Г. И. Подпалова, Новые тенденции в деятельности социалистической партии Японии, 154; С. Л. Будкевич, Санфранцисская система договоров и японо-американские противоречия, 188.

XII. Краткие сообщения Института востоковедения

I, 1951, 69, [3] с.

Содержание. Статьи: Перспективный план работы Института востоковедения Академии наук СССР в ближайшее пятилетие, 3; П. П. Топеха, Антинародная политика лидеров японской социалистической партии, 17; *Материалы и сообщения:* И. И. Хван, Ли Сун Син (страницы из истории героической борьбы корейского народа против иноземных захватчиков в конце XVI в.), 29; М. Ю. Юлдашев, Новые архивные источники по истории Средней Азии, 35; Пак Ир, Корейский фонд Алма-атинской библиотеки им. Пушкина, 42; *Диссертации:* Г. Д. Тягай, Крестьянское восстание и борьба корейского народа против японских милитаристов и их американских пособников (Корея в 1893—1896 гг.), 45; В. Я. Граше, Особенности формирования некоторых национальных групп индийской буржуазии, 51. *Персоналия,* 59; *Хроника,* 64; *Некролог:* Академик И. Ю. Крачковский, 68.

II, 1952, 76 с.

Содержание. Статьи: В. А. Гордлевский, Слово о Назыме Хикмете, 3; Р. Г. Фиш, О рядовом герое, 7; А. А. Бабаев, Борец за мир, демократию и национальную независимость турецкого народа, 13; А. Е. Глускина, Заметки о японской демократической поэзии (1928—1932), 19; *Материалы и сообщения:* Дамдин-Сурэн, О принципах новой монгольской орфографии, 31; Н. Османов, О народных тенденциях в поэме Фирдоуси «Шах-намэ», 38; О конференции по китайской литературе на заводе «Компрессор», 48; А. П. Рогачев, Идиоматика китайского языка, отображенная в устойчивых словосочетаниях (чэн-юй), 52; *Библиография,* 57; *Хроника,* 71.

III, 1952, 69, [2] с.

Содержание. Статьи: Р. В. Вяткин, Английский империализм в Китае после первой мировой войны, 3; К. А. Антонова, К вопросу о развитии феодализма в Индии (по данным эпиграфики), 23. *Материалы и сообщения:* Л. А. Сикирянская, Великий поход китайской Красной Армии (1934—1936 гг.), 33; С. С. Григорцевич, Разгром японской интервенции и крах происков американских империалистов на советском Дальнем Востоке (1920—1922 гг.), 40; П. П. Топе-

ха, Японские правые социалисты на службе американского империализма, 49; *Хроника*, 57.

IV, 1952, 76 с.

Содержание. Статьи: Н. В. Пигулевская, Восстание в Хузистане при Хосрове I, 3; Н. Д. Миклухо-Маклай, К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI веке, 11; Н. С. Луцкая, Подготовка французской агрессии против республики Риф, 19; Л. О. Савельева, О демократическом и реакционном направлениях послевоенной турецкой поэзии, 29; Н. С. Смирнова, Казахские певцы XVIII века — акыны й жырау, 39; *Материалы и сообщения:* З. Г. Фильштинская, Максим Горький в современной прогрессивной персидской литературе, 45; Н. Б. Байкова, Англо-кашгарский торговый договор 1874 года, 52; А. А. Валитова, Юсуф Баласагунский и его «Кутадгу Билиг», 56; А. М. Валуйский, Турецкая историческая «наука» на службе реакции; 64; *Библиография*, 68; *Хроника*, 71.

V, 1952, 66, [1] с.

Содержание. Статьи: П. П. Старицына, О народных хуралах МНР, 3; В. Н. Никифоров, Японская агрессия в Китае в 1931—1935 гг. и предательская политика гоминьдана, 17; *Материалы и сообщения:* С. Г. Лившиц, К истории американской вооруженной интервенции в Китае в 1900—1901 гг., 37; В. С. Руднев, Антиимпериалистическое движение в Малайе до начала второй мировой войны, 49; *Библиография*, 55; *Хроника*, 61.

VI, 1952, 82, [1] с.

Содержание. Статьи: П. П. Старицына, Маршал Чойбалсан (из жизни и деятельности), 3; Г. Д. Тягай, Освободительное антияпонское движение в Корее в 1895—1896 гг., 16; Ф. И. Шабшина, Борьба корейского народа против установления японского колониального господства (1906—1911 гг.), 31; *Материалы и сообщения:* И. Я. Златкин, О роли России в борьбе монголов за независимость против маньчжурских завоевателей во второй половине XVII—первой половине XVIII в., 46; И. Г. Юрьев, К вопросу об ино-

странном капитале во Внешней Монголии до народно-демократической революции 1921 года и в первые ее годы, 53; *Библиография*, 59.

VII, 1952, 66, [1] с.

Содержание. Статьи: В. П. Илюшечкин, Студенческое движение 9 декабря 1935 г. в Китае, 3; Н. П. Виноградов, Забастовка железнодорожников Пекин-Ханькоуской ж. д. 7 февраля 1923 г. и ее значение для развития национально-освободительного движения в Китае. 20; *Сообщения:* Ли Юнань, Строительство народно-демократической власти в Северо-Восточном Китае (1945—1949), 32; А. Г. Яковлев, Экономическая политика Центрального Народного правительства КНР в отношении национальных окраин на примере Синьцзяна, 41; Памяти академика А. П. Баранникова (Некролог), 56. *Библиография*, 59.

VIII, 1953, 61, [1] с.

Содержание. Статьи: А. Н. Узянов, Новые черты в освободительной борьбе народов британских колоний после второй мировой войны, 3; В. С. Руднев, Провал английской политики «разделяй и властвуй» в Малайе, 14; *Сообщения:* П. П. Бушев, Английская агрессия в Иране в 1855—1857 годах, 21; Л. В. Шварц, О руководящей роли рабочего класса Вьетнама в национально-освободительной борьбе (1930—1931), 27; Г. И. Левинсон, Колониальная политика США и национально-освободительное движение на Филиппинах в период «автономии» (1935—1941), 36; *Библиография*, 46; *Хроника*, 58.

IX, 1953, 90, [2] с.

Содержание. Статьи: А. А. Шариф, Мирза-Фатали Ахундов, 3; И. А. Султанов, К вопросу о творческом методе узбекской советской литературы 20-х годов, 19; *Сообщения:* Е. Э. Бертельс, Образец таджикской художественной прозы XII в., 37; И. С. Брагинский, Заметки о таджикском эпосе «Гургули», 48; А. М. Шойтов, Роль М.-Ф. Ахундова в развитии персидской прогрессивной литературы, 58; В. В. Логунова, Некоторые данные о судьбе средневековой народной комедии кёгэн в условиях современной Японии, 66; О. П. Петрова, Памятники корейской литературы в рукописных фондах Института востоковедения Академии наук СССР, 77; *Библиография*, 82; *Хроника*, 87.

X, 1953, 110, [2] с.

Содержание. Статьи: А. М. Мельников, Крестьянское движение в Соединенных провинциях и Бихаре накануне второй мировой войны, 3; Г. Г. Котовский, К вопросу о роли ростовщического капитала в обезземелении крестьянства в Индии, 20; С. Б. Горелик, Экспансия американского капитала в Маньчжурии в конце XIX—начале XX в., 35; В. П. Нихамин, Вероломное нападение США на Корею в 1871 г., 53; *Материалы и сообщения*: А. И. Левковский, Английские управляющие агентства — орудие порабощения и эксплуатации народов Индии, 69; К. А. Антонова, К вопросу о введении системы райятвари в Индии, 81; Г. М. Петров, О продаже шахских земель крестьянам Верамина Тегеранского округа, 95; *Библиография,* 104.

XI, 1954, 105 [2] с.

Содержание. Статьи: М. В. Фомичева, Промышленное строительство в Северо-Восточном Китае, 3; И. Я. Бедняк, Брюссельская конференция как один из этапов в развитии «мюнхенской» политики США и Англии, 20; В. П. Илюшечкин, Сианьские события 12 декабря 1936 г., 44; *Сообщения:* Р. А. Мировицкая, Из истории советско-китайской дружбы, 57; Т. А. Якимова, Монгольская народно-революционная партия в борьбе за ликвидацию класса феодалов и построение основ некапиталистического пути развития (1932—1940 гг.), 64; Т. Н. Акатова, Шамяньский расстрел 23 июня 1925 г., 72; Г. Ф. Ким, Некоторые данные об экономической агрессии американского империализма в Южной Корее, 82; *Рецензии,* 92; *Хроника,* 98.

XII. Языкознание, 1955, 141, [2] с.

Содержание. Статьи: Е. М. Колпакчи, Некоторые проблемы истории японского языка, 3; Н. А. Сыромятников, Некоторые вопросы изучения японского языка, 13; К. К. Курдоев, Критика ошибочных взглядов на курдский язык, 43; Г. П. Сердюченко, Из истории создания алфавитов на основе русской графики, 62; *Сообщения:* А. А. Калимов, Грамматические особенности счетных слов, счетных суффиксов и единиц измерения в современном дунганском языке, 77; А. А. Пашковский, Словообразование в современном

XIII, 1955, 88 с.

XIV, 1955, 96 с.

XV, 1955, 85, [2] с.

XVI, 1955, 80 с.

гражданской революционной войны в Китае (1924—1927), 7; И. Я. Бедняк, К вопросу о нейтралитете США в японо-китайской войне. (Заявление государственного департамента США от 14 сентября 1937 г.), 18; В. П. Леонтьев, Из истории английской экспансии в Тибет (XVIII—XIX вв.), 30; *Материалы и сообщения:* Л. И. Думан, Цюй Юань как государственный деятель и его эпоха (340—278 гг. до н. э.), 42; Н. А. Петров, Из архивных материалов академика В. П. Васильева о китайском языке, 51; И. И. Василевская, Некоторые вопросы японского оккупационного режима в Корее в 1904—1905 гг., 57; В. С. Воробьев-Десятовский, Новые листы сакской рукописи «Е», 68; Л. В. Дмитриева, Рукописные материалы Н. А. Виташевского, 72.

XVII, 1955, 94, [2] с.

Содержание. Статьи: И. С. Брагинский, К вопросу о развитии метода социалистического реализма в литературах зарубежного Востока, 3; Л. З. Эйдлин, О современной китайской литературе, 10; Г. И. Михайлов, Некоторые проблемы социалистического реализма в монгольской литературе, 20; В. И. Иванова, Ли Ги Ен и его роман «Земля», 28; В. В. Логунова, Автобиографическая трилогия Миямото Юрико, 40; Д. Юсупов, Журнал «Ат-Тарик» в борьбе за прогрессивную реалистическую арабскую литературу, 49; Д. С. Комиссаров, Образ положительного героя в современной персидской художественной прозе, 53; А. З. Розенфельд, Садек Хедаят. (Опыт характеристики творчества), 66; З. Н. Ворожейкина, О творчестве Ередж-мирзы, 73; *Сообщения:* Р. Алиев, Основные публикации «Голестана» Са'ди, 83; *Хроника,* 92.

XVIII. Языкознание, 1956, 96 с.

Содержание. Статьи: Б. К. Пашков, Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности, 3; П. И. Кузнецов, К вопросу о перифрастических формах турецкого языка, 19; *Сообщения:* А. С. Бархударов Словообразование в современном литературном хинди, 34; Г. А. Зограф, Хинди, урду и хиндустани (об употреблении терминов), 49; М. Н. Орловская, Основные именные части речи в монгольском языке (имена существительные и прилагательные), 56; З. И. Горбачева, Материалы по тангутоведению архива востоковедов Института востоковедения

АН СССР, 66; Г. А. Зограф, Отрицания при глаголе в хиндустани, 73; *Критика и библиография:* В. М. Алексеев, О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии, 79; *Хроника,* 84.

XIX, 1956, 106 [2] с.

Содержание. Статьи: Л. М Кулагина, Из истории закабаления Ирана английским капитализмом, 3; М. Н. Иванова, Германская агрессия в Иране в годы первой мировой войны, 14; Ю. Н. Розалиев, Национальные банки Турции, 28. *Сообщения:* А. С. Тверитинова, Об аграрной политике и состоянии крестьянского хозяйства в Турции в 1923—1929 гг., 41; П. П. Моисеев, Рост налогов в Турции в годы второй мировой войны, 49; Б. М. Поцхверия, Турецкий вопрос в сенате США, 57; П. П. Бушев, Английская военная экспедиция в Ахваз, 65; А. М. Валуйский, О деятельности иностранного капитала в Турции, 72; Г. М. Петров, Материалы к социально-экономической характеристике астанов Ирана, 78; Н. А. Кузнецова, Ремесленные рисале, 90; *Библиография,* 94; *Хроника,* 105.

XX, 1956, 76 [2] с.

Содержание. Статьи: О. И. Забозлаева, Формирование рабочего класса в Индонезии, 3; В. С. Руднев, Роль рабочего класса в национально-освободительном движении в Малайе, 17; В. Ф. Васильев, Рабочий класс и освободительное движение в Бирме до второй мировой войны, 27; Г. И. Левинсон, Крестьянское движение на Филиппинах накануне второй мировой войны (1935—1941 гг.), 38; *Сообщения:* Э. Д. Талмуд, Положение индийских рабочих на плантациях Цейлона, 51; Р. А. Поповкина, Господство французского монополистического капитала в экономике Индокитая накануне второй мировой войны, 63.

XXI, 1956, 98 с.

Содержание. Статьи: И. А. Лысенко, Научно-техническое сотрудничество Советского Союза и Китайской Народной Республики, 3; В. И. Глунин, Аграрная политика Коммунистической партии Китая в период третьей гражданской революционной войны (1946—1949), 15; В. Г. Растянников, О формах феодальной эксплуатации крестьянства в колониаль-

ном Пенджабе, 28; Г. Д. Тягай, Из истории проникновения европейских держав в Корею (в 30—60-х годах XIX в.), 39; *Сообщения:* А. Г. Яковлев, Роль Народно-освободительной армии в экономическом строительстве на окраинах Китайской Народной Республики в 1950—1955 годах (на примере Синьцзяна), 54; К. Т. Перцева, Усиление процесса пролетаризации японского крестьянства после второй мировой войны (промыслы, отходничество и работа по найму), 71; *Библиография,* 83.

XXII. Памяти акад. В. А. Гордлевского (1876—1956), 1956, 105, [2] с., 1 л. портр.

Содержание. Статьи: Е. Э. Бертельс, Владимир Александрович Гордлевский, 3; Б. Н. Заходер, Из истории бытования текста с древнейшим упоминанием имени «рус» в арабской письменности, 7; А. Н. Кононов, О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке, 13; Н. Д. Миклухо-Маклай, О происхождении «Дополнения» к «Тазкират ал-авлийā» ʽАттāрā, 19: К. К. Курдоев, Нумеративные слова в курдском языке, 28; А. А. Бабаев, Некоторые вопросы послевоенной турецкой прогрессивной литературы, 37; Л. О. Алькаева, Тевфик Фикрет, 45; В. Б. Кляшторина, Фольклорные жанры в демократической поэзии Ирана периода революции 1905—1911 гг., 56; А. С. Тверитинова, Младотурки и пантюркизм, 66; А. М. Шамсутдинов, «Вакф-наме» Ибрагима бея из княжества Караман, 75; Б. М. Поцхверия и Ю. Н. Розалиев, Требования рабочей группы на Измирском экономическом конгрессе 1923 г., 82; А. М. Валуйский, Новые архивные документы о народных волнениях в Малой Азии в период русской революции 1905—1907 гг., 88; Н. А. Кузнецова и Б. М. Данциг, И. Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку, 92; *Библиография,* 101.

XXIII. История и экономика Индии, 1957, 129, [2] с.

Содержание. Статьи: Л. И. Рейснер, Положение и основные формы мелкой промышленности Соединенных провинций Индии в 30-х годах XX века, 3; В. И. Павлов, Некоторые черты формирования и развития бенгальской буржуазии (до второй мировой войны), 19; В. Г. Растянников, О характере товарности зернового хозяйства в Пенджабе, 35;

Н. И. Семенова, Движение сикхов в Пенджабе в первой половине XVIII века и образование сикхских княжеств, 55; Г. К. Широков, Развитие форм вербовки и найма рабочей силы на чайных плантациях Северо-Восточной Индии в период английского колониального господства, 69; *Сообщения:* Л. Р. Гордон-Полонская, Деятельность мелкобуржуазных террористических организаций во время подъема антиимпериалистического движения народов Индии в 1928—1933 гг., 82; М. Н. Егорова, О деятельности индийского профсоюза рабочих Южно-Индийской железной дороги после второй мировой войны, 98; Т. Ф. Девяткина, Движение «Акали» в период антиимпериалистической борьбы в Индии (1918—1922 гг.), 109; К. З. Ашрафян, «Тарих-и Фируз-шахи» Барани как источник по истории Индии второй половины XIII—середины XIV века, 114.

XXIV. Языки и литература Дальнего Востока, 1958, 118 с.

Содержание. Статьи и обзоры: Г. Д. Санжеев, К вопросу о глагольных основах в монгольских языках, 3; И. Ф. Вардуль, Предложения с простым именным сказуемым в современном японском языке, 9; Г. И. Михайлов, Послевоенные работы советских филологов-монголистов (1945—1955 гг.), 17; *Сообщения:* С. Д. Маркова, Китайская народная поэзия в период национально-освободительной войны 1937—1945 гг., 32; В. И. Иванова, Из истории пролетарского литературного движения в Корее (1924—1934 гг.), 38; К. А. Попов, Современные японские лингвистические организации, 51; А. Г. Рябкин, Ограничительные частицы в современном японском языке, 63; Н. А. Сыромятников, О системе времен новояпонского языка, 75; Н. И. Чегодарь, Современные японские прогрессивные писатели и критики о Горьком, 94; *Библиография,* 105.

XXV, 1957, 102 [2] с.

Содержание. Статьи: А. Г. Яковлев, Политика народной власти в скотоводческих районах Китая, 3; Г. Д. Сухарчук, Организация труда в группах трудовой взаимопомощи Китая, 18; К. Т. Перцева, Состав рабочего класса Японии после второй мировой войны, 29; В. И. Шипаев, Положение в Корее в период мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.), 46; *Сообщения:* Лю Юн-ань, Патриотическое движение китайского народа в период американской агрессии в Корее

(1950—1953 гг.), 62; И. С. Казакевич, Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны (1930—1939 гг.), 70; Г. Д. Тягай, О планах железнодорожного строительства иностранных держав в Корее в конце XIX в., 78; *Библиография*, 85.

XXVI, 1958, 124 с.

Содержание. Статьи: Н. А. Иванов, Феодальное землевладение в Тунисе в 70-е годы XIX века и его основные формы, 3; З. И. Левин, О деятельности некоторых просветительских обществ в Сирии во второй половине XIX века (по материалам, опубликованным Сирийским обществом наук и искусств и Сирийским научным обществом), 15; П. П. Моисеев, Промышленность Турции в годы второй мировой войны (1939—1945), 28; Н. Г. Куканова, Из истории русско-иранских торговых связей в XVII веке (по данным ЦГАДА и других архивов), 41; А. А. Карцев, США и «североафриканское правительство» Дарлана (к вопросу о сотрудничестве империалистических кругов США с силами фашизма в Северной Африке в период второй мировой войны), 54; *Сообщения:* А. М. Шамсутдинов, Советско-турецкий договор о дружбе и братстве от 16 марта 1921 г., 72; М. А. Керимов, К истории экономических отношений между Закавказскими советскими республиками и Турцией (1922—1923). (Закавказско-турецкая экономическая конференция 1922 г.), 84; *Публикации:* А. С. Тверитинова, Законоположения о провинциях Османской империи в XV—XVI вв., 92; Ю. Н. Розалиев, Положение мелких товаропроизводителей и рабочих-надомников Турции (на примере текстильного производства вилайета Денизли), 109. *Библиография*, 121.

XXVII, 1958, 88 с.

Содержание: Г. Михайлов, Литературная жизнь в Монгольской Народной Республике (1955—начало 1957 г.), 3; Б. Рифтин, Из дунганских исторических сказаний (сказание о Хань Сине), 17; А. Шариф, 50 лет со дня основания журнала «Молла Насреддин», 23; В. Кляшторина, Журнал «Молла Насреддин» и персидская политическая сатира периода революции 1905—1911 гг., 31; М. Якачева, Проблема освобождения иранской женщины в современной персидской прозе, 42; Г. Алиев, Из истории возникновения образа Фархада в литературах народов Востока, 50; Л. Алькаева, За-

XXVIII, 1958, 110 с.

XXIX, 1959, 88 с.

XXXI. Индия и Пакистан, 1959, 90 с.

Содержание: Л. Б. Ульянова, Финансовые права и положение штатов в Индийском Союзе, 3; Д. В. Тер-Аванесян, Сельскохозяйственная наука в Индии, 16; А. И. Чичеров, Некоторые материалы о ремесленном производстве в северо-восточных районах Индии в XVI—XVII вв., 33; В. Ф. Булгаков, Книги об Индии в библиотеке Л. Н. Толстого, 45; Р. М. Мукимджанова, Экономическое проникновение США в Пакистан (1951—1956), 57; А. И. Заблоцкая, Промышленное развитие Пакистана, 68; Ю. В. Ганковский, Административная реформа 1955 г. в Западном Пакистане, 79; В. Н. Москаленко, Книга Герберта Фельдмана «Конституция Пакистана», 85.

XXXII. Арабский сборник, 1958, 78 с.

Содержание: А. А. Карцев, «Изабелла-феликс» — германо-испанский план захвата Северной Африки в 1940—1941 гг., 3; Л. А. Семенова, Крестьянство в мамлюкском государстве XV в., 11; Н. С. Луцкая, Африка в Хмыровской коллекции Государственной публичной исторической библиотеки, 20; А. А. Карцев, Из истории русско-египетских культурных отношений, 23; *Библиография*, 30.

XXXIII, 1959, 132 [2] с.

Содержание: Н. М. Гуревич, Внешняя торговля Афганистана в период второй мировой войны, 3; Н. И. Черняховская, К характеристике экономической политики афганского правительства (1953—1957), 16; Ю. М. Головин, Некоторые черты развития промышленности в Афганистане, 26; А. Д. Давыдов, К изучению водных ресурсов Афганистана для нужд сельского хозяйства, 37; А. Д. Давыдов, Развитие геолого-географических знаний в независимом Афганистане, 69; А. А. Поляк, Нуристан (Кафиристан), 79; М. Р. Арунова, О некоторых общих результатах археологических раскопок в Лашкаргахе, 87; З. М. Калинина, Повелительное наклонение в современном литературном пушту, 95; А. С. Герасимова, Условные предложения с реальным условием в современном литературном пушту, 103; А. Н. Дорофеева, О языке фарси Афганистана, 114; *Библиография*, 128.

16 Заказ 540

XXXIV. Японский сборник, 1958, 78 [2] с.

Содержание: П. А. Искендеров, Феодальный город Японии (к историографии вопроса), 3; П. П. Топеха, К вопросу об экономических предпосылках Мэйдзи исин, 10; С. Г. Лившиц, Английская политика в Китае в 1900—1901 гг. (к предыстории англо-японского союза), 16; И. И. Василевская, К вопросу об экономическом закабалении и ограблении Кореи японским империализмом в годы протектората (1905—1910 гг.), 28; А. И. Динкевич, Дефляция в Японии, 35; И. Я. Бедняк, Годичные съезды японского общества изучения истории в 1956 и 1957 гг., 48; Т. П. Григорьева, Творческий путь Куникида Доппо, 52; Л. Д. Гришелева, Вопросы культуры в послевоенных документах Коммунистической партии Японии, 64; А. И. Динкевич, Финансы Японии в послевоенный период, 72.

XIII. Советское востоковедение (журнал)
Выходит шесть раз в год.

1955, № 1, 182, [2] с.

Содержание: Задачи журнала «Советское востоковедение», 3; *Статьи*: В. А. Масленников, Экономический строй Китайской Народной Республики, 8; С. Н. Ростовский, Новая международная обстановка в Азии, 25; А. М. Дьяков, Индия в борьбе за мир, 36; Ш. Ф. Мухамедьяров, К истории проведения национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г., 44; А. А. Драгунов и Е. Н. Драгунова, Структура слога в китайском национальном языке [с 1 табл.], 57; Н. И. Конрад, Роман Т. Такакура «Воды Хаконэ» и вопросы истории японской культуры, 75; Е. Э. Бертельс, «Шах-наме» и критика текста, 88; *Документы и памятники:* О. Л. Вильчевский, Новый источник для характеристики мировоззрения городского населения Ирана в X—XI веках (с 3 табл.), 96; Из китайской классической литературы. (Пер. В. М. Алексеева и Л. З. Эйдлина), 104; *Сообщения:* С. А. Мхитарян, Осуществление аграрных преобразований в Демократической Республике Вьетнам, 117; Ладжванти Мадан, Пенджабский фольклор, 126; Б. Воронова и Л. Левина, Выставка прикладного искусства Китайской Народной Республики в Москве, 134. *Научная жизнь:* Б. А. Митбрейт, К пятилетию Китайской Народной Республики, 136; П. П. Бердник, К тридцатилетию

Монгольской Народной Республики, 140; А. Н. Болдырев и Л. А. Березный, Научная деятельность восточного факультета Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова в 1954 году, 143; З. Ризаев, В Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР, 146; Востоковедение в Польской Народной Республике, 148; Заметки о чехословацком востоковедении, 150; С. Л. Тихвинский, Двадцать третий Международный конгресс востоковедов в Кембридже, 152; *Критика и библиография*, 155.

№ 2, 198, [2] с.

Содержание: Идеи Ленина — могучая движущая сила современного общественного развития, 3; *Статьи:* И. М. Рейснер, Русская революция 1905—1907 гг. и пробуждение Азии, 14; Шу Вэнь, К вопросу о перерастании революции (некоторые соображения по вопросу о перерастании новодемократической революции в революцию социалистическую), 31; Э. Н. Комаров, В. И. Ленин об английском господстве в Индии, 40; Г. Ф. Ким, Ведущая роль трудовой партии Кореи в народно-демократической революции, 47; И. И. Потехин, Антиимпериалистическое движение в колонии Золотой Берег, 61; И. Я. Бедняк, Антивоенные выступления в Японии в период русско-японской войны 1904—1905 гг., 71; Л. А. Березный, Интервенция США в Китае в период революции 1924—1927 гг., 82; М. С. Иванов, Из истории экспансии американского империализма в Иране. (Миссия Моргана Шустера 1911 г.), 96; А. И. Левковский, Особенности развития крупного капиталистического предпринимательства в Индии, 107; С. Е. Яхонтов. Категория определения в китайском языке, 125; *Сообщения:* Р. Савицкая, Издание произведений В. И. Ленина в странах Востока, 136; З. И. Горбачева, Д. И. Тихонов, Из истории изучения Китая в России, 140; А. Т. Якимов, Второй пятилетний план развития народного хозяйства и культуры Монгольской Народной Республики, 148; Г. И. Михайлов, Доржи Банзаров, 155; *Научная жизнь:* Пятилетие советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимопомощи, 157; П. П. Бушев, Работа Института востоковедения Академии наук СССР в 1954 г. и план 1955 г., 158; Всесоюзное совещание по вопросам восточной филологии, 164; К. В. Кукушкин, А. В. Меликсетов, Научная работа на отделении Востока Московского государственного университета, 166; И. И. Мошенцева, О работе кафедры экономики стран народной демократии экономического

факультета МГУ, 168; С. И. Ходжаш, Отдел древнего Востока Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, 169; *Критика и библиография*, 171.

№ 3, 188, [4] с.

Содержание: Задачи восточной филологии, 3; *Статьи:* Е. Э. Бертельс, К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников, 11; И. С. Брагинский, Об изучении эпического творчества народов Советского Востока («Гургули» и «Гэсэр»), 19; И. П. Плышевский, Конференция стран Азии и Африки в Бандунге, 36; М. Н. Иванова, Национально-освободительное движение в Гилянской провинции Ирана в 1920—1921 гг., 46; Э. Я. Файнберг, Из истории установления официальных отношений между Россией и Японией, 56; И. Б. Шевель, Осуществление аграрной реформы в провинции КНР — Синьцзяне, 71; В. А. Попов, Земельная реформа в Японии, 82; Г. А. Алиев, Развитие социалистической культуры в Таджикистане, 96; Б. Н. Заходер, Из истории волжско-каспийских связей древней Руси, 108; Н. А. Сыромятников, Существуют ли разные типы условной связи в японском языке, 119; Д. А. Баширов, К итогам съезда писателей арабских стран, 136; О. И. Смирнова и М. Н. Боголюбов, О согдийском дēвāштūч, 142; *Документы и памятники:* И. М. Лосева, Раскопки урартской крепости города Ирпуни (Ерепуни) на холме Арин-берд, 144; *Сообщения:* Е. И. Гневушева, Из истории востоковедной прессы в России (журнал «Азиатский вестник» 1872 г.), 151; Е. Ф. Ковалев, Изучение Китая в Советском Союзе, 158; В. Федоренко, Встреча делегаций сторонников мира Сирии и Ливана с советскими востоковедами, 163; Г. Л., О работе японского общества изучающих СССР, 165; *Научная жизнь:* Совещание по вопросам восточной филологии, 167; *Критика и библиография,* 176; А. А. Драгунов [Некролог], 189.

№ 4, 190, [2] с.

Содержание: Об изучении экономики стран Востока, 3; *Статьи:* И. М. Лемин, Политические и экономические изменения на Дальнем Востоке после второй мировой войны, 11; В. А. Масленников, Некоторые особенности экономического развития колониальных и зависимых стран в эпоху империализма, 31; И. Я. Подкопаев, Десять лет Демократи-

ческой Республики Вьетнам, 43; Ли Вэй-хань, Временное положение о промышленных предприятиях со смешанным управлением, 55; Г. Г. Котовский, Аграрные отношения в Индии, 66; К. Бейсембиев, Д. Кшибеков, Ш. Тастанов, Абай Кунанбаев — выдающийся казахский просветитель. (К 110-й годовщине со дня рождения), 84; В. П. Старинин, К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (изосемантические ряды С. С. Майзеля), 99; Объяснительная записка к проекту упрощения китайского иероглифического письма. Цели и методы упрощения письма, 112; *Сообщения:* Н. М. Гольдберг, Индийские журналы Яснополянской библиотеки как один из источников изучения национально-освободительного движения в Индии, 116; Р. Т. Ахрамович, К положению ремесленного производства в современном Афганистане, 131; Л. С. Гамаюнов, Выставка «Культура и искусство Индии», 135; *Научная жизнь:* Дискуссия об экономическом развитии колониальных и зависимых стран в эпоху империализма, 138; Л. В., Заседание исторической секции Ученого совета Института востоковедения совместно с читательским активом и пропагандистами завода «Серп и молот», 146; О. Д. Голубева, Востоковедные фонды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, 148; *Критика и библиография,* 151.

№ 5, 190, [2] с.

Содержание. Статьи: В. Я. Аварин, Великая Октябрьская социалистическая революция и Восток, 3; Е. Ф. Ковалев, Аграрные преобразования в странах народной демократии Азии, 13; Г. В. Астафьев, План социалистической индустриализации Китайской Народной Республики, 26; Ф. И. Шабшина, Корейский народ в борьбе за мир, независимость и национальное единство, 44; Л. П. Ватолина, Рост национального самосознания народов арабских стран (1945—1955 гг.), 58; А. С. Кауфман, Национально-освободительное движение в Бирме в 30-х годах, 69; Б. Н. Данциг, Экономическое положение Турции, 80; И. П. Петрушевский, О формах феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV вв., 96; Н. Т. Федоренко, О творчестве Лао Шэ, 111; М. Г. Асланов, Народное движение рошани и его отражение в афганской литературе XVI—XVII вв., 121; *Научная жизнь:* А. А. Калимов, Научная сессия о социалистическом реализме в литературе народов зарубежного Востока, 133; М. Н. Иванова и Г. Д. Санжеев, XIV съезд поль-

ских востоковедов, 136; Г. И. Михайлов, Лингвистическая конференция в Улан-Баторе, 140; *Критика и библиография*, 143.

№ 6, 174, [2] с.

Содержание: Об изучении эпохи пробуждения Азии, 3; *Статьи:* Е. А. Белов и В. И. Данилов, Влияние русской революции 1905—1907 гг. на Китай, 14; А. Ф. Миллер, Буржуазная революция 1908 г. в Турции, 29; Н. П. Виноградов, Движение «4 мая» 1919 г. в Китае, 46; Ли Чжэжень, Первый пятилетний план и внешняя торговля Китайской Народной Республики, 54; А. М. Акопян, 35 лет Армянской ССР и успехи социалистического строительства, 62; Н. В. Пигулевская, К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье, 72; А. А. Стариков, Из истории восточной филологии в Московском государственном университете, 81; *Документы и памятники*: С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., 89; *Сообщения:* Г. И. Михайлов, Развитие культуры в Монгольской Народной Республике, 111; Ю. Е. Тупикова, Мульк Радж Ананд — прогрессивный писатель Индии, 117; *Научная жизнь:* Б. П., Научная сессия, посвященная шестой годовщине КНР, 124; Д. В., К 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг., 126; Ш. Ф. Мухамедьяров, Межреспубликанское совещание литературоведов Средней Азии и Казахстана, 129; С. Д. Маркова, VII Международная конференция молодых китаеведов в Голландии, 132; В. В., X Международный конгресс историков, 134; В Институте востоковедения Немецкой Академии наук, 137; *Критика и библиография*, 140.

1956, № 1, 212 с.

Содержание: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза и задачи изучения современного Востока, 3; *Статьи:* В. А. Масленников, Великие исторические события в странах Востока, 13; И. И. Потехин, Политическое положение в странах Африки, 22; Мин Чань, Революционное движение во Вьетнаме, 37; П. П. Моисеев, Земельные отношения в Турции, 45; Ж. А. Ташенев, Социалистическое строительство в Казахской ССР, 57; У Юй-чжан, Письменность должна быть при определенных условиях реформирована, 67; Ло Чан-пэй и Люй Шу-сян, Вопрос о нормах современного китайского языка, 77; В. С. Воробьев-Десятов-

ский, К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков, 99; *Документы и памятники:* П. И. Петров, Об одном редком источнике по истории Сефевидов, 111; Г. М. Бонгард-Левин, Таксильская надпись Ашоки, 121; *Сообщения:* Г. Г. Котовский и В. И. Павлов, Сельскохозяйственное и промышленное производство в Республике Индии, 129; Л. С. Гамаюнов, Герасим Лебедев — основоположник русской индологии, 145; Н. П. Шастина, Ученая корреспонденция монголоведа О. М. Ковалевского, 155; А. Р. Иоаннисян, Французское посольство в Иран в 1796 г., 162; М. Н. Боголюбов, Древнеперсидский месяц viyaxna, 173; *Научная жизнь:* М. Г. Пикулин, В Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР, 175; Г. В. Астафьев, Научно-исследовательская работа в области истории и экономики Китая в Китайской Народной Республике, 176; И. М. Ошанин, Всекитайские конференции по вопросам языка и письменности, 180; *Критика и библиография*, 186; Восточные фонды Государственной публичной исторической библиотеки, 199; *Библиография*, 206.

№ 2, 196 с., 1 л. портр.

Содержание. Статьи: В. Я. Сидихменов, Новый этап социалистических преобразований в Китае, 3; Д. Тумур-Очир, Монгольская Народная Республика на пути к социализму, 15; Фань Жо-юй, Значение книги Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» для народно-демократической революции в Китае, 29; М. С. Капица. Из истории распространения идей марксизма-ленинизма в Китае (1917—1924 гг.), 34; Р. Т. Ахрамович и И. Ф. Белов, Пример добрососедства и дружественного сотрудничества, 45; А. М. Шамсутдинов, Национально-освободительная борьба турецкого народа в 1919—1922 гг., 56; К. М. Кулиев и И. Л. Репин, Развитие и подъем социалистической культуры и науки в Туркменской ССР, 69. *Документы и памятники:* А. Е. Бертельс, Трактат по поэтике Вахӯда Тебризи, 77; *Сообщения:* А. Н. Кононов, Столетие Восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955 гг.), 83; М. О. Косвен, Первый русский африканист М. Г. Коковцев, 91; Е. В. Бунаков, Из истории русско-китайских отношений в первой половине XIX в., 96; М. Н. Османов, Из истории литературы народов Хорасана и Мавераннахра VIII—IX вв., 105; Г. Н. Баженов, Корейская Народно-Демократическая Республика на пути восстановления и раз-

вития народного хозяйства, 119; Ш. Нацагдорж и Н. Ишжамц, Историческая наука в МНР, 128; У. Рустамов, Североиндийские княжества и революционный подъем 1905—1908 гг. в Индии, 133; В. А. Новикова, «Поричой» — журнал прогрессивных писателей Бенгалии, 137; А. А. Смирнов, Современное положение Таиланда, 148; А. И. Блинов, К вопросу о существовании австроазиатской семьи языков, 153; *Критика и библиография*, 158.

№ 3, 192 с.

Содержание. Статьи: А. А. Губер, Глубоко и всесторонне изучать кризис и распад колониальной системы империализма, 3; А. П. Бутенко, Китайская революция и ее особенности, 15; Е. П. Мышкин, Положение рабочего класса в Японии (1945—1954 гг.), 34; А. А. Семенов, Культурный уровень первых шейбанидов, 51; Л. С. Переломов, Крестьянское восстание в Китае в 209—208 гг. до н. э., 60; Н. Т. Федоренко, О творчестве Ай Цина, 76; Л. Р. Зиндер, Гласные корейского языка, 91; И. Н. Гальцев, К проекту фонетического алфавита китайского языка, 104; *Документы и памятники:* С. И. Ходжаш, К вопросу о связи искусства древнего Египта с искусством Передней Азии, 109; *Сообщения:* М. Ф. Гатауллин и М. В. Малюковский, Египетская Республика на пути экономической независимости, 119; Д. И. Юсупов, Омар Фахури — выдающийся арабский писатель, 130; Б. Л. Кандель, О первом переводе комедий М. Ф. Ахундова на немецкий язык, 138; *Научная жизнь:* Д. Р. Вобликов, Дискуссия о периодизации истории стран Востока, 141; Л. Згуста, Деятельность Института востоковедения чехословацкой Академии наук, 147; *Критика и библиография*, 150.

№ 4, 208 с.

Содержание. Статьи: Б. Ширендыб, О кооперативном движении в Монгольской Народной Республике, 3; В. Ф. Касаткин, Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике, 16; М. И. Рубинштейн, Второй пятилетний план Республики Индии, 28; Бэзил Дэвидсон, Борьба в Южной Африке, 45; А. И. Левковский, Возникновение и характер деятельности английских и индийских банков в колониальной Индии, 57; И. М. Рейснер, Выдающийся индийский патриот и демократ Бал Гангадхар Тилак, 73; Л. И. Думан, Жизнь и деятельность Сыма Цяня, 90; А. К. Боров-

ков, К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР, 101; *Документы и памятники:* О. Л. Фишман, Из «Изречений» Ли Шан-иня, 111; *Сообщения:* А. Н. Бернштам, О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв., 118; О. Ф. Соловьев, Отношения между Россией и Бирмой в XIX в., 126; А. Ю. Шпирт, Некоторые данные об изменениях в экономике колониальной Африки, 135; И. М. Оранский, Предварительное сообщение об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте, 144; *Научная жизнь:* Л. А. Березный и А. Н. Болдырев, Научная деятельность Восточного факультета ЛГУ в 1955 г., 152; З. З. Абдуллаев, В Институте истории и философии АН Азербайджанской ССР, 158; О работе венгерских востоковедов в 1955 г. и научной тематике 1956 г., 159; *Критика и библиография*, 163.

№ 5, 160 с.

Содержание: Великая Октябрьская социалистическая революция и современный Восток, 3. *Статьи:* Г. В. Астафьев, Китай — великая мировая держава, 11; А. М. Дьяков и И. М. Рейснер, Роль Ганди в национально-освободительной борьбе народов Индии, 21; В. И. Киселев, Национально-освободительное движение в Судане после второй мировой войны, 35; А. Л. Гальперин, К вопросу о генезисе капитализма в Японии, 48; Вуппала Лакшмана Рао, История развития литературы андхра (телугу), 62. *Документы и памятники:* С. М. Мирный, La «flor des estoires de terres d'Orien» Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов, 72. *Сообщения:* Н. А. Пашаев, Культурное строительство в Азербайджанской ССР, 83; Куо Шао-тан, Развитие народного образования, науки и культуры в Китайской Народной Республике, 89; С. А. Микоян, Индийские княжества в период кризиса британского господства в Индии, 96; Н. М. Шубников, Положение в Южной Корее, 108; Б. Л. Рифтин, Новые материалы по традиционной дунганской народной песне, 118; Д. А. Ольдерогге, Следы именного класса людей в языке хауса, 130. *Критика и библиография*, 133; В. А. Гордлевский. [Некролог], 156; Б. В. Миллер. [Некролог], 158.

№ 6, 176 с.

Содержание. Статьи: А. А. Мартынов, Исторический съезд Коммунистической партии Китая, 3; Куо Шао-тан, Сунь Ят-сен — великий китайский революционер-демократ, 15;

А. А. Губер и А. Г. Мазаев, Аграрные преобразования в Демократической Республике Вьетнам, 29; М. А. Максимов и В. Г. Растянников, Некоторые особенности формирования и эксплуатации сельскохозяйственного пролетариата в колониальной Индии, 42; Д. С. Комиссаров, О жизни и творчестве Садека Хедаята, 56. *Документы и памятники:* Р. М. Алиев, Новое издание «Гулистана» Са'ди, 71. *Сообщения:* Х. Н. Дриккер, Из истории борьбы за преодоление феодально-байских пережитков в сельском хозяйстве Таджикистана (1917—1929 гг.), 83; А. А. Серкина, Дискуссия китайских ученых о периодизации древней истории Китая, 95; Е. Ф. Ковалев, Вопросы периодизации новой и новейшей истории Китая, 106; Ю. Н. Розалиев, Положение промышленного пролетариата в Турции, 113; А. М. Шокин, Международный книгообмен Пекинской государственной библиотеки, 122. *Научная жизнь:* Конгресс синологов в Париже, 125; Л. С. Переломов, К седьмой годовщине Китайской Народной Республики, 126. *Критика и библиография,* 128; В. С. Воробьев-Десятовский [Некролог], 169. *Содержание журнала за 1956 г.,* 171.

1957, № 1, 224 с., 1 л. карт.

Содержание. Статьи: И. М. Лемин, «Доктрина Эйзенхауэра»—программа колониального закабаления Ближнего Востока, 3; А. В. Меликсетов, Идеологическое перевоспитание буржуазных элементов в КНР, 22; А. С. Кауфман, Экономическое положение Бирмы, 36; Н. А. Иванов, Народное антиколониальное движение в Тунисе и младотунисцы, 50; В. И. Кальянов, Калидаса — великий поэт Индии, 61; Н. А. Баскаков, Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках, 72; В. Я. Ставиский, Дворцовое хозяйство пянджикентского владетеля, 86; *Сообщения:* А. И. Шифман, Лев Толстой — друг Индии, 95; Л. П. Потапов, Новые данные о древнетюркском «Ötükän», 106; М. И. Сладковский, Развитие торговых путей между Советским Союзом и Китаем, 118; Н. Ф. Булыгин, К вопросу воссоединения Западного Ириана с Индонезией, 129; Б. М. Поцхверия, Проникновение США в Турцию в XIX—начале XX в., 135; Л. И. Мельников, Из истории использования империалистами территории Ирана как плацдарма против Советской России (1917—1920 гг.), 145; Д. И. Юсупов, К пятнадцатилетию арабского журнала «Ат-Тарик», 156; В. А. Рубин, Реферирование китайской

литературы по истории, 159; С. С. Булатов, Общество «Мокуёкай» и демократическая печать Японии, 161; Б. Н. Заходер, Первый библиографический журнал в Иране, 163; Ш. Сарыбаев, Еще раз к вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР, 166. *Научная жизнь*: Сессия, посвященная борьбе Египта против агрессоров, 168; Б. Васильев, Девятая годовщина со дня провозглашения независимости Бирмы, 170; В. П., Седьмая годовщина со дня провозглашения Республики Индии, 171; Л. А. Аганина, В отделе Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения АН СССР, 173; Г. С., Дискуссия об экономических и политических позициях национальной буржуазии в странах Востока, 174; В. П. Леонтьев, Научная сессия в Институте китаеведения в честь 90-летия со дня рождения Сунь Ят-сена, 184; В. А. Ромодин, Первый год работы Восточной комиссии Географического общества Союза ССР, 185; В. М. Борисов, Первый съезд лингвистов арабских стран, 187. *Критика и библиография,* 191; С. А. Козин [Некролог], 221.

№ 2, 216 с.

Содержание: В. И. Ленин и национально-освободительная борьба народов Востока, 3; *Статьи:* Г. Ф. Ким и Р. А. Ульяновский, Вторая годовщина Бандунгской конференции стран Азии и Африки, 13; С. К. Рощин, О возникновении и развитии социалистического уклада в экономике МНР, 20; В. Б. Луцкий, Июльская революция 1952 года в Египте, 31; Л. Р. Гордон-Полонская, Экономическое положение Пакистана, 49; Е. А. Белов, Агрессивная политика империалистических держав в Китае в период революции 1911—1913 годов, 65; Б. Цветкова, О религиозно-национальной дискриминации в Болгарии во время турецкого владычества, 78; Е. В. Паевская, Общественно-политические взгляды Бонкима Чондро Чоттопадхайя, 89; А. А. Пашковский, К характеристике японских синтаксем, 101. *Документы и памятники:* О. И. Смирнова, Из истории арабских завоеваний в Средней Азии, 119. *Сообщения:* В. М. Коллонтай, Компания Суэцкого канала — орудие империалистического гнета, 135; А. В. Райков, Рабочее движение в Индии в 1905 — 1908 годах, 144; Н. А. Халфин, Посольство Баба Рам-Сингха в Туркестан в 1879 году, 153; А. А. Зайончковский, О некоторых избранных работах в польском востоковедении в области тюркологии, арабистики и иранистики (1946—1956 гг.), 159. *Научная жизнь:* Сессия, посвященная второй годовщине

конференции в Бандунге, 167; День независимости Цейлона, 171; Совещание историков-монголоведов в Улан-Баторе, 171. *Критика и библиография*, 176.

№ 3, 220 с.

Содержание: Победа творческого марксизма-ленинизма, 3. *Статьи*: Б. Г. Гафуров, О перспективах развития советского востоковедения, 7; Г. В. Ефимов, Внешняя политика Цинского правительства во время китайско-японской войны 1894—1895 годов, 17; Е. С. Троицкий, Американские монополии в экономике Филиппин, 32; П. А. Грязневич и А. Н. Болдырев, О двух редакциях «Та'рӣх̮-и Ṭабарӣ» Бал'амӣ, 46; П. Г. Булгаков и А. Б. Халидов, «Вторая записка» арабского путешественника X века Абӯ Дулафа, 60; Н. И. Конрад, Начало китайского гуманизма, 72. *Сообщения:* Л. Б. Алаев, Развитие индийского ткачества (до проникновения в Индию европейцев), 95; М. В. Крюков, Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня, 106; Ю. Э. Брегель, Землевладение у туркмен в Хивинском ханстве в XIX веке, 123; С. Л. Будкевич, Из истории японо-американских противоречий на Дальнем Востоке, 138; Е. Жилкин и М. Нугманов, Из истории изучения китайской философии в России, 149; А. Ф. Султанов, Основные вехи развития современной культуры в Египте, 151; М. В. Софронов, Принципы глагольного словообразования в языке романа «Шуйхучжуань», 160. *Критика и библиография*, 169. *Хроника*, 208.

№ 4, 200 с.

Содержание. Статьи, публикации, сообщения: М. Ф. Юрьев, К истории организации Национально-освободительной армии Китая (30-летие Наньчанского восстания), 3; Р. А. Ульяновский, Индия в борьбе за экономическую независимость (о государственном секторе в экономике Индии), 9; Д. Р. Воблико в, Англо-американское соперничество в послевоенной Эфиопии, 27; Э. Н. Комаров, Экономические предпосылки индийского народного восстания 1857—1859 годов, 39; К. З. Ашрафян, К истории развития ленной системы в Делийском султанате в XIV веке, 51; О. Л. Вильчевский, Хакани. Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта, 63; В. Г. Эрман, Об элементах народности в индийской классической драматургии, 77; Э. Рустамов, Муназарэ «Стрела и лук» узбекского поэта

XV века Якини, 90; Ю. М. Парфионович, Китайские историки о зарождении капитализма в Китае, 107; Г. П. Сердюченко, К вопросу о классификации народов и языков Китая, 117. *Научные заметки:* Л. В. Райков, Открытое письмо Таракнатха Даса Льву Толстому, 125; П. И. Петров, Фирман шаха Султан Хусейна Вахтангу VI, 127; П. Шаститко, Миссия Мехти Рафаилова к Ранджит Сингху, 129. *Историография, критика, библиография:* С. С. Григорцевич, Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг.), 131. *Научная жизнь:* Н. А. Халфин, Первая всесоюзная конференция востоковедов, 184; Е. П. Челышев, Девятая сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО, 192; А. Н. Кононов, VIII конгресс Турецкого лингвистического общества, 195.

№ 5, 190 с., 1 л. портр., 1 л. илл.

Содержание: Великая годовщина, 3; Из материалов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 7; К. Маркс, Индийское восстание; Телеграмма В. И. Ленина М. Кемалю, 13. *Статьи, публикации, сообщения:* Н. А. Мухитдинов, Великий Октябрь и Восток, 15; А. К. Азизян, Социалистическое преобразование наций Советского Востока, 27; Фань Жо-юй (КНР), Торжество идей социализма в Китае, 39; Минь Чань (ДРВ), Октябрьская революция и национально-освободительная борьба народов Индо-Китая, 49; Д. Тумур-Очир (МНР), От Монголии феодальной к Монголии социалистической, 59; Ким Сен Хон (КНДР), Борьба корейского народа за независимость, 69; С. Видьяланкар (Индия), Освободительное движение в Индии (1917—1930 гг.), 76; А. М. Дьяков, Победа социализма в СССР и борьба Индии против империализма, 81; В. Б. Луцкий, Октябрьская революция и арабские страны, 87; А. А. Кузнецов, Октябрь и укрепление независимости Ирана, 100; О. С. Николаева, Августовско-сентябрьское движение в Японии в 1918 году, 104; А. Б. Арутюнян и Г. З. Соркин, Первый съезд народов Востока, 114; М. О. Ауэзов и Е. В. Лизунова, О развитии литературы народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма, 121; Из стихов поэтов Африки, 130. *Историография, критика, библиография:* Э. Герольд и Я. Прушек (Чехословакия), Востоковедение в Чехословакии, 136; А. А. Валитова, Расцвет литературы кара-калпакского народа. (Обзор литературоведческих изданий), 140. *Хроника,* 178.

№ 6, 208 с.

Содержание: О подготовке к XXV Международному конгрессу ориенталистов, 3. *Статьи, публикации, сообщения:* А. Ротштейн (Англия), Британский реформизм и колониальный вопрос, 8; Р. Г. Ланда, Борьба алжирского народа за национальную независимость, 26; Ю. Д. Лебедев, Монументальное искусство средневековой Камбоджи, 39; К. А. Антонова, О генезисе капитализма в Индии, 54; В. М. Штейн, Из истории отношений между Китаем и Индией, 65; З. Г. Османова, Абулькасим Лахути, 74; Г. Ю. Алиев, Ранние христианские источники легенды о Хосрове и Ширин, 87; О. П. Суник, О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках, 97; Неизвестный перевод И. Ю. Крачковского из Абӯ-л-'Алā ал-Ма'аррӣ, 111. *Научные заметки:* А. М. Мугинов, Ленинградская рукопись «Жизнеописания шейха Рӯзбихāна», 114; Х. Курбатов, Об унификации алфавитов тюркских языков в СССР, 117; Г. М. Бонгард-Левин, Изображения хранилища для зерна на печатях Мохенджо-Даро и Хараппы, 119. *Историография, критика, библиография:* А. М. Пятигорский, Вопросы истории тамильской культуры в журнале «Tamil culture», 123. *Научная жизнь:* А. М., XXIV Международный конгресс востоковедов в Мюнхене, 186; А. А. Губер, Заметки о встречах с японскими историками и востоковедами, 189; С. И. Тюляев, Выставка искусства Ирана в Государственном музее восточных культур, 197; Письмо в редакцию, 199; С. Е. Малов [Некролог], 200. *Содержание журнала за 1957 год,* 201.

1958, № 1, 208 с.

Содержание: Документы всемирно-исторического значения, 3. *Статьи, публикации, сообщения:* А. Н. Узянов, Десять лет независимости Бирмы, 10; Л. А. Гордон, Некоторые особенности эксплуатации рабочего класса в колониальной Индии, 18; И. Г. Сенкевич, Младотурецкая революция 1908 г. и албанское национальное движение, 31; П. А. Искендеров, Развитие городов в Японии в XVI веке, 42; Б. Г. Гафуров, О причинах возвышения и падения Саманидов, 51; Б. В. Поспелов, Сущность японской теории натурализма. (Из истории японской литературной критики), 56; У Тин Фат, Краткий очерк истории современной бирманской литературы, 67; С. М. Бациева, Историко-философское учение

Ибн-Ха̱лдӯна, 75; Л. Р. Полонская, Общественно-политические взгляды Фазл-хака, 87. *Научные заметки:* К вопросу о персидской просодии, 97; С. И. Баевский, Древнеперсидское marīka, 98; А. Я. Шевеленко, Еще раз об аустроазиатской языковой семье, 101. *Историография, критика, библиография:* Б. Н. Заходер, Изучение в Советском Союзе восточных источников по истории стран Восточной и Центральной Европы, 107; Г. Ю. Алиев, Библиография научных трудов члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса, 115. *Аннотации на книги, вышедшие в республиках Советского Востока* (1956—1957 гг.), 168. *Научная жизнь:* М. В. Попов, Общественные науки в Академии наук КНДР, 176; С. И. Ходжаш, И. М. Лосева, Б. Г. Вороноза, Искусство стран Востока на Международной выставке изобразительного и прикладного искусства, 180. *Хроника:* П. Т. Арутюнян. [Некролог], 205.

№ 2, 232 с.

Содержание: Колониализм — злейший враг народов Востока, 3; К 88-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Общественно-политические деятели стран Востока о Ленине, 9; Беседа В. И. Ленина с японским корреспондентом Кацучжи Фусе, 13; С. И. Аралов, Выполняя указания Ленина, 16; Н. Н. Селихов и С. Л. Вельтман, Ленин и первые шаги советского востоковедения, 21; Образ В. И. Ленина в литературах Востока (Китай, Иран), 26. *Статьи, публикации, сообщения:* Л. С. Гамаюнов, О записях Карла Маркса, сделанных им при изучении книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», 35; Б. В. Родов, Борьба японских коммунистов против фашизма и агрессивной войны в 30-х и начале 40-х годов, 46; А. Ю. Шпирт, К вопросу о развитии экономики Африки в годы второй мировой войны, 54; А. М. Пятигорский, История Шиваганчи, 67; В. М. Константинов, Свидетельства японцев о России XVIII века, 76; Ю. В. Ганковский, Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году, 82; Курахара Корэхито (Япония), Японская демократическая литература после второй мировой войны. (Краткий очерк), 88; И. С. Брагинский, О возникновении газели в таджикской и персидской литературе, 94; Н. Д. Андреев, К вопросу о происхождении вьетнамского языка, 101. *Научные заметки:* Г. П. Сердюченко, Китайский фонетический алфавит, 112; Г. М. Петров, Язык дари в современнем Иране, 114; М. Р. Арунова, Фирман Надир-шаха, 116. *Историо-*

№ 3, 232 с.

№ 4, 239 с.

Маркса, 3; Вторая конференция писателей стран Азии и Африки, 23. *Статьи, публикации, сообщения:* Л. Г. Гукасян, Воздействие кризиса в США на экономически слаборазвитые страны Азии и Африки, 27; Р. А. Ульяновский, США и индустриализация Индии, 35; Б. И. Потаповский, Экспансия западногерманских монополий на Ближнем и Среднем Востоке, 51; К. З. Ашрафян, К истории городских движений в Делийском султанате в XIII—XIV веках, 61; Ю. А. Сотников, О колониальном наследии в аграрном строе Индонезии, 74; Д. В. Деопик, Возникновение государства во Вьетнаме, 83; В. М. Жирмунский, «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция, 90; Ю. Н. Рерих, Основные проблемы тибетского языкознания, 102. *Научные заметки:* Н. К. Нефедова, Куда ездили древние русы — в Андалузию или Анатолию?, 113; Б. А. Рыбаков, Русь и страна «Андалус» в IX—X веках, 116; Н. И. Лазарев, Положение рабочих на каучуковых плантациях в Бирманском Союзе, 119; Ф. С. Сеидов, Автограф Ахмеда Недима, 123. *Историография, критика и библиография:* В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев, Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов, 125; Хр. Гандев и Б. Недков, Востоковедение в Болгарии, 137; Н. А. Халфин, Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии, 146; Р. Т. Ахрамович, Новые явления в развитии общественной мысли в Афганистане в связи с проблемой Пуштунистана, 155. *Рецензии,* 162. *Аннотации:* Библиография научных трудов доктора исторических наук профессора И. М. Рейснера, 209. *Научная жизнь:* Дискуссия о госкапитализме в экономически слаборазвитых странах Востока, 213. *Хроника,* 226. *Письмо в редакцию:* П. К. Дасгупта, О первом индийском члене Российской академии наук, 234; Т. Г. Кезма [Некролог], 235.

№ 5, 215 с.

Содержание: Материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 3; Великая и непобедимая сила, 34. *Статьи, публикации, сообщения:* Сюэ Муцяо, Успехи трудящихся КНР и задачи социалистического строительства, 39; С. А. Мхитарян, Рабочий класс в народно-демократическом государстве Вьетнам, 44; Б. Ширендыб, Успехи строительства социализма в Монгольской Народной Республике, 52; Г. В. Грязнов и И. С. Казакевич, Корейская Народно-Демократическая Республика на путях к социализму, 55;

Ю. М. Осипов, Экономическая и валютно-финансовая эксплуатация английских колоний, 60; Г. С. Никитина, Израиль и американский империализм, 71; Е. И. Гневушева, «Буди Утомо» («Высокая цель»), 80; А. А. Валитова, К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу Билиг», 88; Н. А. Дворянков, О главных членах предложения с эргативной конструкцией в пашто, 103; П. И. Петров, Поправки и дополнения к биографии Мухаммед-Казима, 109. *Научные заметки:* Из переписки М. К. Ататюрка с В. И. Лениным, 115; Р. Нафигов, Деятельность Центрального мусульманского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей в 1918 году, 116; А. М. Матвеев, Иранские отходники в Туркестане после победы Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1921), 120; А. А. Бодрова, Горький и Восточная коллегия «Всемирной литературы», 124; В. Г. Эпштейн, К вопросу о транскрибировании бирманских собственных имен, 127; *Историография, критика, библиография:* Е. И. Удальцов, К выходу в свет девятого тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, 131; А. Д. Новичев, История рабочего класса Турции в источниках и литературе, 135; Х. Н. Дриккер, Работы по истории Таджикистана советской эпохи, 146; *Рецензии*, 154; *Заметки о книгах*, 188. *Хроника в СССР:* Институт востоковедения АН СССР; Ленинградское отделение ИВ АН СССР; Институт китаеведения АН СССР; Библиотеки, музеи; Азербайджанская ССР, Узбекская ССР, Каракалпакская АССР, 208. *За рубежом:* Китай, Польша, Индия, Индонезия, Иран, Ливан, Эфиопия, 210; Международные научные семинары в Африке, 212.

№ 6, 168 с.

Содержание: Программа развернутого строительства коммунизма, 3. *Статьи, публикации, сообщения:* Альбер Аяш, Формирование марокканской нации, 10; Л. Н. Прибытковский, Нигерия накануне независимости, 20; Ю. П. Деменьтьев и Май Тхук Леан, Из истории захвата Францией Южного Вьетнама, 33; И. М. Дьяконов, Этнос и социальное деление в Ассирии, 43; Э. Е. Зайденшнур, Фольклор народов Востока в творчестве Л. Н. Толстого, 57; Б. А. Розенфельд и А. П. Юшкевич, Математика стран Ближнего и Среднего Востока в средние века, 66. *Научные заметки:* А. А. Фрейман, Таджикское *пӯст* 'кожа, кожура, кора, оболочка, скорлупа, шелуха, шкура', 77; Э. В. Шавкунов, К вопросу о письменности бохайцев,

82; С. В. Донич, О звуковом потенциале двух египетских графем, 85; В. А. Ромодин, Находка рукописи нового исторического сочинения, 89. *Историография, критика, библиография:* М. Е. Радовильский, Из истории преподавания персидского языка в России и в Советском Союзе, 90; В. И. Беляев и И. П. Петрушевский, История стран Ближнего и Среднего Востока в новом учебнике по истории средневекового Востока, 98. *Рецензии*, 105. *Заметки о книгах*, 143; В. Мендельсон, К биографии востоковеда И. Н. Березина, 150; П. А. Гринцер, Санскритологические труды академика АН ТуркмССР Б. Л. Смирнова, 151. *Хроника*, 153. *Содержание журнала за 1958 г.*, 161.

XIV. Современный Восток (журнал)

1957, № 1, 52 с.

Содержание: От редакции; Творческий марксизм и политика мира, 2; Дружба миллионов, 4. *Статьи:* Б. Гафуров, Дух Бандунга живет и побеждает, 8; А. Марамис, Конференция в Бандунге — веление истории, 11; И. Плышевский, За национальную независимость и права народов Азии и Африки, 13; Ф. Сейфуль-Мулюков, Июльская революция— новый этап в истории Египта, 16; О. Накропин, «Доктрина Эйзенхауэра» — орудие колониализма, 19; М. Подкопаев, Женевские соглашения должны выполняться, 22; Ш. Рашидов, Активные творцы новой жизни, 25. *Наши интервью:* Беседа с главой парламентской делегации Цейлона, 28. *Сообщения:* Е. Примаков, Багдадский блок сменил хозяина, 31. *По странам Востока:* Е. Челышев, Индия на пути к новой жизни, 33; А. Султанов, Тунис сегодня, 36. *Критика и библиография:* М. Фирюбина, Новые формы старого колониализма, 38; З. Савелин, История одного заговора, 39; А. Полетаев, Разоблачение империалистической политики на Дальнем Востоке, 40. *Книжное обозрение*, 42. *По страницам зарубежных журналов:* А. Тимофеев, «Переводные материалы по вопросам Юго-Восточной Азии», 44. *Хроника научной и культурной жизни:* Деятели культуры Афганистана в Институте востоковедения АН СССР, 45; На выставке современной китайской живописи, 45. *События международной жизни на Востоке:* Население Тайваня продолжает борьбу; Янки при дворе короля Хусейна; Разумный шаг; Западногерманские монополисты устремляются в Турцию; Израиль продолжает игру с огнем, 47. *Документация:* Совместное заявление Дж. Неру и С. Бандаранаике в Коломбо, 51.

№ 2, 52 с.

Содержание: Ленинские принципы внешней политики СССР и страны Востока, 1. *Статьи:* Ф. Мочульский, Китайская Народная Республика — великая мировая держава, 4; А. Зусманович, Борьба народов Африки за свободу и независимость, 8; Л. Гамаюнов, Столетие индийского народного восстания, 11; Т. Ершов, Нелегкий, но славный путь, 13; Н. Осетров, За дальнейшее развитие советско-афганского сотрудничества, 17; Г. Беспалов, Социалистический Таджикистан, 19. *Наши интервью:* Ответы президента ДРВ Хо Ши Мина на вопросы редакции журнала «Современный Восток», 22; Беседа с главой парламентской делегации Бирмы, 23; Интервью г-на Али Састроамиджойо, 24. *Сообщения, обзоры, справки:* Г. Ким, Экономические успехи трудящихся Корейской Народно-Демократической Республики, 25; С. Вербицкий, А. Усватов, Народы Азии нельзя покорить, 27. *По странам Востока:* В. Кудрявцев, В Индонезии, 30; А. Узянов, В Рангуне, 33. *VI Всемирный...* Во имя будущего, 36; Вторая весна, 37. *Критика и библиография:* И. Андреев, Народы арабских стран против «доктрины Эйзенхауэра»; Абдаррахман аль-Хамиси, Фатхи Кямиль, «Нет, господин Эйзенхауэр!», 40; С. Фаридов, Мухаммед Аббас Сейид Ахмад, «„Доктрина Эйзенхауэра" — новая агрессия», 41. *Книжное обозрение,* 42. *Хроника научной и культурной жизни:* Первая Всесоюзная конференция востоковедов, 44; Встречи советских востоковедов с делегатами и почетными гостями VI Всемирного фестиваля, 48. *Цифры и факты,* 48. *События международной жизни на Востоке:* Народ Омана в борьбе за независимость, 49; Антиамериканские настроения на Филиппинах, 50; «Борьба только начинается!», 51; Против дезинформации и клеветы, 52; Враль на международной арене, 52.

№ 3, 48 с.

Содержание: СССР и Арабский Восток, 1. *Статьи:* Куо Шао-тан, Международное значение победы народной революции в Китае, 4; Прамудья Ананта Тур, Мысли о Западном Ириане, 7; Г. Мирский, Маневры США на Ближнем Востоке, 9; Е. Блок, Расцвет культуры узбекского народа, 12. *Наши интервью:* Успехи народов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики, 15. *Сообщения, обзоры, справки:* Л. Прибытковский,

«И Сьерра-Леоне может изменить свое название», 17; Ю. Марунов, Ближневосточная нефть и монополии, 18; Могучий голос молодого поколения, 21. *По странам Востока:* В. Кудрявцев, В Монгольской Народной Республике, 22; В. Ковыженко, Семнадцать дней в Японии, 26; П. Демченко, Иордания в дни кризиса, 29; Уилфред Бэрчетт, Водоворот событий в Лаосе, 32. *Критика и библиография:* С. Мирный, Судьба Французской империи в Африке, 37; В. Леонтьев, Конец «тайны» Тибета, 38; М. Сережин, В. Ширшова, Еще одна попытка обелить колониализм, 39. *Книжное обозрение,* 40. *Хроника научной и культурной жизни:* С. Ходжаш, Заметки об изобразительном искусстве Египта, 42. *События международной жизни на Востоке:* Заговор империалистов против Сирии; Знаменательная дата; Новое независимое государство в Азии; К внутриполитическому положению в Таиланде, 45.

№ 4, 48 с., 1 портр.

Содержание: В. И. Ленин о значении Великой Октябрьской социалистической революции, 1; Великий Октябрь и народы Востока, 3; Торжество ленинской национальной политики, 6; Государственные и политические деятели стран зарубежного Востока о Великой Октябрьской социалистической революции, 10. *Наши интервью:* У Ну, Октябрьская революция вдохновила национально-освободительное движение народов Азии, 17; Мирза Мухаммед Яфтали, «Россия пошла по пути прогресса», 18. *Статьи:* Хэ У-шуан, Китайская революция — продолжение Великого Октября, 19; Г. Ким, Пролетарский интернационализм в действии, 24; В. И. Ленин о народах Востока, 27; Т. Девяткина, Великий Октябрь и национально-освободительное движение в Индии, 29; С. Буденный, Монгольская Народная Республика на пути строительства социализма, 32; Казем ас-Самави, Октябрьская революция и арабские народы, 35; Али Ята, Африка рвет цепи колониального гнета, 37. *Критика и библиография:* Т. Колесниченко, Н. Поляков, Идеи Великого Октября бессмертны, 40; В. Богословский, Октябрь и пробуждение народов Востока, 42; Ю. Георгиев, Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Индии, 44; С. Стеркина, Визиты, укрепившие дружбу между СССР и Индонезией, 45; С. Владимирова, Дружба, озаренная Великим Октябрем, 46.

№ 5, 48 с.

Содержание: Торжество великих идей, 1. *Статьи:* Г. Старко, Ленинский принцип самоопределения народов и наций в действии, 4; Е. Брагина, Развитие государственного сектора в промышленности Индии, 7; Али Ята, Африка рвет цепи колониального гнета, 10; Тарик Мухаммед, Борьба иракского народа за свободу и независимость, 14; А. Леонидов, За ширмой сионизма, 17. *Наши интервью:* Японские социалисты выступают за мир и международное сотрудничество, 20; Якуб Овейс, Что мы видели в Советском Союзе, 22. *Обзоры, справки:* Б. Поцхверия, Экономика Турции и американская «помощь», 23; Р. Ланда, «Сотня сеньоров» Алжира, 25; В. Шейнис, Судебная инсценировка расистов, 27. *По странам Востока:* Уилфред Бэрчетт, Нейтрализм и Камбоджа, 29. *Критика и библиография:* А. Волков, Корейский народ в борьбе за единство страны, 33; И. Андреев, Пакт ненависти и страха, 34; С. Мирный, Вынужденные признания, 36. *Книжное обозрение,* 37. *Хроника научной и культурной жизни:* А. Литман, Пятилетний план Института востоковедения Академии наук СССР, 39; А. Тверитинова, XXIV Международный конгресс ориенталистов в Мюнхене, 41; Р. Вяткин, X конференция молодых синологов в Марбурге, 42. *События международной жизни на Востоке:* Крепнет советско-индийская дружба; К итогам выборов в Турции; Законное стремление; Недальновидный расчет; Единство арабских народов, 44.

№ 6, 48 с.

Содержание: Исторические документы мира, 1. *Статьи:* Х. Эйдус, Великий Октябрь и революционное движение в Японии, 4; А. Леонидов, За ширмой сионизма, 7; Жорж Ханна, Развитие культурных связей между Ливаном и Советским Союзом, 10; А. Сумбат-заде, Развитие культуры в Азербайджанской ССР за годы советской власти, 13; Анна Мороз, Каким был Рудаки, 15. *Обзоры, справки:* Проблемы колониализма на IV конгрессе Всемирной федерации профсоюзов, 20; Л. Яблочков, Произвол колонизаторов, 23; Ахмед К., Молодежь Алжира в борьбе за национальное освобождение, 25; А. Сампсон, Правда о португальских колониях в Африке, 26. *По странам Востока:* А. Узянов, В Шанском государстве, 27; А. Султанов, В. Соловьев, Дамасские впечатления, 30; И. Белоусов, Пять дней в Рабауле, 34. *Критика и библиография:* Е. Коновалов, Американский

журналист об успехах народного Китая, 38; В. Жуков, Мир или все-таки война?, 39; *Книжное обозрение*, 41. *По страницам зарубежной прессы:* И. Беляев, Односторонний подход, 43. *События международной жизни на Востоке:* Могучая сила современности, 45; «Тунисское дело» и сахарская нефть, 46; События в Ифни, 46; Мердека Западному Ириану!, 47; Профсоюзы Китая на службе народа, 48. *Содержание журнала за 1957 год (приложение)*, 49.

1958, № 1, 64 с.

Содержание: Новогоднее послание Президента Республики Египет Гамаль Абдель Насера редакции журнала «Современный Восток»; Вступая в 1958-й, 1; Плоды великой дружбы, 5; А. Семенов, Советский Союз и Бирма, 8; М. Сладковский, Экономическое сотрудничество КНР со странами Юго-Восточной Азии, 12; Е. Примаков, «Доктрина Эйзенхауэра» — цепь неудач, 16; Ф. Федоров, Двойная игра, 20; А. Членов, Искусство пробудившегося Востока, 24. *Наши интервью:* Наши отношения с Советским Союзом теснее, чем когда-либо, 32; Подъем национальной культуры Египта, 34. *Обзоры и справки:* Т. Емельянов, Монополии ФРГ устремляются в Африку, 36. *По странам Востока:* Ю. Орлов, Вьетнамская деревня, 38; Д. Евгеньев, В Измире, 43. *Критика и библиография:* Ю. Марунов, Центр империалистической пропаганды на Востоке, 47; В. Трубицын, Алжир борется, 49; И. Иванов, Опыт государственного регулирования экономики в Индии, 50. *Коротко о книгах*, 52. *По страницам зарубежной прессы:* С. Мадзоевский, «Интернэйшнл afферс» и колониализм, 55; Е. Гальперина, Поборник возрождения африканской культуры, 57. *Восток сегодня:* Наш девиз: свобода!; Алжирский вопрос должен быть разрешен; Судан: независимость и позитивный нейтрализм; Расисты вынуждены отступить, 59. *Приложение:* Документы Каирской конференции солидарности стран Азии и Африки, 63.

№ 2, 64 с.

Содержание: От Бандунга до Каира, 1; День Республики Индии, 4; Е. Ковалев, Братское единство, 6; Е. Примаков, «Доктрина Эйзенхауэра» — цепь неудач, 11; С. Вербицкий, Позитивный нейтрализм или агрессивные блоки?, 15; Я. Певзнер, К современному экономическому положению Японии, 19; А. Литман, Борец за независимость Индии, 23. *Наши интервью:* Политика нейтралитета отвечает интересам Камбоджи, 26; Новая страница дружественного со-

трудничества, 27. *Конференция солидарности стран Азии и Африки:* Анап Сингх, Обзор современного международного положения, 28: Халид Мохи эд-Дин, Империализм и поддержка прав народов на независимость и суверенитет, 31; Каору Ясуи, Запрещение применения и испытаний ядерного оружия, 34; А. Арзуманян, СССР и экономические отношения между странами Азии и Африки, 38; Ш. Рашидов, Наша цель — мир и дружба между народами, 41; Го Мо-жо, Солидарность, солидарность и еще раз солидарность, 43. *Обзоры и справки:* Г. Шабалина, Голландский капитал в Индонезии, 45. *По странам Востока:* И. Казакевич, В гостях у корейских друзей, 47. *Наука и культура:* Балвант Гарги, Индийский театр, 50. *Критика и библиография:* Э. Юрин, Великий писатель Индии, 57; Л. Степанов, Откровенная апологетика колониализма, 58. *По страницам зарубежной прессы:* А. Васильев, Навеки вместе, 60. *Документация:* Два письма Рабиндраната Тагора, 62.

№ 3, 64 с.

Содержание: За мир и безопасность народов, 1; Л. Делюсин, Победа в борьбе с правобуржуазными элементами в Китае, 5; Г. Драмбянц, Англо-американское соперничество на Аравийском полуострове, 8; А. Лаврищев, Демагогия под видом аграрной реформы в Южном Вьетнаме, 11; Г. Бакшеева, Свет новой жизни, 15; Женское движение в Марокко, 18. *Конференция солидарности стран Азии и Африки:* А. Арзуманян, СССР и экономические отношения между странами Азии и Африки, 19; Айях Хасан, Алжирская проблема, 24. *Обзоры и справки:* Ю. Потемкин, Некоторые вопросы экономической независимости Марокко и Туниса, 28. *Лауреаты международной Ленинской премии мира:* Чандрасекхар Венкат Раман, 31; Удакендавала Сарананкара тхеро, 32. *По странам Востока:* И. Потехин, В освобожденной Гане, 33; В. Павлов, Правда о Кокосовых островах, 39. *Навстречу конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте:* Кришан Чандар, Материнская любовь, 42; Орхан Кемаль, Грязный плащ, 44. *Наука и культура:* В. Луцкий, Поборник арабского возрождения, 46; И. Лосева, Заметки о ливанской живописи, 50; Б. Громов, Город под водой, 54. *Критика и библиография:* М. Курганцев, Нельзя оставаться спокойным!, 55; Г. Нечкин, «Луна мира», 56. *Коротко о книгах*, 58. *Восток сегодня*: Новая республика; Кения за тюремной решеткой; «Наша кровь кипит!», 59. *В социалистических странах*

Азии. Документация: Совещание представителей трех компартий по алжирскому вопросу, 62.

№ 4, 64 с.

Содержание: Ленин и Восток, 1; Торжество социалистической демократии и гуманизма, 5; Г. Ким, Ленин и национально-колониальный вопрос, 7; Г. Ефимов, Ленин и китайская революция, 11; Э. Комаров, Ленин и Индия, 14; Нгуэн Динь Тхи, Он указал путь к свободе, 17; «Повязка сброшена с наших глаз», 18; Г. Мартышева, Национализация — законное право народов Востока, 20; В. Юсупов, В колхозе «Звезда Востока», 25; Т. Галактионова, Садриддин Айни, 28; Государственные, политические и общественные деятели стран Востока о Бандунгской конференции, 28. *Обзоры и справки:* А. Данилов, Штат Керала, 32; П. Топеха, Герберт Норман — выдающийся ученый-японовед, 35. *По странам Востока:* А. Назаров, В Японии, 37; А. Лаврентьев, Бандунг сегодня, 44. *Литературная страница:* Арабские поэты о Ленине, 47; Сембене Усман, Страна моя, прекрасный мой народ! (Отрывок из романа), 49. *Критика и библиография:* Т. Абаева, А. Шамансурова, Книга о борьбе за советскую власть, 54; В. Ли, Колониализм ищет выхода из тупика, 56; Произведения В. И. Ленина на языках народов Востока, 58. *Коротко о книгах,* 59. *Восток сегодня:* Камерун борется за свободу. Планы СЕАТО и действительность; Нури Саид «спасает» колониализм, 61.

№ 5, 64 с.

Содержание: Международная солидарность трудящихся, 1; Бессмертное учение, 4; И. Беляев, Контуры нового государства, 7; А. Левковский, Государственный капитализм в Индии, 10; Тарик Мухаммед, Ирак в цепях колониализма, 17; А. Сергиев, Юй Гун передвигает горы, 21; В. Ерошин, Заговор империалистов против Индонезии, 25. *Наши интервью:* «Без экономической независимости политическая независимость является лишь иллюзией»; Первая делегация иранских женщин в Советском Союзе, 29. *Обзоры и справки:* А. Зусманович, Пролетариат Африки борется против империализма, 30; *По странам Востока:* А. Назаров, В Японии (окончание), 33; Э. Булатов, По Индии и Пакистану, 39. *Культура Востока:* Н. Глебов, Поэт Востока, 43; Н. Лосева, Изобразительное искусство Сирии, 45. *Навстречу кон-*

ференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте: Писательский форум Востока, 48; Абдуррахман аш-Шаркави, Ты будешь жить, Джамила!, 49; Юсуф бен аш-Шейх Якуб, Вор, 50. *Хроника научной жизни:* Третья годовщина Бандунгской конференции, 51. *Критика и библиография:* Н. Поляков, Летопись советской культуры, 53; С. Владимирова, 30 000 ли по Китаю, 54; В. Титаев, Правда о свободе совести в СССР, 56; Конференция читателей журнала «Современный Восток» в Ленинграде, 57. *По страницам зарубежной прессы:* Г. Подпалова, «СССР действительно желает мира», 59. *В социалистических странах Азии*, 61.

№ 6, 64 с.

Содержание: Навстречу XXV Международному конгрессу ориенталистов в Ленинграде, 1; А. Мартынов, Величественное будущее Народного Китая, 3; А. Лаврищев, Историческая победа вьетнамского народа, 7; Л. Ватолина, Перспективы промышленного развития Объединенной Арабской Республики, 11; Т. Латыпов, На землях Голодной степи, 16. *Наши интервью:* Наша общая задача — не ослаблять усилий в борьбе за мир. *Обзоры и справки:* Б. Данциг, Нефтяная промышленность стран Азии и Африки в 1957 году, 20; А. Шпирт, Кто пользуется богатствами колониальной Африки?, 23; С. Фильштинский, «Новое открытие» Ближнего и Среднего Востока западногерманскими монополиями, 26; С. Микоян, Л. Москаленко, Штат Джамму и Кашмир, 29; Б. Чехонин, Сохё — массовая организация японских трудящихся, 32. *По странам Востока:* А. Султанов, На древней земле Арабского Востока, 31; Т. Мхитарян, Ханой — летопись Вьетнама, 37. *Культура Востока:* А. Коломиец, Хокусай, 42; Д. Байтерякова, «Алжир, родина моя!», 46. *Хроника научной жизни:* Новый востоковедный институт, 48. *Навстречу конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте:* Писательский форум Востока, 49; Д. Еремеев, Колокол в тумане, 50; Орхан Ханчерлиоглу (Турция), Дорога в рай, 52; Орхан Вели, 53; *Критика и библиография:* Г. Кравчинская, Успехи демократического строительства в КНДР, 54; Е. Леонова, Установление народной власти в Тибете, 55; Л. Степанов, Экономические рецепты колонизаторов, 57. *Коротко о книгах*, 58. *По страницам зарубежной прессы:* Б. Утешев, Прага изучает Восток, 60. *Восток сегодня*: Борьба ливанского народа, 61; Руанда-Урунди, Камерун и Танганьика должны получить независимость, 62.

№ 7, 64 с.

Содержание: Навстречу великой Ассамблее борцов за мир, 1; Комментатор, Кто мешает выполнению женевских соглашений?, 3; Али Ята, Основные задачи национально-освободительного движения в Марокко, 5; Б. Пядышев, Доктрина «малых» войн — орудие колонизаторов, 10; Брайен Бантинг, Свобода на скамье подсудимых, 14. *Обзоры и справки:* В. Титков, Монгольская Народная Республика строит социализм, 19; В. Сенин, Страна в Гималаях, 20; Б. Поцхверия, Как живут турецкие рабочие, 23; И. Андреев, Монополии США в Ливане, 24; Е. Гусаров, Правда о «рае» в Конго, 27. *По странам Востока:* И. Плышевский, По городам Объединенной Арабской Республики, 29; И. Шептунов, Будни Кабула, 33. *Культура Востока:* Я. Нальский, Гордость таджикского народа, 37; Г. П. Малаласекера, Возрождающаяся культура Цейлона, 40. *Навстречу конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте:* В. Артемов, «Ананзесем». (Заметки о фольклоре ашанти), 45; Почему все сказки принадлежат Ананзи, 47; Почему мудрость по всему свету разбросана?, 49; Обманщик и носильщик, 50; И. Семенов, Кто такие гриоты?, 51; Сембене Усман, Мать, 52; Издательства СССР к конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте, 54. *Критика и библиография:* Р. Ланда, «Мораль» и демагогия колонизаторов, 55; А. Сагадеев, Кто направлял руку убийцы?, 57; *Коротко о книгах,* 59. *По страницам зарубежной прессы:* В. Голант, Клеветники из Мадрида, 60; *Восток сегодня:* Того борется за независимость, 62; Новый этап в борьбе за иранскую нефть, 63.

№ 8, 64 с.

Содержание: Комментатор, Рождение республики, 1; Л. Моджорян, Колониальные реформы — орудие империализма, 4; Али Ята, Основные задачи национально-освободительного движения в Марокко, 8; А. Шпирт, Влияние кризиса в США на экономику колониальной Африки, 12; Японский народ против атомной бомбы, 16. *Наши интервью:* Камбоджийские парламентарии в СССР, 18; Еап Ким Чоан, Советский народ — счастливый народ, 20; Н. Луцкая, В гостях у Абд аль-Керима; 22; Абд аль-Керим, Русскому народу и всем народам мира; Советские витрины на Востоке, 23. *Обзоры и справки:* Л. Котлов, Американская «помощь» арабским странам: миф и действительность, 24; Независимой

Индии 11 лет, 26. *По странам Востока:* Г. Ким, В социалистической Корее, 30; И. Плышевский, По городам Объединенной Арабской Республики, 33; Поль Хогарт, В Южной Африке Стрейдома, 36; Песни борьбы; С. Кондрашов, Судан в начале пути, 39; Г. Сердюченко, О реформе китайской письменности, 42; Культура и жизнь, 44. *Этнографическая страница:* А. Першиц, О быте арабов Саудовской Аравии, 45; Конгресс африканских писателей и художников, 47. *Хроника научной жизни:* Оргкомитет XXV Международного конгресса востоковедов, 48; Из выступления посла Таиланда в СССР Шид Срестапутра по телевидению 23 июня 1958 г., 48. *Навстречу конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте:* Писательский форум Востока, 49; Кхушвант Сингх, Когда я вижу солдат, 50; Песня девушки; *Критика и библиография*: Г. Михайлов, А. Романов, Человек находит истину, 53; Г. Александров, Драма пяти миллионов, 54. *Коротко о книгах,* 55. *По страницам зарубежной прессы:* Цзэн Сю-фу, За победу под Красным знаменем, 57. *Восток сегодня:* Преступления и «правосудие»; Американские пираты над Индонезией; Эти факты не нуждаются в комментариях... Два лица «умиротворения», 58; В. Кудрявцев, К положению в Бирме, 62. *Ответы читателю:* Африканский национальный конгресс, 63.

№ 9, 96 с.

Содержание: Ш. Рашидов, Добро пожаловать в Ташкент, 1; Л. Никулин, Если писатели всего мира..., 3; Ральф Паркер, Эти голоса должны быть услышаны, 4; Гэ Бао-цюань (КНР), Говорят писатели..., 6; И. Брагинский, Заметки о реалистических традициях в литературах Востока, 7; Осман Сарывелли (АзССР), Сброшено ярмо!, 11; Зульфия (УзбССР), Тебе, Египет!, 11; Го Мо-жо, «Литература — это отражение и критика жизни». Интервью, 12; Го Мо-жо, На конгрессе за разоружение в Стокгольме, 13; Чэнь Шоу-чэн, «Во весь голос пою!», 14: А. Шифман, Лев Толстой и современный Китай, 15. *Коротко о книгах:* Ли Чжунь, Ли Сы-сяньшэн, 19; Лхамсурен (МНР), Нашей дружбы песня, 21; В. Иванова, Старейший пролетарский писатель Кореи, 21; Ким Са Рян (КНДР), Больной доктора Пака, 22; В. Карпов, Творчество То Хыу, 24; Нгуен Тхань Лонг (ДРВ), Весенняя весть, 25; Хотта Ёсиэ (Япония), Современная японская литература, 28; Тацудзо Исикава (Япония), Тростник

под ветром, 29; «Поющие голоса Японии», 31; Али Сардар Джафри (Индия), Восток и Запад, 32; Нирендранатх Рай (Индия), Современные тенденции в бенгальской литературе, 34; А. Шумский, Горький — друг индийского народа, 35; З. Петруничева, Шри Шри — выдающийся поэт Андхры, 39; Е. Челышев, Песня, летящая на крыльях, 40; Сиярамшаран Гупта (Индия), Тетя, 44; Раджендра Ядав (Индия), Собачонка, 45; Зоэ Ансари (Пакистан), Пакистанские впечатления, 47; Н. Глебов, Ахмад Надим Касми — певец пенджабской деревни, 49; Э. Р. (Индонезия), Несколько слов о литературе Индонезии, 50; Ю. Луговской, Сеяджи Такин Кодо Хмаинг, 52; Такин Кодо Хмаинг, Большое слово о мире, 53; Назым Хикмет—конференции, 54; Назым Хикмет, Перед рассветом, 55; А. Бабаев, От литературы города к литературе страны, 56; Лобат Шейбани (Иран), Персидская поэзия сегодня, 58; Дарья, Не говори, 59; Мохаммед Таги Бахар, Сова войны, 60; Н. Дворянков, Мольер в Кабуле, 61. *Говорят писатели Объединенной Арабской Республики,* 62; Мовахиб аль-Каяли, Мысли о современной арабской литературе, 64. *Арабские писатели о русской и советской литературе:* Д. Юсупов, Поэзия борьбы, 66; Абд ар-Рахман аль-Хамиси, Смерть Абуль Касема, 68; Ибрахим Шаарави, Клад, 69; Стихи Абд аль-Ваххаба аль Баяти, 70; Г. Шарбатов, Арабская новелла, 72; Мухаммад Ибрахим Дакруб (Ливан), Цепи, 73; Абд аль-Вахид Ибрахим, Цена ковра, 76; Фуад аль-Касуса (Иордания), Человек, 78; Юсеф ас-Сибаи (ОАР), Секина, 80; Ас-Саиди аль Гариби (Тунис), Гимн борцов, 83; И. Беляев, Вместе со всеми писателями Азии и Африки, 84; Д. Ольдерогге, Языки Африки, 85; Н. Охотина, Заметки о зарождении литературы суто и зулу, 87; В. Володина, Фиаву — писатель Эве, 87; А. Давидсон, Африка имеет свою культуру, 88; Касе, Мы завоюем свободу, 89. *Критика и библиография:* А. Аркадьев, Поэзия великого народа, 90; В. Пак, Сумерки старого мира, 92; Н. Гусева, Семь лет, 93. *Коротко о книгах,* 94.

№ 10, 56 с.

Содержание: Л. Дубровина, Народный Китай — наш великий друг, 1. Комментатор, Заговор против шестисотмиллионного народа, 4; Д. Дамба, Социалистические преобразования в сельском хозяйстве МНР, 6; А. Ефремов,

№ 11, 64 с.

И. Беляев, Черные дни Иордании, 29; М. Сельский, В столице Пакистана, 32; С. Кондрашов, Судан в начале пути, 36. *Этнографическая страница:* В. Искольдский, В джунглях Саравака, 40. *Культура Востока:* М. Курганцев, Музы и разум, 43; С. Волк, Литературный Бандунг, 45; Саджар Захир, Дух Ташкента непобедим, 49; Бенжамен Матип, Встреча исторического значения, 50; Юсуф Идрис, Вереница. Рассказ, 51. *По страницам зарубежной прессы:* Абу Майанджа, Уганда стремится к свободе, 54. *Заметки:* Н. Якубов, Аграрная реформа в Ираке, 55; Ю. Гаврилов, Плоды перевооружения, 57; Д. Евгеньев, Друзья познаются в... суде, 57; Зачем Сайгону такая широкая автострада?, 57. *Критика и библиография:* Э. Боровик, Люди тропической судьбы, 58; Вл. Ли, Что думают в Индии об «атомном колониализме», 60; А. Куров, Историк или адвокат колонизаторов?, 62.

№ 12, 56 с.

Содержание: Для человека!, 1; К. Алексеев, Так рождалась большая победа, 3; В. Евгеньев, Флот США — орудие агрессии, 6; Л. Гукасян, Об экономических основах американского «антиколониализма», 10. *Наша трибуна:* П. Ч. Махаланобис, Индустриализация — ключ к укреплению независимости, 15. *Обзоры и справки:* Л. Шапошникова, «Бхудан» и «грамдан» в Индии, 19; А. Орлова, Мальгашский народ продолжает борьбу, 21; С. Волк, Гвинейская республика, 23. *По странам Востока:* К. Перевощиков, По «Великому тракту» в Аллахабад, 25; П. Демченко, Ирак на новом пути, 27; Г. Старко, Ярмарка в Дамаске, 30. *Этнографическая страница:* Н. Чеканов, В краю вечной весны, 33; Дм. Евгеньев, Стамбул, 36; Н. Поздняков, «Готонг — ройонг» — древняя традиция народа, 39. *Культура Востока*: А. Коломиец, Великий художник и гуманист. К 300-летию со дня рождения Огата Корина, 40, илл., Карур Нилькантх Пилле, Мать, 41; Устод Рудаки, 46. *Заметки:* Л. Рейснер, Г. Широков, Бескорыстная помощь, 47; Ю. Потемкин, Экономическая демагогия французских колонизаторов, 48. *События и факты:* Совещание индийских ученых. Академия культуры в Кашмире. Международный дом студентов. Открытие пакистанских ученых, 49. *Критика и библиография:* Н. Поляков, Бессмертный факел Октября, 50; Альяс Дауд аль-Бадри, Перо, приравненное к штыку, 52; Е. Макаров, Африка борется, 53; М. Зенович, «Мессия» или форпост империализма?, 55.

XV. Несерийные издания

I. Общеакадемические издания с 1917 года до образования Института востоковедения

1. Bibliotheca Friedlandiana. Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico Academiae Petropolitanae asservatorum. Opera et Studio Sam. Wiener, Fasc. VI, 1918, p. 563—630; VII, 1918, p. 631—656.

2. Каталог индийских рукописей Российской Публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторые другие. Сост. Н. Д. Миронов, II, вып. 1, 1918, [2], 288 с.

3. Орбели И. А., Вопросы и решения вардапета Анании Ширакца, армянского математика VII века, 1918, 80 с.

4. Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. 1. Произведения народной словесности бурят. Собрал Ц. Ж. Жамцарано (вып. III). Эпические произведения эхрит-булгатов. Ха-Ошир—Хубун, в двух редакциях. (Былина), XXXIV, 1918, [2], 503—648 с.

Т. II. Эпические произведения эхрит-булгатов. [Предисл. Б. Я. Владимирцова] (вып. I). Гэсэр-Богдо. (Эпопея), вып. II, 1930, [3], 166 с. Ошор-Богдо хӯбӯн хурін алтаї хӯбӯн, 1931 [8], 167—330 с.

Т. III. Произведения народной словесности халха-монголов. Северохалхаское наречие, VIII, 1932, 168 с.

Т. IV. Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака, 1934, 132 с.

5. Азиатский музей Российской академии наук. 1817—1918. Краткая памятка, II, 1920, 114, II с.

6. Дармакирти, Обоснование чужой одушевленности с толкованием Винитадева. Пер. с тибетск. Ф. И. Щербатской, XVI, LXVI, 1922, 80 с. (Памятники индийской философии, вып. 1).

7. Жуковский В. А., Материалы для изучения персидских наречий, (ч. II). Диалекты города Семнаны: сэншеэр, шемерзод: Диалекты полосы города Исфагана: сэдэ, гяз, кяфрон. Диалекты полосы города Шираза: сивенд, абдуи. Гуранский диалект деревни Талахедэшк. Наречие евреев города Кашана. Наречие деревни Таджриш, вып. I. 1. Тексты, 2. Словарь, 1922, IV, 432 с.; ч. III. Наречие бахтиаров чехарленг и хефтеле́нг, вып. I; 1. Тексты и переводы. 2. Словарь, 1922, 205, 1 с.

8. Brosset M., Histoire de la Géorgie depuis l'antíquité jusqu'an XIX siècle publiéé en géorgien par M. Brosset. P. I. Histoire an-

cienne' jusqu'en 1469 de J.-C. 1-ère livr. (en partie). Réedition faite par N. Marr, membre de l'Acad. des Sciences de Russie, 1923, [1], II, 200 с.

9. Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Памятка Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук [Сост. В. Л. Котвич.], 1923, 89, [1] с.

10. Театр народов Востока. Путеводитель по выставке, устроенной в Большом конференц-зале Академии наук 26 марта—9 апреля 1927 г. /1/, 18 с., 4 табл.

11. Stcherbatsky Th, The conception of Buddhist Nirvāna, VI, 1927, 246 с.

12. Миллер В. Ф., Осетинско-русско-немецкий словарь. Под ред. и с дополн. А. А. Фреймана, т. 1—3, 1927—1934, 1730 с.

13. Мир-Али-Шир, Сборник к пятисотлетию со дня рождения, 1928, [6], 174 с. *Содержание:* В. В. Бартольд, Предисловие, I; А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, 1; Е. Э. Бертельс, Неваи и Аттāр, 24; А. А. Ромаскевич, Новый чагатайско-персидский словарь, 83; В. В. Бартольд, Мир-Али-Шир и политическая жизнь, 100. *Критика и библиография*, 165.

14. Худӯд ал-'āлем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда, 1930, 45 с., 78 табл.

15. Владимирцов Б. Я., Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, XI, 1934, 223 с. [Напечатана после смерти акад. Б. Я. Владимирцова].

II. Издания Института востоковедения

1933

1. Шитов Г. В., Персия под властью последних Каджаров, 1933, 231 с. с илл., 1 карта.

1934

2. Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей, 1934, 642 с., 3 портр.

Содержание: В. П. Волгин, Предисловие, 3; Н. Я. Марр, Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия, 5; Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист, 15; М. К. Азадовский, С. Ф. Ольденбург и русская фольклористика, 25; В. М. Алексеев,

К истории демократизации китайской старинной литературы. (О новеллах Ляо Чжая), 37; М. П. Алексеев, Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. (К истории поисков морского пути в Китай и Индию в XVII веке), 51; А. П. Баранников, «Saptasaroj» Прем Чанда, 73; Е. Э. Бертельс, Персидская «лубочная литература», 83; И. Н. Винников, Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии, 125; В. А. Гордлевский, Баха-уд-дин Накшбенд бухарский. (К вопросу о наслоениях в исламе), 147; Н. Т. Гринкова, Вопрос о сказочнике в русской фольклористике, 171; Н. С. Державин, Jan'i janak'i. (Запись и перевод албанской народной песни), 181; В. М. Жирмунский, Проблема фольклора, 195; Д. К. Зеленин, Религиозно-магическая функция фольклорных сказок, 215; П. П. Иванов, К вопросу о древностях в верховьях Таласа, 241; Н. Н. Козьмин, Классовое лицо «Атасы» Иоллыг-тегина, автора орхонских памятников, 259; И. Ю. Крачковский, К истории арабских версий сказки про женскую хитрость, 279; А. Е. Крымский, Страницы из истории северного, или кавказского, Азербайджана (классической Албании), 289; С. Е. Малов, Материалы по уйгурским наречиям Син-Дзяна, 307; Ю. Н. Марр, Выражение фонетики стиха в персидском письме, 323; И. И. Мещанинов, Два языка древнего Вана, 359; Н. А. Невский, Представление о радуге, как о небесной змее, 367; А. С. Орлов, Вальтер-Скотт и Загоскин, 413; Э. К. Пекарский, Якутская сказка, 421; А. П. Рифтин, Из вавилонского права, 437; А. А. Ромаскевич, Персидские версии фабло Constant du Hamel, 443; А. Н. Самойлович, Хивинские маршруты первой половины XIX века по Каракумам, 451; М. Н. Сперанский, Индия в старой русской письменности, 463; В. И. Срезневский, Язык и легенда в записях Л. Н. Толстого, 471; В. В. Струве, Рабовладельческая латифундия в Сумере III династии Ура (ок. XXIII в. до н. э.), 495; И. И. Толстой, Возвращение мужа в Одиссее и в русской сказке, 509; И. Г. Франк-Каменецкий, Женщина—город в библейской эсхатологии, 535; А. А. Фрейман, Забытые осетинские числительные, 561; В. И. Чернышев, Русские сказки в изданиях XVIII века. (Библиографические заметки по поводу неизвестного сборника лубочных сказок в Музее книги, документа и письма Академии наук СССР), 585; Р. И. Шор, К соотношению рецензий древнеиндийского сборника сказок «Vetalapanca vincatica», 611; П. Е. Скачков, Материалы для библиографии трудов С. Ф. Ольденбурга, 625.

1936

3. Bibliotheca Friedlandiana. Каталог еврейских книг (изданных до 1892 г.) библиотеки Института востоковедения Академии наук СССР. Вып. VIII (3). Сост. И. Г. Бендер, под ред. акад. П. К. Коковцева, 1936, [7], 39 (657—689) с., титульный лист на русск. и франц. яз.

1937

4. Новичев А. Д., Очерки экономики Турции до мировой войны, 1937, 314 с.

5. Конрад Н. И., Синтаксис японского национального литературного языка, 1937, 376 с.

6. Крачковский И. Ю., Арабская культура в Испании, 1937, 32 с.

7. Ляо Чжай, Рассказы о людях необычайных. Из серии новелл Ляо Чжай-и. Пер., предисл. и комм. акад. В. М. Алексеева. Иллюстрации китайских художников, 1937, 494 с., 62 рис. в тексте (китайские иллюстрации стереотипного издания 1886 г.), 2 табл. в красках — воспроизведение народных картин.

8. Вторая сессия ассоциации арабистов 12—23 октября 1937 г. (Материалы по II сессии ассоциации арабистов).

[1]. Резолюция, принятая на заседании 23 октября 1937, 15 с. *Содержание:* [Повестка сессии арабистов], 3; Резолюция второй сессии арабистов, 5.

[2] О библиографии «Советская арабистика за XX лет» (1917—1937), 4 с.

[3.] Выставка. Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР, 4 с.

[4.] Выставка. К 900-летию со дня смерти Авиценны. (Абӯ Алӣ ал-Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина) (1037—1937), 4 с.

[5.] Тезисы и содержание докладов, 1937, 32 с.

Содержание: Раздел I. Арабистика в СССР за 20 лет. И. Ю. Крачковский [Ленинград, Академия наук СССР], 7. *Раздел II.* Авиценна. А. Ю. Якубовский [Ленинград, Гос. Эрмитаж, ИВ АН], Время Авиценны, 8; А. П. Ковалевский (Ленинград, ИВ АН), Библиография Авиценны, составленная ал-Джузджани, и ее литературная история, 10; Е. Э. Бертельс (Ленинград, ИВ АН), Авиценна и персидская литература, 12; А. Я. Борисов (Ленинград, Гос. Эрмитаж, ЛГУ), Авиценна как врач и философ, 14; И. И. Гинцбург (Ленинград, ИВ АН), Арабская медицина и произведения Авиценны— Канон и Урджуза — по еврейским рукописям ИВ АН, 18;

А. Э. Шмидт (УзбССР, г. Ташкент, ГПБ), Рукописи произведений Авиценны в Гос. Публ. библиотеке УзбССР, 19. *Раздел III*. История арабских стран. Н. В. Пигулевская (Ленинград), Арабы VI в. по сирийским источникам, 21; В. И. Беляев (Ленинград, ЛГУ, ИВ АН), Собрание арабских папирусов в Ленинграде и Москве, 22; А. Е. Крымский (УССР, Киев), Причины упадка арабской литературы под властью османских султанов XVI—XVIII в. по представлению самих арабов, в связи с показаниями османских историков XVIII в. и европейских наблюдателей того же времени, 23. *Раздел IV*. Арабы и история народов СССР. П. К. Жузе (АзербССР, Баку, АЗФАН), Расселение арабских племен по Закавказью и дальнейшая их судьба, 25; А. П. Ковалевский (Ленинград, ИВ АН), Новооткрытый текст путешествия Ибн Фадлака на Волгу, 27; И. Н. Винников (Ленинград, ИАЭ), Арабы Вабкентского района УзбССР, 29. *Раздел V*. Лингвистические сообщения. А. П. Рифтин, (Ленинград, ЛГУ), К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках, 30; Г. В. Церетели (ГрузССР, Тбилиси), Язык среднеазиатских арабов, 31.

1938

9. Лу Синь. 1881—1936. Сборник статей и переводов, посвященных памяти великого писателя современного Китая, 1938, 184 с., 1 портр. (Тит. лист и оглавл. на русск. и кит. яз.).

Содержание: Лу Синь (вступ. статья), 5; Траурная песнь, 19; *I. Статьи:* Эми Сяо, Памяти Лу Синя, 29; А. Шпринцин, Лу Синь и вопросы китайского языка и письменности, 53; *II. Переводы:* Подлинная история А-Кея, 77; Из «Диких трав». Разговор с собакой, 122; Побег на луну, 123; Моление о счастье, 135; Белый блеск, 155; Весенний праздник, 162; На показ толпе, 172; Шанхайские впечатления 1933 года, 178.

10. Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Ср. Азии XVI века, 1938, X, 466 с.

11. Сказки народов Востока, 1938, 188 с. Переводчики: О. И. Шацкая, И. Алимов, А. Н. Генко, Г. Н. Румянцев, А. К. Боровков, Л. С. Пучковский, А. П. Баранников, А. А. Драгунов, К. М. Черемисов, З. Аксаков, В. Д. Дондуа, С. Т. Еремян, Д. В. Семенов, О. А. Вильчевский, И. Н. Леманов, А. А. Холодович, В. Н. Маркова, Н. И. Конрад, А. Е. Глускина, Р. Г. Карлина.

1940

12. Х. К. Баранов, Арабско-русский словарь. Под ред. и с предисл. акад. И. Ю. Крачковского, XXVI, вып. 1—4, 1940—1946, 584 с.

13. Джангар. Героический эпос калмыцкого народа, XVIII, 1940, 364 с. (Тит. лист на русск. и калмыцк. яз.).

14. Киргизско-русский словарь. Сост. проф. К. К. Юдахин, 1940, 576 с.

15. Китай. История, экономика, культура. Героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей под ред. акад. В. М. Алексеева, Л. И. Думана и А. А. Петрова, 1940, 536 с., 1 портр., 1 карта.

Содержание: Предисловие, 5; Г. Н. Войтинский, Борьба китайского народа за национальную независимость, 7; Г. Ф. Смыкалов, Географический очерк Китая, 24; В. М. Штейн, Экономический очерк Китая, 63; Л. И. Думан, Очерк истории Китая. (С древнейших времен до эпохи империализма), 107; Г. В. Ефимов, История Китая в эпоху империализма, 171; А. Г. Зюзин, Борьба с оккупантами в Маньчжурии, 207; А. И. Островская, Аграрный вопрос в Китае, 214; М. К. Пашкова, Рабочий класс Китая в борьбе за национальную независимость, 226; П. Е. Муравьев, Государственное устройство Китая, 238; А. А. Петров, Очерк философии Китая, 248; Г. О. Монзелер, Религии в Китае, 273; В. М. Алексеев, Китайская литература. (Историко-библиографический очерк), 282; Н. А. Петров, Новая и новейшая литература Китая, 300; Эми Сяо, Литература и искусство Китая в борьбе за национальную независимость, 310; К. И. Разумовский, Китайское искусство [с 12 табл.], 326; А. А. Драгунов, Китайский язык, 343; Ю. В. Бунаков, Китайская письменность [с 2 табл.], 351; Ю. В. Бунаков, Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае, 385; Ю. В. Бунаков, Периодическая печать в Китае, 404; В. Н. Кривцов, Народное образование в Китае, 427; Л. Н. Рудов, Здравоохранение в Китае, 442. *Приложения,* 449. *Библиография основных работ по Китаю на европейских языках* (сост. Ю. В. Бунаков), 474. *Указатели к статьям сборника:* 1. Указатель собственных имен и географических названий, 506; 2. Указатель терминов в китайской транскрипции. Схематическая политическая карта Китая, 529.

16. С. А. Козин. Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. Предисл. акад. В. М. Алексеева, VI, 1940, 252, [2] с.

1941

17. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем, 1941, 306, [2] с.

18. А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка, 1941, 312 с.

1946

19. Алишер Навои. Сборник статей под ред. чл.-корр. Ак. наук УзбССР А. К. Боровкова, 1946, 236 с., фронт. (илл.), 2 л. илл.

Содержание: Предисловие, 3; А. Ю. Якубовский, Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, 5; И. Ю. Крачковский, Ранняя история повести о Меджнуне и Лейле в арабской литературе, 31; Е. Э. Бертельс, Навои и Низами, 68; А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, 92; А. Н. Болдырев, Алишер Навои в рассказах современников, 121; А. А. Семенов, Гератская художественная рукопись эпохи Навои и ее творцы, 153; А. М. Беленицкий, Историческая топография Герата XV в., 175.

20. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Пер. с персидск. А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. Предисл. А. А. Ромаскевича, т. III, 1946, 340 с.

1947

21. Памяти академика В. Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908—1948). Под. ред. И. Ю. Крачковского, 1947, 132 [2] с.

Содержание: Заседание Ассоциации арабистов. И. Ю. Крачковский, Вступительное слово, 7; А. Э. Шмидт, Памяти незабвенного учителя, 11; А. Ю. Якубовский, Виктор Романович Розен как историк, 19; И. Ю. Крачковский, Рукописное наследие Розена и его разработка за 30 лет, 45. Из посмертных материалов В. Р. Розена, Пробная лекция об Абу Нувасе и его поэзии (1872), 57; Отрывки из очерка истории арабской литературы (конец 1870-х годов), 72; Письмо акад. Я. К. Гроту (1872), 117; Научная автохарактеристика (1882), 131.

1948

22. Е. Э. Бертельс, Роман об Александре и его главные версии на Востоке, 1948, 186 [2] с.

23. Китайско-русский словарь, составленный коллективом китаистов института под ред. акад. В. М. Алексеева. Пробный макет словаря, 1948, 80 [4] с.

24. Тулси Дас, Рамаяна или Рамачаритаманаса. Море подвигов Рамы. Пер. с индийск. (хинди), коммент. и вступ. статья акад. А. П. Баранникова, 1948, 966 [3] с., 10 л. илл.

1950

25. Н. И. Конрад, Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. Пер. и исследование, 1950, 401 [3] с.

1951

26. В. М. Бескровный и В. Е. Краснодембский, Урду-русский словарь, под ред. акад. А. П. Баранникова, 1951, 843 с.

27. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.), под общ. ред. Е. М. Жукова, 1951, 790 с.

28. Н. В. Пигулевская, Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—V вв., 1951, 411 с.

29. Б. Х. Тодаева, Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология, 1951, 196 с.

30. А. А. Фрейман, Хорезмийский язык. Материалы и исследования, I, 1951, 119 с.

1952

31. К. А. Антонова, Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.), 1952, 280, [4] с., 2 л. карт.

32. А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка. I. Части речи, 1952, 231 с.

33. А. М. Дьяков, Индия во время и после второй мировой войны (1939—1949 гг.), 1952, 261 с., 1 л. карт.

34. М. С. Иванов, Очерк истории Ирана, 1952, 467 с., 1 л. карт.

35. Монгольская Народная Республика. Сборник статей, 1952, 396 [3] с., с илл., 3 портр., 1 л. карт.

Содержание: Предисловие, 3; Н. П. Шастина, История изучения Монгольской Народной Республики. (Краткий очерк), 15; А. Т. Якимов, Монгольская народно-революционная партия — организатор и вдохновитель побед монгольского народа, 56, Ф. С. Цаплин, Сельское хозяйство, 101, И. Г. Юрьев, Государственная и кооперативная промышленность, 135; Ф. С. Цаплин, Транспорт и связь, 177; Н. Т. Варгин, Торговля, 193; Н. Т. Варгин, Финансы, 220; И. Н. Устюжанинов, Культура монгольского народа, 238; Г. И. Михайлов, Современная художественная литература, 297. *Приложения,* 349.

36. Китайско-русский словарь. Под ред. И. М. Ошанина. Около 65 000 слов и выражений, XIII, [1], 1952, 890, [2] с., Доб. тит. л. на кит. яз. Ключевой указатель к китайско-русскому словарю. Под ред. И. М. Ошанина, 1952 (вышел в 1953 г.). 62, [1] с. Доб. тит. л. на кит. яз.

37. М. И. Лукьянова, Японские монополии во время второй мировой войны, 1952, 395 с.

38. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1-я; Пер. с персидск. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова, 1952, 221 с.

Содержание: Рашид-ад-дин и его исторический труд. И. П. Петрушевский, 7; Указатель собственных имен, 198; Указатель племен и народностей, 212; Указатель географических названий, 215. Кн. 2-я. Пер. с персидск. О. И. Смирновой. Прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. Ред. А. А. Семенова, 1952, 316 с.; Указатель собственных имен, 282; Указатель племен и народностей, 296; Указатель географических названий, 299.

1953

39. Л. Р. Гордон, Аграрные отношения в Северо-западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.), 1953, 210, [2] с., 2 карты.

40. С. Д. Дылыков, Демократическое движение монгольского народа в Китае. Очерк истории, 1953, 132, [4] с.

41. Очерки по истории русского востоковедения, [1], 1953, 232 с.

Содержание: Предисловие, 3; И. Ю. Крачковский, Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому, 7; И. Ю. Крачковский, Один из первых исследователей восточных элементов в «Слове о полку Игореве», 23; А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов пе-

риода XI—XIII вв., 31; Е. И. Гневушева, Путешествие П. И. Пашино по Персии и Индии, 96; Г. Д. Тягай, Труды русских исследователей как источник по новой истории Кореи, 122; В. А. Ромодин, Из истории изучения афганцев и Афганистана в России, 148; Б. М. Данциг, Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси, 185.

42. Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. 1, 1953, 240 с.

43. Г. Д. Тягай, Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг., 1953, 206 с., 1 л. карт.

44. Хинди-русский словарь. Сост. В. М. Бескровный. Под ред. акад. А. П. Баранникова. Около 35 000 слов и выражений. С прилож. грамматического очерка, сост. акад. А. П. Баранниковым, 1953, 1924 с.

1954

45. П. Т. Арутюнян, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века, 1954, 302, [2] с.

46. П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., 1954, 376, [2] с., 1 л. портр.

47. Корейская Народно-Демократическая Республика. [Под общ. ред. Н. К. Вайнцвайга и В. В. Лезина.], 1954, 445, [3] с., 2 л. карт.

Содержание: Часть первая. В. Т. Зайчиков, Географический очерк Кореи, 5; В. П. Нихамин, Г. Д. Тягай, Ф. И. Шабшина, Исторический очерк. (С древних времен до освобождения в 1945 г.), 30; Е. А. Пигулевская, Экономика Кореи под гнетом японского империализма, 128; О. П. Петрова, Корейский язык и письменность, 166. Часть вторая. Н. К. Вайнцвайг, Разгром фашистского блока и освобождение Кореи, 197; Б. В. Щетинин, Демократические преобразования в Северной Корее и образование Корейской Народно-Демократической Республики, 220; Ф. И. Шабшина, Захватническая политика США в Корее и борьба народных масс Южной Кореи за независимость (август 1945 г. — июнь 1950 г.), 258; В. В. Лезин, Борьба Советского Союза за мирное демократическое решение корейского вопроса, 306; Г. Ф. Ким, Великая освободительная война корейского народа, 397. *Приложения:* Основные даты истории Кореи, 441.

48. И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, 1954, 417 с., с илл., 1 л. схем.

49. П. П. Топеха, Антинародная политика правых лидеров японской социалистической партии (1945—1951 гг.), 1954, 242, [2] с.

1955

50. Всемирная история. В 10 томах, т. 1, 1955, М., Госполитиздат, 746 с., илл., карт. (Академия наук СССР, Институт истории, Институт востоковедения, Институт истории материальной культуры).

50а. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. I, 1955, 469 с., 1 л. портр., 25 л. илл..

50б. Н. Д. Миклухо-Маклай, Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения, [I], 1955, 104, [3] с.

51. И. П. Минаев, Дневники путешествия в Индию и Бирму 1880 и 1885—1886 гг., 1955, 251 с., с илл.

52. Г. И. Михайлов, Очерки истории современной монгольской литературы, 1955, 215 с.

1956

53. Л. О. Алькаева, Творчество Халида Зии Ушаклыгиля. К вопросу о формировании турецкой прозы конца XIX в. 1956, 144 с.

54. И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности, 1956, 496 с., илл., библиогр. с. 423—471.

55. В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индоарийских языках, 1956, 168 с., илл.

56. Всемирная история. В 10 томах, т. 2, М., Госполитиздат, 1956, 899 с., илл. и карт.

57. Вэй Цзы-чу, Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945). Пер. с 3-го кит. изд. М. А. Киселева. Отв. ред. Г. В. Астафьев, 1956, 50 с.

58. Е. М. Колпакчи, Очерки по истории японского языка, т. 1. Морфология глагола, М.—Л., 1956, 236 с.

59. А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, 571 с.

60. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. 2, М.—Л., 1956, 703 с., илл., библиогр. с. 635—641.

61. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. 3, М.—Л., 1956, 471 с., илл., библиогр. с. 409—414.

62. А. И. Левковский, Некоторые особенности разви-

тия капитализма в Индии до 1947 г., М., Госполитиздат, 1956, 420 с.

63. В. П. Леонтьев, Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг., М., 1956, 224 с.

64. Международные отношения на Дальнем Востоке (1940—1949), изд. 2, испр. и доп., М., Госполитиздат, 1956, 784 с.; библиогр. с. 747—771.

65. Р. Р. Орбели, Грузинские рукописи Института востоковедения, вып. I, М.—Л., 1956, 184 с., илл.

66. Очерки по истории русского востоковедения, сб. 2, М., 1956, 512 с.; библиогр.

Содержание: А. Л. Гальперин, Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII в. — середине XIX. (Краткий обзор), 3; В. С. Воробьев-Десятовский, Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749—1817), 36; Л. С. Гамаюнов, Из истории изучения Индии в России к вопросу о деятельности Г. С. Лебедева, 74; Г. Ф. Шамов, Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете, 118; Н. П. Шастина, Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения, 181; П. Е. Скачков, О рукописном наследии Н. Я. Бичурина (рукописи Н. Я. Бичурина, хранящиеся в Государственной ордена Ленина Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), 198; И. С. Кацнельсон, Материалы для истории египтологии в России, 207; З. И. Горбачева, Н. А. Петров, Г. Ф. Смыкалов, Б. И. Панкратов, Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900), 232; Р. Р. Орбели, Академик П. К. Коковцев и его рукописное наследство, 341; К. К. Курдоев, Хачатур Абовян как курдовед-исследователь. (К вопросу изучения истории курдов в России), 360; Б. М. Данциг, Из истории изучения Ближнего Востока в России в первой четверти XVIII в., 381; А. С. Тверитинова, Несколько слов к вопросу о первопечатании арабским шрифтом в типографии Академии наук, 415; А. С. Шофман, Г. Ф. Шамов, Восточный разряд Казанского университета. (Краткий очерк), 418; Д. И. Тихонов, Из истории Азиатского музея, 449; О. Э. Ливотова, Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР (1776—1954), 469.

67. О. П. Петрова, Описание письменных памятников корейской культуры, вып. 1, М.—Л., 1956, 82 с., 18 л. табл.

68. Н. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1956, 367 с.

69. Ю. Н. Розалиев, Очерки положения промышленного

пролетариата Турции после второй мировой войны, М., 1956, 207 с. с илл.

70. М. В. Фомичева, Очерки экономического строительства на Северо-Востоке Китая, М., 1956, 216 с., 3 л. карт.

71. Б. Ширендыб, Народная революция в Монголии и образование Монгольской Народной Республики, 1921—1924, М., 1956, 160 с.

1957

72. Аграрные преобразования в народно-демократических странах Азии. Сборник статей, М., Госполитиздат, 1957, 231 с.

Содержание. Предисловие, 3; А. И. Стадниченко, Аграрные преобразования в Китайской Народной Республике, 8; А. А. Губер, А. Г. Мазаев, Аграрные преобразования в Демократической Республике Вьетнам, 107; Н. С. Ким, Аграрные преобразования в Корейской Народно-Демократической Республике, 142; Н. Т. Варгин, Аграрные вопросы и развитие сельского хозяйства в Монгольской Народной Республике, 189.

73. Анекдоты о Ходже Насреддине. Пер. с турецк. В. А. Гордлевского, изд. 2, 1957, 275 с.

74. Арабы в борьбе за независимость. Сборник статей, М., Госполитиздат, 1957, 414 с., с илл. и карт.

Содержание: Национально-освободительное движение в арабских странах после второй мировой войны (Ватолина Л. Н.), 3; Тунис, Марокко и Алжир (Иванов Н. А.), 29; Ливия (Федоренко В. М.), 106; Египет (Ватолина Л. Н.), 134; Судан (Смирнов С. Р.), 196; Сирия (Гатауллин М. Ф.), 211; Ливан (Бондырев С. Н.), 274; Иордания (Лебедев Е. А.), 308; Саудовская Аравия (Левин З. И.). 333; Ирак (Федченко), 350.

75. Бедняк И. Я., Японская агрессия в Китае и позиция США (1937—1939), М., 1957, 174 с.

76. Е. А. Беляев, Мусульманское сектантство, М., 1957, 99 с.

77. И. П. Беляев, Американский империализм в Саудовской Аравии, М., 1957, 207 с., с карт.

78. Великий Октябрь и народы Востока. Сборник, 1957, 419 с.

Содержание: А. А. Губер, Введение, 5; А. Н. Хейфец, Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на угнетенные народы Востока, 10; Н. П. Виноградов, Влияние Великого Октября на революционное движение в Китае, 93; Минь Чань, Октябрьская революция и националь-

но-освободительная борьба вьетнамского народа, 141; Г. Ф. Ким, Великий Октябрь и национально-освободительная борьба корейского народа (1917—1945), 159; Б. Ширендыб, Октябрьская революция и образование Монгольской Народной Республики, 176; Р. Т. Ахрамович, Великая Октябрьская революция и утверждение национальной независимости Афганистана, 209; А. С. Кауфман, Октябрьская революция и национально-освободительная борьба народов Бирмы, 228; Х. Й. Кильберг, Кризис британского господства в Египте после Великой Октябрьской социалистической революции, 239; Т. Ф. Девяткина, Влияние Октябрьской революции на национально-освободительное движение в Индии (1918—1922), 265; О. И. Забозлаева, Великий Октябрь и национально-освободительная борьба индонезийского народа (1917—1927), 296; Л. Н. Котлов, Подъем освободительного движения в Ираке в 1918—1924 гг., 314; М. Н. Иванова, Влияние Октябрьской революции на развитие национально-освободительного движения в Иране (1918—1922), 331; Н. С. Луцкая, Борьба марокканского народа против испанских и французских колонизаторов (1921—1926), 358; М. Ф. Гатауллин, Подъем национально-освободительного движения в Сирии и Ливане после Октябрьской революции, 369; А. М. Шамсутдинов, Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Турции (1919—1922), 384; Г. И. Левинсон, Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на освободительное движение на Филиппинах, 408.

79. Всемирная история, т. III, М., Госполитиздат, 1957, 896 с.

80. М. Ф. Гатауллин, Аграрные отношения в Сирии, М., 1957, 134 с.

81. Ц. Дамдинсурэн, Исторические корни Гэсэриады, М., 1957, 240 с.

82. И. Я. Златкин, Очерки новой и новейшей истории Монголии, М., 1957, 300 с., 2 л. карт.

83. Ибн Хазм, Ожерелье голубки. Пер. с арабск. М. А. Салье. Под ред. И. Ю. Крачковского, М., 1957, 235 с.

84. Калила и Димна. Пер. с арабск. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. Под ред. И. Ю. Крачковского, изд. 2, М., 1957, 283 с., с илл.

85. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, 920 с., 24 л. илл., 1 л. портр.

86. К. К. Курдоев, Грамматика курдского языка (курманджи). Фонетика, морфология, М.—Л., 1957, 343 с.

87. Г. И. Левинсон, Рабочее движение на Филиппинах, М., 1957, 88 с.

88. В. В. Логунова, Жизнь и творчество Юрико Миямото, М., 1957, 138 с.

89. С. С. Майзель, Изафет в турецком языке, М.—Л., 1957, 186 с.

90. Г. И. Михайлов, Культурное строительство в МНР. Исторический очерк, М., Изд-во АН СССР, 1957, 223 с.

91. С. А. Мхитарян, Борьба вьетнамского народа за национальную независимость, демократию и мир (1945—1955 гг.), М., 1957, 198 с., 1 л. карт.

92. Народное восстание в Индии 1857—1859 гг. Сборник статей. К столетию восстания, М., 1957, 326 с.

Содержание. Предисловие, 5; И. М. Рейснер, Маркс и Энгельс о предпосылках и характере восстания 1857—1859 гг., 7; Э. Н. Комаров, Английская колониальная политика в Индии и ее социально-экономические последствия (конец XVIII—первая половина XIX в.), 33; А. М. Осипов, Крестьянство северо-западных провинций накануне восстания 1857—1859 гг., 97; К. М. Ашраф (Индия), Представители мусульманского Возрождения и события 1857 г., 121; Ю. В. Петченко, Основные очаги народного восстания в Индии (Дели. Канпур. Ауд), 146; С. Н. Сен (Индия), Рани Джанси, 205; Р. С. Мазумдар (Индия), Бесчинства в Дели в 1857 г., 215; Д. Брайн (Англия), Эрнест Джонс о народном восстании в Индии в 1857—1859 гг., 221; Л. И. Юревич, Индийское народное восстание в оценке русских современников, 229; Юй Шэн-у, Чжан Чжэнь-кунь (Китай), Взаимосвязь национально-освободительных движений в Китае и Индии в середине XIX века, 241; Б. Бхаттачария (Индия), «Восстание индиго» в Бенгалии в 1860—1861 гг., 255; Г. Г. Котовский, Аграрная политика английских колонизаторов в Индии в 60-е годы XIX века, 273; А. А. Горбовский, Реформа 1861 г. в индийской армии, 309.

92 а. Некоторые вопросы китайской грамматики. Сборник статей, М., 1957, 119, 9 с.

Содержание: А. А. Драгунов, К вопросу о классификации простых предложений современного китайского языка, 5; Н. В. Солнцева, О критериях определения подлежащего глагольного предложения в китайском языке, 23; Н. И. Тяпкина, Послелоги в современном китайском языке, 48; М. К. Румянцев, Некоторые экспериментальные данные по интонации предложений в современном китайском языке, 89.

93. Очерки новейшей истории Японии, М., 1957, 366 с.

94. Л. С. Пучковский, Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. 1. История. Право, М.—Л., 1957, 276 с., 7 л. илл.

95. Современный Иран. Справочник, М., 1957, 718 с., 2 л. карт.

96. Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шастиной, М.—Л., 1957, 198 с.

97. Т. А. Шумовский, Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да-Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР. (Подлинник, перевод, исследование и комментарии). Предисл. Д. А. Ольдерогге, М.—Л., 1957, 195 с., 1 л. карт.; библиогр. с. 190—194.

1958

98. В. И. Авдиев, Советская наука о Древнем Востоке за 40 лет, М., 1958, 104 с.

99. Аграрные отношения в странах Востока, М., 1958, 626 с.

Содержание: Предисловие, 3; Г. Г. Котовский, Индия, 7; Л. Р. Гордон-Полонская, Пакистан, 134; Н. И. Лазарев, Бирма, 228; Ю. А. Сотников, Индонезия, 285; В. С. Руднев, Малайя, 352; Г. И. Левинсон, Филиппины, 371; О. С. Сороко, Г. Ф. Ким, Южная Корея, 398; М. Ф. Гатауллин, Объединенная Арабская Республика. Сирийский район, 444; Г. М. Петров, Иран, 484; А. М. Валуйский, Б. М. Данциг, П. П. Моисеев, Турция, 518; Л. Н. Ватолина, Объединенная Арабская Республика. Египетский район, 568.

100. К. А. Антонова, Английское завоевание Индии, М., 1958, 326 с.

101. М. Р. Арунова и К. З. Ашрафян, Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30—40-х годов XVIII века, М., 1958, 284 с., указ., библиогр.

102. Африка южнее Сахары. Вопросы экономики и истории, М., 1958, 270 с.

Содержание: Предисловие, 3; В. М. Мартынов, Промышленность Бельгийского Конго после второй мировой войны, 9; В. Н. Беляков, Промышленность Нигерии после второй мировой войны, 83; Н. И. Гаврилов, Промышленность Французской Западной Африки после второй мировой войны, 129; Н. В. Пыхтунов, Промышленность Французской Экваториальной Африки после второй мировой войны, 170; Л. Н. Прибытковский, О положений в Сьерра-Леоне,

224. *Приложения:* 1. Документы Конгресса народов Южной Африки, 249. 2. Закон № 56—619 от 23 июня 1956 г., уполномочивающий правительство Франции провести реформы и принять меры к обеспечению развития территорий, находящихся в ведении министерства по делам заморских территорий Франции, 256. 3. Закон № 57—27 от 10 января 1957 г. о создании «Общей организации районов Сахары», 264.

103. Бирманский Союз. [Сборник статей], М., 1958, 298 с., 20 л. илл. и карт.

Содержание: От редакции, 3; У Ну, Предисловие, 5; До Тин Чи, Бирманский Союз (географический и этнографический очерк), 7; Тин Аун, Истоки бирманской культуры, 27; У Лу Пе Уин, Архитектурные памятники Пагана, 35; У Тин Фат, Краткий очерк современной бирманской литературы, 42; У Тан, Государственное и административное устройство Бирмы, 55; В. Ф. Васильев, Путь к независимости, 62; А. Н. Узянов, Бирма на пути упрочения независимости, 113; Н. И. Лазарев, Аграрное законодательство и земельная реформа в независимой Бирме, 165; А. С. Кауфман, Восстановление и развитие промышленности Бирманского Союза, 213; А. Ф. Жабриев, Внешняя торговля Бирманского Союза, 241; Г. А. Мартышева, К вопросу о роли государственного сектора в развитии экономики Бирмы, 273.

104. В. А. Власов, Закабаление мелких предприятий Японии монополистическим капиталом (1929—1937 гг.), М., 1958, 116 с.

105. Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. Пер. акад. Б. Я. Владимирцова. Изд. 2, М., 1958, 159 с.

106. Всемирная история, В 10 т., М., Соцэкгиз, 1958, т. 4, 824 с.; библиограф. с. 758—781, 24 л. илл., 41 л. карт.

107. Всемирная история, В 10 т., М., Соцэкгиз, 1958, т. 5, 782 с., 23 л. илл., 19 л. карт.

108. Всемирная история. В 10 т., М., Соцэкгиз, 1958, т. 7, 846 с.

109. Ю. В. Ганковский, Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы. М., 1958, 174 с.

110. Г. Ф. Гирс, Современная художественная проза на пушту в Афганистане, М., 1958, 183 с.

111. А. Б. Давидсон, Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации. 1888—1897, М., 1958, 184 с., 1 л. карт., библиогр.

112. Ю. П. Дементьев, Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае. 1844—1862, М., 1958, 202 с., карт.

113. А. И. Динкевич, Военные финансы Японии, 1937—1945 годы. М., 1958, 116 с.

114. Ереванци Симеон, Джамбр. Памятная книга. Зерцало и сборник всех обстоятельств святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей, М., 1958, 400 с.

115. П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии (XVI—середина XIX), М., 1958, 248 с.

116. Г. Ф. Ильин, Древний индийский город Таксила, М., 1958, 83 с., илл., 1 л. карт., 1 л. план.

117. Индия. Очерки экономической истории, М., 1958, 123 с.
Содержание: А. И. Чичеров, Некоторые данные о ремесленном производстве и торговых связях в районах Восточной и Южной Индии в XVII в., 3; С. А. Кузьмин, Система землевладения и земельно-налоговая политика английской колониальной администрации в Синде во второй половине XIX в., 26; Л. И. Рейснер, Роль мануфактуры в развитии некоторых отраслей фабричной промышленности Соединенных провинций Индии в конце XIX и в первой четверти XX в., 72; Г. К. Широков, Формы заработной платы на чайных плантациях Ассама и Бенгалии в колониальной Индии, 95.

118. И. С. Казакевич, Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны, М., 1958, 127 с.

119. Кёгэн. Японский средневековый фарс, Пер. и вст. статья В. В. Логуновой, М., 1958, 191 с.

120. В. И. Киселев, Путь Судана к независимости, М., 1958, 192 с.

121. А. Н. Кононов, «Родословная туркмен». Сочинения Абу-л-Гази хана Хивинского, М.—Л., 1958, 192 с., 92 с. араб. паг.; библиогр., 181.

122. Корея. История и экономика, М., 1958, 236 с., 1 л. карт.
Содержание: Г. Д. Тягай, Экспансия капиталистических держав в Корее и освободительная борьба корейского народа в конце XIX века, 3; М. Хан, Освободительная борьба корейского народа в годы японского протектората (1905—1910), 33; С. А. Хан, Участие корейских трудящихся в гражданской войне на русском Дальнем Востоке (1919—1922), 52; В. И. Шипаев, Колонизаторская политика японского империализма в Корее в области промышленности и сельского хозяйства (1920—1931), 66; Ф. И. Шабшина, Корея в период войны на Тихом океане (1941—1945), 98; Г. В. Грязнов, Восстановление и развитие промышленности КНДР в послевоенный период (1953—1956), 139; Н. М. Шубников, О социалистическом переустройстве сельского хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики, 173; В. Н. По-

19 Заказ 540

пов, Развитие народного образования в Северной Корее (1945—1956), 188; О. С. Сороко, Экономическое положение в Южной Корее, 208.

123. Л. Н. Котлов, Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке, М., 1958, 215 с.

124. И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, 526 с. 1 л., илл., 11 л. портр.

125. М. Крус, Филиппины в борьбе за свободу, М., 1958, 92 с.

126. Литературы Индии. Сборник статей, М., 1958, 260 с.

Содержание. Предисловие, 3; Е. Челышев, Сурьякант Трипатхи Нирала и его вклад в современную поэзию хинди, 11; В. Балин, Премчанд и его романы «Обитель любви» и «Воздаяние», 70; С. Потабенко, К истории развития сценической драматургии и театра хиндустани, 105; С. Потабенко, Джайшанкар Прасад (1889—1937), 137; Д. Гольдман, Исторический роман В. Вармы «Мриганаяни», 149; И. Рабинович, Роман Кришана Чандара «Пятьдесят две карты», 159; И. Смирнова, Краткий очерк развития тамильской литературы (до конца XIX в.), 196; В. Новикова, Прозаики современной Бенгалии, 235; К. Антонова, Два исследования о могольской поэзии, 249.

127. Н. С. Луцкая, Марокко вновь обретает независимость, М., 1958, 104 с.

128. В. А. Масленников, Экономический строй Китайской Народной Республики, М., 1958, 392 с.

129. Е. М. Мелетинский, Герои волшебной сказки. Происхождение образа, М., 1958, 264 с. (Акад. наук СССР. Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького, Ин-т востоковедения).

130. Усама ибн Мункыз, Книга назидания. Пер. М. А. Салье. (Под ред. и с примеч. И. Ю. Крачковского. Вступ. статьи И. Ю. Крачковского и Е. А. Беляева), изд. 2, М., 1958, 327 с., библиогр. 321.

131. Б. И. Искандаров, Из истории Бухарского эмирата. (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века), М., 1958, 131 с. *Приложение:* Библиогр. в подстроч. примеч.

132. Г. И. Левинсон, Филиппины между первой и второй мировыми войнами, М., 1958, 288 с., с карт.

133. В. М. Мазуров, Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931—1940), М., 1958, 103 с.

134. Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака, М., 1958, 594 с. (Сборник, посвященный Бал Гангадхару Тилаку. 1856—1956).

Содержание. Предисловие, 5; Н. М. Гольдберг, Бал Гангадхар Тилак — вождь демократического крыла национального движения в Махараштре, 7; Г. Котовский, Аграрные отношения в Махараштре в последней трети XIX—начале XX века, 89; В. И. Павлов, Экономические изменения в городах Махараштры второй половины XIX в., 160; Э. Н. Комаров, Из истории национально-освободительного движения и общественной мысли в Бенгалии в конце XIX—начале XX в., 198; А. И. Левковский, Начало массового общеиндийского движения (движения Свадеши), 295; А. И. Левковский, Рабочее движение и дальнейшее нарастание освободительной борьбы в Индии 1905—1908 гг., 381; Л. А. Гордон, Экономическое положение рабочего класса Бомбея накануне забастовки 1908 г., 431; А. И. Чичеров, Процесс Б. Г. Тилака в июле 1908 г. и бомбейская забастовка, 496; И. М. Рейснер, Общественно-политическая деятельность Тилака в годы революционного подъема в Индии (1905—1908), 562.

135. Независимая Индия. 10 лет независимости. 1947—1957. Сборник статей, М., 1958, 199 с.

Содержание. Предисловие, 3; И. М. Рейснер, Основные моменты освободительной борьбы народов Индии от начала английского завоевания до 1947 г., 5; Р. А. Ульяновский, Индия в борьбе за экономическую независимость, 15; Т. Ф. Девяткина, А. М. Дьяков, Создание штатов по лингвистическому принципу и ликвидация княжеств, 80; А. А. Куценков, Советско-индийские экономические отношения, 101; Л. С. Гамаюнов, Н. М. Гольдберг, Советско-индийские культурные связи, 112; Т. М. Ершов, Индийская республика — важный фактор мира, 138; Е. П. Челышев, Литература народов Индии и борьба за независимость, 155.

136. Независимый Афганистан. 40 лет независимости. Сборник статей, М., 1958, 270 с.

Содержание. Предисловие, 3; Л. Б. Теплинский, Советско-афганские отношения за сорок лет существования независимого Афганистана, 5; Ю. М. Головин, Пятилетний план и перспективы развития экономики Афганистана, 39; Н. И. Смирнов, Важный этап независимого развития Афганистана. (К характеристике внешней и внутренней политики правительства Мухаммеда Надир-шаха), 1929—1933 гг., 78; В. К. Васильев, Миролюбие — основа внешней политики Афганистана, 95; Т. И. Кухтина, Развитие просвещения в независимом Афганистане, 104; А. С. Герасимова, Патриотические мотивы в поэтическом творчестве Абдурраауфа Бе-

нава, 115: Н. А. Дворянков, «Избранные стихи» Гуль-Пача Ульфата, 132; Г. Ф. Гирс, Отражение свободолюбивых традиций афганского народа в произведениях советской художественной литературы, 141; М. Р. Арунова, Гератское восстание 1716—1732 гг., 153; Ю. В. Ганковский, Независимое афганское государство Ахмадшаха Дуррани и его преемников (1747—1819), 164; Н. А. Халфин, Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX века, 180; М. А. Бабоходжаев, Английская агрессивная политика в Афганистане и борьба афганского народа за независимость в 70-е годы XIX века, 219; Л. Р. Гордон-Полонская, Война Афганистана за независимость и участие в ней пограничных пуштунских племен (1919—1921 гг.), 245.

137. А. С. Орлова, Африканские народы. Очерки культуры, хозяйства и быта, М., 1958, 100 с., с илл. (АН СССР, Ин-т востоковедения, Ин-т этнографии).

138. Очерки новой истории Японии (1640—1917). Перед загл.: И. Я. Бедняк, А. Л. Гальперин и др., М., 1958, 597 с., 9 л. карт., библиогр., 535.

139. В. И. Павлов, Формирование индийской буржуазии, М., 1958, 319 с.

140. Персидские сказки. Пер. Р. Алиева, А. Бертельса и Н. Османова, М., 1958, 512 с., 8 л. илл.

141. Песни индийского народа о восстании 1857—1859 гг., М., 1958, 90 с.

142. Ю. А. Петросян, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958, 157 с.

143. В. А. Попов, Крестьянское движение в Японии после второй мировой войны, М., 1958, 39 с.

144. Последние колонии в Азии, М., 1958, 179 с., с карт. и илл.

Содержание: Г. Л. Бондаревский, Введение, 3; Л. Н. Котлов и З. И. Левин, Английские владения в Аравии, 12; К. А. Антонова и С. Л. Кузьмин, Португальские колонии в Индии, 60; О. И. Забозлаева, Западный Ириан, 97; Р. В. Вяткин, Аомынь (Макао), 126; Р. В. Вяткин, Гонконг, 132; В. С. Руднев, Сингапур, 148; А. П. Муранова, Британское Борнео, 167; Г. Л. Бондаревский, Заключение, 175.

145. В. Г. Растянников и С. А. Кузьмин, Проблемы экономики Пакистана, М., 1958, 216 с.

146. С. К. Рощин, Социалистический уклад в экономике Монгольской Народной Республики, М., 1958, 159 с.

147. Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов, М., 1958, 454 с., с илл. (Главное архивное управление, Центр. гос. архив древних актов СССР, Ин-т востоковедения).

148. Н. И. Семенова, Государство сикхов. Очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX в., М., 1958, 176 с., с карт.

149. Сказки и легенды Южного Сулавеси. Пер. с индонезийского А. С. Теселкина, М., 1958, 101 с.

150. Современная Сирия, М., 1958, 326 с., с карт., илл.

151. Современная Турция, М., 1958, 291 с., с карт.

152. Современный Таиланд, М., 1958, 188 с., илл., 1 л. карт.

153. Стихи поэтов Африки, М., 1958, 172 с.

154. Таха Хусейн, Дни. Пер. с араб. И. Ю. Крачковского, М., 1958, 233 с.

155. И. А. Стучевский, Восточные корни мифа о Христе, М., 1958, 63 с.

156. А. Ф. Султанов, Положение египетского крестьянства перед земельной реформой 1952 г., М., 1958, 82 с.

157. Э. Д. Талмуд, Современный Цейлон, М., 1958, 84 с., 1 л. карт.

158. Турецкий сборник. История, экономика, литература, язык, М., 1958, 208 с.

Содержание: Б. М. Данциг, Изучение истории, экономики и географии Турции в СССР, 3; А. М. Шамсутдинов, Планы раздела султанской Турции и использование ее в вооруженной интервенции Антанты против Советской России (1918—1919 гг.), 32; А. М. Валуйский, Восстания в Восточной Анатолии накануне младотурецкой революции. (По материалам московских архивов), 48; П. П. Моисеев, О новых явлениях в сельском хозяйстве Турции. (Развитие капитализма в земледелии), 66; Ю. Н. Розалиев, Низшие формы капитализма в промышленности Турции (на примере текстильного производства), 87; Е. И. Уразова, Государственные налоги в Турции, 109; Л. О. Алькаева, Стамбул в турецкой художественной литературе, 139; Х. Кямилев, Намык Кемаль. (Из истории турецкой драматургии), 156; К. М. Любимов, О двух функциях залоговых аффиксов в турецком языке, 169; А. А. Кямилева, Стилистические функции лексики в произведениях турецкого писателя Сабахаттина Али, 180.

159. Г. Д. Тягай, Народное движение в Корее во второй половине XIX в., М., 1958, 77 с.

160. Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова, М., 1958, 348 с.

Содержание: Н. П. Шастина, Борис Яковлевич Владимирцов (1884—1931), 3; Список научных трудов академика Б. Я. Владимирцова, 8; Г. Д. Санжеев, Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков, 12; Г. И. Михайлов, Литературоведческие концепции Б. Я. Владимирцова, 41; Г. Н. Румянцев, Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов, 59; З. В. Шевернина, Аналитические глагольные формы в современном монгольском языке, 82; М. Н. Орловская, Употребление причастий в «Сокровенном сказании» монголов, 101; К. С. Ивченков, Субъектно-объектные отношения в монгольском понудительном обороте, 126; Ц. Б. Цыдендамбаев, Изобразительные слова в бурятском языке, 136; А. А. Дарбеева, О субстантивном употреблении имен прилагательных в бурятском языке, 152; Э. Р. Рыгдылон, О монгольском термине «Онгу-Богол», 166; Т. А. Бертагаев, Об этимологии слов «Бургуджин», «Баргут» и «Тукум», 173; А. Н. Кононов, К этимологии слова Обул 'сын', 175; В. А. Аврорин, Основные закономерности сочетания согласных в нанайском языке, 177; Н. О. Шаракшинова, К вопросу о пережитках матриархата в героическом эпосе бурят, 190; В. Л. Котвич, Джангариада и Джангарчи, 196; А. П. Окладников, Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье, 200; А. П. Окладников, «Ихэ-бурхан» на Халхин-Голе. (Из полевых заметок археолога), 214; К. В. Вяткина, Кентейская руническая надпись, 217; Е. П. Лебедева, К вопросу о родовом составе монголов, 219; С. Д. Дылыков, Эджен-Хоро, 228. *Приложение*, 235; Н. П. Шастина, Письма Лубсан-Тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в., 275; И. Я. Златкин, Русские архивные материалы об Амурсане, 289; Л. П. Потапов, К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья, 314; В. А. Богословский, К вопросу о некоторых терминах в тибетских документах VII—IX вв., 323; Ю. Н. Рерих, Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв., 333.

161. Ф. И. Шабшина, Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953 гг.), М., Госполитиздат, 1958, 307 с., с карт.

162. Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, М., 1958, 176 с., илл.

163. М. Эгрето, Алжирская нация существует, М., 1958, 189 с.

164. Юго-Восточная Азия. Очерки экономики и истории, М., 1958, 174 с.

Содержание: А. Г. Мазаев, Землевладение и землепользование в колониальном Вьетнаме, 3; А. П. Муранова, Ростовщический капитал — орудие колониальной эксплуатации крестьянства в Бирме в 20—30 годах XX века, 32; Е. С. Троицкий, К вопросу о развитии государственного капитализма на Филиппинах, 66; Ю. П. Дементьев, Захват Камбоджи Францией, 113; В. Ф. Мордвинов, Из истории французской агрессивной политики в Северном Вьетнаме (1872—1874 гг.), 132; Е. П. Заказникова, Профсоюзное движение в Индонезии в 1918—1926 гг., 148.

165. Д. И. Юсупов, Творческий путь Омара Фахури, М., 1958, 26 с.

III. Совместно с другими учреждениями

(См. также № 62, 64, 72, 74, 79, 106, 107, 108, 129, 137, 161)

а. Государственный Эрмитаж

1. Л. Т. Гюзальян и М. М. Дьяконов, Рукописи Шах-намэ в ленинградских собраниях, 1934, XXIV, 128 с. (Институт востоковедения АН СССР и Государственный Эрмитаж).

2. Фердоуси. 934—1934, 1934, 228 с. (Институт востоковедения АН СССР и Государственный Эрмитаж).

Содержание: Предисловие, III; И. Орбели, Шах-намэ, 1; А. А. Ромаскевич, Очерки истории изучения Шах-намэ, 13; А. Ю. Якубовский, Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере газневидского государства, 51; Е. Э. Бертельс, Фердоуси и его творчество, 97; К. И. Чайкин, Асади старший и Асади младший, 119; А. Н. Самойлович, Иранский героический эпос в литературах народов Средней Азии, 161; К. В. Тревер, Сасанидский Иран в Шах-намэ, 177; М. Л. Лозинский, Переводы из Шах-намэ, 197.

б. Таджикистанская база Академии наук СССР

3. Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР, 1934, 129 с. (Институт востоковедения и Таджикистанская база АН СССР). Памяти академика Сергея Федоровича Ольденбурга, директора Института востоковедения и председателя Таджикистанской базы АН СССР.

Содержание. Предисловие, 5; А. А. Фрейман, Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. (Предварительное сообщение), 7; И. А. Васильев, Согдийский замок на горе Муг. (Предварительный отчет), 18; А. А. Фрейман, Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных Таджикистанской базой АН СССР, 33; В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, Древнейший арабский документ из Средней Азии, 52.

4. Таджикско-русский словарь. Под ред. проф. Е. Э. Бертельса. Буква «К», Сталинабад—Ленинград, 1939, 40 с.

в. Институт истории Академии наук СССР

5. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и коммент. под ред. акад. И. Ю. Крачковского, 1939, 193 с., 33 табл. (Институт востоковедения и Институт истории АН СССР).

г. Институт истории и литературы Таджикского филиала

6. Таджикско-русский словарь. Под общ. ред. акад. Е. Н. Павловского, чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. Т. 1, А—Н, 1946, [12], 340 с.

д. Институт языка и литературы Академии наук УзбССР

7. Алишер Навои, Возлюбленный сердец. Сводный текст подгот. А. Н. Кононов, 1948, 8, 178 [1] с. Текст на узбекск. яз.

е. Институт экономики Академии наук СССР

8. С. М. Мельман, Экономика Индии и политика английского империализма, 1951, 270 с. (Институт экономики и Институт востоковедения АН СССР).

ж. Бурят-монгольский научно-исследовательский институт культуры

9. Доржи Банзаров, Собрание сочинений. Отв. ред. Г. Д. Санжеев. Подгот. к печати и примеч. Г. Н. Румянцева, 1955, 375 с.

10. К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. (Материалы научных сессий и статьи), Улан-Удэ, 1955, 216 [2] с.

Содержание: Предисловие, [3]; Материалы научной сессии, проведенной в Институте востоковедения АН СССР 7 марта 1955 г. Вступительное слово директора Института востоковедения АН СССР А. А. Губера, 7; Г. Д. Санжеев, Жизнь и деятельность Доржи Банзарова, 9; П. И. Хадалов, К вопросу о мировоззрении Доржи Банзарова, 24; Г. И. Михайлов, Вопросы филологии в трудах Д. Банзарова, 35; Н. П. Шастина, Эпиграфика в работах Доржи Банзарова, 47; Выступление профессора Б. К. Пашкова, 60; Заключительное слово А. А. Губера, 62; Материалы научной сессии, проведенной в Бурят-Монгольском научно-исследовательском институте культуры 25—26 марта 1955 г. Вступительное слово директора БМ НИИК П. И. Хадалова, 65; П. Т. Хаптаев, Первый бурятский ученый Доржи Банзаров, 68; А. С. Шофман, Г. Ф. Шамов, Роль Казанского университета в формировании мировоззрения Доржи Банзарова, 80; Г. Н. Румянцев, О «Черной вере или шаманстве у монголов» Доржи Банзарова, 99; Ф. А. Кудрявцев, К вопросу об исторических взглядах Доржи Банзарова, 128; Ц. Б. Цыдендамбаев, Об этимологических изысканиях Доржи Банзарова, 136; А. И. Уланов, Образ Доржи Банзарова в художественной литературе, 153; Ш. М. Еналеев, Из истории Казанского университета, 164; Выступление Н. П. Шастиной, 175; Заключительное слово П. И. Хадалова, 178; Статьи и материалы о жизни и деятельности Доржи Банзарова; А. С. Шофман, Доржи Банзаров в первой Казанской гимназии, 181; Г. Ф. Шамов, К пребыванию Доржи Банзарова в Казани, 201; З. Тагаров, Некоторые новые материалы о Д. Банзарове, 207; Б. К. Пашков, Доржи Банзаров как маньчжуровед, 209.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив востоковедов ЛО ИВ АН	— Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР
ВДИ	— «Вестник древней истории», М.
ДВ	— «Древности восточные»
ГИАЛО	— Государственный исторический архив Ленинградской области
ЖМНП	— «Журнал министерства народного просвещения», СПб.
«Записки ИАН»	— «Записки Императорской академии наук в Санкт-Петербурге»
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения Российского археологического общества», СПб.
ЗКВ	— «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», Л.
Изв. АН	— «Известия Академии наук СССР»
ИМУ	— Императорский Московский университет
ИРАО	— «Известия Российского археологического общества», СПб.
КГУ	— Казанский государственный университет
ОЛРС	— Общество любителей российской словесности
ЦГА ТАССР	— Центральный государственный архив Татарской АССР
ЦГИАЛ	— Центральный Государственный исторический архив Ленинграда

ASAE	— «Annales du service des antiquités de l'Egypte». Le Caire.
CGC	— «Catalogue générale des antiquités Egyptienne du Musée du Caire».
Erman, Äg. Gr.	— A. Erman, *Äguptische Grammatik*, Berlin, ed. 3—1911; ed. 4—1928; Porta linguarum orientalium 15.
Gardiner, Eg. Gr.	— A. H. Gardiner, *Egyptian grammar*, Oxford, ed. 1—1927; ed. 2—1950; ed. 3—1957.
JEA	— «The Journal of Egyptian archaeology», London.
MIFAO	— «Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire».
PSBA	— «Proceedings of the Society of Biblical archaeology, London.
RT	— «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes», Paris.
Urk. I	— K Sethe, *Urkundendes Olten Reichs*, Bd 1, Hf. 1—4. Leipzig, 1903—1904 («Urkunden des ägyptischen Altertums», Abt. 1).
Wb.	— A. Erman — H. Grapow, *Wörterbuch der aegyptischen Sprache*, Leipzig, 1926—1931 (1955).
ZÄS	— Zeitschrift für ägyptischen Sprache und Altertumskunde, Leipzig.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

20 Заказ 540

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник III

Утверждено к печати
Институтом народов Азии Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Н. Н. Ермолаева* Технический редактор *А. К. Красная*
Художественный редактор *И. Р. Бескин* Корректора *М. К. Киселева* и *Е. А. Мамикоиян*

*

Сдано в набор 25/II 1960 г. Подписано к печати 15/VII 1960 г.
А-06274 Формат 60×92¹/₁₆ Печ. л. 19,69 с 3 вкл. Усл. п. л. 19,69 Уч.-изд. л. 19,35
Тираж 1300 экз. Зак. 540. Цена 13 р.; с 1/I 1961 г. цена 1 р. 30 к.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

*

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

13 руб.
с 1/I 1961 г. цена 1 р. 30 к.